

СОБРАНИЕ СОМНЕННЫХ

5

КАРД МАЙ

Карл Май (1842-1912), последний великий мистик немецкой литературы, до сегодняшнего дня остается у себя на родине в Германии одним из наиболее читаемых авторов. Все свои произведения он написал сидя дома, но вот уже несколько десятков поколений читателей не оставляют равнодушными вышедшие из-под его талантливой пера образы гордых, бесстрашных индейцев, так неотразимо сыгранных Гойко Митичем в экранизациях романов К. Мая.

В Собрание сочинений включены не только известные романы писателя, но и произведения, впервые переведенные на русский язык. Среди них и роман «восточного цикла», вошедший в пятый том – «Из Багдада в Стамбул».

- [Карл Май](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
-

Карл Май
Из Багдада в Стамбул

Глава 1

СРЕДИ РАЗБОЙНИКОВ

К югу от великих пустынь Сирии и Месопотамии лежит, окруженный Персидским заливом и Красным морем, Аравийский полуостров, далеко выдающийся в беспокойное арабско-индийское море. С трех сторон эти земли обведены тонким, но исключительно «плодотворным» пояском побережья, переходящим в пустынные плоскогорья, которые прерываются местами непроходимыми скальными скоплениями, особенно в районе безжизненных гор Шаммара.

В древности земли эти именовались Аравия Петреа, Аравия Десерта и Аравия Феликс – то есть Каменная, Пустынная и Счастливая Аравия. Когда некоторые географы утверждают, что слово «петреа» восходит к греко-латинскому корню, означающему «камень», «скала», и потому именуют эту часть Аравии «каменной», они основываются на ложных положениях; скорее всего, это имя восходит к древней Петре, бывшей столицей северной провинции страны. Араб называет свою родину Джебзират-ул-Араби – Арабский Остров, Арабистан. А сегодня местные жители используют свои собственные названия – и каждое племя называет ее по-своему.

Над этой страной всегда яркое голубое небо, с которого ночью светят чистые большие звезды; через горные ущелья и не исследованные до сих пор песчаные плоскогорья скачут полудикие сыны пустыни на сильных и красивых лошадях или неутомимых верблюдах. Они видят и слышат все, ибо со всем миром они пребывают в вечном споре, только со своими соплеменниками поддерживают мир.

От одной границы до другой веет здесь ароматный, иногда приправленный дымком ветер вечной поэзии, встречающий любого странника, отважившегося пуститься в столь долгий путь. Так уж случилось, что с древних времен рождалось в этих краях множество поэтов, чьи песни передавались изустно и с помощью грифеля были сохранены для грядущих поколений. Родоначальником настоящих арабов считают Иоктана, сына Евера, потомки которого населяли огромные пространства до Персидского залива. Теперь многие племена почитают за счастье вести свой род от Исмаила.

Этот Исмаил пришел когда-то в Мекку со своим отцом Ибрахимом и возвел там священную Каабу. Среди верующих особенно почитаются сейчас колодец Земзем и упавший с неба черный камень. Сюда странствовали многие арабские племена, чтобы возвести здесь своих племенных богов и идолов и приносить им жертвы и дары. Поэтому Мекка стала для арабов тем же, чем Дельфы для греков и Иерусалим для иудеев, – это место сбора рассеянных по огромным территориям кочевников, которые затерялись бы в неведомых землях, не будь этой точки отсчета.

Поскольку Мекка была в распоряжении корайшитов, это племя и оставалось долгое время самым влиятельным в Аравии и вследствие этого самым богатым: ни один пилигрим из дальних земель не приходил сюда без какого-нибудь, пусть маленького, но подарка.

Один бедный человек из этого племени по имени Абдаллах (Раб Бога) умер в 570 году нашей эры, а через несколько месяцев, 20 апреля 571 года, выпавшего на понедельник, его вдова Амина родила мальчика, названного позже Мухаммедом. Вероятно, у мальчика раньше было другое имя.

Мальчику достались в наследство от отца лишь два верблюда, пять овец и абиссинская рабыня, потому как он попал под опеку своего дедушки Абдаль-Мутталиба, а после его смерти – двух дядьев – Зухайра и Абу Талиба. Но эти люди не могли о нем позаботиться, и он сам зарабатывал на хлеб, пася овец. Позднее он стал погонщиком верблюдов и носителем луков и колчанов – вот когда, наверное, и сформировался его воинственный дух.

В 25-летнем возрасте он попал в услужение к богатой купеческой вдове Хадидже и работал у нее с таким старанием и самоотверженностью, что она сделала его своим возлюбленным и взяла в мужья. Но богатство жены ему не пригодилось. Ибо торговцем и кузнецом он был только до 40-го года жизни. Он стал много путешествовать вместе с иудеями и христианами, брахманами и огнепоклонниками, старательно изучая их религии. Он страдал от эпилепсии, а вследствие этого – от расстройства нервной системы, что приводило к частым галлюцинациям. Его религиозные мечтания не очень увязывались с этой болезнью. И вскоре он удалился в пещеру, расположенную неподалеку от Мекки, на горе Хаира. Здесь его посетили первые видения.

Круг верующих, образовавшийся возле него, состоял поначалу из его жены Хадиджи, его раба Саиба, двух мекканцев, Османа и Абу Бекра, и молодого пастушка Али, получившего позже имя Асадулла – Лев Бога – и ставшего несчастливейшим из героев ислама.

Этот Али родился в 602 году и был настолько близок Мухаммеду, что получил в невесты его дочь Фатиму. Когда пророк впервые ознакомил членов своей семьи со своим новым учением и спросил их: «Кто хочет принять новую веру?», все промолчали, только юный Али, в восторге от мощной поэзии только что прозвучавшего учения, закричал громко: «Я хочу, веди меня!» Этого Мухаммед никогда не забывал.

Это был мужественный, удалый боец, и он много помог распространению ислама. Но после неожиданной смерти Мухаммеда, не оставившего насчет Али никакого распоряжения, звезда его закатилась, и халифом избрали Абу Бекра, тестя Мухаммеда. В 634 году второй тесть пророка, Омар, наследовал ему, а потом снова Осман, зять Мухаммеда. А его в 656 году убил сын Абу Бекра. Али обвинили в организации этого убийства, и, когда его стали выдвигать от его группировки на выборах, большинство верующих его проигнорировали. Много лет боролся он за создание халифата и был убит в 660 году Абдуррахманом. Похоронили его в Куфе, и там стоит ему памятник. С этого времени идет трещина, разделившая мусульман на два противоборствующих лагеря – суннитов и шиитов. Эта трещина образовалась менее всего из-за идейных разногласий в исламском учении, а скорее, по вопросу наследования власти. Сторонники шиитов считают, что не Осман, Абу Бекр и Омар, а Али должен был взять власть как первый представитель пророка на земле. А дальнейшие их идейные расхождения в вопросах о быте, судьбе, вечности и так далее – не более чем мелочи в политической баталии.

Али оставил двух сыновей, Хасана и Хусейна. Первый был избран шиитами халифом, в то время как почитатели сунны провозгласили Муавию – основателя династии Омейядов. Он перенес резиденцию в Дамаск, сделал халифат наследственным институтом и еще при жизни назначил вместо себя своего сына Язида, зарекомендовавшего себя таким злодеем, что даже сами сунниты проклинали его в ужасе. Хасан не смог одолеть Муавию и принял яд в Медине в 670 году. Его брат Хусейн противился, как мог признанию Язида. Он останется навсегда героем одного из трагических эпизодов в истории ислама. Халиф Муавия держал руку на всех провинциях, и его наместники изо всех сил ему помогали. Так, например, наместник в Басре под страхом смерти запретил жителям показываться на улицах после захода солнца. Вечером после обнаружения этого приказа более двухсот человек были обнаружены за дверьми своих домов и немедленно обезглавлены; на следующий день число их оказалось меньше, а на третий день никто уже не показывался. Самым жестоким в этой плеяде был Хаджадж, наместник в Куфе, – его тирания стоила жизни 120 тысячам человек.

Еще пуще Муавии отличился его сын Язид. К тому времени Хусейн оказался в Мекке, где его нашли гонцы из Куфы и упростили поехать с ними. И он, на свою беду, отозвался на их призыв. С сотней приверженцев он отправился в Куфу, но город был уже занят врагами. Он занялся бесплодными переговорами. Продовольствие все вышло; вода испарилась от жаркого

солнца; кони пали; глаза его спутников остекленели в преддверии близкой смерти. Напрасно призывал он Аллаха и пророков помочь ему и спасти людей. Ибо конец был уже предreshен. Убайдулла, военачальник Язида, напал на него у Кербелы, убил всех его людей, а его велел казнить: отрубил голову и, надев на копье, забрал с собой как военный трофей.

Это произошло 10 мухаррама – у шиитов это до сих пор день траура. От Борнео до Персии мусульмане чтят память Хусейна. А в Кербеле в этот день происходит драматическое представление, восстанавливающее в деталях события того трагического времени.

Такое небольшое историческое введение необходимо нам для того, чтобы лучше понять дальнейшее повествование.

У Заба мы приняли решение ехать вдоль реки к ширбанским, а затем к зибарским курдам. Вплоть до ширбани мы получали рекомендации бея Гумри и Мелека в Лизане, потом же надеялись на новую поддержку. Ширбани приняли нас гостеприимно, а вот зибари проявили отнюдь не дружественные чувства; но мне позже удалось заручиться их поддержкой.

Мы благополучно добрались до реки Акры, но тут натолкнулись на такое, мягко говоря, нерасположение местных горных племен, что дальше на юг двигались уже не так беззаботно, как раньше. Мы перебрались через Заб восточнее Чара-Сурта, оставили слева Пир-Хасан, не удостоив своим присутствием тамошних курдов, пошли вдоль Джебель-Пир-Мама на юго-восток, потом по дуге завернули направо, чтобы где-то между Диялой и Малым Забом выйти к Тигру. Мы надеялись, что нас дружественно примут арабы джабур и дадут надежные ориентиры для дальнейшего продвижения. Но узнали, к нашему великому разочарованию, что они объединились с обеидами и бени-лам, чтобы все племена в междуречье Тигра и Тартара почувствовали острия их копий. Шаммары дружили с обеидами, вернее, с одной из фирка (групп), шейхом которой был Эсла эльМахем, но этот человек мог легко изменить свои привязанности, а о других фирка Мохаммед Эмин знал, что они враждебно относятся к хаддединам.

Так, после долгих мытарств и подчас опасных стычек мы, наконец, достигли северных отрогов Загросских гор.

Опустился вечер, и мы расположились лагерем на опушке чинарового леса. Над нами расстилался небосвод, такой красивый и чистый, как нигде в мире. Мы находились рядом с персидской границей, а воздух Персии считается непревзойденным по прозрачности и аромату. Звезды светили так ярко, что я, хотя луны не было, мог разглядеть стрелки своих часов на расстоянии трех шагов! Даже писать можно было при таком свете.

Чистота небосвода оказывала, наверное, воздействие на сознание, и я догадался, почему Персия стала родиной астрологии, этой незаконной дочери точной науки, открывающей нам светлые дали небес.

Расположение нашего лагеря вполне позволяло переночевать без сложностей под открытым небом. Днем нам удалось купить в одной хижине ягненка, и теперь мы разожгли огонь, чтобы поджарить мясо прямо в шкуре, а потом, уже поджаренное, разрезать на куски.

Наши лошади паслись поодаль. В последние дни они сильно переутомились, а отдохнуть возможности до сих пор не было. Что касается нас, то мы расслабились, за исключением одного человека. Это был сэр Дэвид, подхвативший местную хворь.

Несколько дней назад у него началась лихорадка и держалась 24 часа. Потом снова пропала, но проявился еще один жуткий «подарочек» Востока – по-латыни звучащий как «фебрис алеппенсис», а по-французски – «маль д'Алеппо», или «алеппская шишка». Эта разновидность чумы, поражающая также кошек и собак, начинается с кратковременной лихорадки, после чего на лице, груди и ногах появляются нарывы, источающие жидкость. Они

держатся целый год и оставляют после себя глубокие шрамы. Встречается эта болезнь, несмотря на свое итальянское название, и в Антиохии, и в Мосуле, и в Диярбакыре, и в Багдаде, а также в некоторых областях Персии.

Мне уже доводилось встречаться с этим недугом, но не в таких жутких масштабах, как у нашего мистера Линдсея. Мало того, что его распирали темно-красные опухоли, они превратили его нос, его бедный нос, в некое странное, огромных размеров и неимоверной раскраски образование на лице. Наш англичанин переносил это унижение отнюдь не с терпением и покорностью, которые ему приписывала его принадлежность к very great and excellent nation^[1], а постоянно комично выражал свой гнев и недовольство, что вызывало смех и одновременно сострадание всех.

И сейчас он сидел у огня и ощупывал обеими руками необъятный гнойник.

– Мистер! – обратился он ко мне. – Взгляните!

– Куда?

– Гм. Глупый вопрос! На мою физиономию, естественно. Yes. Вырос?

– Кто? Что?

– Дьявол... Да опухоль. Намного?

– Да уж. Напоминает огурец.

– All devils!^[2] Просто кошмар какой-то. Yes!

– Наверное, через какое-то время станет похожа на Fowling Bull, сэр!

– Я сейчас отвешу вам пощечину, мистер! Если бы у вас была такая дуля на носу...

– А больно?

– Нет.

– Я и гляжу, что-то вы бодро выглядите.

– Бодро? Zounds!^[3] Как я могу выглядеть бодро, если эти люди думают, что у меня не нос, а табакерка. Сколько еще мне носить эту дулю?

– Не менее года, сэр.

Он округлил глаза, и в них выразился такой ужас, а рот открылся в таком немом крике, что мне стало его искренне жалко.

– Год? Целый год? Целых двенадцать месяцев?

– Около того.

– О! Ах! Horrible!^[4] Просто кошмар. А средства никакого нет? Пластыря? Мази? Удалить как-то?

– Нет, ничем не поможешь.

– Любая болезнь лечится.

– А эта – нет, сэр. Этот вид чумы не так опасен, но, если начать вмешиваться, пытаться разрезать, может стать хуже.

– Гм. А когда пройдет, что-то останется?

– По-разному бывает. Чем больше нарыв, тем глубже остается отверстие.

– My sky!^[5] Отверстие?

– Увы.

– Ну что за ужасные края! Чертова страна! Если бы я сейчас был в доброй старой Англии... Well!

– Наберитесь терпения, сэр!

– Для чего?

– Ну что бы сказали в доброй старой Англии, покажись там сейчас сэр Дэвид Линдсей с двумя носами сразу.

– Да, пожалуй, вы правы, мистер. Уличные мальчишки не дали бы мне прохода! Так и быть, останусь пока здесь и...

– Сиди, – прервал его Халеф. – Не оборачивайся!

Я сидел спиной к лесу и тут же подумал, что маленький хаджи заметил что-то подозрительное.

– Что ты там узрел? – спросил я его.

– Пару глаз. Прямо сзади тебя стоят две чинары, а между ними куст дикой груши. Там-то и прячется человек, чьи глаза я заметил.

– Ты его еще видишь?

– Подожди!

Он так же беззаботно оглядел кустарники, а я тем временем проинструктировал остальных, чтобы вели себя так, как будто ничего не происходит.

– Вот он.

Я поднялся и сделал вид, будто ищу сухой валежник для костра. При этом отошел от лагеря на такое расстояние, чтобы меня не было видно. Потом я вошел в лес и стал пробираться между деревьями. Не прошло и пяти минут, как я очутился возле двух чинар и еще раз убедился, насколько остры глаза у Халефа. Между деревьями сидело на корточках некое существо человеческого вида, наблюдавшее за нашим лагерем.

Откуда оно взялось? Мы находились в местности, где ни одной деревни не было в радиусе многих миль. Правда, мелкие племена курдов враждовали между собой, и могло так статься, что какое-то персидское пастушье племя пересекло границу, чтобы заняться разбоем. Такого здесь сколько хочешь.

Нужно было быть осторожным. Я незаметно подобрался к человеку сзади и взял его за шею. Он так испугался, что застыл как в ступоре, совершенно не сопротивляясь, когда я вел его к костру. Там я положил его лицом вниз и потянулся к кинжалу.

– Не двигайся, человек, иначе я тебя проткну! – пригрозил я.

Я не собирался приводить свою угрозу в действие, однако чужак воспринял ее всерьез и умоляюще сложил руки:

– Господин, пощади!

– Это зависит от тебя. Если солжешь мне, пеняй на себя. Кто ты?

– Я турок из племени беджат.

Турок? Здесь? Судя по его одежде, он сказал правду. Я знал, что раньше турки жили на пространствах между Тигром и персидской границей, и он вполне мог быть из племени беджат. Пустыня и горы Тапеспи были ареной их деяний. Но когда Надир-шах захватил Багдад, он перетащил беджат в Хорасан. Он назвал эту провинцию из-за ее положения и значения «Мечом Персии» и приложил все усилия, чтобы населить ее мужественными, воинственными жителями.

– Беджат? – спросил я. – Ты лжешь.

– Я говорю правду, господин.

– Беджат живут не здесь, а в далеком Хорасане.

– Ты прав, но после того как однажды они вынуждены были покинуть эту область, некоторые вернулись, а их потомки так расплодились, что насчитывают более тысячи воинов. У нас летняя стоянка в районе развалин КизельКараты и на берегах реки Куру-Чай.

Мне приходилось об этом слышать.

– А сейчас вы располагаетесь где-то поблизости?

– Да, господин.

– А сколько у вас палаток?

– У нас нет палаток.

И это мне было известно. Когда племя нomaдов оставляет лагерь, не забирая с собой палаток, это означает грядущий военный поход или грабительский набег.

Я задал еще вопросы:

– Сколько у вас мужчин на сегодня?

– Двести.

– А женщин?

– Среди нас их нет.

– Где ваш лагерь?

– Недалеко отсюда. Если обойти вон тот край леса, как раз придешь к нам.

– Вы заметили наш костер?

– Да, мы его увидели, и хан послал меня узнать, что за люди там.

– А куда вы направляетесь?

– На юг. Мы идем в область Зинна.

– Это же персидская территория!

– Да. У наших друзей там праздник, и мы приглашены.

Такая ситуация мне тоже уже встречалась. У этих беджат действительно резиденция на берегах Куру-Чая и у развалин Кизель-Караты, то есть вблизи Кифри; но этот город лежит далеко на юго-запад от нашего сегодняшнего лагеря, в то время как Зинна лежит в том же направлении, на треть этого расстояния ближе. Зачем беджат понадобилось делать такой крюк, а не идти прямо из Кифри в Зинну?

– Что вы здесь, на севере, делаете? – спросил я. – Зачем вдвое удлинители свой путь?

– Затем, чтобы не проходить по землям паши Сулеймании, он ведь наш враг.

– Но ведь и это его земля!

– Здесь он никогда не бывает. Он знает, что мы идем, и надеется обнаружить нас на юг от своей резиденции.

Это звучало вполне убедительно, хотя полного доверия к его словам я не испытывал. Я сказал себе, что встреча беджат нам на руку. Под их защитой мы можем добраться беспрепятственно до Зинны, а уж там нам нечего опасаться.

Турок прервал мои мысли вопросом:

– Господин, ты меня отпустишь? Я ведь вам ничего плохого не сделал!

– Ты делал лишь то, что тебе приказывали. Свободен. Он облегченно вздохнул.

– Благодарю тебя, господин. Куда направлены головы твоих лошадей?

– На юг.

– Вы идете с севера?

– Да, мы идем из земель курдов тиджари, бервари и халдани.

– Тогда вы мужественные люди. А к какому племени вы принадлежите?

– Этот мужчина и я – эмиры из Франкистана, а остальные – наши друзья.

– Из Франкистана! Господин, может, пойдём вместе?

– А твой хан подаст мне руку дружбы?

– Конечно. Мы знаем, что франки великие воины. Я могу пойти и известить его о вас?

– Иди и спроси у него, примет ли он нас.

Он поднялся и убежал. Мои спутники выразили свое согласие с моим решением, а особенно Мохаммед Эмин.

– Эфенди, – сказал он, – я много слышал о беджат. Они живут в постоянных стычках с джабурами, обейдами и бени-лам и потому могут быть нам полезными. И, тем не менее, нам лучше не говорить, что мы хаддедины, пусть они остаются в неведении.

– Во всяком случае, нужно сохранять осторожность, ибо мы еще не знаем намерения хана.

Подведите коней поближе и приготовьте оружие, надо быть готовыми ко всему!

Беджат советовались очень долго, поскольку, покуда они дали хоть один знак о себе, наш ягненок полностью зажарился и был разрезан. Наконец мы услышали шаги. Уже знакомый нам турок привел с собой троих товарищей.

– Господин, – заявил он, – хан послал меня к тебе. Ты приглашен к нам. Добро пожаловать.

– Так веди нас!

Мы вскочили на лошадей и последовали за ними, держа ружья наизготовку. Проехав край леса, мы так и не заметили никакого лагеря, но вот позади густых зарослей показалась обнесенная изгородью площадка, посреди которой горел большой костер. Надо признать – место было выбрано с умом.

Огонь служил не для обогрева, а для приготовления пищи. Двести темных фигур лежали поодаль в траве, а в некотором отдалении от них сидел и сам хан, который при нашем приближении медленно поднялся. Мы подскакали прямо к нему, и я спрыгнул на землю.

– Мир тебе! – приветствовал я его.

– И я приветствую вас! – Он слегка поклонился нам.

Он говорил по-персидски. Наверное, хотел этим доказать, что он действительно беджат, главное племя которого живет в Хорасане. Перс – француз Востока. Его язык гибок и благозвучен, поэтому-то и принят при дворах многих азиатских правителей. Но льстивая, раболепная сущность характера персов не оказывала на меня заметного действия, прямая честность арабов мне больше импонировала.

Остальные тоже спешили, и десятки рук потянулись с готовностью, чтобы принять наших лошадей.

Но мы не выпускали поводья из рук, ибо не знали, чем кончится эта встреча.

– Отдай им лошадей, они позаботятся о них, – сказал хан. Но мне нужны были гарантии безопасности. Поэтому я спросил по-персидски:

– Ты обещаешь, что ничего не произойдет? Он кивнул и поднял руку.

– Обещаю. Садитесь, и давайте поговорим.

Беджат забрали лошадей, только мой жеребец остался у Халефа, который лучше других знал мои вкусы и настроение. Мы подсели к хану. Пламя ровно освещало всех нас. Хан был мужчина средних лет, воинственной наружности. Но лицо у него было открытым и выразительным, а то расстояние, на котором держались его подчиненные, говорило о почтении и уважении к нему.

– Знаешь ли ты мое имя? – поинтересовался он.

– Нет, – признался я.

– Я – Хайдар Мирлам, племянник знаменитого Хасана Керкуш-бея. Слышал о нем?

– Да. Он жил вблизи деревни Дженка, на почтовой дороге из Багдада в Таук. Он был храбрый воин, но мир любил больше, чем войну, и любой беженец мог найти у него убежище.

Хан назвал мне свое имя, и этикет не позволял мне скрывать свое. Поэтому я произнес:

– Твой разведчик уже сообщил тебе, что я из франков. Меня зовут Кара бен Немей...

Прославленная восточная сдержанность не помогла ему сдержать возглас удивления:

– А! Ох! Кара бен Немей! А тогда мужчина с красным носом – эмир из Инглистана, который охотился за письменами и камнями?

– Ты о нем слышал?

– Да, господин. Ты мне назвал только имя, а я уже знаю все о тебе и о нем. Ведь маленький человек, который держит под уздцы твою лошадь, – хаджи Халеф Омар, перед которым трепещут даже рослые мужчины?

– Ты угадал.

– А кто два других?

– Это мои друзья, они спрятали свои имена в Коран, то есть хотят остаться неизвестными.

Кто тебе про нас рассказал?

– Ты знаешь такого Зедара бен Ули, шейха племени абу-хаммед?

– Да. Он твой друг?

– Он мне не друг и не враг. Тебе не надо беспокоиться, я его на тебя не натравлю.

– А я и не боюсь.

– Я верю тебе. Я встретил его в Кифри, и он поведал мне, что ты виновен в том, что он должен платить дань.

Будь осторожен, господин! Он хочет тебя убить, если ты попадешь к нему в лапы.

– Я уже был у него в руках, но он меня не убил; я был пленным, но он не смог меня удержать.

– Я слышал об этом. Ты убил льва – в одиночку и в абсолютной тьме – и с его шкурой ускакал. Да и мне тебя, верно, не удержать, будь ты моим пленником...

Это прозвучало подозрительно, но я спокойно ответил:

– Ты бы не смог меня удержать, да и не представляю, как бы ты меня захватил в плен.

– Господин, нас двести, а вас всего пятеро!

– Хан, не забывай, что два эмира из Франкистана стоят двух сотен беджат!

– Ты слишком горд!

– А ты не вполне гостеприимен. Могу ли я верить всем твоим словам, Хайдар Мирлам?

– Вы мои гости. Хотя я и не знаю имен этих двух людей, можете разделить со мной хлеб и мясо.

Многозначительная ухмылка тронула его губы, а взгляд, брошенный на обоих хаддединов, многое мне сказал. Мохаммеда Эмина по его окладистой посеребренной бороде несложно было узнать...

По знаку хана принесли несколько четырехугольных кожаных скатерок. На них нам подали хлеб, мясо и фиги, а когда мы насытились, предложили табак для трубок, и сам хан поднес огонька. Только сейчас мы могли считаться его гостями, и я дал знак Халефу отвести моего жеребца к остальному табуну. Он выполнил это поручение и занял место рядом с нами.

– Какова же цель ваших странствий? – поинтересовался хан.

– Мы скачем в Багдад, – отвечал я осторожно.

– А мы движемся в Зинну, – заметил он. – Хотите ехать с нами?

– А ты позволишь?

– Я буду рад видеть вас рядом с собой. Поехали, и дай мне твою руку, Кара бен Немей! Мои братья станут твоими братьями, а мои враги – твоими.

Он протянул мне руку, и я пожал ее. Он проделал то же самое со всеми, кто был со мной, и люди искренне радовались тому, что нашли столь неожиданно друга и защитника в лице хана. Позже нам пришлось раскаяться в этих чувствах. Нет, беджат не замышлял зла против нас, однако знакомство с нами собирался использовать в своих корыстных целях.

– Какие племена встретятся нам по дороге в Зинну? – поинтересовался я.

– Здесь ничейная земля, то одно, то другое племя пасет здесь стада, тот, кто сильнее, остается.

– А к какому племени приглашены вы?

– К джиаф.

– Тогда радуйся, ибо джиаф – самые сильные во всей стране. Шейхи Исмаилии, Зенчене, Кала-Чалана, Келхора и Холлани опасаются его.

– Эмир, а ты когда-нибудь уже бывал здесь?

– Нет.

– И, несмотря на это, ты осведомлен обо всех племенах этой области!

– Не забывай, что я франк!

– Да, франки все знают, даже то, что сами не видели. Ты и о племени биббе слышал?

– Да. Это самое богатое племя во всей округе, а деревни и палатки у него в окрестностях

Сулеймании.

– Ты хорошо информирован. А у тебя есть враги или друзья среди них?

– Нет, мне еще не доводилось встречаться ни с одним биббе.

– Думаю, вы с ними познакомитесь.

– А вы их встретите?

– Вполне возможно, хотя мы бы с удовольствием избежали встречи.

– Ты хорошо знаешь дорогу на Зинну?

– Да, знаю.

– Далеко это?

– Тот, у кого есть хорошая лошадь, доберется туда за три дня.

– А до Сулеймании далеко?

– Двух дней будет достаточно.

– Когда вы утром снимаетесь?

– С рассветом. Хочешь идти отдыхать?

– Как у вас принято.

– Воля гостя закон в лагере, а вы уже устали, я вижу, ведь вы отложили трубки. И даже Амасдар, человек с нарывом, смежает глаза. Я желаю вам доброй ночи.

– У биббат хорошие обычаи. Разреши нам расстелить свои покрывала.

– Воля ваша, делайте, что хотите.

По его знаку ему принесли коврики, из которых он сам соорудил себе ложе. Мои спутники тоже удобно устроились. Я же пропустил лассо через седло моего коня, конец лассо привязал к руке и улегся за пределами лагеря. Таким образом, мой вороной мог попасться, а я был спокоен, тем более что меня сторожила еще и моя собака.

Прошло какое-то время.

Я еще не успел смежить глаза, как почувствовал, что ко мне кто-то подходит. Это был англичанин со своими обоими покрывалами. Он улегся рядом.

– Хорошенькое знакомство, однако, – произнес он. – Сиди тут, не понимая ни слова! То ли переведут, то ли нет. А потом как обухом по голове огорошат чем-нибудь. Нет уж, спасибо.

– Простите, я о вас совсем забыл!

– Забыть меня! Или вы совсем ослепли, или я такой маленький?

– Да уж, вас сложно сейчас не заметить, особенно с таким маяком на физиономии. Итак, что вам угодно знать?

– Все! Все, кроме упоминаний о маяке, мистер! Что вы обсуждали с этим, как его, шейхом или ханом?

– Я все ему объяснил.

– Well. Это подходит нам?

– Да, три дня чувствовать себя в безопасности – это что-то да значит.

– Вы сказали – в Багдад? В самом деле, мистер?

– Это было бы самым лучшим вариантом, но, наверное, номер не пройдет.

– Почему же?

– Нам нужно возвращаться к хаддединам, потому как ваши слуги еще там, а потом мне трудно расстаться с Халефом. По меньшей мере, я оставлю его не раньше, чем он окажется

подле своей белой молодой женщины.

– Правильно! Yes. Храбрый парень. Потянет на десяток тысяч фунтов. Well! Но нам с ним не по пути.

– Почему?

– Из-за Fowling Bulls.

– О, древности можно найти и у Багдада, например, в развалинах Хиллы. Там стоял Вавилон, и сохранилось множество руин на площади в несколько миль, хотя Вавилон не такой большой, как Ниневия.

– О! Скакать в Хиллу?

– Пока об этом речи нет. Главное пока – достичь Тигра. Остальное приложится.

– Отлично. Мы выступаем? Good night!

– Доброй ночи.

Добряк Линдсей не подозревал, что мы окажемся в тех местах, но при совершенно иных обстоятельствах. Он замотался в свое покрывало и вскоре громко захрапел. Заснул и я, заметив, правда, как четверо из беджат подошли к лошадям и ускакали в ночь.

Когда я проснулся, день уже занялся и часть турок занимались своими лошадьми. Халеф, тоже уже на ногах, видел, как и я, что четверо уехали ночью, и не преминул сообщить мне об этом. Затем он спросил:

– Сиди, зачем они отослали посыльных, если так честно повели себя с нами?

– Я не думаю, что эти четверо что-то замыслили против нас. Мы и так в его власти, чтобы ему что-то придумывать еще. Не бери в голову, Халеф!

Я рассудил, что всадники из-за того, что местность опасна для передвижения, выслали вперед разведчиков, и оказался прав, как понял позже из разговора с Хайдаром Мирламом.

После весьма скудного завтрака, состоявшего из одних лишь фиг, мы тронулись в путь. Хан разделил своих людей на несколько отрядов, следовавших друг за другом на удалении четверти часа. Это был умный, осмотрительный человек, который по-настоящему заботился о безопасности своих людей. Мы скакали без отдыха до полудня. Когда солнце оказалось в зените, мы остановились, чтобы дать отдых лошадям. Во время скачки мы ни разу не встретили людей, а на деревьях, кустарниках и даже на земле находили особые значки, указывавшие нужное направление.

Это направление представляло для меня загадку.

Зинна находилась на юго-востоке от нашего вчерашнего места отдыха, но мы скакали почти прямо на юг.

– Ты ведь едешь к джиаф? – напомнил я хану.

– Да.

– Это странствующее племя находится сейчас в районе Зинны?

– Да.

– Но если мы и дальше так поедem, мы не придем в Зинну, а окажемся в Бане или даже в Нвейзгие?

– Ты хотел бы ехать без приключений?

– Само собой!

– Мы тоже. Именно поэтому было решено обойти вражеские племена. Сегодня до вечера нам еще придется быстро скакать, потом можно сбавить темп, а утром посмотрим, свободна ли дорога на восток.

Такое объяснение меня не очень-то удовлетворило, но мне нечего было возразить, и я промолчал. После двухчасового отдыха мы вновь тронулись в путь. Мы скакали действительно весьма споро, и я заметил, что передвигаемся мы зигзагами: имелось несколько населенных

пунктов, которые наши разведчики старательно пытались избежать.

К вечеру мы подошли к ложбине, которую предстояло пересечь. Я находился рядом с ханом в первом отряде. Мы уже почти проехали это место, когда вдруг натолкнулись на всадника, и его растерянный вид свидетельствовал о том, что он не ожидал встретить здесь чужаков. Он отвел лошадь в сторону, опустил длинное копьё и приветствовал нас:

– Салам!

– Салам! – ответил хан. – Куда лежит твой путь?

– В лес. Я хочу добыть горную овцу.

– К какому племени ты относишься?

– Я беббе.

– Вы оседлые или странствуете?

– Зимой мы оседаем на месте, а летом уводим стада на пастбища.

– Где ты живешь зимой?

– В Нвейзгие, на юго-востоке отсюда. За час можно добраться. Мои спутники встретят вас с миром.

– Сколько у вас мужчин?

– Сорок, а при других стадах еще больше.

– Дай мне твое копьё.

– Зачем? – озадаченно спросил всадник.

– И твое ружье.

– Зачем?

– И твой нож. Ты мой пленник!

– Машалла!

Этот крик был выражением ужаса. Но в тот же момент он проявил себя с неожиданной стороны – вскочил на лошадь, обхватил ее за шею и рванулся в сторону.

– Поймай меня! – услышали мы крик удаляющегося всадника.

Хан вскинул на руку ружье и прицелился в бегущего. Я едва успел толкнуть его в бок, как грянул выстрел. Понятно, пуля не достигла цели. Хан замахнулся на меня кулаком, но тут же взял себя в руки.

– Хьянгар! Предатель! Что ты сделал?! – гневно вскричал он.

– Я не предатель, – спокойно ответил я. – Просто не хочу, чтобы ты брал на себя чужую кровь.

– Он должен был умереть! Если он ускользнет, мы все за это заплатим.

– А ты бы сохранил ему жизнь, если бы я его доставил тебе?

– Да, но тебе его уже не поймать.

– Тогда наберись терпения.

Я поскакал за беглецом. Он уже скрылся из глаз, но, миновав ущелье, я его заметил. Передо мной расстилалась *поросшая белыми крокусами и дикими гвоздиками* равнина, по ту сторону виднелась темная полоска леса. Нельзя было дать ему добраться до леса – в этом случае он потерял бы.

– Вперед! – крикнул я своему ворононому, положив руку ему между ушей.

Доброе животное давно уже не скакало в полную силу, и по моему особому знаку конь радостно взвился над землей, как будто отдыхал неделю. Через две минуты я был всего в двух корпусах от беббе.

– Стой! – крикнул я ему.

Этот человек обладал завидным мужеством. Вместо того чтобы спастись, он развернул лошадь ко мне мордой. В следующее мгновение мы неминуемо сшиблись бы. Я видел, как он

поднял копьё и ухватился за легкое древко. И тут он буквально на дюйм отодвинул лошадь в сторону. Мы проскочили друг друга; острие его копья было нацелено мне в грудь; я парировал его удар и развернул коня. Тут он выбрал новое направление для бегства. Почему же он не применил ружье? Да и лошадь у него была прекрасная, она бы позволила стрелять прямо с седла. Я снял с луки лассо, намотал конец на руку и сделал скользящую петлю из крепкого ремня. Он обернулся и заметил, что я приближаюсь. Он наверняка не знал, что такое лассо, и какое это опасное оружие в умелых руках. Копью он больше не доверял, а взялся за свое длинноствольное ружье – уж пулю-то мне отбить не удастся. Я прикинул на глазок расстояние и в нужный момент бросил ремень. Едва успев поставить коня боком, я почувствовал мощный рывок, за ним – крик. Беббе лежал на земле со стянутыми руками. Мгновение спустя я стоял над ним.

– Ну, удалось тебе убежать?

Мой вопрос при сложившихся обстоятельствах прозвучал как насмешка. Он безуспешно попытался высвободить руки и гневно прошипел:

– Бандиты!

– Ты заблуждаешься, я не разбойник, но ты поедешь со мной!

– Куда?

– К хану беджат, от которого ты убежал.

– Беджат? Значит, люди, от которых я пытался скрыться, относятся к этому племени? А как зовут хана?

– Хайдар Мирлам.

– О, теперь я все понял. Аллах покарает вас за воровство и мошенничество!

– Не бранись понапрасну, я обещаю тебе именем Аллаха, что ничего не случится.

– Я в твоих руках и подчиняюсь тебе.

Я забрал у него из-за пояса нож, подобрал с земли копьё и ружье, попадавшие, когда он слетел с лошади. Потом развязал ремень и сел на лошадь. Он и не помышлял бежать, сев на лошадь, и заявил:

– Я верю твоему слову. Поехали!

Мы поскакали бок о бок назад и на выезде из низины встретили беджат, которые нас там поджидали. Когда Хайдар Мирлам увидел пленника, его мрачное лицо прояснилось:

– Господин, ты действительно его поймал!

– Как и обещал. Но дал слово, что с ним ничего не произойдет. Вот его оружие.

– Позже ему все вернут, а пока свяжите его, чтобы он снова не убежал!

Приказ был тут же выполнен. Тут как раз подошел второй наш отряд, и пленника передали им с наказом охранять и хорошо обращаться.

Поход возобновился.

– Как тебе удалось его поймать? – спросил хан.

– Я поймал его, – коротко ответил я, – потому как был огорчен поведением хана.

– Господин, ты сердисься, – сказал он, – но ты еще узнаешь, почему я так поступил.

– Надеюсь!

– Этот мужчина не должен распространять известие о том, что беджат поблизости.

– А когда ты его отпустишь?

– Когда это будет для нас безопасным.

– Не забудь, что это моя добыча. И я должен сдержать данное ему слово.

– А что бы ты сделал, поступи я иначе?

– Я бы тебя просто...

– ...убил? – прервал он меня.

– Нет. Я ведь франк, а значит, христианин: я убиваю человека лишь в том случае, если он угрожает моей жизни. Нет, я бы не убил тебя, я бы прострелил тебе руку, которой ты скрепил свое обещание дружбы. И эмир беджат оказался бы, как ребенок, не в состоянии держать даже кинжала, или как старая женщина, к голосу которой никто уже не прислушивается.

– Господин, если бы это мне сказал кто-то другой, я бы посмеялся. Но тебе я доверяю безгранично.

– Да, это мы бы сделали! Среди нас нет ни одного, кто боялся бы твоих воинов.

– И Мохаммед Эмин? – спросил он смеясь.

Я понял, что моя тайна раскрыта, но не подал вида и ответил:

– И он тоже.

– И Амад эль-Гандур, его сын?

– А ты от кого-нибудь слышал, что он трус?

– Никогда. Господин, если бы вы не были мужчинами, я бы ни за что не принял вас к себе, поскольку мы ходим дорогами, полными опасностей. И я хочу, чтобы мы их благополучно миновали.

Приближался вечер, и, прежде чем стало совсем темно, мы подошли к ручью, выбегавшему на равнину из лабиринта скал. Там уже обосновались четверо беджат, выехавшие раньше нас. Хан спешил к ним, они долго о чем-то шептались. Что это были за секреты, важные лишь для них одних? Наконец он отпустил их. Один из них прошел вперед, в скальный лабиринт. Мы повели лошадей под уздцы по ущелью и, наконец, вышли к округлому пространству, которое как ничто годилось для лагеря из 200 человек и их лошадей.

– Мы остаемся здесь? – спросил я.

– Да, – отвечал Хайдар Мирлам.

– Но не все.

– Только сорок человек. Остальные заночуют по соседству.

Такой ответ меня удовлетворил; меня лишь удивило, что, несмотря на столь безопасное место лагеря, не разводили огонь. Это заметили и мои спутники.

– Милое местечко! – сказал Линдсей. – Как арена. Не так ли?

– Похоже.

– Но довольно влажное место. Почему бы не разжечь костер?

– Сам не знаю. Наверное, рядом курды.

– Ну и что? Нас никто не увидит. Не нравится мне все это.

Он бросил подозрительный взгляд на хана, который, специально отойдя подальше от нас, разговаривал со своими людьми. Я подсел к Мохаммеду Эмину, только и ждавшему этого момента, чтобы задать мне вопрос:

– Эмир, сколько мы еще пробудем с этими беджат?

– Сколько тебе захочется.

– Если ты не возражаешь, мы завтра их покинем.

– Почему именно завтра?

– Человек, который скрывает правду, не может быть надежным другом.

– Ты считаешь, что хан – лжец?

– Нет, почему... Но я считаю, что он не все говорит, что думает.

– Он узнал тебя.

– Я знаю, я понял это по его глазам.

– И не только тебя, но и Амада эль-Гандура.

– Это несложно, ибо мой сын похож на отца.

– Это тебя озаботило?

– Нет. Мы ведь гости беджат, они нас не предадут. Но зачем они держат этого бекбе?

– Чтобы он не выдал нашего местонахождения.

– А какая здесь опасность, эмир? Чего бояться двум сотням хорошо вооруженных всадников, у которых нет при себе никакой обузы в виде женщин, повозок с детьми и больными, ни стад, ни палаток?.. В какой области мы сейчас находимся, эфенди?

– Мы в области бекбе.

– А он хотел к джиаф? Я заметил, что мы все время скачем после обеда. Почему он разделил людей на два лагеря? Эмир, у этого Хайдара Мирлама два языка, хотя он хочет казаться честным. Если мы утром от него отколемся, куда мы двинемся?

– Горы Загрос окажутся у нас слева. Столица района Бане совсем близко, я так полагаю. Если идти дальше, можно добраться до Ахмадабада, Биджи, Сурина и Байендере. За Ахмадабадом начинается дорога, точнее, тропа, которая через ущелья и долины ведет к Киззельзи, там холмы Гирзе и Серсира окажутся справа, равно как и голые вершины Курри-Казхафа; если удастся, выйдем на две реки – Бистан и Кала-Чолан, которые соединяются с Киззельзи и текут в озеро Кюпри. И тогда мы будем в полной безопасности. Это самый удобный путь.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я, будучи в Багдаде, беседовал с одним курдом-бияба, который так хорошо описал мне эту местность, что я сам смог подготовить карту. Я тогда не предполагал, что она мне пригодится, но на всякий случай все же перерисовал в свою записную книжку.

– И ты думаешь, будет самым надежным выбрать именно этот путь?

– Я зарисовал и другие места, горы и реки, но считаю, что этот путь – лучший. Мы могли бы, конечно, проехать в Сулейманию или в Зинну через Мик и Довеизу. Но вот уж не знаю, как нас там примут.

– Так что остается по-старому? Мы отрываемся завтра от беджат и идем через горы к озеру Кюпри? Карта не подведет?

– Нет, если меня не подвел сам бульбасси.

– Ну ладно, давай спать. Пусть беджат делают, что им угодно.

Мы напоили лошадей в ручье и побеспокоились о корме. Тем временем все улеглись, а я пошел к хану.

– Хайдар Мирлам, а где остальные беджат?

– Поблизости. А что ты спрашиваешь?

– С ними пленный бекбе, я хочу его видеть.

– Зачем он тебе?

– Это мое дело, ведь он мой пленник.

– Он не твой, а мой пленник, ведь ты передал его мне.

– Не будем об этом спорить, я просто хочу посмотреть, как он там.

– Ему там хорошо. Если Хайдар Мирлам говорит, значит, так оно и есть. Не тревожься о нем, господин, садись-ка ко мне поближе и давай перекурим.

Я послушался его, чтобы не навлекать подозрений, но вскоре снова покинул его и улегся спать. «Почему мне не дали взглянуть на бекбе? Обращаться с ним должны хорошо, – думал я, – ведь его охраняло слово хана». Но что-то было не так, чего я не мог уловить даже своим обостренным чутьем. Я решил утром пораньше, пусть даже с риском для жизни, освободить бекбе и потом уехать. С этим и заснул.

Когда с раннего утра до позднего вечера качаешься в седле, усталость становится привычным делом. Это как раз мой случай. Я спал крепко и ни за что бы не проснулся вовремя, если бы не рычание моего пса. Когда я раскрыл глаза, было еще темно, и все же я узнал

человека, стоявшего справа от меня.

Я потянулся к ножу.

– Кто ты?

При этих словах проснулись и мои спутники и схватились за оружие.

– Разве ты не узнаешь меня, господин? – прозвучало в ответ. – Я один из беджат.

– Чего ты хочешь?

– Господин, помоги нам! Беббе бежал!

Я сразу же вскочил на ноги, за мной – остальные.

– Беббе? Когда?

– Я не знаю. Мы спали.

– Как же так! Сто шестьдесят человек охраняли, а он сбежал!

– Их давно уже нет здесь.

– Этих ста шестидесяти нет?!

– Они вернутся, господин.

– А где они?

– Я не знаю.

– Где же хан?

– Его тоже нет.

Я схватил мужчину за грудки.

– Эй, что вы против нас задумали, подонок? Это для вас плохо кончится!

– Отпусти меня, господин! Как мы можем сделать тебе и твоим людям дурное? Ведь ты наш гость!

– Халеф, проверь, сколько беджат еще здесь.

Было так темно, что площадка едва просматривалась. Маленький хаджи поднялся, чтобы исполнить мое поручение.

– Здесь еще четверо, – тут же заявил беджат, – еще один стоит снаружи у входа на страже.

В другом лагере пленного охраняли десять человек.

– Как он убежал? Пешком?

– Нет. Он прихватил лошадь и что-то из оружия.

– Это неопровержимо свидетельствует, что вы умные и осторожные охранники. А зачем вы ко мне пришли?

– Господин, верни его!

В другой ситуации я бы рассмеялся. Более наивной просьбы и быть не могло. Я пропустил эту просьбу мимо ушей и расспрашивал дальше:

– И вы не знаете, где сейчас хан с остальными?

– Мы действительно этого не знаем.

– Но у него были причины уехать?

– Наверное.

– Какие же?

– Господин, мы не можем тебе их назвать.

– Хорошо. Посмотрим, кто сейчас командир – хан или я...

Халеф прервал меня, доложив, что действительно видны четверо беджат.

– Они стоят вверху вон там и слушают нас, сиди!

– Пусть себе стоят. Скажи мне, хаджи Халеф Омар, твои пистолеты заряжены?

– А ты видел их когда-нибудь разряженными, сиди?

– Вытащи их и, если этот человек не ответит мне на вопрос, заданный в последний раз, влепи ему пулю в голову. Понял?

– Не беспокойся, сиди, тогда он получит две пули вместо одной!

Я в последний раз спросил беджат:

– Куда уехал хан?

На этот раз ответ не заставил себя ждать:

– Чтобы напасть на беббе.

– На беббе? Значит, он мне солгал. Он сказал, что собирался навестить джиаф.

– Господин, хан Хайдар Мирлам никогда не говорит неправду. Он действительно собирается к джиаф, если ему удастся его затея.

Теперь я догадался, почему он спрашивал меня, друг ли я или враг для беббе. Он хотел, предоставив свою защиту, сохранить мое расположение.

– Вы живете с беббе в стычках? – спросил я затем.

– Это они с нами, господин. А мы за это отнимем у них сегодня их скот, ковры и оружие. Сто пятьдесят человек займутся этим, а еще пятьдесят пойдут с ханом к джиаф.

– Если беббе это допустят, – добавил я.

Даже в темноте я заметил, что он гордо поднял голову.

– Они-то? Беббе – враги! Разве ты не знаешь, как сегодня этот человек убежал от нас?

– Один – от двухсот!

– А ты один его поймал!

– Господи, да я поймал бы десять беджат, если бы нужно было. К примеру, вот ты и те четверо, что дежурят снаружи, и десять других в другом лагере – все вы мои пленники. Халеф, охраняй выход. Кто без разрешения захочет выйти, будет застрелен.

Мой хаджи тут же исчез, а беджат со страхом спросил:

– Господин, ты шутишь?

– Нет, не шучу. Хан скрыл от меня главное, ты тоже сказал мне кое-что по принуждению. Поэтому я сейчас вправе чувствовать себя в опасности. Эй, подойдите, вы, четверо!

Они исполнили мой приказ.

– Сложите оружие у моих ног!

Когда они запротестовали, я добавил:

– Вы ведь про нас слышали! Если вы будете вести себя честно, с вами ничего не случится и вам вернут оружие, но если что-то задумаете, вам не помогут ни джинны, ни шайтан.

На этот раз они выполнили все, что от них требовалось. Я передал оружие своим спутникам и проинструктировал Мохаммеда Эмина, как ему дальше себя вести.

Затем я отправился изучать русло ручья в месте, где он вытекал из ущелья.

Снаружи между камней я увидел караульного, который меня сразу узнал.

– Кто тебя выставил здесь?

– Хан.

– Зачем?

– Чтобы он, возвращаясь, знал, что все в порядке.

– Очень хорошо. Ступай в лагерь и скажи моим спутникам, что я сейчас вернусь.

– Я не имею права покидать свой пост!

– Хан об этом не узнает.

– Он все узнает.

– Может быть, но я ему скажу, что то был мой приказ.

Караульный ушел. Я знал наперед, что Мохаммед остановит и разоружит его. Но я до сих пор не выяснил, где же второй лагерь. Правда, вечером голоса раздавались совсем близко, место будет легко найти. Так оно и вышло. Я услышал ржание и пошел на звук. На земле сидели девять беджат, принявшие меня в темноте за своего товарища, потому как один из них закричал:

– Что он говорит?

– Кто?

– Чужеземец-эмир.

– Да он сам здесь стоит, – ответил я. Теперь они меня признали и поднялись на ноги.

– О эмир, помоги нам, – попросил один. – Беббе сбежал от нас, и, когда хан вернется, он поступит с нами жестоко.

– Как же ему удалось сбежать? Разве вы его не связывали?

– Он был связан, но постепенно ослабил узлы, а когда мы спали, он забрал своего коня и наше оружие и ускакал.

– Берите своих лошадей и следуйте за мной!

Они тут же повиновались, и я привел их к нашей стоянке. К этому времени хаддедин развел маленький костер, и окрестности немного осветились неверным пламенем. Страж сидел без оружия с остальными беджат. Девятеро, которых я привел с собой, были так деморализованы случившимся, что без сопротивления сдали свои ножи и копья. Я объяснил всем пятнадцати, что им только в том случае стоит опасаться своего хана, если ему вздумается обвинить нас в предательстве, вернуть же бежавшего беббе мне не удастся.

Мистер Линдсей выпросил у Халефа все, что ему не удалось понять из моего объяснения. Теперь он принялся терзать меня:

– Сэр, что мы будем делать с этими парнями?

– Это выяснится, когда хан вернется.

– А если они разбегутся?

– Это им вряд ли удастся. Мы же следим за ними, а на выходе я поставлю хаджи Халефа Омара.

– Туда? – Он указал на проход, который вел наружу. Когда я кивнул, он продолжил:

– Этого недостаточно. Ведь есть еще и второй выход. Там, сзади. Yes!

Я посмотрел в том направлении, куда указывал его палец. При свете костра узрел кусок скалы, а перед ним куст.

– Шутите, сэр, – ответил я. – Кто переберется через этот камень?! Он пять метров высотой!

Линдсей засмеялся:

– Хм! Ума вам, конечно, не занимать, мистер. Но Дэвид Линдсей не глупее, сэр!

– Объяснитесь, пожалуйста.

– А вы пойдите и осмотрите поближе камень и куст. Понятно?

– Это нам весьма на руку. Беджат об этом знают?

– Думаю, нет, потому как, когда я туда совал нос, они не обратили на меня внимания.

– А проход очень узкий?

– Можно с лошадью пройти.

– А что там за местность снаружи?

– Не знаю, отсюда не видно.

Дело представлялось настолько важным, что мне нужно было пойти и все посмотреть самому. Я поручил свои обязанности спутникам и покинул стоянку. В темноте долго искал место, где между скал рос кустарник. Дыра, которую он скрывал, была около двух метров шириной. За кустарником громоздились камни, но днем лошадь провести между ними было можно.

Поскольку я не знал, что нас ждет в ближайшем будущем, то достал нож и сделал несколько глубоких надрезов на некоторых ветвях, чтобы их было легко отвести, если я поведу здесь лошадь. Естественно, я сделал все так осторожно, что беджат ни о чем не догадались. Затем вернулся в лагерь и сменил Халефа на его посту. Он получил указание сообщать обо всех,

кто приблизится к стоянке.

– Что ты там нашел, эфенди? – спросил Мохаммед Эмин.

– Шикарный отход на случай, если нам придется уходить, не сказав «салам!».

– Через кустарник?

– Да, я обследовал это место. Как только всадник продерется сквозь заросли, все остальные пройдут уже свободно.

– А там дальше есть камни?

– Да, глыбы, поросшие колючками и ползучими растениями, но, когда светло, все узкие места можно спокойно миновать.

– Ты думаешь, мы все же воспользуемся этим путем?

– Я только могу предполагать. Не смейся надо мной, Мохаммед Эмин, но с детства у меня проявились некие способности предвидения событий...

– Я верю тебе. Аллах велик!

– Радостные события я никак не предвижу. Видятся главным образом беспокойство, страх, как будто я встретил что-то злое, последствия чего я опасаясь. И наверняка произойдет что-то такое, что принесет мне несчастье. Опыт показывает: опасность начинается в то же мгновение, когда в меня впервые закрадывается страх.

– Значит, надо обращать внимание на те знаки, которые посылает тебе Аллах.

Мои опасения перенеслись также и на спутников. Разговоры прекратились, и мы молча лежали друг возле друга. Едва забрезжил рассвет, вернулся Халеф и доложил, что приближаются множество всадников. Их точное количество он определить не смог.

Я подошел к лошади, вынул из седельной сумки подзорную трубу и последовал за Халефом. Невооруженным глазом на равнине можно было различить много темных фигур; через трубу я смог увидеть их отчетливее.

– Сиди, кто это? – спросил Халеф.

– Это беджат.

– Но ведь их не должно быть так много!

– Они возвращаются с награбленным. Гонят с собой стада беббе. Впереди скачет хан со своим отрядом, он здесь будет раньше, чем остальные.

– А нам что делать?

– Обождем. Я дам знать.

Я вернулся к своим спутникам и рассказал о том, что увидел. Они были уверены в том, что нам не надо бояться хана. Мы не могли сделать ему никакого упрека, кроме того, что он скрыл от нас свои намерения. Если бы он хоть что-то рассказал нам, мы бы к нему ни за что не примкнули; нам было совершенно ни к чему прослыть ворами и разбойниками. Мы пришли к решению встретить его с осторожностью и вежливо.

С этим я и вернулся к Халефу, вооружившись до зубов.

Хан приближался галопом и через пять минут придержал своего коня возле меня.

– Салам, эмир! – приветствовал он меня. – Ты, наверное, удивился, не увидев меня среди вас, как вы ожидали. Но мне нужно было обтяпать одно выгодное дельце. Оно выгорело. Оглянись!

Я смотрел прямо ему в глаза.

– Ты украл, хан Хайдар Мирлан!

– Украл? – спросил он удивленно. – Разве тот, кто забирает у своих врагов, что может забрать, – вор?

– Христиане говорят – да, тот человек вор. А ты знаешь, что я христианин. Почему ты нам ничего не сообщил?

– Потому что тогда мы стали бы врагами. Ты бы ведь покинул нас?

– Непременно.

– И предупредил бы бейбе?

– Я бы их не стал искать, да и не знал, на какой лагерь вы готовите нападение. Но если бы мне попался бейбе, я бы ему рассказал, что вы замышляете.

– Вот видишь, эмир, я прав. Я мог поступить лишь двояким образом: или скрыть от тебя свои намерения, или захватить тебя в плен и удерживать у себя силой, пока все не кончится. Поскольку я был твоим другом, я сделал первое.

– А я между тем подался в лагерь к десяти воинам, которых ты там оставил, – спокойно сказал я ему.

– Что же тебе нужно было у них?

– Взять их в плен!

– Аллах! Зачем?

– Затем, что я узнал, что ты покинул нас. Я не знал, что меня ждет, поэтому и захватил в плен всех оставшихся бейбят как поручительство за нашу безопасность.

– Господин, ты очень осторожный человек, но ты меня опечаливаешь. Что ты сделал с бейбе?

– Ничего. Мне не удалось его увидеть, он ведь убежал. Хан побледнел и закричал:

– О боги, это невозможно! Это все мне испортит! Дайте мне этих собак, которые проспали, в то время как должны были бодрствовать!

Он вскочил на лошадь и устремился, лавируя между скал, к лагерю. Мы с Халефом последовали за ним. Между ханом и его людьми разыгралась сцена, которую трудно описать. Он топал, как разъяренный кабан, раздавал пинки и подзатыльники и никак не мог успокоиться, пока не обессилел окончательно. Я не мог даже представить, что в этом человеке таится столько ненависти.

– Умерь свой гнев, хан, – попросил я его наконец. – Ты ведь все равно должен был отпустить этого человека.

– Да, я бы сделал это, – гневно ответил он, – но не сегодня, когда мой план оказался предан гласности.

– Что же это за план такой?

– Мы забрали все, что обнаружили у бейбе. Сейчас хорошее будет отделено от плохого. Все ценное я отошлю дальними надежными дорогами к своим, все негодное мы возьмем с собой для джиаф. По дороге мы частично отдадим это обратно. Таким образом, мы отвлечем преследователей от себя, бейбе подумают, что на них напали отряды джиаф, а в это время мои люди спокойно доберутся до своих деревень, где живут бейбят...

– Что ж, план продуман отлично.

– Но теперь все пошло прахом. Пленный бейбе принадлежал к клану, на который мы как раз напали, он знал, что мы бейбят, и выдаст нас. Он наверняка догадался, что мы задумываем. Лошадь у него отличная. И он наверняка поднял тревогу в соседнем лагере, пока мы грабили...

– Это все плохо не только для тебя, но и для нас, поскольку он видел нас в твоём лагере.

– Теперь он знает и место нашего лагеря, и можно предположить, что вход в эти скалы тоже уже известен бейбе.

Не успел он договорить, как донесся дикий крик:

– Аллах-иль-Аллах! Это они! Возьмите их живыми!

Мы обернулись и увидели беглого бейбе, который ринулся ко мне с горящими глазами, следом за ним бежала целая орава его соплеменников. Они уже просачивались сквозь узкий проход на площадку. Поднялся дикий вой, сопровождаемый ружейными выстрелами. Мы

сделали ошибку, не оставив часовых на подходах к лагерю, и теперь поплатились за свою забывчивость.

Времени для размышлений не оставалось, потому как бекбе, в котором я сейчас распознал хана или шейха, шел прямо на меня. У него не было ни копья, ни ружья, как, впрочем, и у его спутников, но зато в руке блестел загнутый афганский кинжал.

Я встретил достойного противника голыми руками, даже не попытавшись схватить оружие. Резким броском я ухватил левой рукой его правую, державшую кинжал, а правую бросил ему на горло.

– Умри, разбойник! – прорычал он и попытался освободить кулак с зажатой в нем рукояткой.

– Ты ошибаешься, – выдохнул я, – я не беджат и не знал, что на вас собираются нападать!

– Ты вор, собака. Ты взял меня в плен, а теперь ты будешь моим пленником. Я шейх Газаль Габойя, от которого еще никто не уходил!

Как молния, сверкнуло в моей голове воспоминание – я где-то уже слышал о нем как об одном из самых храбрых курдов. Времени на обдумывание не оставалось.

– Тогда бери меня в плен, если можешь! – ответил я.

С этими словами я отнял руки и отпрянул. Он, расценив это за проявление слабости, издал торжествующий крик и занес руку для удара. Это мне и было нужно. Я нанес ему такой сильный удар кулаком в открывшуюся подмышку, что его пальцы мгновенно разжались. Тело описало длинную дугу и мешком свалилось на землю в шести шагах от меня. Прежде чем он смог подняться, я ударил его кулаком в висок, и он остался лежать.

– На лошадей и за мной! – крикнул я.

Одним коротким взглядом мне удалось охватить всю картину происходящего. В лагерь прорвалось около двадцати бекбе. Беджат боролись с ними. Против мистера Линдсея оказались сразу двое, одного он тут же свалил прикладом ружья; оба хаддедина прижались бок о бок спинами к скале и не подпускали к себе никого, а маленький Халеф, склонившись над поверженным врагом, обрабатывал его голову рукояткой пистолета.

– Сиди, не надо бежать. Мы с ними сами справимся! – откликнулся на мой крик храбрый хаджи.

– Снаружи их много. Вперед, быстрее!

Я прихватил кинжал, валявшийся на земле возле бездыханного тела Газалья Габойи, и вскочил на лошадь. Чтобы как следует разогреть его и одновременно дать время друзьям, я погнал вороного, дав ему шпоры, прямо на бекбе. Среди них я заставил его метаться из стороны в сторону, пока не заметил, что мои товарищи сели на лошадей. Потоптав достаточно кустарника, я дождался спутников и уже тогда дал вороному шенкелей, поскакав на открытую равнину. Остальные последовали за мной.

Теперь я мог обдумать происшедшее. Этот шейх Газаль был действительно умным человеком. Вместо того чтобы поднимать свой клан, который был слишком слаб для отпора, он поднял на ноги всю местность, и пока груженные поклажей беджат безмятежно двигались к лагерю, Газаль обложил лагерь с трех сторон. Между ними завязался бой. Дождаться его окончания и выяснить, как бекбе удалось незаметно подобраться к лагерю, – на все это у меня не было ни времени, ни желания. Слева от нас виднелась широкая полоса всадников, приближающихся галопом к месту стычки. А справа вся местность до горизонта была усыпана отдельными точками – это тоже были всадники.

– Вперед, эфенди! – крикнул Мохаммед Эмин. – Иначе они нас отловят. Тебе удалось сохранить свою драгоценную шкуру непродырявленной?

– Да, а тебе?

– Маленький шрамчик.

У него на щеке виднелась небольшая и неопасная рана.

– Подъезжайте сюда, – попросил я всех. – Образую прямую линию. Тот, кто увидит нас с боков, примет всех за одного всадника!

Все было так и сделано, но беббе, находившихся сзади, было не так-то просто обмануть: скоро мы заметили, что нас преследует внушительная группа всадников.

– Сиди, они нас догонят? – спросил Халеф.

– Кто же это знает? Все зависит от того, на каких они лошадях. Однако, хаджи Халеф Омар, что это с твоим глазом?

Глаз заплыл, хотя с момента боя прошло всего лишь несколько минут.

– Ничего страшного, сиди, – ответил он. – Этот беббе оказался в пять раз длиннее меня и здорово врезал мне. Хамдулилла, он так больше никогда не поступит!

– Но ты ведь не убил его?

– Нет, зачем, я ведь знаю, что ты этого не одобряешь, эфенди.

Меня несколько успокоило то, что никто из наших противников не лишился жизни по нашей вине. Это оказалось нам на руку, когда мы попались в руки беббе – они не применили к нам законы кровной мести. Мы продолжали скакать еще с четверть часа. Место боя давно скрылось, но преследователи не отставали. Они разделились. Те, у кого были лошади получше, подобрались ближе, остальные отставали.

– Эмир, они нас догонят, если мы не поскочим быстрее, – заметил Амад эль-Гандур.

– Мы не можем перенапрягать лошадей. К тому же они разделились, и лучше с ними переговорить, чем устраивать эти ненужные гонки.

– Машалла! Ты желаешь говорить с ними? – прокричал Мохаммед Эмин.

– Непременно. Мыслью так – вы их завлечете так далеко, что они откажутся от преследования. Скачите дальше. А я подожду здесь.

Они поскакали в том же темпе. Я слез с лошади, взял в руки ружье, сел и стал ожидать всадников.

Когда они были в тысяче шагов от меня, я размотал свой тюрбан и помахал им в воздухе. Они сразу же перешли с галопа на шаг и остановились где-то на половине означенного расстояния. Коротко посоветовавшись, они делегировали ко мне одного, который подошел и спросил:

– Отчего ты сидишь на земле? Это что, такая хитрость?

– Я хочу говорить с вами.

– Со всеми нами или только с одним?

– С одним, которого вы выберете и направите ко мне.

– У тебя есть оружие.

– Он может прихватить свое тоже.

– Положи его подальше, тогда придет один из наших.

– Тогда и он пусть оставит оружие.

– Он отложит его!

Я поднялся, положил оба кинжала и револьвер на землю, повесил ружье и штуцер на седло. Потом снова сел.

Эти люди наверняка не знали, сколько у меня с собой всякого оружия, я мог спокойно припрятать револьвер под одеждой, но мне хотелось быть честным, чтобы с их стороны ожидать такое же отношение.

Я насчитал одиннадцать мужчин. Тот, с которым я говорил, вернулся к своим и переговорил с ними. Потом спешил, снял ружье, нож и кинжал и пешком пошел ко мне. Это

был пятидесятилетний стройный мужчина приятной наружности. Его черные глаза горели ненавистью, но он сел безмолвно передо мной.

Я молчал, и ему пришлось начать беседу со слов:

– Чего ты от нас хочешь?

– Я хочу с тобой говорить.

– Так говори!

– Я не могу.

– Аллах! Почему?

Я показал назад.

– Посмотри, у меня с собой было много оружия, и я отложил его, то же должен был сделать ты. Ты ведь обещал оставить свое. С каких пор беббе стали лжецами?

– Я – лжец?!

– А как расценить дубинку под твоей накидкой? – И я указал на заметно выпирающую из-под одеяния рукоятку.

Он заметно смутился, залез под накидку и отбросил оружие подальше.

– Я забыл о ней, – признался он, как мне показалось, искренне.

Это убедило меня в том, что вероломства мне от него ждать не надо. Он мне не доверял, опасался меня и допускал непредвиденную ситуацию.

Я начал:

– Так пусть будет между нами мир хотя бы до тех пор, пока наши переговоры не закончатся. Обещаешь мне это?

– Да, обещаю.

– Тогда дай мне руку!

– Вот она.

– Почему вы нас преследуете? – спросил я затем.

Он удивленно взглянул мне в лицо.

– Ты что, глупец? – вскричал он. – Вы ограбили нас, вы пришли как враги на наши границы, а ты еще спрашиваешь, за что мы вас преследуем?

– Мы пришли не как разбойники, не тем более как ваши враги.

Он еще больше удивился.

– Разве нет? Аллах-иль-Аллах! И взяли при этом наш скот и наши палатки со всем, что в них было!

– Ты ошибаешься! Это не мы, а беджат!

– А вы и есть беджат!

– Нет, мы пятеро мирные люди. Один из них и я – воины из далекого Франкистана, третий – мой слуга, араб, родившийся по ту сторону Мекки, а еще двое – бениарабы, уроженцы западных земель, которые не числятся у вас в недругах.

– Ты говоришь, чтобы сбить меня с толку. Так тебе не удастся одурачить нас. Вы – беджат!

Я сорвал бурнус и отвернул белый рукав моей куртки, затем отогнул и нижнюю рубашку.

– Такие руки у арабов, беджат или курдов? – спросил я.

– Он белый, – ответил он. – А все тело тоже такое?

– Конечно. Умеешь читать?

– Да! – заявил он высокомерно.

Я достал свой блокнот и открыл его.

– Это язык арабов или, может быть, курдов?

– Это чужая письменность.

Я захлопнул блокнот и достал паспорт.

– Тебе знакома эта печать?

– Аллах! Это печать великого господина.

– Ты должен знать эту печать, потому как ты воин паши Сулеймании, который должен давать отчет султану. Теперь ты веришь, что я не беджат?

– Да, теперь верю.

– Также правда то, что я сказал тебе о других.

– Но вы были среди беджат!

– Мы встретили их во время своего путешествия на севере отсюда. Они приняли нас на правах гостей и сообщили, что направляются на праздник джиаф. Мы и не подозревали, что они – враги беббе; не догадывались мы и о том, что они собираются напасть на вас и обокрасть. Вчера вечером мы заснули в их лагере; они куда-то уехали, а когда вернулись, поняли, что ели хлеб разбойников. Я вступил в спор с их ханом Хайдаром Мирламом, и в этот момент вы напали на них.

– О Аллах, не дай Хайдару Мирламу уйти от нас! А вы обращали оружие против наших?

– Да, мы были вынуждены это делать, ибо вы напали на нас.

– Вы кого-нибудь убили?

– Ни одного.

– Поклянись.

– Я не клянусь, я христианин.

– Христианин, – повторил он, пораженный, с сочувственной миной. – Теперь я вижу, что ты не курд и не турок, потому как мусульманин никогда не скажет, что он христианин. И я верю, что вы не убили наших, а бежали. Разве может христианин убить поклонника ислама?

В его голосе было столько уверенности, что я с удовольствием залепил бы ему увесистую оплеуху; но нужно было сдерживаться ради нашей же безопасности. Я находился в довольно щекотливом положении, ибо остальные беббе потихоньку подошли близко и соединились с другими, так что всего в пятистах шагах от меня стояли более тридцати врагов. Любая неосмотрительность могла стоить мне жизни.

– Так ты видишь, что мы не ваши враги, и сможешь нас отпустить?

– Куда вы собираетесь ехать?

– В Багдад.

– Побудь здесь. Я поговорю со своими.

Он поднялся и отошел назад, так и не подняв свою дубинку. Последовали долгие переговоры, причем очень оживленные, как я видел по их лицам, после чего спустя четверть часа он вернулся ко мне.

На землю он снова не сел, поэтому и мне пришлось подняться на ноги.

– Ты мог бы уже идти, – решил он, – но мы еще не видели твоих спутников. Позови их. Со мной будут еще четверо беббе. Тогда нас окажется поровну.

Такое предложение таило в себе большую опасность. Я не поворачивался пока в сторону моих спутников, чтобы не терять из виду противника, но мне все же пришлось обернуться, и я заметил их на расстоянии двух тысяч шагов от нас. Должны ли они отказываться от такого преимущества? Мне нужно было проявлять осторожность.

– Ты заблуждаешься, – возразил я, – нас не будет поровну.

– Почему же? Вас пятеро и нас тоже.

– Посмотри, какое преимущество у моих братьев, и подумай, чего они лишатся, если подъедут сюда, а вы не предложите им мира!

Он сделал пренебрежительный жест рукой.

– Не бойся, гяур! Мы беббе, а не беджат. Мы снова представим вам то же преимущество.

При других обстоятельствах за своего «гяура» он бы ответил; сейчас же я посчитал за самое умное не заметить этот выпад. Я лишь сказал:

– Я доверяю тебе. Твои четверо будут вооружены?

– Как пожелаешь.

– Вы можете оставаться при оружии, и мы оба заберем с собой наше.

Он молча кивнул и вернулся. Я заткнул кинжалы и револьвер за пояс и сел на лошадь. Потом я махнул рукой своим спутникам. Воздух был столь чист и прозрачен, что они видели на большом расстоянии любое мое движение. Они подъехали. Скоро мы уже стояли в ряд напротив пятерых бейбе.

– Где другой франк? – спросил их предводитель.

Я указал на Линдсея.

– Вот он.

Суровые лики курдов скривились от ухмылок, и говоривший произнес:

– Я уверен, что он франк и христианин, потому что у него нос как у свиньи, который называют хоботом.

Этого я уже не мог стерпеть.

– Такой тип носа я видел в Алеппо и Диярбакыре у многих верующих, – ответил я.

Он шагнул вперед.

– Молчи, гяур!

Я тоже двинул лошадь на шаг.

– Послушай, человек, ты говорил мне, что умеешь читать. Может, ты и Коран читал?

– А в чем дело?

– А то, что ты, мусульманин, должен знать, что повелевал Мухаммед! Разве он не говорил, что того, кто почитает врага, уважают мужественные, а того, кто врага позорит, любят трусы? Ты перенял свое учение у Пророка и думаешь, что все делаешь правильно; а мы переняли наше учение у Исы бен Мариам – у Иисуса Христа – и думаем, что оно главное; мы оба имеем право называть друг друга гяурами. Ты сделал это, я – нет, потому что это некрасиво – унижать другого. Кто обсыпает пылью своего спутника, тот сам непременно запачкается. Запомни это, бейбе!

Несколько мгновений он стоял, пораженный моим красноречием, а потом вдруг с гневом выхватил из-за пояса кинжал.

– Человек, ты вздумал учить меня? Ты, христианин, проклятый Аллахом и Пророком! Я сейчас порежу тебя на куски, как тряпку. Я был готов отпустить вас на свободу с миром, теперь я приказываю вам – убирайтесь отсюда, нечистые, пусть вас заберет шайтан в джихенну!^[6]

Я видел, что все это производилось от чистого сердца, но видел я и то, что глаза обоих хаддединов и Халефа остановились на мне в гневном ожидании. Англичанин тоже смотрел на меня строго и внимательно, чтобы сразу соотнести свои действия с моими. Поскольку он ничего не понял из разговора, я вынужден был ему бросить:

– Сэр, если я выстрелю, стреляйте тоже, и сразу по коням!

– Yes! Прекрасно! – откликнулся он.

Между тем я сказал бейбе спокойным тоном:

– Хорошо, мы уедем, но до этого вот что я тебе скажу: не думай, что мы искали мира из-за того, что боимся вас. Нам нужен мир постольку, поскольку мы не желаем проливать понапрасну кровь. Ты возжелал много, так что теперь сам испей последствия содеянного!

– И вы нас не боитесь, вы, гяуры? Разве не ты сидел в пыли и не молил о милосердии, неверный?

– Не произноси больше ничего, бейбе, иначе от тебя останется мокрое место,

предупреждаю тебя! Нам не нужно от вас никаких поблажек, бой может начаться хоть сейчас! Выходи!

– Пусть так будет! – вскричал он, схватившись за кинжал.

В тот же момент моя лошадь бросилась вперед и оказалась рядом с его конем, я схватил его за руку и вытащил из седла. Раздались четыре выстрела, за ними еще два, а когда я пустил коня в галоп, увидел, как лошади бегут прочь с всадниками.

– Скорее, за ними!

Мы рванули вперед. Но перед этим я подъехал к беге, притянул его к себе и отвесил ему несколько смачных оплеух со словами: «Это за гяуров!» А потом отшвырнул его прочь. Он упал у ног лошади. Все произошло буквально в одно мгновение. Через миг мы уже мчались по равнине.

– Я правильно поступил? – спросил я хаддедина во время скачки.

– Эмир, – ответил мне Мохаммед Эмин, – ты правильно поступил; этот человек оскорбил всех нас. Он не может быть более воином, потому как христианин ударил его в лицо. Это хуже смерти. Опасайся теперь попасть в руки беге – ты умрешь в страшных мучениях!

В течение десяти минут беге снова сколотили два отряда, правда, передний был меньше, ибо пять лошадей у них было убито. Я подождал немного, пока расстояние между ними еще не увеличится, и приказал остановиться. Первые шесть всадников не выпускали нас целый день из поля зрения – лошади у них были отменные. Именно поэтому их и следовало застрелить. Это я и объяснил хаддедину, слез с лошади и зарядил ружье.

– Стрелять? – спросил Линдсей, наблюдавший все это.

– Да. Лошадей убрать!

– Yes! Интересное дело. Дорогое удовольствие!

Еще я попросил никого не нажимать курок, пока наверняка не убедятся, что в прицеле не человек, а лошадь.

Преследователи подошли поближе и находились уже на расстоянии выстрела, как до них начал доходить смысл нашей задумки. Но вместо того чтобы рассеяться, они сбились в кучу.

– Огонь! – скомандовал мистер Линдсей.

Хотя арабы и не поняли английское слово, наверняка догадались, что оно означает. Мы выстрелили с Линдсеем еще по разу и убедились, что ни один выстрел не пропал даром. Шесть лошадей вместе с их всадниками образовали на земле кучу малу, разобраться в которой было довольно сложно.

А мы тем временем снова вскочили на коней. Скоро противник оказался далеко позади, и мы вновь были одни на выжженных солнцем просторах.

– Куда теперь? – спросил Мохаммед.

Я издал невразумительное хмыканье. Никогда еще в жизни я не ощущал такой неопределенности относительно дальнейших действий.

– Подумай сам, эмир, – сказал Амад. – Сейчас у нас есть время. Лошади могут погнаться.

– Вы сами подумайте, – ответил я. – Мы даже не знаем, в каком районе находимся, но полагаю, что на юге от нас Нвейзгие, Мерва, Бейтош и Дейра. Эта дорога вывела бы нас в Сулейманию...

– Туда мы не поедem! – прервал меня Мохаммед Эмин.

– Тогда нам нужно решаться на ту дорогу, о которой мы говорили вчера вечером. Следует держаться теперешнего направления, пока не достигнем реки Бербзие, а потом день пройдем вверх по течению и в районе Бане углубимся в горы.

– Я того же мнения, – заявил Мохаммед.

– Река эта, чем нам важна – она отделяет Персию от Эйалата^[7] и мы можем переходить с

одного берега на другой, в зависимости от того, кто нам угрожает.

Мы поскакали дальше на юг. Плоскогорье становилось все более гористым. После полудня мы уже далеко забрались в горы и незадолго до захода солнца оказались на одинокой, поросшей лесом вершине у маленькой хижины; из отверстия в крыше струился легкий дымок.

– Здесь кто-то живет, сиди, – сказал Халеф.

– Во всяком случае, он не причинит нам вреда. Подождите, я посмотрю.

Я слез с лошади и направился к дому. Он был построен из камней, а щели между ними были заткнуты мхом. Крышу застилала в несколько слоев толстые ветви, а вход был настолько низким, что туда мог войти, не сгибаясь, разве что ребенок.

Когда мои шаги стали слышны внутри этого примитивного строения, в дверях появилась голова какого-то зверя, которого я принял за медведя, но голос этого злобного создания не оставил у меня сомнения, что я имею дело с собакой. Потом раздался резкий свист, и на месте этой головы возникла вторая, которую я поначалу тоже не смог классифицировать. При ближайшем рассмотрении шерсть оказалась волосами, всклокоченными самым невероятным образом, черный широкий нос и блестящие злобные глазки напоминали шакала.

– Добрый вечер! – поприветствовал я.

Глухое ворчание было мне ответом.

– Ты здесь один живешь?

Ворчание стало еще более глухим.

– Здесь в округе есть еще дома?

Теперь ворчание стало по-настоящему злобным, и существо достало какую-то пику – ее острие остановилось у самой моей груди.

– Отойди, – попросил я вполне миролюбивым тоном.

Ворчание не прекращалось, а кончик пики нацелился прямо на мое горло. Это было уж слишком. Я схватил пику и потянул на себя. Таинственный обитатель хижины крепко ухватился за нее, и мне пришлось вытягивать его из дверей. Сначала вылезла морда с черным блестящим носом, потом две руки того же цвета с внушительными когтями, затем дырявый мешок, похожий на те, что носят наши угольщики для своих шмоток, и, в конце концов, два предмета, которые при тщательном обследовании и при богатой фантазии можно было принять за сапоги, которые однажды примерил Колосс Родосский.

Как только эти самые сапоги прошли через дверь, существо смогло выпрямиться, и у собаки появилась возможность появиться в полной красе. У нее была похожая пятнистая шерсть, черные нос и два злобных глаза, и оба создания, похоже, боялись меня больше, чем я их.

– Кто ты? – спросил я самым миролюбивым тоном.

– Алло! – прорычал он, но то были уже членораздельные звуки.

– Кто ты?

– Угольщик.

Да, пожалуй, это было приемлемое объяснение черных носа и рук, но такие ногти ему были явно ни к чему. Я заметил, что мой дружеский тон ему нравится. Он полностью ко мне расположился, и даже собака завиляла хвостом.

– Здесь есть ещё люди? – поинтересовался я.

– Нет.

– А сколько нужно идти, чтобы встретить людей?

– Больше, чем день.

– Для кого ты жжешь уголь?

– Для господина, который делает железо.

– Где он живет?

- В Бане.
- Ты курд?
- Да.
- Ты джиаф?
- Нет.
- Беббе?
- Нет.

При этом слове он разразился раздирающим горло кашлем. Такой расклад вполне меня устраивал. Я не скрывал уже своих симпатий к этому человеку.

- А к какому же ты племени принадлежишь?
- Я банна.
- Посмотри, Алло, вон туда. Ты видишь четверых всадников?

Он отбросил со лба грязные пряди, чтобы открыть себе обзор, и посмотрел, куда я указывал. Невзирая на накидку угольщика, скрывающую его курдскую внешность, я заметил, что по лицу его пробежала тень испуга.

- Они курды? – спросил он озабоченно.

Когда я отрицательно ответил на его вопрос, он продолжал:

- А кто же они тогда?
- Мы двое христиан и трое арабов.

Он взглянул на меня с удивлением.

- А христиане – кто это?
- Это я тебе позже объясню, потому как эту ночь мы проведем здесь.

Тут он испугался еще больше, чем раньше.

- Господин, не делай этого!
- Отчего же?
- В горах живут злые духи.
- А нам это подходит – мы давно хотели увидеть духов.
- И дождь бывает!
- Вода нам не помешает.
- И гром гремит!
- И это нам не страшно.
- И медведи здесь!
- Нам по вкусу их ляжки.
- Часто навевываются разбойники!
- Мы застрелим их.

Наконец, когда понял, что нас ничем не пронять, он сменил тон:

- Господин, я боюсь вас.
- Нас не надо бояться. Мы не разбойники и не убийцы. Мы хотим лишь переночевать в этом домике и завтра двинемся в путь. За это ты, если захочешь, получишь серебряный пиастр.
- Серебряный? Пиастр? – переспросил он удивленно.
- Да, пиастр или даже два, если проявишь дружелюбие.
- Господин, я и так дружелюбен!

Когда он произносил эти слова, у него все смеялось – глаза, рот, нос и даже руки, которые удовлетворенно хлопывали в ладоши. Удивительным было то, что у этого курда-банна росла еще и борода. Такого я пока не видел.

Радость передалась и его собаке, которая извлекла свой хвост из-под ног и принялась им размахивать, причем лапой попыталась толкнуть игриво моего Дояна, но тот и ухом не повел, а

созерцал всю картину с величием Великого Могола.

– Тебя хорошо знают в горах? – продолжил я свои расспросы.

– Да, везде.

– А ты знаешь реку Бербзие?

– Да, это на границе.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до нее?

– Полдня.

– А Банне ты знаешь?

– Бываю там два раза в год.

Знал он и Ахмадабад, и Байендере.

– А вот Бистан ты знаешь? – настаивал я.

– Знаю, там живет мой брат!

– Ты работаешь все дни?

– Так, как мне захочется! – гордо ответил он.

– И можешь по своему желанию отсюда уйти?

– Господин, я не знаю, почему ты так спрашиваешь.

Этот угольщик был весьма осторожным, эта черта мне в нем понравилась.

– Я скажу, почему я спрашиваю. Мы здесь чужие люди и не знаем дорог через горы, поэтому нам нужен надежный человек – проводник. Мы заплатим ему по два пиастра за день.

– О господин, возможно ли такое? Я за все годы получил всего десять пиастров, муку и соль. Могу ли я повести вас?

– Мы хотим с тобой сегодня познакомиться. Если ты нам понравишься, ты будешь зарабатывать больше денег, чем получаешь за год.

– Зови своих людей! Я испеку для них хлеб, и дичь у вас будет, и трава для лошадей. Там, наверху, есть источник, и возле него ваш лагерь будет таким же удобным, как лежанка султана в его главной резиденции.

Наш бравый Алло претерпел метаморфозу за какие-то минуты – и все это сделал только звон пиастров!

Я дал знак моим спутникам, которые все время нашего разговора стояли и ждали поодаль. Подъехав, они поразились внешности угольщика не меньше, чем я несколько минут назад. Англичанин – тот вообще лишился дара речи; но и банна уставился на нос мистера Линдсея в немом изумлении. Наконец к англичанину вернулся дар речи:

– Фу ты, черт! Кто это? Горилла?

– Нет, курд из племени банна.

– О! Почему бы тебе не помыться? – пробормотал он, обращаясь к бедному парню, но тот не понял его английского.

Лошади тем временем принялись пастись и выели целые поляны во мху. Мы уселись, и я рассказал Мохаммеду об угольщике. Мы решили как следует его проверить.

А тот вытащил из хижины мешок муки грубого помола и банку с солью. Затем появился на свет божий горшок, который, наверное, многие десятилетия служил каким-то таинственным целям. Потом он залез в какой-то подвал позади дома. Он был выложен камнями и содержал запасы мяса в виде двух зайцев и говяжьей туши. Мы могли выбирать и выбрали говядину. Мясо было вымыто и зажарено на костре, Халеф тем временем напоил лошадей, а курд нарезал для них своим длинным ножом траву.

– Грязноватый паренек, – заявил англичанин, – но прилежный. Жаль!

– Что жаль?

– Жаль, что горшок неподходящий, тоже грязноватый. А иначе он мог бы еще как варить!

- Что еще варить?
- Пудинг!
- Нам только пудинга здесь не хватало!
- Хм! Или я не англичанин?
- И что же за пудинг вы собираетесь варить?
- Да любой.
- Мне известны двадцать видов, но ни один нельзя сделать здесь.
- Почему же?
- Да оттого, что ничего нет.
- Как это так? Говядина есть, мука есть, соль есть...
- Что ж, запомню этот рецепт. Правда, тут не хватает сала, яиц, лука, перца, лимона, петрушки, горчицы...

Короче говоря, вместо пудинга он получил кусок лопатки, которую обглодал дочиста. Пока я разделявал жаркое, курд стоял у угла своего дома и старательно слизывал с пальцев сажу.

– Иди сюда, Алло, поешь с нами! – позвал я его.

Он не заставил себя ждать, и с этого момента мы были лучшими друзьями.

– Сколько стоило твое мясо? – спросил я.

– Господин, я дарю вам его. А себе поймаю другое.

– Нет, я все же хочу заплатить. Вот, возьми.

Я залез в потайной карман на поясе, извлек два пиастра и протянул ему.

– О господин, твое сердце полно доброты! А зайцев ты не хочешь зажарить?

– Мы заберем их завтра с собой.

Рядом с домом лежала большая копна листьев. Курд собрал их, чтобы подготовить для нас подстилки. С помощью наших одеял ему это удалось превосходно, так что на следующее утро мы вынуждены были признать, что давно не спали так сладко.

Перед отъездом мы доели холодное мясо.

– Вы платили, мистер, – заявил Линдсей, – я отдам вам.

– Что за мелочи!

– Эта горилла поведет нас? И сколько он берет?

– Два пиастра в день.

– Я дам ему их. Понятно?

– Хорошо, сэр!

Поскольку хаддедины тоже согласились взять курда в качестве проводника, я провел экзаменовку.

– Ты слышал что-нибудь об озере Кюпри?

– Я был там.

– Как далеко до него отсюда?

– Вы желаете увидеть много деревень или нет?

– Мы хотим встретить поменьше людей.

– Тогда вам понадобится шесть дней.

– А какова дорога туда?

– Отсюда идем до Бербзие и далее по течению до Ахмедабада, потом дорога заворачивает направо, ведет в Киззельзи, а оттуда уже видно реку, впадающую в озеро Кюпри.

Это был, к моему удовольствию и удовлетворению, тот же путь, который я и наметил. Курд-бульбасси описал точно такой же маршрут.

– Хочешь быть нашим проводником? – спросил я его.

– Господин, с вами – хоть до Багдада! – отвечал он.

– А как ты изучил эту тропу?

– Я водил торговцев, уходивших с грузом в горы и возвращавшихся пустыми. Тогда я еще не был угольщиком.

Этот парень, невзирая на его грязь, был настоящей жемчужиной для нас. Он был немного ограничен, но имел честный, прямой характер. Поэтому я решился взять его на службу.

– Тогда ты поведешь нас до равнины и ежедневно будешь получать свои два пиастра. Если верно нам послужишь, сможешь купить себе лошадь, которую мы тебе потом подарим. Доволен?

Лошадь! Она представляла для него несметное богатство! Он схватил мою руку и прижал к своей бороде, под которой по всем анатомическим данным должно было находиться ротовое отверстие.

– О господин! Твоя доброта больше, чем эти горы! Могу ли я прихватить свою собаку, будете ли вы ее кормить?

– Конечно, дичи для нее будет предостаточно.

– Благодарю тебя! Ружья у меня нет, и я вынужден ловить дичь силками. Когда ты купишь мне лошадь?

– Как можно быстрее.

У него была соль, и я попросил его взять с собой запас. Какой ценный продукт соль, узнаешь, лишь, когда месяцами в ней нуждаешься. Большинство бедуинов и курды давно отвыкли от ее вкуса.

Алло быстро закончил все приготовления. Он припрятал запасы муки и соли в упомянутом подвале, забрал нож и угрожающего вида копье, взял собаку на поводок. Шапки на нем не было.

Мы начали наш поход с новыми надеждами на успех. Наш проводник вел нас строго на юг, пока к полудню мы не достигли Бербзие. Здесь устроили привал, с наслаждением погрузившись в воды реки. К счастью, Алло внял моим уговорам и вымылся. Из благословенных волн он вышел другим человеком. Теперь мы выбрали восточное направление, но приходилось делать крюки, потому как на реке имелись поселения кочевников и земледельцев, а их лучше было обходить.

Вечером переночевали на берегу ручья, стекавшего с гор в Бербзие.

На следующее утро мы не проехали и часа, как вдруг курд остановился как вкопанный и напомнил мне о моем обещании купить ему коня. Рядом живет его знакомый, у которого продается лошадь.

– Он живет в большой деревне? – спросил я.

– Здесь всего четыре дома.

Это было мне на руку, ибо я хотел избежать лишних взглядов, а одного курда мне отпускать пока не хотелось: я не был убежден, что он может держать язык за зубами.

– Сколько лет лошади?

– Она молодая, пятнадцать лет.

– Отлично, мы пойдем вместе, а остальные нас подождут. Подыщи место, где они могут укрыться в безопасности.

Через четверть часа мы увидели ниже по течению несколько домиков.

– Это здесь, – сказал Алло. – Подожди, я спрячу твоих друзей.

Он прошел с ними вперед, но через несколько минут вернулся.

– Где же они?

– В одном местечке, куда никто не заглянет.

– Там, внизу, ты никому не скажешь, кто я, куда мы идем, и что четверо ждут нас?

– Господин, я не пророню ни слова. Ты так добр ко мне, я обязан многим тебе. Не опасайся!

Я проскакал немного вниз и оказался перед домом, у которого под нависающей крышей были развешаны самые различные принадлежности конюха. За домом была загородка типа корраля^[8], где стояли лошади. Старый тощий курд вышел нам навстречу.

– Алло, это ты? – воскликнул он удивленно. – Пророк да охранит твои дороги! – И тихо добавил: – А кто этот рослый господин?

Тот, кого спросили, громко произнес:

– Это эфенди из Киркука, едущий в Келекова, чтобы встретиться там с пашой Зинны. Поскольку я знаю дороги, я веду его. У тебя есть еще лошадь на продажу?

– Да, есть, – ответил курд, взгляд которого надолго задержался на моем вороном. – Она за домом, пошли!

Я не хотел оставить их одних, поэтому довольно резво спрыгнул с коня, привязал его и последовал за ними.

Животное, предназначавшееся для продажи, явно не относилось к худшим представителям непарнокопытного племени. Я бы не дал ей столько лет, сколько назвал Алло, и очень удивился, увидев, что в загоне имеются куда худшие лошади.

– Сколько она стоит? – поинтересовался я.

– Двести пиастров, – последовал ответ.

– Выведи ее!

Он вывел ее из загородки, пустил шагом, потом галопом, и я еще раз убедился, что она намного ценнее указанной суммы.

– Уложи на нее седло и закрепи груз.

Он проделал все это, и животное послушно выполнило каждое движение его рук.

– У животного есть какие-то недостатки?

– Ни одного, господин! – уверил он меня.

– Наверняка есть хоть один, и лучше, если ты мне его назовешь. Лошадь предназначена для твоего друга Алло, которого ты ведь не собираешься обманывать!

– Я его не обману.

– Тогда ладно, я сам попытаюсь найти недостаток. Сними груз и надень на нее скаковое седло.

– Для чего, господин?

Этот вопрос подтвердил мою уверенность, что я на правильном пути.

– Для того, что мне так хочется!

Он повиновался, и я попросил его сесть в седло.

– Господин, у меня не получится.

– Отчего же?

– У меня трещина в кости ноги, не могу скакать.

– Тогда я сам проедусь!

По его виду я понял, что моя догадка верна. Лошадь меня подпустила, но, когда я занес ногу, чтобы влезть в стремя, она отступила. Она явно не давала мне сесть в седло, пока я плотно не прижал ее к стене сарая. Мне удалось сесть в седло, но она тут же встала на дыбы, едва не опрокинувшись на спину, и стала совершать такие дикие кульбиты, что, в конце концов, выбросила меня из седла. Я использовал весь свой опыт наездника, чтобы упасть аккуратно.

– Человек, эта лошадь бракованная, она не стоит двухсот пиастров. На ней нельзя скакать.

– Господин, она хорошая. Наверное, она только тебя не переносит.

– Я знаю, как это бывает. Она долго ходила под плохим седлом и под еще худшим всадником – лошадь всегда это помнит. Ее можно использовать лишь как вьючное животное.

– А тебе не нужно такое животное, господин?

- Нет, сейчас нет, только потом.
- Купи ее, ведь тебе больше не попадетсЯ лошадь, которая нужна!
- Зачем мне обременять себя животным, которое мне в тягость?
- Давай за сто пятьдесят!
- Сто и ни пиастром больше!
- Господин, ты шутишь!
- Оставь ее себе, в Бане я куплю другую. Пошли, Алло!

Я залез на вороного, и угольщик затрусил за мной с преданным выражением лица. Мы не сделали и пятидесяти шагов, как услышали возглас:

- Давай за сто тридцать, господин!

Я не ответил.

- Сто двадцать!

Я ехал и ехал.

- Ладно, давай за сотню!

Теперь я вернулся и спросил, продаст ли он мне скаковое седло и попону. Он согласился, и я купил у него вполне сносное седло и попону за сорок пиастров. Самое удачное для меня – он взял сумму в старых металлических деньгах, накопившихся у меня в карманах в изрядных количествах. Сложив все на лошадь, я попрощался с курдом:

– Живи долго, хоть ты и хотел обмануть своего друга, продавая ему лошадь за тройную цену.

Тот ответил мне хитрой задумчивой улыбкой. Попрощался с ним и Алло, собираясь сесть на лошадь. Его волосатая физиономия светилась от радости, что у него теперь есть такое богатство. Но курд схватил его за руку:

- Во имя Аллаха, не садись на лошадь! Она сбросит тебя, ты сломаешь шею!

– Этот мужчина прав, – вынужден был признать я. – Садись лучше на моего коня, а я сяду на твою лошадь, чтобы показать, как нужно с ней обращаться.

Алло с видимым удовольствием залез на моего жеребца, который спокойно перенес эту процедуру, ибо я был рядом. Я же подвел лошадь к стене и сел в седло. Она снова рванулась вперед. Я какое-то время выждал, потом натянул поводья и пришпорил. Она попыталась встать на дыбы – не удалось, постучала беспомощно копытами, и дыхание у нее сбилось, из всех пор выступил пот, а с губ крупными клочьями стала падать пена. Она стояла как вкопанная, хотя я врубил шпоры.

– Она покорилаcь, смотри! – произнес я удовлетворенно. – Теперь смотри, как она поскачет, и не пытайся снова продать другу плохую лошадь! Аллах с тобой!

И я поехал со двора.

- Господин, – обратился ко мне угольщик, – теперь этот черный – мой?

– Нет, – ответил я.

- Почему же?

– Этот черный сбросил бы тебя, если бы меня не было рядом. Ты поедешь на нем только сегодня, потому что завтра эта лошадь станет такой же послушной.

- И она будет моей, когда мы с вами расстанемся?

– Да, при условии, что мы будем тобой довольны.

- О, я сделаю все, что от меня потребуется.

Мы доехали до места, где прятались наши спутники. Все они остались весьма довольны моей сделкой. Только Халеф выразил сожаление.

– Сиди, – сказал он, – Аллах тебе не простит, что ты посадил на своего красавца такую жабу. Ему можно было дать мою лошадь, а я бы взял вороного.

– Оставь его в покое, Халеф! Это обидит его.

– Машалла! Что может обидеть курда, который жжет уголь и выедает грязь между пальцев! Но все осталось по-моему.

К полудню мы добрались до вершин Бане, и после напряженной скачки перед нами открылся проход на юг. Нам предстояло завести лошадей на невиданные высоты, поэтому сегодня было решено дать им отдых и вернуться чуть назад, в небольшую глубокую долину, края которой густо поросли карликовыми елями. Мы достаточно настреляли дичи, чтобы не ограничивать себя в пище, а после ужина распределили очередность ночной вахты. Здесь, вблизи перехода, эта предосторожность была необходима – воров и разбойников в районе Бане было хоть отбавляй.

Ночь прошла без происшествий, а на рассвете мы уже въезжали в проход – самое подходящее время, чтобы остаться незамеченными.

Дорога вела через голые вершины и каменные пустоши, темные ущелья и спокойные долины, в которых редко когда можно было найти хоть какую-то воду. Все здесь выглядело так, будто в местах этих вообще не появлялся ни один европеец.

Незадолго до обеда мы пересекли поперечную долину. Когда мы уже были на той стороне «перекрестка», Доян встал как вкопанный и бросил на меня умоляющий взгляд. Он заметил что-то подозрительное и просил разрешения покинуть меня ненадолго. Я осмотрелся и не заметил никаких следов присутствия какого-либо живого существа.

– Иди, Доян! – скомандовал я.

Пес тут же исчез в кустарнике. Мгновение спустя раздался крик, а потом звуки, доказавшие мне, что Доян положил кого-то на землю.

– Халеф, подойди!

Мы прыгнули с лошадей, бросили поводья спутникам и последовали за собакой. Действительно, рядом с колючим кустом лежал мужчина, а собака стояла над ним, ухватив его зубами за пояс.

– Доян, geri!^[9]

Собака отступила, и незнакомец поднялся.

– Что ты здесь делаешь?

Он глянул на меня, будто размышляя, отвечать ему или нет, а вместо этого вдруг резко прыгнул в сторону и как сквозь землю провалился.

По моему знаку собака бросилась следом. Менее минуты спустя мы снова услышали крик ужаса и рычание пса. Рядом с местом, где в первый раз лежал мужчина, на сломанной ветке висело ружье. Я дал Халефу знак забрать его, а потом мы двинулись дальше и увидели уже знакомую картину. Незнакомец так и не отважился сделать движение и выхватить из-за пояса нож.

– Еще раз позволяю тебе подняться, но предупреждаю тебя: если еще раз побежишь, собака тебя разорвет, – сказал я.

Потом я отозвал Дояна. Чужак встал передо мной в покорной позе.

– Кто ты?

– Я житель Сооты, – ответил он.

– Беббе?

– Нет, господин. Мы враги беббе, ведь мы – джиаф.

– Откуда ты идешь?

– Из Ахмеда Кулвана.

– Это далеко. Что ты там делал?

– Я пас стада тамошнего киаджаса – старейшины деревни.

– И куда направляешься?

– В Сооту к моим друзьям. Джиаф отмечают большой праздник.

Так оно вообще-то и было.

– У джиаф будут гости на этом празднике?

– Я слышал, что туда собирается хан Хайдар Мирлам со своими беджатами.

И это совпадало. Этот мужчина, похоже, не был лжецом.

– А почему же ты прячешься от нас?

– Господин, разве одинокий человек не захочет спрятаться от шести всадников? Здесь, в горах, никогда не знаешь, кто друзья, а кто враги.

– А почему ты побежал от меня?

– Я подумал, что ты враг, потому что натравил на меня свою собаку.

– Ты действительно здесь один?

– Клянусь бородой Пророка, один!

– Тогда иди вперед.

Мы вернулись с ним к моим спутникам, где он все повторил слово в слово. Они так же, как и я, признали, что человек не представляет опасности. Ему вернули его ружье и разрешили идти. Мы продолжили свой путь. Я заметил, что Алло как-то особенно внимательно рассматривает этого человека. Сидя на лошади, он мурлыкал какую-то нехитрую песенку, как вдруг быстро подъехал ко мне.

– Господин, этот человек обманул вас! Я знал его, но не ведал, кто он такой. Но теперь я вспомнил. Это не джиаф, а бейбе, причем родственник, может даже, брат шейха Газалья Габойи. Я встречал их обоих в Нвейзгие.

– Так ли это? Ты не ошибаешься?

– Вообще-то у меня хорошая память...

Я поведал остальным о подозрениях угольщика и заявил:

– Я могу быстро настичь его!

Мохаммед Эмин покачал головой.

– Зачем терять время, возвращаться? Если этот человек действительно бейбе, откуда ему знать, что Хайдар Мирлам приглашен к джиаф? Такие вещи обычно держат в секрете.

– И к тому же, – добавил Амад эль-Гандур, – как он может навредить нам? Он идет на север, а мы – на юг. Нас никто не сможет догнать, даже если он расскажет о нас в Бане.

Эти доводы показались мне убедительными, поэтому я решил не возвращаться.

Только англичанин возразил.

– Зачем отпустили парня? – заявил сэр Дэвид после того, как я поведал ему суть разговора. – Надо было его пристрелить, причем без жалости. Любой курд – преступник. Да!

– И бей из Гумри тоже?

– Хм! Пожалуй!

– Сэр, вы неблагодарны.

– Этот бей не встретил бы нас так хорошо, не знай он о нас заранее от Мары Дуриме. Хорошая жена – единственная жена...

Имя Дуриме навеяло на меня поток воспоминаний, которые на мгновение заставили забыть о происходящем. И я ушел в свои мысли, пока англичанин развивал идею о предстоящем завтраке. А ведь он был прав! Мы отмахали, невзирая на сложность дороги, приличный кусок и заслужили отдых. Кстати, лошади тоже. Скоро мы нашли подходящее место, где спешились и растянулись на подстилках. Все, за исключением часовых.

Глава 2

НАПАДЕНИЕ

К тому времени как мы пробудились, животные уже хорошо отдохнули. Я решил проверить, допустит ли до себя угольщика наше новое приобретение. Допустило. Животному, наверное, нравилось, что его здесь не мучают. Так что я смог снова вернуться к своему вороному, и это оказалось весьма кстати, как я вскоре понял.

На вершинах, голых до сей поры, появился лес – мы пробирались все дальше на юг. Здесь было больше воды, и поэтому наше продвижение несколько затруднилось. О проторенной дороге не могло быть и речи. Нам приходилось то забираться на немислимые кручи, то спускаться в расщелины. Иногда мы продирались между дремучих чащоб, а подчас протискивались между скал.

Так к обеду мы оказались в долине с несколькими деревцами. Вдали в голубой дымке возвышалась большая гора, своими отрогами преградившая нам путь.

– Мы пройдем здесь? – спросил я Алло.

– Да, господин. Слева мы проедем у ее подножья.

– Что он говорит? – спросил Линдсей.

– Что наш путь проляжет слева от горы.

– Подумаешь, тоже мне проводник!

Едва он это произнес и только я открыл рот, чтобы возразить ему в ответ на колкость, с обеих сторон бабахнули выстрелы и более пятидесяти всадников показались из-за деревьев, окружив нас.

Это было полной неожиданностью! Все лошади моих спутников были схвачены – все, кроме моей. Благодарить за это я должен был, как позже понял, вовсе не случай. Всадники пытались освободиться от стремян и добраться до оружия. Мы были окружены за считанные секунды, и прямо на меня ехали двое всадников, которых я тут же узнал – шейх Газаль Габойя и бейбе, с которым я вел недавно мирные переговоры. Стреляли только в наших лошадей, нас же хотели захватить живыми. Поэтому я оставил штуцер в покое и взялся за легкое ружье.

– Червяк, теперь ты мой! – кричал шейх. – Теперь ты от меня не уйдешь!

Он замахнулся дубиной, но в тот же миг Доян бросился на него и схватил зубами за ляжку. Тот испустил крик боли, и удар, который предназначался мне, пришелся на голову моего коня. Он громко заржал, взвился в воздух всеми четырьмя копытами и дал мне возможность обрушить удар приклада на плечи бейбе, а потом он понесся, не помня себя от боли.

– Доян! – громко крикнул я, потому как не хотел терять верного пса.

Против меня было направлено множество копий – я отбил их с помощью ружья. Ту скачку я не забуду, пожалуй, до конца дней. Ни одна яма не показалась мне глубокой, ни один камень – большим, ни один овраг – широким, ни одна скала – слишком гладкой и ни одно болото – топким, все это пролетало мимо, пока мой конь понемногу приходил в себя. Так я оказался один в совершенно незнакомой местности. Правда, я заметил направление, в котором мчался, и передо мной возвышалась та самая гора, о которой мне говорили незадолго до событий.

Что было делать? Ехать за спутниками? Это было исключено – следовало ожидать, что бейбе пустятся за мной в погоню. Но как эти курды так далеко забрались в горы? Как они узнали, что мы выбрали именно этот путь? Это было для меня загадкой.

В тот момент я ничего не мог сделать для моих товарищей. Они были или мертвы, или захвачены в плен. Прежде всего, мне следовало спрятаться, и только утром я мог взглянуть, что

происходит на месте боя. Только завтра я мог что-либо для них сделать.

Наконец я осмотрел голову моего коня. Вскочила здоровенная шишка. Я отвел жеребца к воде, где и уложил его. Здесь я сделал ему несколько компрессов с поистине материнской заботой. Прошло уже четверть часа, и я услышал какой-то шум. Потом сопенье и кряхтенье, как будто кто-то с трудом переводил дыхание. В следующий момент раздался радостный лай, и Доян прыгнул на меня с такой силой, что я повалился в траву.

– Доян!

Пес прыгал и взвизгивал от радости. С такой же радостью он прыгал на коня, но потом постепенно успокоился. Он, как и я, уберется от ранений. Умное животное скоро заметило, что я забочусь о здоровье лошади. Насмотревшись на меня вдоволь, Доян начал обстоятельно вылизывать пораженное место на голове коня. Жеребец лежал спокойно, и лишь время от времени издавал удовлетворенное ржанье.

Так мы пролежали некоторое время, пока я, наконец, не счел необходимым покинуть это благословенное место. Лучше всего было поискать подножье той горы, о которой говорил угольщик. Я снова сел в седло и поехал на поиски.

Склоны горы были покрыты густым лесом, и только глубоко в долине, через которую непременно должен был пролегать наш путь, было свободное пространство. Там я заметил далеко выступающий участок леса, откуда можно было бы видеть любого подъезжающего. Туда я и направился. Там я спешился и побеспокоился о надежном укрытии для лошади. Едва я углубился в лес, как Доян дал мне знак, что его что-то обеспокоило. Я взял его на поводок, привязал коня к дереву и пошел за собакой с заряженным штуцером в руке.

Мы медленно пробирались вперед. Пес так тянул поводок, что тот, казалось, вот-вот лопнет. Между двумя пиниями он залаял. Там росло множество папоротников, и когда я стал разводить их резные метелки, обнаружил дыру шага два в диаметре, наискось уходящую в землю. Логово зверя? Вряд ли. Но когда я со штуцером наизготовку приготовился осторожно спускаться, то почувствовал, что там кто-то есть, и не обязательно враг, как я понял по поведению Дояна. Я сделал ему знак идти вперед, но он вместо этого завилял хвостом и стал бросать умилительно радостные взгляды на отверстие.

Тут я решил спускаться. И сразу же увидел волосатую всклокоченную голову. Вот где зарыта собака – в прямом смысле слова! Там, внизу, похоже, прятался пес угольщика!

Он, вероятно, убежал, когда услышал выстрелы, и от страха забрался в пещеру.

– Эпса! – позвал я.

Мне чудом удалось запомнить кличку пса. В дыре было тихо. Я раздвинул папоротники. И что же я увидел? Вернее, услышал. Глухое бормотание, потом показалась шевелюра, широкий нос, два глаза, потом две руки с длинными ногтями, дырявый мешок и, наконец, сапоги Колосса Родосского. Передо мной стоял Алло собственной персоной, цел и невредим!

Меня это обрадовало, ибо раз спасся один, значит, есть надежда, что уцелел кто-то еще из моих спутников.

– Алло, ты ли это? – вскричал я.

– Да, это я, – спокойно отвечал он.

– А где твоя собака?

– Убили, господин, – с грустью ответил он.

– А как ты уцелел?

– Когда все поскакали за тобой, никто не обратил на нас внимания, и я прыгнул в кустарник. И пришел сюда, поскольку помню, что говорил тебе, что надо идти вперед. Я знал, что ты появишься здесь, если бейбе тебя не найдут.

– Кто еще уцелел?

– Это мне неизвестно.

– Мы должны подождать, пока кто-нибудь еще не найдется. Поищи мне убежище для коня.

– Я знаю очень хорошее место, господин.

– Здесь, в этой местности?

– Я здесь жег уголь. Иди за мной с конем!

Он с четверть часа вел меня вверх. Там возвышалась скала, густо заросшая ежевикой. В одном месте он развел кусты, и обнажилось углубление, в котором нашлось бы место для лошади.

– Здесь я жил, – объяснил он. – Привяжи лошадь вот здесь, я нарежу ей корма.

Рядом было врыто много бревен, которые раньше вполне могли служить ножками для столов, правда, по восточным обычаям, очень короткими ножками. К одной такой ножке я и привязал лошадь, при этом она целиком находилась в укрытии. Курда я застал за нарезанием травы.

– Иди вверх, господин, – попросил он, – снизу может кто-нибудь прийти. Я пойду следом, как только освобожусь.

Я последовал его совету и расположился так, что мог все видеть, а сам был незаметен. Через пятнадцать минут появился угольщик.

– Лошадь в безопасности? – спросил я, и когда получил утвердительный ответ, продолжал: – Ты, наверное, голоден?

Невразумительное бормотание было мне ответом.

– К сожалению, у меня ничего нет. Надо потерпеть до завтрашнего утра.

Он опять что-то пробормотал, а потом вкрадчиво спросил:

– Господин, а за сегодняшний день я получу два пиастра?

– Получишь четыре.

Теперь уже к бормотанию стали примешиваться радостные нотки, потом все вообще стихло. Настала ночь. И когда пропал последний луч уходящего дня, мне показалось, что по ту сторону просеки, лежащей от нас слева, между деревьями появилась какая-то фигура. Она была так расплывчата, что я приподнялся, чтобы удостовериться, не ошибся ли я. Курд старался держаться поближе к моему ружью. Я взял пса на поводок и пошел вперед.

Мне пришлось обогнуть изгиб просеки, но уже на полпути я заметил, что фигура переходит просеку. В несколько сильных прыжков я преодолел необходимое расстояние и оказался рядом с фигурой. Я хотел броситься на нее, но Доян удержал меня от прыжка. Он приветливо заскулил. Фигура услышала эти звуки и замерла в страхе.

– Кто это?

Две длинные руки вытянулись в мою сторону.

– Линдсей! Сэр Линдсей! Вы ли это? – крикнул я.

– О! Мистер! Это я! А вы? А! Это вы! Да!

Он был так рад, что обнял меня с несвойственной для него нежностью, попытался даже поцеловать, при этом его больной нос явно пострадал бы.

– Вот уж не думал, сэр Дэвид, встретить вас тут.

– Почему? Горилла... о нет, угольщик говорил, что мы должны были оказаться в этом месте.

– Но как вам удалось спастись?

– Хм! Это было как-то быстро. Лошадь подо мной убили, я упал и пополз в сторону, когда все ринулись за вами.

– Совсем как Алло!

– Алло? Он тоже так поступил? И он здесь?

– Там сидит. Пошли!

Я повел его на наш наблюдательный пункт. Курд был необычайно рад, увидев второго спасенного.

– Как вам удалось удрать? – спросил меня Линдсей.

Я все ему рассказал.

– А конь ваш невредим?

– Если не считать шишки.

– А моя лошадь погибла! Бедное животное! Я этих беббе убью, всех прикончу!

– А ружье у вас осталось?

– Ружье? Вот оно, можете взять.

В темноте я его и не заметил.

– Как здорово, сэр! Это ружье просто незаменимо.

– У меня есть и нож, и револьвер с патронами в сумке!

– Как хорошо, что все это было не в седельной сумке! Но не знаете ли вы, уцелел ли кто-нибудь из наших?

– Едва ли. Халеф лежал под своей лошадей, а хаддедины оказались прямо среди беббе.

– О Боже, значит, все трое погибли!

– Подождите хоронить их, мистер! Аллах акбар, то есть Аллах велик, как говорят турки.

– Вы правы, сэр! Рано делать выводы, надо попытаться выяснить, может, они в плену, и тогда выручить их.

– Правильно, а теперь спать. Я так устал, столько бежал. Спать без одеяла! Проклятые беббе. Чертова страна!

Они с курдом быстро заснули. Я же пободрствовал какое-то время и из последних сил пошел наверх, к жеребцу. Потом и я прикорнул, приказав верному псу нести неусыпную вахту.

Сон мой был нарушен энергичным прикосновением к моей руке. Я окончательно проснулся. Утро уже занялось.

– В чем дело? – спросил я.

Вместо ответа курд указал на противоположный край кустарников – там стояла антилопа, видимо, намереваясь отправиться на водопой. Нам нужно было мясо и, рискуя привлечь к себе внимание выстрелом, я потянулся к ружью. Прицелился и нажал на спуск. При звуке выстрела Линдсей буквально подпрыгнул:

– Что такое? Где враг? Где? Кто?

– Вон он, там внизу лежит.

Он посмотрел в указанном направлении.

– А! Антилопа! Отлично! Ее можно отменно приготовить. Маковой росинки не было со вчерашнего полудня.

Алло побежал за дичью. Спустя несколько минут уже горел костер и жарилось сочное мясо. Его было столько, что хватило с лихвой и Дояну.

Во время завтрака мы приняли решение подождать до полудня, а потом провести расследование, как там ситуация с беббе. Во время нашего совещания Доян вдруг поднялся и посмотрел в сторону леса. Какое-то время он как бы пребывал в нерешительности, а потом прыгнул вперед, не «посоветовавшись» со мной. Я быстро поднялся, чтобы взять ружье и последовать за ним, но замер на месте, услышав вместо яростного лая приветливое повизгивание.

Вслед за этим к нам вышел мой маленький хаджи Халеф Омар, правда, без лошади, но в полном вооружении – с оружием, пистолетами и ножом за поясом.

– Слава Аллаху, сиди, что я нашел тебя и ты жив! – приветствовал он меня. – Мое сердце

было полно заботой о тебе, но меня поила надежда, что твоего жеребца вряд ли кто-то может догнать!

– Хаджи! – закричал Линдсей. – О! А! Не убили! Прекрасно! Несравненно! Прямо к горячему!

Добрый Линдсей сразу же повернул дело в практическое русло. Халеф был немало обрадован увидеть живыми и невредимыми его, Линдсея, и своего хозяина; но не меньшую радость испытал он и от куска жаркого, преподнесенного ему англичанином.

– Как тебе удалось спастись? – спросил я его.

– Беббе стреляли по лошадям, – рассказал он. – И мою подстрелили, а я так и остался в седле. Они даже не поинтересовались нами, а все устремились за тобой. Аллах наградил их слепотой, и они так и не увидели, как скрылись курд и мистер. И я тоже высвободился, забрал оружие и убежал.

Какая невнимательность со стороны беббе! Они стреляли только по лошадям, чтобы захватить всадников живыми, и упустили их!

– А ты не видел хаддединов, Халеф?

– Я лишь видел, когда убегал, что их захватили.

– О, тогда нам нельзя терять времени. Надо их отбить!

– Подожди, сиди, дай я расскажу. Когда я спрятался надежно, то подумал: дай-ка я лучше понаблюдаю за ними, чем побегу дальше. Я залез на дерево, листва скрыла меня полностью. Там я пробыл до вечера, и только когда стемнело, я снова слез.

– И что же ты оттуда увидел?

– Беббе не собирались уезжать оттуда, они разбили лагерь. Я насчитал около восьмидесяти воинов.

– Как он устроен?

– Они построили хижины из веток. В одной лежат связанные по рукам и ногам хаддедины.

– Ты точно это знаешь?

– Да, сиди! Ночью я облазил весь лагерь, пытаясь добраться до пленных. Не удалось. Тебе-то это удастся, сиди, ведь это ты учил меня искусству красться.

– Я не понимаю, почему они сразу не покинули это место.

– Мне бы тоже не удалось понять, сиди.

– Я должен тебя похвалить, Халеф! Тебе удалось так близко подобраться к нам, что мы тебя не заметили. Из чего ты заключил, что я нахожусь именно здесь?

– Из твоей привычки выбирать места, где тебя не видно, но откуда ты можешь за всем наблюдать.

– Ладно, теперь дайте мне подумать, что делать дальше. Алло, отведи моего жеребца напиться и дай ему еще травы.

Угольщик не успел подняться, чтобы выполнить поручение, как пес тихо заворчал. Внизу показался всадник, который быстро приближался, пустив лошадь рысью.

– Эй, мне убрать его, мистер? – спросил Линдсей.

– никоим образом!

– Но ведь это беббе!

– Не трогайте его, мы ведь не коварные убийцы!

– Но тогда получим лошадь!

– Мы и так получим.

– Хм! Не коварный убийца, но плутишка. Ворует лошадей. Хм! Этот беббе появился здесь явно не случайно. Зачем он покинул своих, куда направляется?

Приблизительно через час загадка была разгадана, ибо всадник неся мимо нас без понятия,

что мы находимся на его пути.

– Что он там внизу делал, этот парень? – спросил Линдсей.

– Он посланец.

– Посланец? От кого?

– От шейха Газала Габойи.

– К кому?

– К отряду бейбе, находящемуся отсюда в получасе езды.

– А откуда вы знаете?

– Я так полагаю. Этот шейх каким-то образом узнал, что мы приедем, и выставил две засады для надежности.

– Неужели это правда?

Вот это мне и надо было исследовать. Было обговорено, что англичанин останется с Алло и с моим конем в нашем прежнем укрытии, тогда как я с Халефом пойду на разведку. Если я до обеда следующего дня не вернусь, сэр Дэвид на моей лошади поедет в Бистан (угольщик его проводит) и там, у брата Алло, будет ждать меня четырнадцать дней.

– Если я с Халефом и тогда не приеду, – заключил я, – значит, нас нет в живых, и вы, сэр Дэвид, можете унаследовать мое имущество.

– Мда. Наследство! Да я разнесу весь Курдистан! И что же это за наследство?

– Мой конь.

– Этого не будет. Если вас убьют, эту страну сотрут с лица земли! И коней, и овец, и ослов, и бейбе. Всех!

– Ну, не будем пока заходить так далеко. Наши задачи куда более скромные. Пока что надо проучить курдов банна.

– Только сделайте это как следует! Не говоря им ни слова! Молча!

Проинструктивровав Алло, я забросил за плечо оба ружья и доверился Халефу.

Он повел меня той же дорогой, которую проделал утром, и убедил меня в том, что он действительно очень способный ученик. Он использовал любое, даже самое незаметное, укрытие на местности, осматривал окрестности и двигался как индеец, совершенно не оставляя следов.

Мы пробирались между деревьев, но так, что перед нами было открытое пространство. При мне была собака, и при благоприятном ветре нам не грозила никакая неожиданность.

Вскоре мы оказались у места, где на нас напали. Халеф хотел сопровождать меня дальше, но я не позволил ему.

– Если меня поймут, ты знаешь, где найти англичанина. Лучше всего тебе залезть на одну из тех вон пиний, которые растут близко друг к другу, – их густые ветви надежно спрячут тебя. Распознать звук моего ружья или грохот штуцера ты ведь сможешь? Я окажусь в опасности, только если ты услышишь мои выстрелы.

– А что мне тогда делать?

– Сидеть и ждать, пока я громко не позову тебя, а теперь лезь наверх!

Я свистнул Дояна, и мы двинулись. Дело было опасным – при полном свете подобраться к вражескому стану, чтобы все увидеть и запомнить.

Через некоторое время я увидел сквозь ветви первый шалаш. Он был сооружен в виде пирамиды, по древнему способу, из веток. Я снова подался назад, чтобы сделать полукруг и зайти с другой стороны, – надо было убедиться, забрались ли бейбе в лес. В этом случае они оказались бы у меня за спиной, и я был бы неминуемо обнаружен.

Я пробирался от дерева к дереву, выбирая самые толстые стволы. Скоро я понял, что меры осторожности не оказались лишними – я услышал человеческие голоса, на это же указал мне

Доян, ткнув меня мордой. Умное животное не издало ни звука и только смотрело на меня большими круглыми глазами. Продвигаясь в сторону, откуда доносились голоса, я вскоре увидел троих мужчин под деревом, которое с трех сторон окружала молодая поросль лавровишни. Это место было будто специально создано для подслушивания. И как только я понял, что тема их разговора – вчерашние события, я неслышно пополз вперед до самых кустов, где мог уже отчетливо слышать все их фразы.

Каково же было мое удивление, когда в одном из них я признал курда, которого дважды придавливал Доян, а я отпускал, потому, как он выдавал себя за джиаф! И пес тоже узнал его – глаза Дояна сверкали злобой, но он не издал ни звука! Алло был прав. Этот курд был беббе и стоял на посту, чтобы доложить о нашем прибытии. Наверняка у него была припрятана лошадь, и он сразу поскакал к своим, хотя мы полагали, что он двинулся на север.

– Все они глупцы, все! – говорил он. – Но всех глупее тот мужчина, что скакал на вороном жеребце.

Это он обо мне? Очень лестное замечание.

– Если бы он не захватил бы и не оскорбил оставшихся позади беджат, – продолжал рассказчик, – они бы не смогли рассказать нам, что подслушали. А он говорил о пути, который наметил.

Теперь разрешилась и эта загадка. Когда мы решали покинуть беджат, нас подслушали. Беджат выдали его за пленника беббе, чтобы добиться милосердия их победителей.

– Глупцом он был еще и потому, что дал тебе себя обмануть!

– Да, но еще глупее повел себя Газаль Габоя, когда приказал убереечь всадников и вороного. То, что первые пропали, – шайтан с ними, а вот коня жаль. Люди без лошадей и с ними их предводитель могли бы просочиться через горы незаметно, а вот с конем им так просто не уйти. Мы их внизу обязательно настигнем.

Трое беббе насобирали грибов, и здесь они их чистили и резали, чтобы потом отнести в лагерь. Прекрасное место для доверительного обмена мнениями!

– И что же решил шейх? – спросил третий.

– Он послал гонца. Другой отряд должен дожидаться, пока взойдет солнце. Если к тому времени никто из беглецов не обнаружится, остальные сядут на коней и примкнут к нам для поисков. И мы сегодня же вернемся.

– А что станет с двумя пленниками?

– Это правоверные и очень твердые люди, они до сих пор не произнесли ни слова. Но они скажут, кто они, и заплатят выкуп, если не хотят умереть.

Я услышал достаточно и осторожно пополз назад. Эти трое уже заканчивали и если бы поднялись, то увидели бы меня.

Итак, я был глупцом, самым глупым из всех нас! Этот сомнительный комплимент показался мне справедливым. Но, тем не менее, нужно было срочно что-то предпринимать. К полудню хаддедины должны быть освобождены. Но как?

Трое мужчин поднялись со своих мест. Значит, я отполз вовремя. Тот, кто выдавал себя за джиаф, произнес: «Идите, я должен сначала приглядеть за лошадьми». За ним-то я и последовал. Он, сам того не ведая, привел меня в лощину, по дну которой текла речушка. Здесь к стволам деревьев и кустарников были привязаны восемьдесят лошадей на таком пространстве, чтобы для каждой хватило выпаса. Место было светлое и солнечное, и от первой до последней лошади было всего восемьсот шагов.

Сверху мне все было отлично видно. Лошади были прекрасными, но мне особенно приглянулись шесть. Порадовало меня и то, что за всеми ними наблюдал лишь один курд. Справиться с ним было бы делом несложным.

Мой незванный помощник подошел к каурому коню с белым пятном на лбу, наверное, лучшему в табуне. Он явно был его хозяином, и мне захотелось отблагодарить его за комплименты. «В лучшем случае он пойдет домой на своих двоих».

Он переговорил накоротке с часовым и пошел в лагерь. Я последовал за ним, убежденный в том, что по дороге больше никто не встретится. Поэтому я шел близко-близко к нему.

По пути я насчитал шестнадцать хижин, образующих полукруг в тени деревьев. В самой большой поселился шейх Газаль Габойя – на ее макушке красовался большой тюрбан. Она находилась на ближнем ко мне конце полукруга, а рядом располагалась хижина с пленниками – перед ней сидели два курда с ружьями в руках.

Теперь я мог возвращаться к Халефу. Он все еще сидел на дереве. Я посвятил его в свой сложный план освобождения, а потом мы спрятались в месте, откуда можно было обзирать окрестности, и стали с нетерпением ждать. Такое ожидание всегда отнимает много нервов, в то время как само действие совершается спокойно и хладнокровно.

Прошло два часа, когда, наконец, внизу появился одинокий всадник.

– Это говорит о том, что они идут, – сказал Халеф.

– Быть может, ты видел высокую ель над углублением, где находятся лошади?

– Да, сиди.

– Двигайся туда и жди меня там. Я должен послушать, что скажет этот всадник. Возьми с собой Дояна, он мне сейчас не нужен. И оружие заberi.

Он забрал собаку и ушел. Я же так близко подобрался к палатке шейха, что слышал, как там разговаривали. Едва я успел укрыться за стволом, как появился всадник. Он спрыгнул с лошади.

– Где шейх? – спросил он.

– Там, в своей палатке.

Газаль Габойя вышел наружу.

– Что ты привез?

– Воины должны скоро появиться.

– А беглецов не видели?

– Нет.

– Ваши глаза были закрыты.

– Мы несли вахту всю ночь. Мы прочесали все долины вокруг.

– Вон они идут! – крикнул кто-то за пределами лагеря. На этот крик все сбежались на поляну, оба стража тоже отошли от палатки. Они могли не опасаться – их пленники были связаны.

Ситуация была как нельзя более удачной. Одним прыжком я оказался за палаткой. Два удара ножом – и я внутри. Они лежали рядом со связанными руками и ногами.

– Мохаммед Эмин, Амад эль-Гандур, вставайте, живо! Две секунды понадобилось, чтобы перерезать веревки.

– Пошли, быстро!

– Без оружия? – спросил Мохаммед Эмин.

– Кто у вас его забрал?

– Шейх.

Я выбрался из палатки и огляделся. Никто не наблюдал за лагерем.

– Выходите и за мной!

Я подскочил к палатке шейха и нырнул внутрь, хаддедины – следом за мной. Они пребывали в состоянии лихорадочного возбуждения. Здесь висело их оружие, а также два разряженных пистолета и длинное персидское ружье шейха. Я схватил пистолеты и ружье и выглянул. Мы пока оставались незамеченными.

Путь до Халефа занял несколько минут.

– Машалла! Слава Аллаху! – вскричал он.

– Теперь к лошадям! – приказал я.

Часовой сидел внизу, повернувшись к нам спиной. В одно мгновение вперед выскочила собака, и парень оказался на земле. Он успел один раз крикнуть, на второй у него уже не хватило мужества. Я указал на шесть лучших лошадей и крикнул Амаду эль-Гандуру:

– Придержи их пока! Халеф, Мохаммед, скорее гоните остальных в лес!

Оба поняли меня с полуслова. По двадцать пять привязей на человека – не так уж много, а затем мы погнали освобожденных животных пинками и камнями в лес. Амаду с трудом удавалось удерживать шесть лошадей. Я повесил на них ружья и засунул пистолеты в седельные сумки. Затем сел на каурого и взял на повод второго.

– А теперь вперед! Самое время!

Даже не оглядываясь, я погнал каурого по откосу вверх, а потом нас принял густой лес. Здесь из-за пересеченной местности пришлось двигаться медленно. К тому же мы ехали в объезд. Но, в конце концов, выбрались на удобную тропу, по которой мы поскакали быстрее.

Сзади послышались громкие крики, но нам некогда было разбираться. Только вперед!

Нам пришлось сделать большую дугу, и в том месте, где эта дуга начиналась, показались два всадника. Едва заметив нас, один из них развернулся, а второй поскакал за нами.

– Давайте в галоп, быстрее, иначе я останусь без жеребца! – крикнул я. – Мы обгоним беббе на поворотах!

Надо сказать, что выбор мы сделали прекрасный: лошади оказались отличными скакунами. Скоро показался наш лес. Мы скрылись между деревьев. Я обнаружил только Алло.

– А где эмир? – спросил я у него.

– Наверху с конем.

– Вот ружье. Садись на этого Лиса. Он твой.

Я отдал ему ружье шейха и поскакал вверх, к пещере.

– Уже обернулись, мистер? О! А! Как прошло дельце?

– Хорошо! Хорошо! Но у нас нет времени, нас преследуют. Скачите изо всех сил вниз, сэр, там вас ждет лошадь.

– Преследуют! Отлично! Что, лошадь? Ах! Хорошо!

Он поскакал с горы. Я отвязал вороного и повел его вниз. Это заняло больше времени, чем мне хотелось, и когда я оказался внизу, все уже сидели верхом, а Халеф держал двух на привязи.

– Слишком поздно, эфенди, – сказал Мохаммед Эмин, – посмотри!

Всадника, преследовавшего нас, уже было видно. Я пригляделся и узнал в нем моего парня.

– Видите, кто это? – спросил я.

– Да, сиди, – отозвался Халеф. – Это вчерашний джиаф.

– Это беббе, и он предал нас. Подпустим его – и он наш.

– А если другие приедут?

– Так быстро у них не получится. Сэр Дэвид! Мы скачем вперед и берем его в клещи. Если он захочет стрелять, мы выбиваем у него оружие из рук.

– Отлично, мистер!

Тут беббе исчез за следующим поворотом дороги, и мы покинули наше укрытие. Когда мы подъехали к этому повороту, то оказались на пятьдесят шагов ближе. Он услышал нас и обернулся. Беббе так испугался, что произвольно остановил лошадь. Прежде чем он опомнился, мы окружили его.

Он рванулся за ножом. Я перехватил его руку и сжал ее так, что он выронил оружие. А пока Линдсей забирал у него копье, я перерезал ремень, на котором висело его ружье, и оно упало.

Он был разоружен, и его лошадь уже скакала с нашими в одном строю. Так распорядилась судьба.

Мы значительно продвинулись на юг, и когда отъехали на приличное расстояние, сбавили темп, Алло выехал вперед указывать дорогу.

– Что делать с этим парнем, мистер? – спросил Линдсей.

– Наказать!

– Да уж, лжеджиаф! Как накажем?

– Не знаю, посоветуемся.

– О, верхняя палата, нижняя палата! А как вы освободили хаддединов?

Я вкратце поведал ему эту историю. Когда я уже заканчивал свой рассказ о том, как обезоружил часового у лошадей, мне вдруг ударило в голову:

– О! Что я наделал!

– Что такое, мистер? Ведь все хорошо!

– Я в спешке забыл забрать своего пса!

– Какая неприятность! Но он сам прибежит!

– Да нет, он, наверное, погиб и часовой тоже.

– Почему погиб?

– Потому что если его побеспокоить или угрожать ему, он вцепится человеку, которого он охраняет, в горло. А потом беббе его, конечно, застрелит.

Я бы вернулся ради него, но был уверен, что его нет в живых! О потере верной и умной собаки погоревал и Халеф. Я провел несколько полуденных часов в унынии. Вечером мы сделали остановку и только тогда связали беббе. Несмотря на спешку, у Халефа нашлось время нагрузить на пустую лошадь убитого козла, так что едой мы были обеспечены.

После еды пленный был допрошен. До сих пор он не произнес ни слова. Пока он терпеливо сносил все, что с ним происходит, потому как надеялся, что свои вот-вот его освободят.

– Послушай, человек, – начал я допрос, – ты кто, джиаф или беббе?

Он молчал.

– Отвечай на вопрос!

Он и глазом не повел.

– Халеф, сними тюрбан и срежь-ка ему прядь волос!

Это самое большое оскорбление, какое только можно нанести курду и мусульманину вообще. Когда Халеф с ножом в правой руке подошел слева к нему, тот взмолился:

– Господин, не трогай волосы! Я отвечу!

– Хорошо! К какому племени ты относишься?

– К беббе.

– Вчера ты солгал нам!

– Врагам нельзя говорить правду.

– Ты просто негодяй. Кроме того, ты клялся бородой Пророка.

– Клятва, данная неверному, не считается таковой.

– Ты давал ее и правоверным, их четверо среди нас.

– Это меня не касается.

– И потом, ты назвал меня глупцом!

– Это ложь, господин!

– Ты говорил, что мы все глупцы, а я – самый главный. Я слышал это собственными ушами за лагерем, когда вы резали грибы. Я все слышал, а потом я похитил ваших пленников и лошадей. Так что ты мог видеть, насколько я глуп.

– Прости, господин!

– Мне нечего тебе прощать, ибо слово из твоего рта не оскорбит эмира из Франкистана. Вчера я освободил тебя, хотя ты не заслуживал этого. Сегодня ты снова в моих руках. Кто из нас умнее? Ты ведь брат шейха Газаля Габойи?

– Нет.

– Хаджи Халеф, отрежь ему прядь волос!

Это помогло.

– Кто тебе сказал, что я брат шейха?

– Один из тех, кто тебя знает.

– Тогда скажи, какой выкуп тебе нужен?

– Вы хотели получить за них, – я показал на хаддединов, – деньги, вы, курды. Я же не прошу никакого выкупа, ибо я христианин. Я поймал тебя только для того, чтобы показать, что у нас больше ума, мужества и чести, чем вы думаете. Кто сегодня первым заметил, что пленники сбежали?

– Шейх.

– А как он это заметил?

– Он вошел в палатку, а там не было ружей пленников и его оружия тоже.

– Я все это забрал.

– Я полагал, христианин не может взять без спроса!

– Это верно. Христианин не должен брать чужое добро, но он и не даст обворовать себя каким-то курдам. Вы застрелили наших лошадей, которые были нам дороги, и я взял за них шестерых ваших, которые нам недороги. У нас в сумках было много нужных нам вещей – вы украли их, а за это я позаимствовал оружие шейха. Мы совершили обмен: вы начали обмен силой, а я закончил его силой.

– Наши лошади лучше, чем ваши!

– А зачем тогда понадобилась моя?

– Шейх хотел ее иметь.

– Он действительно верил в то, что получит моего скакуна? И даже если бы это случилось, я бы нашел способ его вернуть. Кто обнаружил сегодня отсутствие лошадей?

– Тоже шейх. Он, после того как не нашел пленников, кинулся к лошадям.

– И он ничего не обнаружил?

– Часового, лежащего под собакой.

– И шейх освободил его?

– Нет. Он попал под собаку в наказание за то, что был плохим часовым.

– Но это же бесчеловечно. Разве вы не люди?

– Так приказал шейх.

– И это случилось бы и с тобой, если бы ты недосмотрел? Я лежал за лавровишной, всего лишь в одном шаге от тебя, потом подобрался к лошадям, о которых толком ничего не знал...

– Господин, не говорите об этом шейху!

– Будь спокоен! Я буду иметь дело только с тобой. Я сейчас сообщу своим спутникам твои слова, и они решат твою судьбу. Тебя будут судить не двое христиан, а четверо мусульман.

И я перевел мой разговор с беббе своим товарищам.

– Что ты хочешь с ним делать? – спросил Мохаммед.

– Ничего, – ответил я спокойно.

– Эмир, он нас обманул, предал и выдал в руки врага. Он заслуживает смерти.

– И что самое главное, – добавил Амад эль-Гандур, – при этом он клялся на бороде Пророка. Он трижды заслуживает смерти.

– Что ты скажешь на это, сиди? – спросил Халеф.

– Ничего. Сами решайте, что с ним делать!

Пока четверо мусульман совещались, англичанин допытывался у меня:

– Ну что, что с ним будет?

– Я не знаю. А что могло бы быть?

– Да пристрелить.

– А право у нас на это есть?

– Да, есть!

– По закону дело пойдет так: мы ставим в известность консула, потом жалоба идет в Константинополь, а оттуда паша Сулеймании получает распоряжение наказать злоумышленников или сам штрафует их.

– Сложной дорогой идет закон!

– Но это единственный путь для иностранных граждан. И еще: как христианин, что бы вы сделали с этим врагом?

– Не мучайте меня этими вопросами, мистер! Я англичанин. Делайте что хотите!

– А если я его просто отпущу?

– Пусть бежит. Я за него не беспокоюсь, он не заслуживает смерти. Лучше бы ему привесить мой больной нос – это было бы лучшим наказанием для человека, показавшего нам нос вчера, да такой, что почище моего будет! Да уж!

Бebbe, похоже, опять томился от неизвестности. Он снова взмолился:

– Господин, что со мной будет?

– Это целиком зависит от тебя. Кого ты желаешь видеть своими судьями? Четырех правоверных или двух гяуров?

– Господин, я взываю к Аллаху и Пророку, судить меня могут настоящие верующие.

– Да исполнится воля твоя! Они оба простили тебя и передадут завтра твоим. Я умываю руки. Пусть будет что будет.

Наконец приняли решение остальные.

– Эмир, мы застрелим его, – сказал Мохаммед.

– Этого я не допущу ни в коем случае.

– Он обманул Пророка!

– А вы что, судьи ему? Пусть решает сам свои дела с имамом, Пророком и своей совестью!

– Он шпионил и предал!

– А кто-нибудь лишился от этого жизни?

– Нет, но мы потеряли другое.

– Хаджи Халеф Омар, ты знаешь мое решение. Мне неприятно видеть тебя таким кровожадным.

– Сиди, я не желал этого, – истово оправдывался он. – Этого хотят хаддедины и банна.

– Я полагаю, что банна вообще здесь должен помолчать. Он наш проводник, и ему за это платят. Измените ваш приговор!

Они снова зашептались, потом Мохаммед Эмин сообщил мне результат:

– Эмир, нам не нужна его жизнь, но он должен быть обещен. Мы отрежем у него прядь волос и ударим его прутом по лицу. Кто подвергается такому наказанию, лишается чести навсегда.

– Это еще страшнее смерти и не дает успешного результата. Я вlepил одному бebbe пощечину, потому как он оскорбил мою веру, а вчера он дрался на стороне шейха против меня. Его унизили эти удары?

– Отрезанная прядь унижит!

– Он возьмет и наденет тюрбан, чтобы ее не было видно.

– Ты же сам хотел это сделать еще совсем недавно!

– Нет, я бы это ни за что не сделал. То была лишь угроза, чтобы заставить его говорить! И вообще – зачем вам еще больше настраивать этого бекбе против нас? Они ощущают себя истинными нашими врагами, потому что считают нас сообщниками бекбе. Они не знают, что мы не участвовали в разбойничьем рейде, не знают, что я открыто, в лицо сказал хану Хайдару Мир ламу, что предупредил бы бекбе, если бы у меня была хоть малейшая возможность. Они встретили нас вместе с разбойниками и таковыми посчитали. Сейчас мы ускользнули от них, и, надеюсь, они нас оставили в покое. И вы хотите своей жестокостью заставить их снова обернуть оружие против нас?

– Эмир, мы были их пленниками, нам необходимо отомстить.

– Я тоже был пленником, причем чаще, чем вы, но я никогда не мстил. Раис из Шофра, Надир-бей – он захватывал меня в плен. Я сам освобождался и прощал все, а потом он стал моим другом. Разве это не лучше, чем если бы мы устроили кровавую резню?

– Эмир, ты христианин, а христиане либо предатели, либо – бабы!

– Мохаммед Эмин, повтори то, что ты сказал, и с этой минуты наши пути разойдутся. Я никогда не вмешивался в твою веру, почему ты лезешь в мою? Ты видел хоть раз, что Линдсей или я кого-нибудь предавали или вели себя как бабы? Я бы мог высказать много претензий исламу, сказать, что мусульмане неблагодарны, что они забыли сделанное для них Христом, – но я же этого никогда не говорю.

Он вскочил и выставил вперед руки:

– Эмир, прости меня! Моя борода белая, а твоя еще черная, но хотя сердце твое молодое и горячее, рассудок у тебя как у мудрого старца. Мы отдаем тебе этого парня. Делай с ним что хочешь!

– Мохаммед, я благодарю тебя. Твой сын согласен?

– Да, эфенди! – ответил Амад эль-Гандур.

Я повернулся к пленнику:

– Ты нам солгал однажды. Сейчас ты обещаешь говорить правду?

– Обещаю!

– Если я сейчас развяжу тебя, ты обещаешь не сбежать? Сдержишь слово?

– Господин, я обещаю!

– Хорошо. Эти четверо мусульман вернули тебе свободу. Сегодня ты еще останешься с нами, а завтра можешь идти куда пожелаешь.

Я развязал ему руки и ноги.

– Господин, я не обману тебя, но ты сам говоришь мне неправду.

– Неправду?

– Ты сказал, что эти, люди вернули мне свободу, но это неправда. Лично ты сделал это. А они сначала хотели меня застрелить, потом наказать прутьями и отрезать прядь волос! Ты же сжалился надо мной. Я понял все, потому что понимаю арабский так же, как и курдский. И я понял, что вы не пособники бекбе, а друзья бекбе. Эмир, ты христианин, я ненавижу христиан. Сегодня я их узнал лучше. Хочешь быть моим другом и братом?

– Да, хочу.

– Ты доверишься мне и останешься здесь, хотя завтра ваши преследователи окажутся в этих местах?

– Я доверюсь тебе.

– Тогда дай мне руку!

– Вот она. Но будут ли в безопасности мои друзья?

– Все, кто близок тебе. Ты не требовал с меня выкуп, ты спас мне жизнь, а затем и честь,

так что с головы твоих людей не упадет ни один волосок!

Сколько забот одновременно сняли мы с себя! Я и не предполагал, что этот человек понимал и арабский, но, к счастью, это обернулось на пользу. На радости я достал из седельной сумки последний табак, его сладкий дым сразу улучшил настроение, и с легким сердцем мы улеглись спать и даже не выставили часового.

На следующее утро реальное положение вещей казалось мне не таким романтичным, как вечером, при свете костра; но я все же решил довериться бекбе до конца.

– Ты свободен, – сказал я ему, – вот стоит твоя лошадь, а оружие ты подберешь на обратном пути.

– Мои сами заберут его, я останусь здесь, – ответил он.

– А если они не придут?

– Они придут! – убедительно возразил он. – А я позабочусь о том, чтобы они не проскакали мимо.

Эту ночь мы провели в одной из боковых долин, столь изогнутых и с таким узким входом, что нас невозможно было заметить из главной долины даже днем.

Бекбе устроился у этого выхода так, что мог озирать все окрестности. А мы с любопытством ожидали, что же будет дальше.

– А если он нас снова обманет? – спросил Мохаммед.

– Я верю ему. Он знал, что получит свободу, потому что понимал нашу речь, но не подавал вида. Думаю, что сейчас он сказал правду.

– Но если все же это произойдет, эмир, я клятвенно обещаю, что первая пуля будет адресована ему.

– Тогда он ее заслужит!

И Линдсей тоже не питал особых иллюзий.

– Мистер, не пускайте его к входу, мы окажемся в западне, если он нас опять предаст... Недурно было бы присмотреть за оружием и лошадьми.

Да, я взял на себя слишком большую ответственность, и на душе у меня кошки скребли, но, к счастью, развязки оставалось ждать недолго!

Мы заметили, что бекбе поднялся и стал внимательно всматриваться в даль, потом подошел к лошади и сел в седло.

– Куда? – спросил я.

– Встречу бекбе, – ответил он, – они едут. Разреши мне их подготовить, господин!

– Давай!

Он поскакал. Мохаммед Эмин опять высказал сомнение:

– Эмир, не сделал ли ты ошибку?

– Нет, думаю, что поступил правильно. Мы заключили с ним мир, и, если я выражу ему недоверие, это будет прямой путь к вражде.

– Он был у нас в руках и мог быть нашим заложником!

– Он вернется в любом случае. Наши лошади стоят так, что мы одним махом окажемся в седлах. Держите оружие наготове!

– Как ты себе это мыслишь, эмир? Их будет много, а мы будем стрелять только в лошадей?

– Мохаммед Эмин, я говорю тебе: если бекбе предаст, мы не спасемся тем, что убьем их лошадей, я же буду первым, кто наведет ружье на всадников. Сидите спокойно, я расположусь у входа в долину. Вы же следите за мной – мое поведение обо всем вам скажет.

Я прошел с моим конем через горловину, поднялся на камни и взял штуцер в руки. Отсюда можно было видеть невдалеке довольно значительную группу всадников, окруживших человека и внимательно его слушавших. Это был брат шейха. Потом двое отделились от отряда и поехали

по долине, а другие остались, где были. Я признал шейха Газалья Габойю с братом и понял, что нам нечего больше бояться.

Подъехав ближе и увидев меня, он резко остановил лошадь. Выражение его обожженного солнцем лица явно не было дружественным, а голос был почти угрожающим, когда он спросил:

– Чего ты хочешь здесь?

– Встретить тебя, – коротко отвечал я.

– Твой прием не очень-то теплый, чужестранец!

– А ты просишь у эмира из полуденных стран обращаться с тобой приветливее, когда идешь с ним на встречу?

– Человек, ты слишком горд! Почему ты сидишь на лошади?

– Потому что и ты сидишь.

– Поехали к твоим спутникам. Этот мужчина, мой брат, желает, чтобы я принял решение простить вас.

– Поехали, мои люди тоже хотели бы узнать, могут ли они простить вас или наказать.

Это было уже слишком!

– Эй ты! – вскричал он. – Вспомни, кто ты и кто мы!

– Я и так помню, – сказал я спокойно.

– Вас всего шестеро!

Я кивнул, улыбнувшись.

– А нас целое войско! Я кивнул еще раз.

– Тогда повинуйся и пропусти нас.

Я кивнул в третий раз и отъехал в сторону так, чтобы шейх и его брат смогли проехать по узкому ходу. Мы выиграли: шейх, желавший раздуть вражду вопреки воле своего брата, оказался полностью в нашей власти. Оба подъехали к моим спутникам, слезли с лошадей и уселись на землю. Я последовал их примеру.

– Они дружественны или враждебны, мистер? – спросил Линдсей.

– Пока не знаю. Вы хотите поучаствовать?

– Разумеется, да!

– Тогда через минуту поднимитесь с равнодушной миной.

– Хорошо, с ужасно равнодушной...

– ...и идите к входу на вахту.

– Watch-man? Прекрасно!

– Если увидите, что бекбе там, снаружи, пришли в движение, позовите нас.

– Я крикну как следует!

– А если кто-то из этих двоих захочет выйти без моего разрешения, стреляйте в него.

– Тогда я возьму свою старушку. Я Дэвид Линдсей, и я не промахнусь. Да уж!

Оба бекбе, конечно же, слышали этот разговор.

– Почему вы говорите на иностранном языке? – с подозрением спросил шейх.

– Потому что этот смелый эмир из полуночной страны понимает только язык своего народа, – ответил я, указывая на Линдсея.

– Смелый? Ты действительно думаешь, что он самый смелый среди вас? – Он пренебрежительно махнул рукой. – Вы ведь бежали от нас!

– Твоя правда, шейх, – возразил я, смеясь, – мы дважды бежали от вас, потому как мы мудрее и мужественнее вас. Ни один бекбе не в силах сладить с посланцем полуночных стран.

– Человек, ты хочешь оскорбить меня?

– Газаль Габойя, пусть твоя душа пребудет в покое, чтобы глаз был острым. Ты приехал к нам, чтобы говорить о мире. Если ты хочешь добиться успеха, прошу тебя быть вежливее, чем

раньше. Нас всего несколько, а вас, как ты сам говоришь, целое войско, но это войско так и не смогло нас захватить. Это стыд или честь? Не из трусости отказываемся мы от боя с вами, а оттого, что хотим сберечь ваши жизни.

– Чужеземец, ты лжешь! – вскричал он.

– Ты так считаешь? Твой человек был в полной моей власти на моем коне; твой брат был нашим пленником; а когда мы были в твоём лагере, освобождали наших людей, твоя жизнь была в наших руках. Мы не тронули вас и впредь не хотим трогать, зная, что ты достаточно умен, чтобы понять обстановку, в которой оказался.

– Я ее понимаю. Это положение победителя. Я жду, что вы принесете свои извинения и вернете все, что награбили у нас.

– Шейх, ты заблуждаешься, ибо ты находишься в положении побежденного. И не мы, а ты должен приносить извинения, причем немедленно!

Бebbe уставился на меня, от изумления не в состоянии вымолвить ни слова. Потом рассмеялся.

– Чужеземец, ты что, считаешь бebbe собаками, а меня, их шейха, – ублюдком? Я пришел к вам по просьбе моего брата, чтобы определить степень вашей вины. Наказание ваше будет мягким. Дух вражды снова витает между нами, и вы должны понимать, что достаточно одного моего слова, чтобы стереть вас в порошок.

– Отдай же такой приказ, шейх Газаль Габойя, – ответил я холодно.

Тут впервые подал голос его брат:

– Этот чужеземец из полуночной страны – мой друг, он спас меня от позора и смерти! Я дал ему слово, что между нами будет мир, и я должен сдержать слово!

– Держи, если сможешь обойтись без меня.

– Бebbe никогда не нарушает обещаний. Я останусь на стороне моего защитника, пока он в опасности, и я еще посмотрю, как члены нашего племени осмелятся напасть на людей, находящихся под моей защитой.

– Твоя защита – это не защита племени. Твое безумие станет твоим несчастьем, ты погибнешь с этими людьми.

Шейх поднялся и направился к лошади.

– Это твое окончательное решение? – спросил брат.

– Да. Если ты останешься здесь, я ничего не смогу для тебя сделать, кроме разве что приказа не стрелять в тебя.

– Этот приказ не имеет смысла. Я убью каждого, кто будет угрожать моему другу, даже если этим человеком окажешься ты, а потом пусть убивают и меня.

– Делай что хочешь! Аллах пожелал, чтобы ты потерял рассудок, пусть он охраняет тебя, раз уж я не смог этого сделать. Я ухожу!

Он сел на лошадь и собрался уезжать. Но тут Линдсей вскинул ружье и наставил прямо в грудь шейха.

– Стой, старичок! – произнес он. – Слезай, или я немножко застрелю тебя. Да!

Шейх повернулся ко мне и спросил:

– Что хочет этот человек?

– Застрелить тебя, – спокойно ответил я, – ибо я еще не разрешил тебе покидать это место.

По суровому выражению моего лица он понял, что я не шучу. Видел он и то, что англичанин держит руку на спуске. Он снова повернулся и гневно закричал:

– Чужеземец, ты обманщик!

– Шейх, еще раз повтори это слово – я дам знак часовому и ты труп!

– Но ты ведешь себя предательски! Я прибыл как посланник своего племени и должен

беспрепятственно вернуться назад.

– Ты не посланник, а предводитель своего племени, право посредника за тобой не закреплено.

– А ты знаешь, что такое право народа?

– Я-то знаю, но тебе это неизвестно. Может, ты когда-нибудь слышал об этом, но твой дух еще не вырос до этого. Право, о котором ты говоришь, включает честность в борьбе, предусматривает предупреждение противника о том, что ты нападешь на него. Сделал ли ты так? Нет. Ты напал на нас как разбойник, как стервятник, терзающий голубку. И после этого удивляешься, что тебя считают разбойником? Ты пришел к нам, поскольку считаешь нас трусами, но правда совсем иная. Ты покинешь это место, когда я этого захочу. Если захочешь сделать это сам, это будет стоить тебе жизни. Слезай с лошади и садись сюда. И не забудь, что я жду от тебя учтивости и смерть твоя нам не нужна – она последует, только если беббе нападут первыми.

Он нехотя повиновался моему приказу, но все же не преминул заметить:

– Мои люди отомстят за меня!

– Мы не боимся твоей мести, и ты знаешь это и еще узнаешь. Давай лучше вспомним о том поводе, который привел тебя к нам. Говори, шейх Газаль Габойя, давай разберемся.

– Вы наши враги, ибо примкнули к беджат, чтобы ограбить нас.

– Это заблуждение. Беджат встретились с нами, когда мы расположились лагерем на ночлег, и их шейх Хайдар Мирлам пригласил нас к себе в гости. Он сказал нам, что собирается на праздник к джаиф, и мы поверили ему. Если бы мы знали, что он собирается напасть на вас, мы бы к нему не примкнули. Он забрал ваш скот, когда мы спали, а когда я разузнал об этом, то высказал ему все, что об этом думаю. Ты же напал на нас, хотя мы не боялись вас, а только избегали боя, пытаясь доказать, что мы невиновны. А ты тем временем не оставлял нас в покое. Я пришел в твой лагерь, забрал пленных, вы не потеряли ни одного человека, хотя в лагере можно было устроить настоящую бойню. Вы стали на нас охотиться, мы поймали твоего брата, но с него не упал ни один волосок. Подумай, шейх, ведь мы отнеслись к тебе не как враги, а как друзья! А вместо благодарности ты адресуешь нам злые слова и оскорбления! Вместо того чтобы попросить прощения, ты заставляешь нас сделать это. Аллах рассудит нас! Мы тебя не боимся!

Он слушал меня вполуха и ответил на мою речь так:

– Твое повествование было долгим, чужеземец, и все, что ты поведал, – ложь.

– Докажи!

– Это нетрудно сделать. Беджат – наши враги. Вы были при них. Значит, и вы наши враги.

Когда мои люди преследовали вас, вы убили их лошадей. Это дружба?

– А дружба ли то, что вы нас преследовали?

– Ты заморочил мне голову. Ты бьешь по лицу храбрейших моих воинов, сбрасываешь их с коней как надоедливых червей. Это дружба?

– Ты напал на меня, поэтому я ответил тем же! Твои храбрые воины пытались меня унижить, и я показал им, что они против меня черви.

– Твои удары по лицу были величайшим оскорблением! Униженный требует твоей крови!

– Мои удары не оскорбление, а честь для него, поскольку ты еще разрешил ему бороться на твоей стороне. Если ему нужна моя кровь, может приходиться и забирать ее.

– И наконец, вчера вечером ты украл лучших наших лошадей. Это дружба?

– Я забрал у вас этих лошадей, потому что вы застрелили наших. Все твои обвинения фальшивы и безосновательны. У нас нет ни времени, ни терпения испытывать свои нервы. Скажи коротко, чего ты хочешь, и мы тут же дадим тебе наш ответ.

Шейх начал:

– Я требую, чтобы вы пошли с нами...

– Дальше! – прервал я его.

– Вы передадите нам ваших лошадей, ваше оружие и все, что у вас есть...

– Дальше!

– Ты извинишься перед человеком, которого ударил...

– Дальше!

– Потом можете ехать, куда хотите.

– Это все?

– Да, ты видишь – я краток.

– Из чего должно состоять мое извинение?

– Из слов, которые мы определим. Я надеюсь, ты примешь мои условия?

– Нет. Не вы, а мы должны требовать у вас. И желание твое безосновательно. Как я могу возмещать вам убытки, когда вы отняли у нас все? Я прошу вас отпустить нас под добрым поздравом, вам же будет лучше. Не забудь, что ты находишься в моих руках!

– Ты что, дашь меня убить?!

– Не убить, а застрелить, как только беббе выкажут малейшую враждебность по отношению к нам.

– Они за меня отомстят, я вам уже говорил.

– Они не отомстят, а только навредят себе. Посмотри, шейх, в этой винтовке двадцать пять пуль, а в ружье – две. В каждом из двух револьверов – по шесть зарядов, а в твоих пистолетах, которые ты видишь здесь, в моей сумке, – по два. Так что всего сорок два, это без перезарядки. Мои спутники вооружены не хуже, и к тому же мы находимся в таком месте, куда одновременно не войдут и два человека. Все твои люди погибнут, даже не ранив ни одного нашего. Внемли мне и своему брату. Оставь нас, дай нам уехать!

– Чтобы меня обсмеяли и насмехались до конца дней? Откуда в винтовке так много пуль? Я не верю.

– Я не обманываю. Силадары (оружейники) полуденной страны лучше ваших. Посмотри сюда!

Я показал ему устройство штуцера и револьвера, и его озабоченное лицо означало, что я выбрал верную тактику.

– Аллах велик, – бормотал он. – Отчего он не дал своим правоверным детям власть над таким искусством?

– Аллах велик потому, что он дает такое оружие в руки благоразумных людей... Что ты решил?

– Господин, я видел ваше оружие, оно лучше нашего, но мы все равно его не боимся. И тем не менее я прошу оказать нам милость и дать то, что мы потребуем.

– Что тебе нужно?

– Шесть наших лошадей, забранных у нас, плюс твоего вороного. Кроме того, это ружье с двадцатью пятью пулями и два револьвера с шестью, и мои собственные, украденные из палатки. И больше ничего.

– Ты не получишь своих лошадей, ибо убил наших, мой жеребец тоже тебе не достанется – он стоит тысячи ваших коней. И оружие мое мне нужно самому, а чтобы показать тебе, что я настроен миролюбиво, ты вернешь себе свои пистолеты и ружье, при условии, что оставишь нас в покое.

– Подумай, чужеземец, что ты говоришь...

Он застыл, потому как снаружи грянул выстрел, еще один, еще и еще. Я повернулся к

англичанину:

– Что там, сэр?

– Доян! – ответил он.

От этого слова я как наэлектризованный бросился к проходу. Это была моя борзая. Курды устроили на нее настоящую охоту, но пес был достаточно умен, чтобы обогнуть охотников стороной. Доян был таким измученным, усталым, что маленькие проворные лошадки беббе без труда настигали его. Пес был в опасности, его могли застрелить. Я прыгнул к коню.

– Шейх Газаль Габоя, сейчас ты сам убедишься, что за оружие у эмира из полуночной страны. Но бойся заходить за проход. Ты мой пленник – напоминаю тебе об этом!

Я сел на коня.

– Куда, сиди? – спросил Халеф.

– Спасать собаку.

– Я с тобой.

– Нет, останься. Следи за беббе, чтобы не сбежали.

Я выскочил на равнину и поднятой рукой дал курдам знак отпустить Дояна. Они видели это, но не послушались. Пес тоже заметил меня и, вместо того чтобы обежать их по дуге, припустился ко мне напрямую. Этот путь приводил его прямо в руки преследователей. Мне вовсе не хотелось отдавать своего друга на растерзание врагу. Поэтому я на расстоянии выстрела остановил коня. По моему знаку он стал как вкопанный. Я прицелился и двумя выстрелами бросил в траву двух самых ближних к Дояну курдских лошадей. Он, невредимый, кинулся ко мне, а курды подняли дикий крик. От радости пес запрыгнул ко мне на лошадь, но я тут же спихнул его обратно.

– Бураджа! Бураджа! (Сюда! Сюда!) – слышал я крики у входа в долину.

Это кричал шейх, пытавшийся воспользоваться создавшимся положением и ускользнуть. Курды услышали его, пришпорили коней и рванулись в его сторону. Я кинулся в ту же сторону и увидел такую картину: у входа в ущелье на земле лежал шейх, а Халеф и англичанин пытались связать его. Его брат индифферентно стоял поодаль.

– Эмир, пощади моего брата! – попросил он.

– Если ты приглядишь за шейхом, – ответил я.

– Я выполню это, господин!

Я соскочил с коня и приказал всем лечь на землю под скалами.

– Стреляйте только по лошадям!

– Так ты держишь слово, эмир? – гневно спросил Мохаммед Эмин.

– Брат шейха ведет себя честно. Итак, первый залп по лошадям, а потом посмотрим!

Беббе находились как раз на расстоянии выстрела. Я разрядил оба ствола двустволки и взялся за штуцер. Выстрелы прозвучали – и еще раз.

– Они падают! – закричал англичанин. – Пять, шесть, девять лошадей! Да!

Он поднялся из своего укрытия, чтобы, как и другие, перезарядить ружья. Даже Алло, угольщик, сделал выстрел из ружья шейха. Он был виноват в том, что один из беббе был ранен, пули же остальных попали куда надо.

Первый залп заставил курдов замедлить свою скачку. Второй остановил их.

– Come on! Вперед! – кричал Линдсей. – Выходим! Убьем этих собачьих мучителей!

Он ухватил ружье за дуло и хотел в самом деле броситься на курдов. Я остановил его.

– Вы что, с ума сошли, сэр? Хотите лишиться своего чудесного патентованного носа? Оставайтесь там, где стоите!

– Но почему? Отличный же момент. Пошли, мистер!

– Бессмысленно! Здесь безопаснее, а там – нет.

– Безопаснее? Хм! Тогда лежите на канаве и предавайтесь дреме. Глупо! Глупо упускать этих парней. Да!

– Только спокойнее. Видите – они поворачивают! Они получили хороший урок и теперь подумают над ним.

Урок! Он стоил всего пары лошадей... Тут мне положил на плечо руку брат шейха.

– Эмир, – сказал он, – я благодарен тебе. Ты ведь мог убить многих из них, больше, чем там лежит лошадей, но ты ведь этого не сделал! Ты христианин, но Аллах защитит тебя!

– Но ты видишь, что наше оружие превосходит ваше?

– Вижу.

– Тогда походи к бекбе и расскажи им об этом.

– Я непременно сделаю это. Но что станет с шейхом?

– Он остается здесь. Даю тебе пятнадцать минут. Если ты не вернешься за это время с мирным посольством, шейх повиснет на вот этом суку. Постарайся не мешкать – я уже устал от этой бесполезной драки.

– А если я принесу с собой мир?

– Тогда я сразу же освобожу шейха.

– А как с тем, что он у тебя выпрашивал?

– Ничего не получит.

– И даже ружье и пистолеты?

– Нет. Он виновен в том нападении, которое мы только что отбили, и снисхождения пусть не ждет. Мы победители. Делай что хочешь!

Он ушел, а я снова зарядил свои ружья. Пес лег у меня в ногах и вилял хвостом от радости, хотя от усталости язык почти вывалился у него из пасти.

– Как ты думаешь, эмир, загрыз ли он того часового, на которого бросился тогда?

– Надеюсь, нет. Думаю, Доян его отпустил, когда ему надоело – ведь он провел на часовом всю вторую половину дня и всю ночь. Бедное животное устало. Халеф, дай ему поесть. А воду ему дадим попозже.

Шейх, связанный, лежал на земле и молчал, но его глаза следили за каждым нашим движением. По всему было видно, что он никогда не станет нашим союзником.

Мы с волнением ждали ответа от курдов. Они столпились в одном месте и по бурной жестикуляции было заметно, что спор идет жаркий. Наконец наш посол вернулся.

– Я принес мир, эмир, – сообщил он.

– На каких условиях?

– Условий нет.

– Такого я не ожидал, ты старательно потрудился. Я благодарю тебя!

– Пойми вначале, прежде чем благодарить меня, господин. Хоть я и принес тебе мир, но эти бекбе не идут ни на какие условия!

– А, и это вы называете миром? Ладно. Скажи им, что я забираю твоего брата, их шейха, с собой в качестве заложника.

– И сколько ты будешь его держать у себя?

– Столько, сколько мне захочется. Столько, сколько мне понадобится, чтобы понять, что вы нас оставили в покое. А потом отпущу его живым и невредимым.

– Я верю тебе. Позволь сообщить это моим братьям.

– Иди к ним и прикажи им скакать к горам, окружающим равнину. Если я увижу, что они возвращаются, – шейх умрет.

Он уехал, и вскоре мы увидели, как курды сели на лошадей и потянулись на север. Сам он вернулся за своей лошастью.

– Эмир, – обратился он ко мне. – Я был твоим пленником. Ты предоставляешь мне свободу?

– Да, ты мой друг. Вот, возьми пистолеты брата. Не ему, а тебе я их возвращаю. Ружье же останется собственностью мужчины, которому я его подарил.

Он подождал, пока связанного шейха не водрузили на лошадь. Потом помахал рукой:

– Живи долго, господин! Аллах да благословит твои руки и ноги! Ты берешь с собой человека, который стал тебе и мне врагом, но все же я прошу о снисхождении для него, ибо это сын моего отца.

Он долго смотрел нам вслед, пока мы не исчезли. Шейх же даже не удостоил его взглядом – ясно было, что они стали заклятыми врагами.

Мы двинулись на юг. Халеф и Алло поместили шейха между собой, и мы ехали практически молча. Я заметил, что мои действия за последние два дня не вызывали у моих спутников большого восторга. Открыто об этом почти ничего не говорилось, но я видел это по их взглядам, лицам и поведению. Хотя мне легче было бы стерпеть открытое выражение недовольства, чем молчаливые упреки.

Да и природа вокруг была какая-то мрачная. Мы ехали мимо гор, голых ущелий, а вечером стало холодно, как зимой. Ночь, проведенная между двух неприветливых скал, не прибавила радужного настроения.

Незадолго до рассвета я, взяв ружье и оседлав вороного, направился добыть дичи. После долгих поисков удалось подстрелить несчастного барсука – он оказался моей единственной добычей. Все спутники уже поднялись. Взгляд, которым удостоил меня Халеф, подсказал мне, что за время моего отсутствия что-то стряслось. Долго ждать не пришлось. Едва я слез с лошади, Мохаммед Эмин спросил меня:

– Эмир, как долго нам терпеть здесь этого шейха?

– Если ты расположен поговорить на эту тему, удали сначала пленного, а то он понимает по-арабски не хуже своего брата.

– Алло может взять его на свое попечение.

Я последовал этому совету, отвез шейха подальше и оставил под присмотром угольщика, которому наказал получше следить за ним, и вернулся к остальным.

– Теперь нас не подслушают, – сказал Мохаммед Эмин, – и я повторяю свой вопрос: как долго мы будем нянчиться с этим бейбе?

– А почему ты об этом спрашиваешь?

– Разве у меня нет на это права, эфенди?

– У тебя есть право, и я его не оспариваю. Я хотел оставить его у нас, пока не удостоверюсь, что нас не преследуют.

– Как ты хочешь в этом убедиться?

– А вот как я рассуждаю. Мы продолжаем наш путь до полудня; вы разбиваете лагерь в определенном нами месте, я же скачу назад – и нахожу или не нахожу бейбе. Утром после завтрака я снова с вами.

– Стоит ли враг стольких усилий?

– Не враг стоит, а наша безопасность.

– А почему ты не хочешь сделать все проще?

– Как же ты мыслишь это?

– Ты знаешь, что он наш враг?

– Даже очень большой враг!

– Который и после жизни будет нам врагом?

– Обязательно.

– Который нас предавал, даже находясь в наших же руках, когда звал своих из долины, а ты

В это время спасал пса...

– Это правда.

– По законам кочевых арабов он многократно заслужил смерть.

– Эти законы имеют силу здесь?

– Они действительно везде, где почитают Коран.

– Вы хотите пленного судить? Даже наверняка обговорили ему приговор? Каков же он?

– Смерть!

– Почему же вы не привели его в исполнение?

– Разве мы могли это сделать без тебя, эмир?

– У вас просто не хватило мужества сделать это без меня. Но есть ли у вас сердце судить пленного в мое отсутствие? Ох, Мохаммед Эмин, ты пошел по скользкой дорожке, и смерть пленного может стать и твоей смертью тоже!

– Как это понять?

– Да очень просто. Вот сидит мой друг Дэвид Линдсей – бей, а вот мой храбрый хаджи Халеф Омар. Как ты думаешь, разрешили бы они тебе казнить его в мое отсутствие?

– Они бы нам не мешали. Они знают, что мы сильнее.

– Это правда, вы – храбрейшие из хаддединов, но эти люди тоже не ведали страха. А как ты думаешь, что бы я сделал, увидев последствия ваших действий?

– Ты бы уже ничего не изменил.

– Да, это правда, но последовала бы другая смерть – ваша. Я бы воткнул ваш нож в землю и боролся бы с вами уже как мститель того, кого вы убили. Аллах знает, удалось бы вам победить меня.

– Эмир, давай не будем об этом. Ты видишь, мы всегда спрашиваем тебя, прежде чем что-то делать. Шейх заслужил смерть, давай же об этом посоветуемся!

– Советоваться? Разве я не обещал его брату, что мы не тронем его, если нас не станут преследовать?

– То было опрометчивое обещание. Ты дал его, не спросив нас. Ты что, наш шейх, раз позволяешь себе действовать совсем без нашего участия?

Это был выпад, которого я не ожидал. Я немного собрался с мыслями, а потом сказал:

– Да, вы правы, я действовал, не советуясь ни с кем. Но это случилось не потому, что я возомнил себя высшим существом, а из других побуждений. Вы не понимаете курдского языка, и я был единственным, кто мог с ними разговаривать. Мог ли я переводить вам все наши разговоры? Разве в такой обстановке мыслимо обговаривать каждый шаг, каждое слово со своими спутниками, не говорящими на этом языке? Это явно не было бы нам всем на пользу.

– С тех пор как мы повстречались с беджат, твои советы ни разу не были хороши.

– Я с этим не согласился бы, хотя оспаривать ничего не буду. Я не Аллах, а человек, и мне свойственно ошибаться. В свое время вы доверили мне руководство над вами; теперь я вижу, что доверие растворилось, и я добровольно складываю полномочия. Мохаммед Эмин, ты самый старый из нас и тебе по праву принадлежит право командования.

Этого они не ожидали, но последняя фраза весьма польстила старому хаддедину.

– Это твое твердое решение, эмир? И ты действительно считаешь, что я могу стать вашим предводителем?

– Да, ты так же умен, как и мужествен.

– Я благодарю тебя! Но я не знаю языка курдов.

– Я буду твоим переводчиком.

Этот славный человек не понимал, что из-за особых отношений в нашем небольшом сообществе не представлялось возможным держать руководство в одних руках.

- И потом, – продолжил я, – придем же мы когда-нибудь в области, где говорят по-арабски.
- А остальные согласны с твоим предложением? – спросил Мохаммед.
- Хаджи Халеф Омар сделает все, как я, а англичанина сейчас спрошу.

Когда я рассказал Линдсею суть вопроса, он сухо возразил:

– Не делайте ошибок, мистер! У хаддединов что-то имеется за пазухой, мы для них слишком гуманны! Да.

– Они хотят учинить правосудие. Но все ли захотят признать шейха Мохаммеда? Знает ли он дорогу?

– Да уж. В таком случае я выберу проводником обычную кукушку. Я англичанин и поступаю как мне вздумается.

– Мне передать ему это?

– Скажите, и вообще скажите все, что думаете. Меня вполне устроит и то, что и этот угольщик станет маэстро.

Я передал все Хаддедину:

– Дэвид Линдсей согласен. Ему все равно, кто предводитель – ты или Алло-угольщик. Он эмир из Инглистана, и его право делать все что он захочет.

Мохаммед Эмин недовольно сдвинул брови – его главенство в самом начале уже дало трещину.

– Тот, кто мне доверяет, будет мной доволен, – произнес он. – Только теперь давайте поговорим о бейбе. Он заслужил смерть. Итак, пуля или удавка?

– Ни то и ни другое. Я уже говорил тебе, что поручился за его жизнь словом.

– Эмир, оно не стоит уже ничего, так как я стал предводителем. То, что я скажу, будет выполнено!

– Да, верно, но когда согласны остальные. Я не позволю, чтобы мое слово было нарушено!

– Эфенди!

– Шейх Мохаммед Эмин!

Тут маленький Халеф вынул один из своих пистолетов и спросил меня:

– Сиди, может быть, надо кому-то прострелить голову? Именем Аллаха, я исполню все мгновенно!

– Хаджи Халеф Омар, отложи оружие, мы ведь друзья. Хотя хаддедины, кажется, об этом забывают, – ответил я спокойно.

– Господин, мы не забываем, – попытался защищаться Амад эль-Гандур, – но и ты не должен забывать, что ты – христианин, находящийся в обществе правоверных мусульман. Здесь действуют законы Корана, и христианин не должен мешать проводить их в жизнь. Ты защитил брата этого шейха, а его самого мы уж не упустим. Почему ты нам приказывал стрелять только в лошадей? Разве мы мальчишки, носящие детские игрушки? Почему мы должны щадить предателей? Учение, которое ты проповедуешь, еще будет стоять тебе жизни!

– Молчи, Амад эль-Гандур, ты сам еще ребенок, хотя и носишь имя, означающее «герой». Сначала стань настоящим мужчиной, а потом говори!

– Господин, – вскричал он гневно, – я мужчина!

– Нет. Если бы ты был мужчиной, ты бы знал, что таковой никогда не нарушит данного обещания!

– Ты его и не нарушишь, бейбе будем наказывать мы.

– Я запрещаю это.

– А я приказываю! – закричал Мохаммед Эмин и в гневе вскочил.

– Разве ты здесь повелеваешь? – спросил я.

– А разве ты здесь запрещаешь? – ответил он вопросом.

– Да. Слово, данное мною, дает мне такое право.

– Твое слово на нас не распространяется. Мы позволяли себе подчиняться человеку, который любит наших врагов. Ты забыл, что я для тебя сделал. Я принял тебя как гостя, я защищал тебя, я дал тебе коня, стоившего половину моей жизни. Ты неблагодарный!

Я почувствовал, как кровь отлила у меня от лица и рука потянулась к кинжалу, но мне удалось сдержаться.

– Забери свои слова обратно, – холодно процедил я, поднимаясь.

Я дал знак Халефу и пошел к месту, где лежал пленный шейх под охраной Алло. Там я сел. Минуту спустя там же уселся англичанин.

– Что нового, мистер? – спросил он. – Да они, похоже, сдурели. Скажите, в кого надо стрелять, – я мигом!

– В того, кто попытается притронуться к пленному.

– А кто это?

– Хаддедины. Шейх Мохаммед бросил мне, что я неблагодарный. Я верну ему вороного!

– Вороного? Вы с ума сошли, мистер, отдавать такое животное, после того как оно стало вашим! Надеюсь, все еще уладится!

Тут подошел Халеф, ведя двух лошадей – одна была его собственная, а другая – та, которую я забрал у бейбе. На ней было седло вороного. У моего маленького хаджи в глазах стояли слезы и голос дрожал, когда он произнес:

– Ты правильно поступил, господин. Шайтан попутал хаддединов. Забрать плеть и вернуть его им?

– Я прощаю его. Давай собираться.

– Сиди, а что мы будем делать, если они все же захотят убить шейха?

– Мы застрелим их сразу же.

– Это мне по душе. Аллах накажет их!

Пленника снова привязали к его лошади, и мы сели верхом – я, конечно же, не на вороного, а на Бледного Лиса, которого в Германии назвали бы «четырёхсотталерным жеребцом». Маленький караван тронулся в путь и проехал мимо хаддединов, сидевших в траве. Может, до этого они думали, что все еще обойдется. Но когда поняли, что намерения мои тверды, они вскочили.

– Эмир, куда ты? – спросил Мохаммед Эмин.

– Куда-нибудь, – ответил я коротко.

– Без нас?

– Как вам заблагорассудится!

– А где вороной?

– Там, где он привязан!

– Машалла, он ведь твой!

– Он снова твой. Салам! Мир тебе!

Я пришпорил лошадь, и мы поехали рысью. Не проехали мы и английской мили, как увидели этих двоих. Они ехали за нами. Амад эль-Гандур скакал на вороном, а своего вел на поводу. Но жеребца обратно я ни за что бы не забрал.

Мохаммед Эмин подъехал с моей стороны, а сын остался чуть сзади.

– Я думал, что я буду предводителем, эмир... – начал он.

– Нам нужен проводник, а не тиран!

– Я хочу наказать бейбе, который взял в плен меня и моего сына. Тебе-то я что сделал?

– Мохаммед Эмин, ты потерял любовь и внимание со стороны трех человек, которые жертвовали ради ваших жизней своим здоровьем и до сегодняшнего дня могли пойти за вас на

смерть.

– Эфенди, прости нас!

– Нет.

– Возьми назад жеребца.

– Никогда!

– Ты хочешь опозорить мою седую бороду?

– Как раз она-то вместе с преклонным возрастом должна была подсказать тебе, что злость до добра не доводит. – И что же, теперь все дети бени-арабов будут рассказывать, что шейх хаддединов забрал обратно подарок, который вручал, не зная, что делает?

– Пусть рассказывают!

– Ты жесток, эмир, ты ниспосылаешь позор на мою голову!

– Ты сам этого захотел. Ты был моим другом. Тебе это не понадобилось. Теперь можешь возвращаться к своим с жеребцом в придачу.

– Тебе надо забрать его обратно.

– Я бы сделал это для тебя, но сейчас это уже невозможно. Взгляни назад!

Он повернул голову.

– Я ничего не вижу. О чем ты, эмир?

– Разве ты не видишь, что у вороного уже есть владелец?

– Я понял теперь, эфенди. Амад эль-Гандур сойдет с коня.

– Я не возьму его. Сын твой надел свое седло и взнуздal животное – это уже знак, что коня у меня забрали. Если бы ты вернул мне его в таком же виде, без седла и прочего, я бы еще подумал. Амад эль-Гандур бросил тут мне, что я христианин и соответственно действую, он же – мусульманин, но действует не соответственно, ибо он сел на коня, чью спину попирал неверный! Расскажи об этом своим знакомым правоверным!

– Аллах-иль-Аллах! Какую ошибку мы совершили! Старый шейх вызывал у меня жалость, но я ничем не мог ему помочь. Мог ли я обрушить позор на свою голову, чтобы освободить его от угрызений совести? Я не мог ничего такого придумать. Наверное, его протест долго зрел в нем и наконец выплыл наружу. Беббе оказался последней каплей. И хотя потеря вороного была для меня большой травмой, я не собирался жертвовать дорогими мне принципами ради кровожадных привычек этих номадов.

Хаддедин долго ехал молча рядом со мной. Наконец спросил нерешительно:

– Отчего ты сердишься на меня?

– Я не сержусь на тебя, Мохаммед Эмин, но меня поражает, что твое сердце жаждет крови того, кого простил твой друг.

– Ладно, я исправлю свою ошибку!

Он развернулся. За мной следом ехали англичанин с Халефом, за ними – Алло с пленным, а замыкал шествие Амад эль-Гандур. Я не стал поворачиваться, полагая, что Эмин хочет поговорить с сыном, Халеф и Линдсей тоже не оборачивались. Мы сделали это, только когда услышали крик хаддедина:

– Скачи назад и будь свободен!

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он перерезал путы пленника, который сразу же схватил поводья, чтобы пустить лошадь галопом.

– Шейх Мохаммед, что ты наделал! – закричал Халеф.

– Гром и молнии, бывает же такое с людьми, – проговорил англичанин.

– Я правильно поступил, эмир? – спросил Мохаммед.

– Ты действовал как мальчишка! – сказал я.

– Я лишь выполнял твою волю! – оправдался он.

– Кто тебе сказал, что я собираюсь так быстро отпустить его на волю? Выкуп потерян, теперь мы снова в опасности.

– Да простит его Аллах! Давайте пустимся в погоню за бекбе!

– Мы его не догоним, – вразумил его я. – Наши лошади за ним не угонятся, разве что вороной.

– Амад, за ним! – крикнул Мохаммед Эмин сыну. – Верни его назад или убей!

Амад повернул коня и помчался назад. Шагов через пятьсот жеребец заупрявился, однако Амад был не из тех, кого удавалось обмануть норовистым жеребцом. И вот он уже ускакал. Конечно, мы поехали за ним. Обогнув скалу, мы снова увидели Амада. Он продолжал сражаться с жеребцом, но на этот раз вороной все же вышиб парня из седла и вернулся пустой, подошел ко мне и, фыркая, положил красивую голову мне на бедро.

– Аллах Акбар! – сказал Халеф. – Он дает лошади сердце лучшее, чем некоторым людям. Как жаль, сиди, что твоя честь не позволяет тебе взять его обратно!

Хаддедину пришлось несладко, он с трудом поднялся, но, когда я его осмотрел, оказалось, что обошлось без повреждений.

– Этот жеребец настоящий шайтан, – сказал он. – Раньше-то он меня носил!

– Ты забыл, что после этого он носил меня, – объяснил я, – и теперь он подпускает только тех, кого я разрешаю.

– Я больше ни за что не сяду на этого шайтана!

– Ты умно поступал, что раньше не садился на него. Если бы я сидел в этом седле, шейх от вас не ушел бы.

– Так садись, эмир, и скачи за ним! – попросил Эмин.

– Не надо меня принуждать!

– Но тогда бекбе уйдет!

– Пусть так будет, но виноват в этом будешь ты!

– Ну и ерунда! – подал голос англичанин. – Глупая история, как неприятно! Да!

– Что же делать, сиди? – спросил Халеф. – Снова встречаться с бекбе?

– Да ничего. Я бы послал за ним своего пса, но он слишком дорог мне.

Надо было ставить какие-то точки в этой истории. Я подошел к хаддединам и поинтересовался:

– Вы сегодня поутру, когда я охотился на барсука, обсуждали в присутствии шейха Габойи наш маршрут?

Они медлили с ответом, за них сказал Халеф:

– Да, сиди, они говорили об этом.

– Но только по-арабски, – оправдался Эмин.

В другой ситуации я бы взорвался от ярости, но тут спросил тихим голосом:

– И что же вы обсуждали?

– То, что мы едем в Бистан.

– А больше ничего? Подумай. Надо вспомнить каждое сказанное слово. Любая мелочь может стоить всем жизни!

– Я еще говорил, что из Бистана мы, наверное, поскачем в Ахмед–Кулван или Киззельзи, чтобы выйти к озеру Кюпри.

– Ну ты и глупец, Мохаммед Эмин. Я не сомневаюсь, что шейх бросится за нами. Ты все еще жаждешь быть нашим предводителем?

– Эмир, прости меня, но я уверен, что шейх нас не догонит. Он должен слишком долго скакать обратно, чтобы повстречать своих бекбе.

– Ты так думаешь? Я познал много народов, изучил их характеры, и обмануть меня

непросто. Брат шейха – честный человек, но он не вождь. Он добился у них только нашего отъезда, и я даю голову на отсечение, что они преследуют нас, не показываясь на глаза. Пока шейх был с нами, они робели, а сейчас... Они отомстят нам за все, прежде всего за убитых лошадей!

– Нам нечего их бояться, – храбрился Амад эль-Гандур, – потому что на тех лошадях они все не смогут за нами гнаться. А если подъедут, мы встретим их ружьями.

– Это звучит бодро, но дело может повернуться иначе. Они устроят засаду или же нападут среди ночи.

– Мы выставим часовых!

– Нас всего шестеро и столько же часовых нам нужно для безопасности. Надо подумать о чем-то другом.

Наш проводник-угольщик держался чуть позади группы. Он ожидал порицаний в свой адрес, что не воспрепятствовал бегству шейха Габойи.

– Как далеко на юг ездят бевбе? – спросил я Алло.

– До самого моря.

– Они знают всю местность?

– Абсолютно всю. Знают так же хорошо, как я знаю каждую долину между Дергезином и Миком, между Нвейзгие и Дженаверой.

– Нам придется выбрать другую дорогу, чем та, по которой мы ехали до сих пор. На запад сейчас нельзя. Как далеко отсюда на восток до главной цепи гор Загрос?

– Восемь часов, если мы поедем поверху.

– А если понизу?

– Это совсем иной маршрут. Я знаю дальше внизу один проход. Если скакать от восхода солнца, мы переночуем в надежном лесу и утром достигнем гор Загрос.

– Там персидская граница, если я не ошибаюсь?

– Да, там курдские земли Терагул граничат с персидским районом Сакиз, относящимся к Зинне.

– А есть ли там курды джиаф?

– Да, есть, и они весьма воинственны.

– Вполне возможно, они примут нас спокойно, ведь мы им ничего плохого не сделали. Может, имя хана Хайдара Мирлама окажется для нас пропуском. Веди нас к проходу. Едем на восток!

Этот разговор происходил по-курдски. Я перевел его на арабский моим спутникам, и они согласились. После того как Амад эль-Гандур снова переседлал свою старую лошадь, мы продолжили путь. Мохаммед Эмин вел жеребца на поводу.

Пока все это решалось, наступил полдень. Мы только-только приблизились к проходу. Мы находились среди гор и стремились лишь на восток, стараясь не оставлять следов своего продвижения.

Где-то через час местность начала заметно понижаться, и на мой вопрос Алло ответил, что здесь должна быть большая долина.

Утренняя ссора в нашем братском коллективе оставила глубокий след в душах, и он читался на моем лице как нельзя лучше. Я совсем не мог смотреть на своего жеребца. Бледный Лис тоже был неплохим конем, но курды предпочитают гонять лошадей, и я чувствовал себя в седле как новичок на рыцарском турнире, сидя на сухопарой кляче, чьи скрытые способности еще предстоит изучить. Жеребца же я знал как свои пять пальцев.

К вечеру мы достигли леса, где намеревались устроить ночлег. За все время мы не встретили ни души и добыли дичи на ужин. Молча поужинали и легли спать.

У меня были первые часы вахты, и я сидел поодаль, прислонившись к дереву. Тут подошел Халеф, склонился передо мной и спросил тихим голосом:

– Сиди, твое сердце опечалено, но разве конь тебе дороже, чем твой верный хаджи Халеф Омар?

– Нет, Халеф. За тебя я отдал бы десять или больше таких коней!

– Так утешься, мой добрый сиди, ведь я с тобой и останусь с тобой, и никакой хаддедин не разлучит нас.

Он положил руку на сердце и растянулся рядом со мной.

Я сидел в тишине ночи, и на сердце у меня было тепло от мысли, что меня любит человек, принадлежащий мне полностью. Каким счастливым должен ощущать себя мужчина, у которого есть своя тихая родина; до которого не докатываются пожары и неурядицы; у которого есть и жена, коей он доверяет, и ребенок, в котором он видит свое отражение. И еще у которого бьется неумное сердце вечного странника.

На следующее утро мы продолжили путь. Алло, как оказалось, не ошибся: еще до полудня мы заметили вершины Загросских гор и смогли дать лошадям роздых в долине, стены которой казались неприступными. Лошадей отпустили поpastись, а сами легли в высокую траву, свежую и сочную, потому что в долине протекал небольшой ручей.

Линдсей лег рядом со мной. Он нашел какую-то кость и углубился в ее изучение. Настроение у него было прекрасное.

Но вот он приподнялся и указал мне рукой в сторону, к которой я сидел спиной. Я повернулся и заметил троих людей, медленно приближавшихся к нам. Они были облачены в плотную полосатую одежду, были босы и без головных уборов, из оружия у них имелись ножи.

Таких безобидных людей не следовало бояться. Они остановились неподалеку и почтительно приветствовали нас.

– Кто вы? – спросил я.

– Мы курды из племени мер-мамалли.

– Что вы тут делаете?

– Мы навлекли на себя кровную месть и скрываемся, ищем другое племя, которое дало бы нам приют. А кто вы, господин?

– Мы чужеземные странники.

– А что вы здесь делаете?

– Мы отдыхаем.

Говорящий, кажется, не совсем поверил этим коротким ответам, но сказал:

– В этой воде есть рыба. Разрешить нам поймать несколько штук?

– Но у вас нет ни сети, ни удочки!

– Мы умеем ловить руками.

Я тоже заметил, что в воде стояла форель. Мне было любопытно, как ее ловят руками, и я сказал:

– Мы здесь чужие и не можем запретить вам заниматься рыбной ловлей.

Они тут же принялись резать ножами траву. Когда они нарезали достаточно, то натаскали камней, чтобы перегородить русло ручья. Сначала выросла нижняя, а потом верхняя плотины. Вода сошла, и стало возможным брать рыбу прямо руками. Мы тоже приняли участие в ловле и так увлеклись, что забыли о трех курдах. Внезапно раздался громкий крик нашего проводника:

– Господин, они крадут...

Я вскочил и увидел, что все трое сидят на наших лошадях: один на жеребце, другой на моем Лисе, а третий на линдсеевском. Прежде чем все оправались от неожиданности, они ринулись прочь.

– Дьявол, моя лошадь! – закричал Линдсей.

– Аллах Керим! Да будет милостив к нам Аллах! Жеребец! – взвыл Мохаммед.

– За ними! – взвизгнул Амад.

Я же оставался спокоен. Мы имели дело явно не с профессиональными конокрадами, иначе бы они увели сразу всех лошадей.

– Стойте, подождите! – закричал я. – Мохаммед Эмин, ты признаешь, что вороной – снова твоя собственность?

– Да, эмир!

– Хорошо. Снова дарить его мне не надо, но одолжить ненадолго следовало бы. Дашь мне его на несколько минут?

– Ради Аллаха! Но он же угнан!

– Скажи скорее, дашь или нет?

– Да, эмир.

– Тогда поезжайте медленно за мной!

Я вскочил на другую быструю лошадь и устремился за мошенниками. То, чего я ждал, произошло – впереди один из курдов висел мешком на спине жеребца, который выделял такие прыжки, что было странно, как тот еще держится. Я еще не подъехал, а тот уже рухнул оземь. Вороной покорно подошел ко мне. Я вскочил в седло, оставив свою лошадь, и приготовился скакать вперед. Курд между тем пришел в себя и попытался улизнуть. Я вынул револьвер, взял его за ствол и, изогнувшись в седле, несильно саданул конокрада рукояткой по голове. Он снова свалился. Я спрятал пистолет и отвязал от пояса лассо. Далеко внизу я увидел обоих воришек. Положив вороному руку между ушей, я скомандовал: «Давай, гони!» И он понесся, как птица в облаках! Через минуту я настиг крайнего.

– Стой, слезай с лошади! – приказал я.

Он обернулся, на его лице отразился ужас, но он не послушался, а припустил с новой силой. Сейчас я был с ним на одной высоте и бросил опережающим движением свой безотказный ремень. Все точно. Я потянул немного на себя. Мужчина без движения лежал на земле. От неожиданного перемещения в пространстве он потерял сознание.

Я скатал лассо, оставил курда лежать, снова сел на лошадь и поскакал за третьим, последним. Скоро я догнал и его. Местность была весьма подходящая – нельзя было уйти ни вправо, ни влево. На мой приказ остановиться он не прореагировал. Лассо стянуло ему руки. Все повторилось, только этот был в сознании. Я спрыгнул с лошади и связал его как следует. Потом рывком поставил на ноги. Лошадь стояла и дрожала рядом.

– Вот они, ваши рыбки! Как тебя зовут?

Он не отвечал.

– Ты вроде бы не был немым. Пощады не жди, если будешь молчать. Как тебя зовут?

Он опять промолчал.

– Тогда лежи, пока не приведут остальных.

Я толкнул его, и он, как сноп, упал в траву. Я тоже сел, потому как увидел своих, спускающихся ко мне. Скоро все мы были вместе, лошади целы, а воры связаны. А главное, здесь был Алло со всей добычей, которую поместили в ямку и сверху разожгли костер – верный способ приготовить рыбу без воды и специй.

К Дэвиду Линдсею снова вернулось хорошее настроение. Зато троица воришек находилась не в лучшем расположении духа. Они не смели поднять глаза.

– Зачем вам понадобились наши лошади? – спросил я их.

– Они нам были нужны. Мы – беженцы.

Это было нечто вроде извинения, которое я был склонен принять, потому как конокрадство

у курдов ох как не в чести.

– Ты еще молод. У тебя есть родители?

– Да, и у других тоже, а у этого даже жена и ребенок.

– А почему они молчат?

– Господин, им стыдно!

– А тебе – нет?

– Но должен же кто-то отвечать!

– Ты вроде бы неглупый парень, и если мне удастся, я попрошу за вас у своих товарищей.

Но дело было бесполезное: все, даже Халеф и англичанин, требовали наказания. Линдсей хотел их даже высечь, но я убедил его, что это лишит их чести на всю жизнь, в то время как конокрадство можно рассмотреть как ритуальное действие.

– Если не высечь, тогда обрезать бороды. Вот!

Я с улыбкой поведал остальным план Линдсея. Все согласилось. Всех троих подвергли бритью, и через несколько минут от их бород остался лишь темный след. Потом их отпустили. Ни один из них не издал ни звука, но когда они уходили, я вздрогнул от взглядов, которыми они нас наградили напоследок.

Через какое-то время мы стали собираться в дорогу. Тут ко мне подошел Мохаммед Эмин.

– Эмир, можешь сделать мне приятное?

– Что именно?

– Я хочу подарить на один день тебе вороного!

Хитрец! Он нашел способ снова приблизить меня к жеребцу.

– Мне он не нужен, – ответил я.

– Но может в любой момент возникнуть необходимость им воспользоваться, как только что.

– Тогда я тебя и попрошу.

– Может статься, что на это не окажется времени. Скачи на нем, эфенди. Кроме тебя, этого никто не сделает.

– При условии, что он останется твоей собственностью.

– Пусть так будет.

Я был настроен миролюбиво, но твердо решил коня себе насовсем не брать. Разве мог я предположить, что все повернется иначе?

Глава 3

ПАЛИ В БОЮ

Нашей главной целью был не Загрос. Больше нам нужна была долина, в которой мы находились и которая почти точно вела на юг. Мы скакали мимо зеленых вершин и уже к вечеру добрались к каким-то отдельно возвышавшимся скалам, под сенью которых и разбили лагерь. Мы объехали скалу по периметру. Я побывал на вершине, обогнул край горы и встретил курдскую женщину с ребенком, испугавшуюся нас безмерно. Совсем рядом в тени скалы стоял каменный домик, что-то в нем показалось мне необычным.

– Не бойся, – обратился я к женщине и в знак дружбы протянул ей руку, не слезая с лошади. – Аллах да хранит тебя и этого красивого мальчугана. Кому принадлежит этот дом?

– Он принадлежит шейху Махмуду Кансуру.

– А из какого он племени?

– Из племени джиаф.

– Он там, внутри?

– Нет, он редко бывает здесь, это его летнее жилище. Сейчас он на севере, где готовится празднество.

– Да, я слышал об этом. А кто здесь живет в его отсутствие?

– Мой муж.

– А кто он?

– Он Гибрал Мамраш, домоправитель при шейхе.

– А он нам разрешит переночевать в его доме?

– Вы друзья джиаф?

– Мы чужеземцы, прибывшие издалека, и друзья всех людей.

– Тогда подождите. Я поговорю с Мамрашем.

Она пошла в дом, а мы тем временем слезли с лошадей. Вскоре показался мужчина, одетый по старой моде, с открытым, честным лицом. Он произвел на нас благоприятное впечатление.

– Аллах благословляет ваше появление в доме! – приветствовал он нас. – Добро пожаловать, входите, пожалуйста!

Он поклонился каждому и пожал руку. По этой учтивости мы поняли, что находимся на персидской территории.

– А есть ли место для лошадей? – поинтересовался я.

– Места и корма достаточно. Во дворе можно поставить всех, там же ячмень.

Все строение было обнесено высокой стеной, образующей прямоугольник, куда входили сам дом, двор и сад. Войдя, мы обнаружили, что дом разделен на две части, у каждой свой вход. Дверь в мужскую половину была спереди, а в женскую можно было войти с задней стороны. Естественно, мужчина повел нас в первую половину, двадцати шагов длиной и десяти шириной. Окон не было, а вместо них под крышей оставлено пространство между стенами и потолком. Пол устлали тростниковые коврики, а вдоль стен лежали небольшие вязанки, которые для усталых людей, прошедших неделю в седле, показались настоящим ложем. Нас усадили на эти вязанки. Тут хозяин открыл сундук, стоявший в углу, и спросил:

– У вас с собой есть трубки?

Кто может передать впечатление, которое произвел на нас этот вопрос? Алло находился при лошадях, нас было пятеро в помещении, и при его вопросе все пятеро одинаковым жестом потянулись к своим трубкам, и раздалось громкое «да!».

– Тогда попробуйте моего табачку!

Аллах всемогущий! Это были те самые красные четырехугольные пакетики, в которых расфасовывается знаменитый табак из Базирана, что на северной границе персидской пустыни.

Едва первые кольца ароматного дыма поднялись к перекрытиям, появилась женщина с напитком мокко, который очень часто бывает совсем далек от подлинного мокко. Но в этот раз нам было все равно, что пить. Мне было так приятно и хорошо, что я готов был вновь взять у Эмина хоть десять вороных, и уже стала забываться эта дурацкая охота на форелей... Таков человек – он раб обстоятельств!

Я выпил три или четыре чашечки кофе и с зажженной трубкой вышел во двор, чтобы взглянуть на лошадей. Угольщик заметил трубку, и из того места в его бороде, где, по всей видимости, находился рот, вырвался такой тоскливый и алчущий звук, что я скорее вернулся в дом, чтобы вынести ему немного базиранского табака. Но он вместо трубки запихнул его прямо в рот. Вкус у Алло явно отличался от нашего.

Стена, окружавшая усадьбу, была больше, чем в рост человека, так что наши лошади стояли в полной безопасности, тем более что массивные ворота были плотно закрыты. Это успокоило меня, и я вернулся в комнату, где хозяин мирно беседовал по-арабски с моими спутниками.

Потом хозяйка внесла несколько бумажных фонариков, которые отбрасывали приятный полусвет, а затем внесла холодную дичь с ячменными лепешками.

– В этих местах, наверное, много птиц, – заметил Мохаммед.

– Очень много, – ответил Мамраш. – Озеро недалеко.

– Какое озеро? – спросил я.

– Зеривар.

– А, это тот самый Зеривар, на дне которого лежит затонувший город грешников, целиком отлитый из чистого золота?

– Да, господин. Вы о нем слышали?

– Его жители были такими безбожниками, что забыли про Аллаха и Пророка, тогда Всемогущий вызвал землетрясение, которое погубило город.

– Да, ты знаешь правду. В определенные дни, когда едешь по озеру, на закате видно, как далеко в глубине мерцают минареты и дворцы, а некоторые даже слышат голос муэдзина «ай-аль-эль-салла!». И видно, как утопленники бредут искупать свои грехи в мечети...

– Ты сам это видел или слышал?

– Нет, мне рассказывал об этом отец жены. Он рыбачил на озере и все сам видел. Но позвольте мне покинуть вас ненадолго – я закрою ворота. Думаю, вам, усталым, пора отдохнуть.

Он ушел, и вскоре мы услышали, как скрипнули петли ворот.

– Мистер, какой brave парень! – заметил Линдсей.

– Да. Он даже не спросил, как нас зовут, куда мы идем и откуда. Это настоящее восточное гостеприимство.

– Надо дать ему на мелкие расходы как следует! Вернулся хозяин и принес свежие вязанки и одеяла.

– А среди джиаф в этой области живут биббе? – спросил я его.

– Живут, но их очень мало. Джиаф и биббе не любят друг друга. Вы вряд ли встретите много джиаф, потому что из Персии совершает набеги племя бильба – это настоящие разбойники. Поэтому джиаф и откочевали подальше со своими стадами.

– А ты по-прежнему остаешься здесь?

– Мой господин приказал мне.

– Разбойники же все отнимут у тебя.

– Они найдут только стены, а за ними – ничего.

– Тогда они будут мстить тебе.

– А они и меня не найдут. Озеро заросло тростником и окружено болотами. Там есть укрытия, которые чужаки просто не в состоянии обнаружить. А теперь позвольте мне покинуть вас и пожелать доброго сна.

– А дверь здесь остается открытой? – спросил я.

– Да, а что?

– Мы привыкли дежурить у наших лошадей посменно, поэтому нам надо время от времени выходить.

– Вам не нужно дежурить, я сам буду вашим часовым.

– Твоя доброта больше, чем мы заслуживаем, но я прошу тебя все же не приносить нам в жертву твой сон!

– Вы мои гости, и Аллах призывает меня охранять вас. Желаю вам добрых снов и покоя.

Мы воспользовались гостеприимством дружественного курда-джиаф. Когда мы утром поднялись, он посоветовал нам не ехать дальше на восток, иначе наткнемся на разбойников-бильба; он считает лучшим для нас разыскать Диалу и вдоль ее берегов добраться до южных равнин. Честно говоря, меня это особенно не вдохновило, потому как я все время помнил о беббе, которые нас наверняка преследовали. Но этот план нашел горячее одобрение у обоих хаддединов, и мне пришлось в конце концов уступить.

Щедро одарив Мамраша и его супругу, мы тронулись в путь. Несколько конных джиаф по приказу Мамраша отправились нас проводить. Через несколько часов мы достигли долины, раскинувшейся между вершинами хребтов Загрос и Эвроман. Через эту долину ведет знаменитая дорога Шамиан, связывающая Сулейманию и Керманшах. У маленькой речки мы расположились на отдых.

– Это река Чарран, – сказал предводитель джиаф. – Вам следует идти только вдоль нее, потому как она впадает в Диалу. А теперь мы вас покинем. Аллах с вами!

Они уехали, и мы снова оказались предоставлены самим себе.

На следующий день мы добрались до Диалы, несущей свои воды к Багдаду. На ее берегу мы расположились на обед. Был солнечный теплый день, который мне никогда не забыть. Справа от нас журчали потоки воды, слева возвышалась скала, поросшая кленами, платанами, кизилом, каштанами, а прямо перед нами красовался невысокий горный хребет, казавшийся на первый взгляд руинами средневекового немецкого замка.

Мамраш дал нам с собой в дорогу маленькие завтраки на каждого. С ними быстро управились, и я, прихватив ружье, пошел поискать что-нибудь посущественнее. Я пробродил по этому хребту около часа, так и не найдя ни одной птицы или зверька, и спустился в долину. Вдруг справа от меня раздался выстрел, за ним другой. Кто мог стрелять? Я ускорил шаги. Подойдя к лагерю, я застал Алло, Халефа и англичанина.

– А где хаддедины? – спросил я.

– Добывают мясо, – ответил Линдсей.

Он тоже слышал выстрелы и подумал, что стреляют хаддедины. Снова раздалась выстрелы – два, три, за ними еще.

– Бог мой, скорее на лошадей! – закричал я. – Что-то случилось!

Мы вскочили в седла и поскакали. Алло замешкался с двумя лошадьми хаддедино. Снова грохнули два выстрела, за ними один пистолетный.

– Да там бой, настоящий бой! – крикнул Линдсей. Мы обогнули край луга, обрамлявшего речку, потом преодолели подъем, и перед нами раскрылось поле битвы, в которой нам сразу же пришлось принять участие.

На берегу в траве лежали верблюды, а рядом с ними паслись лошади. Считать, сколько их

всего, не было времени. Возле верблюдов я заметил раскинутую палатку, справа на скалах – пять-шесть чужих лиц, которые оборонялись от курдов, а прямо перед нами Амада эль-Гандура, который прикладом отбивался от наседавшего противника. Рядом на земле лежал, как мертвый, Мохаммед Эмин. Думать не приходилось. Я прыгнул в самую гущу курдов и разрядил в кого-то ружье.

– Вот он! Вот он! Осторожнее с конем! – услышал я чей-то крик.

Я оглянулся и узнал кричавшего – это был шейх Газаль Габоя. Это было его последнее слово: Халеф налетел на него и выстрелил в упор. Потом произошел короткий бой, подробности которого я опускаю, хотя рукопашная схватка была жестокой. Вид мертвого хаддедина поверг нас всех в ужас. От ярости мы смогли бы противостоять и тысяче курдских копий. Я помню только, что был ранен, лошадь была ранена, гремели выстрелы, мои глаза метали молнии, и рядом со мной неизменно был верный Халеф, отражавший удары, предназначавшиеся мне. После одного выпада мой конь встал на дыбы, сбросил меня и упал на меня сверху. Больше я ничего не помню.

Первое, что я увидел, когда очнулся, были слезы в глазах моего бедного хаджи.

– Хамдулилла, он жив! Он открыл глаза! – закричал Халеф вне себя от радости. – Сиди, тебе больно?

Я хотел ответить, но не мог. Веки закрылись сами собой.

– О, он умирает!

Сквозь пелену услышал я жалобные крики и снова потерял сознание.

Дальнейшее помню как во сне. Я боролся против драконов и гигантских червей, циклопов и прочих великанов; но неожиданно все эти дикие образы исчезли, теплый воздух овеял меня, тихие звуки, как из ангельских труб, донеслись до моих ушей; мягкие, нежные руки касались меня. Сон ли это был или реальность? Я снова открыл глаза.

Далекие горные вершины светились в заходящем солнце, по равнине растекался полумрак, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть две женские головки, склонившиеся надо мной с двух сторон.

– А ну-ка уйдите! – раздалось на персидском.

Покрывала упали на лица, и обе женщины растворились в сумраке.

Я попытался сесть, и мне это удалось. При этом заметил, что ранен пониже ключицы. Как я потом узнал, меня задело копьё. Болело все тело. Рана была тщательно перевязана, и запах, который овеял меня, я ощущал по-прежнему.

Тут подошел Халеф и сказал:

– Аллах керим! Он вернул тебя к жизни!

– Как тебе удалось выкрутиться, Халеф? – спросил я слабым голосом.

– Очень благополучно, сиди. У меня огнестрельная рана в бедре, пуля прошла насквозь.

– А англичанин?

– У него оцарапана голова и отрублены два пальца на левой руке.

– Бедный Линдсей! Дальше!

– Алло тоже досталось, но он не потерял крови.

– Амад эль-Гандур?

– Он не ранен, но потерял дар речи.

– А его отец?

– Убит. Мир праху его!

Он замолчал, и я тоже. Сообщение о смерти старого товарища поразило меня. После долгого молчания я спросил Халефа:

– А как с моим вороным?

– Его раны болезненны, но не смертельны. Но ты еще не знаешь продолжения. Рассказать?

– Пока не надо. Я попытаюсь дойти до остальных. Почему я лежу отдельно от других?

– Потому что жены перса хотели тебя перевязать. Он, должно быть, весьма предприимчивый и богатый человек. Мы развели огонь, ты там увидишь.

Подъем причинил мне некоторую боль, но с помощью Халефа мне удалось пройти какое-то расстояние. Рядом с тем местом, где я лежал, горел костер. Длинная фигура англичанина поднялась мне навстречу.

– Вот и вы, мистер! Вы совершили такой полет, у вас железные ребра. Мы уже мысленно вас похоронили.

– Как у вас? Забинтованы голова и рука...

– Шрамик на том месте, где френологи предполагают наличие ума. С волосиками и кусочком кости пришлось расстаться. Да уж. Да еще пару пальцев долой, но это так, мелочь.

Рядом с англичанином возле костра стоял еще некто – мужчина гордого вида и внушительного роста. На нем были красные шелковые штаны, белая рубашка из того же материала и длинная, до колен, узкая куртка. Поверх нее было накинуто нечто вроде покрывала темно-синего цвета. На бедре висела дорогая сабля, а рядом сверкали золоченые рукоятки двух пистолетов, кинжала и короткого меча. На ногах красовались сафьяновые сапожки для конной езды, а на голове – знаменитая персидская шапочка из меха барашка, вокруг которой была обернута бело-голубая шаль.

Он подошел ко мне, поклонился и сказал:

– Господин, я хочу сделать тебе комплимент.

– Благодарю тебя, – ответил я, так же учтиво поклонившись.

– Эмир, ты геройски вел себя в бою!

– Господин, ты тоже герой!

– Я твой друг.

Мы пожали друг другу руки, потом он вежливо произнес:

– Твое имя мне известно. А меня называй Хасан Арджир-мирза и считай меня своим слугой.

У него был титул «мирза»^[10], который в Персии дают обычно принцам, так что он был важной персоной!

– И меня прими в свое услужение! – учтиво ответил я.

– Эти восемь человек – мои люди, ты познакомишься с ними. – И он указал на восемь мужчин, спокойно стоявших в стороне. – Ты глава лагеря. Садись.

– Я подчиняюсь твоей воле, но позволь вначале проститься с моим другом.

Неподалеку от костра лежало тело Мохаммеда Эмина. Возле него сидел, сложив руки без движения, сын Амад. Я подошел к нему. Шейх был убит пулей в лоб, и его белая борода была залита кровью. Я склонился над ним, сердце мое сжалось от боли. Потом положил Амаду руку на плечо:

– Амад, я с тобой.

Он не ответил и не пошевелился. Я пытался всеми силами отвлечь его – все напрасно. Боль и страдания превратили его в статую. Я вернулся к костру, чтобы сесть рядом с персом. Но тут же споткнулся об угольщика, лежавшего на животе и тихо стонавшего.

Я обследовал его – ран на нем не было, но избили его порядочно. Мне легко удалось привести его в чувство.

Хасан Арджир-мирза тоже не был ранен, чего нельзя было сказать о его людях, но никто из них никоим образом не выказывал своих страданий.

– Эмир, – обратился он ко мне, когда я уселся рядом с ним, – ты пришел вовремя и спас нас.

– Мне доставило радость помочь тебе.

– Я расскажу тебе, как это произошло.

– Позволь мне сначала поинтересоваться самым необходимым. Курды убежали?

– Да, я послал за ними двух своих людей, чтобы следили за их передвижениями. Их было более сорока. Они потеряли много людей, а мы только одного, твоего друга. Куда лежит твой путь, эмир?

– К зеленым долинам по ту сторону Тигра. Мы вынуждены были идти кружным путем.

– Мой путь лежит на юг. Я слышал, ты был в Багдаде?

– Только недолгое время.

– Ты знаешь путь туда?

– Нет, но его нетрудно отыскать.

– И из Багдада в Кербелу?

– И его тоже. Тебе нужно в Кербелу?

– Да, мне нужно навестить могилу Хусейна.

Это сообщение заинтересовало меня. Он был шиит, и мне представлялась возможность совершить интересную поездку.

– А как случилось, что ты поехал через эти горы?

– Чтобы не попасться на глаза разбойным шайкам арабов, поджидающих пилигримов на торговых путях.

– Но зато попал в руки курдам. Ты идешь из Кермандшаха?

– Из еще более далеких мест. Мы здесь со вчерашнего дня. Один из моих людей пошел в лес и увидел, что курды на подходе. Но и они его заметили. Они поехали за ним, вышли на наш лагерь и напали. Во время боя, в котором мы думали, что все погибнем, появился храбрый старец, который лежит вон там, на земле. Он тут же застрелил двух курдов и погиб в бою. Потом появился его сын, такой же храбрый, как и он, но мы все бы погибли, если бы не вы. Эмир, тебе принадлежит моя жизнь и все, что у меня есть. Пусть наши пути идут вместе как можно дальше.

– Я бы хотел, чтобы так и было, но у нас есть убитый и мы ранены. Нам надо его похоронить и надо оставаться на месте, пока есть вероятность лихорадки.

– Я тоже останусь, потому что и мои люди ранены. Пока мы разговаривали, мне вдруг стукнуло в голову, что нигде не видно Дояна. Я спросил англичанина, но он ничего не знал. Халеф видел Дояна дерущимся – и все.

Слуги знатного перса принесли изысканные продукты, которые быстро приготовили на костре. После еды я решил осмотреть окрестности и поискать Дояна. Халеф пошел со мной. Наконец-то мы добрались до лошадей. Бедный жеребец лежал на земле. У него были резаные и колотые раны, но Халеф поддерживал в нем силы. Рядом расположились группой верблюды. Их было всего пять, поодаль лежали их грузы, а еще дальше стояла палатка, служившая жилищем обоим женщинам, тем самым, которые скрылись, едва я открыл глаза.

– Ты видел, как я упал, Халеф. Что было дальше?

– Мне показалось, что ты погиб, сиди, и это удесятило мои силы. Англичанин тоже хотел отомстить за тебя, и они не смогли нас сдержать. Этот перс очень храбрый человек, а его слуги – такие же, как он.

– Вам досталась добыча?

– Оружие и несколько лошадей, которых ты не заметил в темноте. Мертвых перс приказал бросить в воду.

– А раненые были?

– Не знаю. После боя я осмотрел тебя и почувствовал, что сердце бьется. Я хотел перевязать

тебя, но перс не разрешил. Он велел отнести тебя туда, где ты и пришел в себя, и где тебя перевязали эти две женщины.

– Что ты узнал о них?

– Одна из них – жена, а вторая – сестра перса. У них есть и служанка, которая сидит на корточках у палатки и все время жует фиги.

– А сам перс, кто он?

– Не знаю, а слуги молчат – им вообще запрещено о чем-либо говорить...

– Стой! – прервал я его. – Послушай!

Мы настолько удалились от лагеря, что до нас не долетали никакие звуки, вокруг царила полная тишина. Когда Халеф произносил последние слова, мне показалось, что я услышал знакомый лай. Мы застыли на месте. Да, действительно, теперь уже явно слышался злобный лай, говорящий о том, что борзая выследила добычу. Но непонятно, откуда он доносился.

– Доян! – громко крикнул я.

На это сразу же донесся ответ из кустов, обрамлявших гору. Мы медленно двинулись вперед. Для надежной ориентировки я еще раз позвал пса, он тут же ответил. Наконец мы расслышали короткое повизгивание, которым он обычно выражал свою радость, – это окончательно навело нас на цель. На земле лежал курд, а над ним стоял в сторожевой позе пес, готовый нанести смертельный укус. Я нагнулся, чтобы рассмотреть лежащего. Черт его я разглядеть не сумел, но тепло его тела доказывало, что он жив, хотя и не осмеливается пошевелиться.

– Доян, назад!

Собака повиновалась, и я приказал курду подняться. Он тяжело дышал, из чего я заключил, что человек был крайне напуган. Я учинил ему моментальный допрос, и он назвал себя курдом из племени соран. Поскольку я знал, что соран – смертельные враги бейбе, то тут же сообразил, что он специально назвал себя соран, чтобы избежать кары, а на самом деле он бейбе.

Поэтому я спросил:

– Как ты попал сюда, если ты соран?

– Ты, скорее всего, чужак в этой стране, – откликнулся он, – если задаешь такие вопросы. Соран были могущественным племенем. Они жили к югу от бильба, которые в свою очередь состояли из четырех кланов – руммок, манзар, пиран и намаш. У них была столица в Харире, лучшем городе Курдистана. Но Аллах снял с них свою руку, их власть кончилась. В последний раз их знамя развевалось в санджаке Кеи^[11], но пришли бейбе и растоптали его. Их стада украли, женщин и детей увели, мужчин, юношей и мальчиков убили. Уцелели немногие, рассеялись по свету и растворились поодиночке. Одним из них был и я. Я поселился среди скал; жена умерла, братья и дети убиты, лошади я тоже лишился; со мной остались только нож и ружье. Сегодня я услышал выстрелы и спустился, чтобы взглянуть, кто воюет. Я увидел врагов – бейбе и взялся за ружье. Спрятавшись за деревьями, я убил явно больше, чем одного, мои пули ты можешь обнаружить в их телах. Я стрелял в них из ненависти и еще потому, что хотел добыть лошадь. А собака вышла на меня по вспышке ружья, приняла за врага и напала. Нож выпал из руки, а ружье оказалось незаряженным. Я попытался отмахнуться от нее прикладом ружья, но пес все же повалил меня на землю. Я понял, что, если пошевелюсь, он в меня вцепится. Это были ужасные часы!

Похоже, этот человек говорил правду – я обо всем этом слышал, но все равно нужно было быть осторожным.

– Ты покажешь нам свое жилище? – спросил я.

– Да. Это хижина из мха и веток с крышей из травы и листьев, больше там нечего смотреть.

– А где твоё ружье?

– Должно валяться где-то поблизости.

– Найди его!

Он пошел искать ружье, а мы с Халефом остались стоять.

– Сиди, – зашептал он, – он убежит.

– Да, если это бекбе. Но если он соран, то вернется, и тогда мы сможем ему доверять.

Ждать нам пришлось недолго, скоро он крикнул снизу:

– Спускайтесь, господин, я нашел и нож и ружье!

Мы спустились к нему. Он действительно казался честным человеком.

– Ты пойдешь с нами к лагерю, – сказал я ему.

– Хорошо, господин, – согласился он, – но с персом мне бы не хотелось говорить, так как я говорю только по-курдски и на языке арабов.

– Ты хорошо говоришь по-арабски?

– Да, я прошел все области до самого моря, до Фрата, и все знаю в этих местах.

Я порадовался сему обстоятельству – такой человек был бы нам полезен.

Его появление произвело в лагере некоторый переполох, но самое большое впечатление он произвел на Амада эльГандура, который при виде курда сразу же вышел из оцепенения.

Молодой хаддедин принял курда-сорана за бекбе, и рука его дернулась к кинжалу. Я положил ему руку на плечо и сказал, что чужак – враг бекбе и находится под моей защитой.

– Враг бекбе! Ты знаешь их, их тропы? – спросил он взволнованно курда.

– Да, знаю.

– Тогда нам есть, о чем поговорить!

Сказав это, Амад эль-Гандур круто повернулся и снова сел у тела отца. Я поведал персу историю курда, и тот согласился оставить его в лагере. Через некоторое время вернулись всадники и доложили, что бекбе ускакали довольно далеко на юг и потом свернули к холмам Мериван. Их нечего было пока бояться, и персы успокоились, приняв, разумеется, какие-то меры предосторожности. Я разыскал Амада и попросил по возможности сохранять спокойствие.

– Спокойствие? – переспросил Амад. – Спокоен только вот он! – И юноша указал на убитого. – К сожалению, ему не суждено упокоиться в фамильной усыпальнице хаддединов и быть похороненным детьми своего клана, которые оплакали бы его. Он будет лежать в этой чужой земле, а над ней будет парить его дух. Неужели ты думаешь, что этот дух не станет просить меня о мести? Я видел обоих – и того, кто его застрелил, и того, кто его зарезал. Они оба ускакали, но я доберусь до них и отправлю к шайтану!

– Я понимаю твой гнев и боль, но прошу тебя сохранять ясность глаз и ума. Вот ты собираешься ехать за бекбе и мстить за смерть отца. А ты представляешь, что это значит?

– Тар, кровная месть, требует этого, и я должен повиноваться. Ты христианин, эмир, и не поймешь этого! – Он помолчал с минуту, а потом спросил: – Ты поедешь со мной, эмир?

Я покачал головой. Он сразу сник и тихо произнес:

– Я знал, что Аллах создал землю, на которой нет ни дружбы, ни благодарности.

– У тебя ложное представление об этих добродетелях, – возразил я. – Вспомни, ведь я был верным другом твоему отцу, и ты должен быть мне за это благодарен. Я готов отправиться с тобой к пастбищам Шаммара и разделить опасности, подстерегающие тебя там, но как друг я должен отговорить тебя делать это, потому что ты погибнешь.

– Еще раз повторяю: ты христианин и ведешь себя соответственно. Аллах желает, чтобы я отомстил, отец дал мне об этом знать сегодня вечером. А теперь прошу: оставь меня одного!

– Я исполню твое желание, но при одном условии – ты ничего не будешь предпринимать, не обсудив сначала со мной.

Он ничего не ответил. Я подумал, что он может незаметно покинуть нас, и решил не

спускаться с него глаз.

Проснувшись утром, я обнаружил его на прежнем месте, но рядом с ним сидел курд-соран, и они что-то горячо обсуждали. Остальные тоже проснулись. Перс ждал возле палатки и разговаривал с закутанными в паранджи женщинами.

– Эмир, я хочу похоронить отца. Ты поможешь мне? – обратился ко мне Амад эль-Гандур.

– Да. Где хоронить?

– Этот человек говорит, что там, наверху, между скалами, есть место, где утром и вечером появляется солнце. Я хотел бы посмотреть его.

– Я пойду с тобой, – сказал я.

Когда перс заметил, что я поднялся, он тоже встал и подошел ко мне, чтобы пожелать доброго утра, а когда узнал, зачем мы идем наверх, вызвался сопровождать нас. Высоко на скале мы обнаружили подходящее место и решили сделать могилу там. Рядом была хижина курд-сорана, а чуть дальше – закрытая с трех сторон небольшая площадка, подходящая для лагеря, к тому же рядом имелся ручей. Мы посоветовались и решили перебраться сюда со всем скарбом и животными. Переезд проходил не без сложностей, но благополучно завершился. Пока здоровые и легкораненые копали могилу, другие сооружали хижину, в которой женская половина отделялась от мужской плотной изгородью из ветвей. Лошадей, не выносивших запаха верблюдов, тоже разместили отдельно.

К полудню все в лагере было в идеальном порядке. У перса имелся большой запас муки, кофе, табака и других важных продуктов. Мясо мы могли добыть охотой, так что ни в чем не нуждались.

Могилу закончили позже. Тело нужно было хоронить на закате, во время мотреба, вечерней молитвы. Амад эль-Гандур сам готовил отца к погребению, хотя по законам ислама не имел на это права.

Солнце уже зависло над горизонтом, когда небольшая траурная процессия двинулась. Впереди шли Алло и курд, несшие на ветвях тело Мохаммеда, все остальные парами шли следом, а Амад ждал нас у могилы. Вход глядел на юго-запад, в сторону Мекки, а когда умершего усаживали, его лицо было обращено туда, где Пророк мусульман принимал подношения ангелов.

Амад повернул ко мне бледное лицо и спросил:

– Эмир, хоть ты и христианин, но ты был в Мекке и знаешь священную книгу. Ты можешь оказать своему усопшему другу последнюю любезность и произнести для него суру о смерти?

– Хорошо.

– Тогда давай начнем.

Солнце достигло западного горизонта, и все пали ниц для молитвы. Потом поднялись и образовали полукруг у входа в захоронение. Это было великое мгновение. Мертвый сидел прямо в своем последнем жилище. Закат отбрасывал пурпурные тени на беломраморное лицо, а слабый ветерок шевелил седую бороду.

Амад эль-Гандур повернулся в сторону Мекки, поднял руки и проговорил:

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, господу миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, – не тех, которые находятся под гнетом, и не заблудших.

Затем поднялся я и, подняв руки так же, как Амад, прочитал отрывок из пятьдесят седьмой суры, который закончил словами:

– И отправили вслед Ису, сына Мариам, и даровали ему Евангелие, и вложили в сердца тех, которые последовали за ним, кротость и милосердие...

Тут подошли Алло и курд-соран, чтобы закрыть могилу. Я хотел уже снова взять слово, как мне сделал знак перс. Он вышел вперед и прочитал несколько строк из восьмидесят второй суры.

Теперь могила была закрыта, и осталась последняя молитва. И опять меня удержали. Вышел Халеф. В глазах маленького хаджи блестели слезы, и голос его дрожал, когда он, стоя на коленях, молился.

Да, это были редкостные похороны. Один христианин, два суннита и один шиит говорили над могилой умершего. Что касается меня, то я не считал за прегрешение попрощаться с другом на его языке, а участие перса служило доказательством того, что мусульманская религия глубоко проникла в сердце и души разных народов. Халефа за его теплые слова я смог просто обнять за плечи, но знал, что он соблюдал мусульманские обычаи только внешне – внутри это был христианин.

Мы собрались покинуть скалу. Тут Амад своим кинжалом отколол от камня на могиле кусок и спрятал его. Я знал, что это значит: никто не в силах удержать его от кровной мести. В течение вечера он ничего не ел и не пил, не участвовал в наших разговорах и ответил только на одно замечание.

– Ты ведь знаешь, – обратился я к нему, – что Мохаммед Эмин забрал обратно своего вороного. Теперь он твой.

– И теперь у меня есть право снова его передарить?

– Без сомнения.

– Я дарю его тебе.

– Я его не принимаю.

– Но тогда я заставлю тебя принять его!

– Как же ты это сделаешь?

– Увидишь. Доброй ночи! – И он сел.

Я понял, что сейчас самое время удвоить внимание. Но все получилось иначе. Это был печальный, торжественный вечер. Перс ушел за перегородку, его люди сидели на корточках в сторонке, а я с Халефом и англичанином устроился у ручья, где мы охлаждали свои горячие раны. Смерть Мохаммеда произвела на всех тяжкое впечатление. Я чувствовал к тому же, что у меня начинается лихорадка. И у Халефа были те же симптомы.

Я провел ужасную ночь, но мой могучий организм справился с недугом. Я ощущал, как кровь пульсировала по жилам – я общался с разными людьми, но не мог понять, наяву это или во сне, и только под утро забылся тяжелым сном, из которого выбрался лишь к вечеру. Вместо красивых женских глаз, как в прошлый раз, я обнаружил огромный алеппский нос англичанина.

– Снова бодры? – спросил он.

– Да вроде. Ох, что это, опять вечер?

– Вам можно позавидовать, мистер! Женщины взяли за вас. Они прислали капли для раны. Халеф их уже накапал. А потом одна явилась сама и что-то влила вам между зубов. Явно не портер.

– А какая из них?

– Одна какая-то. Вторая осталась на месте. А может, первая – не знаю.

– С голубыми или с черными глазами?

– Глаз я не видел. Она упакована как почтовая посылка. Похожи на голубые.

– Почему же вы так решили?

– Потому что у вас такие же глаза. Как самочувствие?

– Ничего. Ощущаю себя заметно лучше.

– Я тоже. Я аналогичным образом покапал что-то на мои раны и боли не чувствую.

Прекрасная микстура! Есть хотите?

– Есть? Я голоден как волк.

– Вот. Голубоглазка принесла. Или черноглазая.

Возле меня стояла серебряная тарелка с холодным мясом, лепешками и разными деликатесами. Рядом – кувшин, но не с чаем, а крепким мясным бульоном, еще теплым.

– Леди знают, когда подавать первое, чтобы оно не остыло, – заметил я.

– Этот кувшин ждет вас с полудня. Когда он в первый раз остыл, они его забрали и снова подогрели. Они к вам явно равнодушны.

Тут я наконец огляделся. Кроме англичанина, никого не было видно.

– А где перс? – спросил я.

– У женщин. Сегодня утром его не было, и он вернулся с горной козой. Этот бульон из козьего мяса.

– Какие умелые руки все это приготовили!

– А вы лучше думайте, что это старуха все сварила! Да!

– Где Амад эль-Гандур?

– Сегодня рано утром уехал прогуляться. Я вскочил и закричал:

– Так он уехал, вы его упустили!

– С угольщиком и курдом-сораном. Да!

Теперь я понял, что он имел в виду, когда говорил, что сам Аллах послал ему средство для мести! Курд-соран, сам жертва бейбе, может быть ему переводчиком. Но несчастного хаддедина нужно было пожалеть. Можно было поставить десять против одного, что он никогда больше не вернется в свой клан. Скакать за ним – тоже бессмысленно. Во-первых, времени прошло уже слишком много, во-вторых, я сам был нездоров, а потом это вообще не наше дело – вмешиваться в кровную месть.

– Он поехал на жеребце? – спросил я.

– На вороном? Вот он, здесь, – ответил Линдсей.

И это тоже! Вот каким образом Амад хотел заставить меня принять коня в подарок! Я не знал в тот момент, радоваться мне или печалиться. В любом случае, исчезновение хаддедина не было мне безразлично, это необходимо было обдумать.

– И Алло с ним уехал? – спросил я. – А как с его жалованьем?

– Он его вернул. Разозлил меня! Так ничего и не взял.

– Успокойтесь, сэр! У него есть лошадь и ружье. Его работа оплачена сторицей. А дальше – кто знает, что там ему обещал хаддедин! Как долго спит Халеф?

– Столько же, сколько и вы.

– Это какая-то потрясающая медицина! Я все время хочу есть.

Едва я приступил к трапезе, как мне помешали – пришел Хасан Арджир-мирза. Я хотел подняться, но он дружески усадил меня на место.

– Сиди, эмир, и ешь спокойно. Это сейчас для тебя главное. Как самочувствие?

– Спасибо, очень хорошо.

– Я так и знал. Лихорадка больше не повторится. Я хочу тебе кое-что передать. Амад эль-Гандур приходил ко мне. Он рассказал мне о себе и о вас всех. Он поехал за бейбе и просил тебя простить его, надеется, что ты за ним не поедешь. Он надеется, что вы вернетесь к хаддединам и застанете его там. Вот и все его сообщение.

– Спасибо тебе, Хасан Арджир-мирза! Его уход мне безразличен.

– Куда вы сейчас направитесь?

– Это надо сначала обсудить. Мой друг и слуга хаджи Халеф Омар должен попасть к хаддединам, потому что у них находится его жена. А у эмира из Инглистана двое слуг там же.

Но, возможно, сначала мы заедем в Багдад. Там у инглиса есть корабль, на котором мы можем по Тигру добраться до зеленых лугов племени хаддединов.

– Тогда решайте, эмир! Если вы пойдете на Багдад, тогда я попрошу вас не покидать меня. Вы храбрые воины, я обязан вам жизнью и докажу вам свою дружбу. Мы останемся на этом месте до тех пор, пока вы полностью не поправите свое здоровье. Я буду снабжать вас всем необходимым, ибо вы мои гости. Аллах с вами!

Он ушел, и вскоре появилась старая служанка с подносом, полным всякой снеди.

– Господин прислал вам.

– У вас есть огонь в хижине? – спросил я ее.

– У нас есть костер и тренога, на которой можно быстро готовить.

– Мамаша, мы доставляем вам многовато хлопот!

– О нет, эмир. Дом радуется, когда в нем гости. Господин рассказал там всем о вас, и вы стали для нас тоже как бы вторым хозяином. Но не говори «мамаша», потому что я ей не являюсь. Меня звать Альва, или Хальва.

И она засемила в дом. Бог ты мой! Видно, в этой поездке мне суждено заниматься главным образом антропологическими и ботаническими изысканиями. Сначала была петрушка, теперь вот альва, или хальва! Эти два слова состоят из одних и тех же букв, но как разнятся их значение! «Альва» на персидском означает «алоэ», а «хальва» не что иное, как «маргаритка».

У этой состарившейся девочки явно было больше сходства с колючим алоэ, чем с милой маргариткой. На ней красовались завязанные на щиколотках штаны, ниспадающие складки которых почти закрывали два серых башмака. Сверху имела место красная куртка и похожая на кафтан темно-синяя накидка, на голове – желтый тюрбан, а на нем перья сипухи, которые образовывали спереди очень похожую физиономию этой самой совы. Но эта алоэ-маргаритка обладала покладистым характером, и я решил с ней не ссориться.

Поднос она принесла явно вовремя: именно в тот момент, когда она уходила, Халеф потянулся и открыл глаза. Он обвел взглядом всех нас, возвел очи горе и воскликнул:

– Машалла! Где это солнце? Или я что-то перепутал, или солнце не там!

С ним произошло то же, что и со мной, он не мог понять, как это он так долго спал. Удивление его тем более возросло, когда он узнал, что Амада эль-Гандура с нами нет.

– Уехал? В самом деле? – спрашивал он. – Не попрощавшись? Во имя Аллаха, это невежливо! Но что делать? Теперь ты свободен от всех обязательств и можешь не возвращаться к хаддединам.

– А я как раз думаю, что у меня остались обязательства. Неужели я брошу тебя, пока не уверюсь, что ты добрался до шейха Мелека и Ханне, своей жены?

– Сиди, оба они в полной безопасности и спокойно подождут, пока я не приеду. Я, конечно, люблю Ханне, но отправлюсь к ней не раньше, чем ты вернешься в страну своих отцов.

– Я не могу принять от тебя такой жертвы, Халеф!

– Это не моя жертва, а твоя – содержать меня при себе, сиди. Я следую за тобой, потому что ты не так жесток, чтобы прогнать меня!

Персы принесли с реки богатую добычу – рыбный ужин был обеспечен. Я лично уже наелся и потому поднялся на скалу, чтобы еще раз взглянуть на могилу хаддедина при заходящем солнце. Этот одинокий памятник напомнил мне о скальном монументе, воздвигнутом нами пиру Камеку в долине Идиза. Кто мог подумать тогда, у захоронения езидского святого, что Мохаммед Эмин найдет последнее убежище на далекой курдской вершине!

На душе у меня было так пасмурно и грустно, будто со смертью друга я потерял частицу своей души. Но на могиле доброго человека не надо печалиться, на все воля Божья, это лишь переход в другой, светлый мир. Жизнь – борьба, мы живем, чтобы бороться, а умираем, чтобы

побеждать.

Солнце уходило за горизонт, и его последние лучи освещали землю яркими красками, которые, чем дальше на восток, становились все мягче и размытее. Поросшие лесом вершины надо мной напоминали зеленое море, его волны все больше и больше погружались в сумерки ночи. Только по покачиванию верхушек ближних деревьев можно было распознать легкий ветерок. Тени становились все гуще, дали исчезли, закат пылал. Здесь, на вершине, я вспоминал о далекой родине, с которой связывают любого человека на чужбине невидимые нити.

Когда я вернулся в лагерь, там все уже спали. Несмотря на поздний час, я долго ворочался на своей лежанке. Уже запели ранние птицы, когда я забылся. Проснулся я около полудня и узнал от Халефа, что англичанин с персом отправились охотиться на глухарей, взяв с собой Дояна. Рана славного Халефа оказалась болезненнее моей, и старая служанка принесла ему новые капли, действие которых не осталось без последствий.

– Сколько мы еще здесь пролежим, сиди? – спросил он.

– Столь долго, сколько понадобится для того, чтобы залечить наши раны. Что ты ел на завтрак?

– Разные блюда, названий которых я даже не знаю. Эти персиянки отменно готовят. Аллах послал их нам! Мирза сказал, что, когда ты проснешься, я должен подойти к перегородке и хлопнуть в ладоши.

– Так давай, Халеф!

Он исполнил мой приказ, и тут же появилась Маргаритка с кошелкой и сосудом с кофе. В первой лежал свежее испеченный хлеб с холодными кусками жаркого, а во втором дымился ароматный напиток, чья цикорная имитация в Саксонии носит поэтическое название «блюмхен-кофе»^[12].

– Ну как, эмир? – спросила старуха. – Сегодня ты тоже долго спал. Слава Аллаху!

– Я успел сильно проголодаться, Альва.

– Вот и ешь и пей на здоровье, и чтоб твои дни не кончались.

– Спасибо, мир твоему дому!

Она засеменила прочь, а я принялся за завтрак. На дне кошелки я обнаружил сушеные ягоды винограда и засахаренные лесные орехи, особенно взволновавшие моего Халефа. Тут вернулась Хальва со вторым сосудом с кофе.

– Эмир, наш дом посылает тебе еще кое-что, что хорошо действует на жар. Потом посуду я заберу сама.

Я обследовал содержимое сосуда и нашел там груши, сваренные в сладком соке. Тут Халеф уже не мог удержаться.

– Аллах-иль-Аллах! – вскричал он. – Как добр Бог, раз растит такие вкусные вещи и посылает к нам таких любвеобильных женщин, которые все умеют делать. Сиди, эти персиянки такие заботливые. Женись на них, чтобы они готовили для тебя сейчас и до конца дней.

– Хаджи Халеф Омар, прекрати свои речи, иначе я забуду о необходимости делить с тобой сладости!

Он выставил перед собой растопыренные пальцы.

– Аллах охраняет меня от искушений воровать у тебя сладости, ибо они приготовлены для тебя, сиди! Я лишь бедный араб, а ты великий эмир Немсистана. Я лучше подожду, когда в раю гурии сварят мне свое варево.

– Это будет не скоро, Халеф. Мы поделимся! Я беру себе мясо с хлебом, а ты ешь груши и сладкие фрукты.

– Нет, ведь они для тебя, эфенди.

– Но ведь ты мой слуга, Халеф?

- Наивернейший из всех слуг.
- Тогда повинуйся, иначе я рассержусь.
- Ну, если ты приказываешь...

Он так быстро повиновался, что послание из дома очень быстро исчезло под его усами. Я знал, что мой маленький Халеф сладкоежка.

Через какое-то время вернулись оба охотника и принесли богатую добычу. Перс приветствовал нас и скрылся на своей половине, а англичанин уселся рядом со мной.

- Только что поднялись? Откушали кофе?
- Я снова слишком долго проспал.
- И хорошо! Живем здесь как у Христа за пазухой. Сколько продлится этот рай, мистер?
- Вы пойдете с нами в Багдад?
- Мне туда тоже нужно. Мы когда-нибудь выберемся из этих гор? А потом из Багдада?
- Там будет видно. Я еще сам не знаю, нужен ли мне Багдад. Пока что я имел в виду только

то направление.

- И я тоже. Только бы побыстрее отсюда выбраться!

Появилась служанка и забрала глухарей на ощип. За ней вышел хозяин, кивнул мне и медленным шагом покинул лагерь. Я пошел за ним. В тени двух деревьев он уселся на мох и рукой пригласил меня занять место рядом. Я сел, и он начал разговор с фразы:

– Эмир, я полностью доверяю тебе, поэтому слушай! Меня преследуют. Не спрашивай, кто мой отец. Он умер насильственной смертью, а его друзья шептались, что его убили за то, что он кому-то перешел дорогу. Я его сын, я мстил за него и вынужден был бежать со своей семьей. Я погрузил все, что у меня осталось, на верблюдов и отправил их под присмотром надежных людей через персидскую границу. Потом мы пошли другим путем, зная, что нас будут преследовать. Мы двинулись по дикому Курдистану. А теперь скажи, эмир, пойдешь ли ты с нами, но не забудь, что я беглец.

Он замолчал. Я тут же ответил:

– Хасан Арджир-мирза, я пойду с тобой и буду с тобой ровно столько, сколько понадобится.

Он пожал мне руку и сказал:

- Спасибо, эмир! А твои спутники?
- Они пойдут туда же, куда и я. Можно спросить, какова цель твоего путешествия?
- Хадрамаут.

Хадрамаут! Это слово словно ударило меня током. Неисследованный, опасный Хадрамаут! Все напряжение и неуверенность как рукой сняло, и я поинтересовался будничным тоном:

- Тебя там ждут?
- Да, у меня там есть друг, которого я предупредил с помощью своего посланца о моем прибытии.
- Я могу сопровождать тебя до Хадрамаута? – спросил я.
- Так далеко, эмир? Такую жертву я не могу принять даже от лучшего друга.
- Это вовсе не жертва, я с удовольствием составлю тебе компанию, если тебе будет приятно.

– Тогда милости прошу, господин! Можешь оставаться с нами сколько пожелаешь. Но должен предупредить тебя, что до Хадрамаута мне нужно навестить Кербелу.

– Кербела? Сейчас же конец месяца зу-эль-хиджа, и начинается мухаррам. В десятых числах этого месяца проходит праздник пилигримов в Кербеле.

– Да, хадж эль-маниджат – Караван Смерти – уже в пути, и я тоже направляюсь в Кербелу, чтобы на месте мук Хусейна похоронить отца. Видишь, тебе сложно будет сопровождать нас!

– Почему же? Оттого, что я христианин и не могу появляться в Кербеле? Ведь был же я в Мекке, хотя туда имеют доступ только мусульмане.

– Тебя разорвут на куски, если распознают в Кербеле.

– Меня распознали в Мекке, но никто не разорвал...

– Эмир, ты же умный человек. Я знаю, что мой отец покойся на руках у Аллаха, где бы он ни был захоронен – в Тегеране или Кербеле. Я бы никогда не поехал ни в Кербелу, ни в Неджев, ни в Мекку, поскольку Мухаммед, Хасан, Хусейн и Али были такими же людьми, как и мы; но я выполняю последнюю волю своего отца, желавшего покойся в Кербеле, и потому присоединюсь к Каравану Смерти. Если ты останешься со мной, я не пророню ни слова, и дом мой будет молчать, однако мои слуги не разделяют моих взглядов на учение Пророка; и они окажутся первыми, кто захочет убить тебя.

– Это мои проблемы. Где ты встречаешься с верблюдами?

– Ты знаешь Гадим под Багдадом?

– Персидский город? Да, знаю, он лежит на правом берегу Тигра, напротив Мадима, и связан с Багдадом дилижансом.

– Там меня ждут погонщики верблюдов, у них же тело моего отца.

– Так я провожу тебя до тех мест, а дальше будет видно. А в Гадиме можно чувствовать себя в безопасности?

– Надеюсь. Хоть меня и преследуют, думаю, паша Багдада меня не вышлет.

– Не доверяй турку! Не доверяй и персу! Ты был так осторожен, продвигаясь по Курдистану, почему ты сейчас теряешь бдительность? Ты можешь попасть в Кербелу и не примыкая к Каравану Мертвых.

– Я не знаю такой дороги.

– Я отведу тебя.

– Ты знаешь тропу?

– Нет, но я найду ее. Аллах дал мне дар выбирать неведомую дорогу без проводника.

– Так дело не пойдет, эмир. Мне нужно в Гадим, к моим людям.

– Тогда иди тайно мимо Багдада и не примыкай к каравану.

– Господин, я же не трус. А что, если мои люди подумают, что я трушу?

– Нет, ты смелый человек! И это меня радует, ведь мы едем вместе!

– Я согласен, эмир, но при одном условии. Я богат, очень богат, и я хочу, чтобы ты брал у меня – только у меня! – все, что тебе потребуется!

– Но тогда я стану твоим слугой, получающим заработную плату.

– Вовсе нет, ты мой гость, мой брат, и любовь дает мне право заботиться о тебе. Клянусь Аллахом, что не поеду вместе с тобой, если ты не примешь это условие!

– Ты просто вынуждаешь меня выполнять твои условия. Откуда такое доверие ко мне, ведь ты меня совсем не знаешь!

– Напрасно ты так думаешь. Разве не ты вырвал нас из рук беббе? Разве не рассказывал о тебе Амад эль-Гандур? Мы останемся друг подле друга, а я буду получать от тебя другие богатства – духовные. Хоть я и не обыкновенный перс, но с тобой сравниться не могу. Мне известно, что в твоей стране мальчик бывает умнее, чем у нас взрослый мужчина. Мне известно, что наша страна – пустыня в сравнении с вашими землями и что беднейший из вас богаче самого дородного визиря из Фарсисстана. Мне ведомо еще многое другое, и я знаю причину всего этого: у вас есть матери, у вас есть жены; у нас таких нет. Дай нам хороших матерей, и наши дети смогли бы скоро соревноваться с вашими. Сердце матери – в земле, где живет дух ее ребенка. О Мухаммед, я ненавижу тебя за то, что ты забрал душу у наших жен, обратил их в рабынь, подавил тем самым и нашу силу, обратил в камень наше сердце, опустынил земли и

всех, кто пошел за ним, лишил счастья.

Он поднялся. Воздел руки и громко выкрикнул свои обвинения против Пророка. Счастье, что никто из его друзей не слышал! И только после некоторого молчания он снова обратился ко мне:

– Знаешь дорогу отсюда в Багдад?

– Есть два пути. Один ведет на юго-запад через горы Хамрин, а другой – вдоль Диалы и дальше вниз к Гадиму.

– А как далеко отсюда до Гадима?

– Первую дорогу мы одолеем за пять, вторую – за четыре дня.

– Эти пути ведут по населенным местам?

– Да, и поэтому самые подходящие.

– Значит, есть и другие?

– Конечно, но мы должны будем скакать через земли, населенные воинственными бедуинами.

– Из какого же они племени?

– Больше всего джербоа, а через их границы нередко заходят отряды бени-лам.

– Вы их боитесь?

– Боюсь ли? Нет. Но осмотрительные люди обычно выбирают из двух маршрутов наименее опасный. Я знаю одну тропу, которой пользуются знатные господа. Она проходит к западу от реки, а к джербоа не ведет.

– И все же я должен решиться на степной путь, ибо я беглец. Так близко от персидской границы преследователи не должны меня захватить.

– Твои взгляды правильны, но подумай, что путешествие по степи, совершенно высохшей под палящими лучами, будет весьма мучительным.

– Они не страдают ни от голода, ни от жажды; ни от жары, ни от холода; они мучаются только одним – как бы я не оказался плененным. При мне бурдюки с водой и запас продовольствия на восемь дней для всех нас.

– И ты можешь полностью положиться на своих людей?

– Абсолютно, эмир.

– Хорошо, тогда мы поедем через землю джербоа. Аллах защитит нас. Впрочем, когда мы достигнем долины, будем продвигаться быстрее, а пока что твои верблюды с трудом преодолевают перевалы. Теперь мы едины в своих помыслах и должны лишь ждать, пока не залечатся наши раны.

– У меня небольшая просьба, – учтиво произнес он. – Я основательно запасся всем необходимым при отъезде. На дальних дорогах одежда быстро изнашивается, и поскольку я знал, что до Хадрамаута хорошего базара не попадет, я сделал изрядный запас платья. Ваше уже сильно поизносилось, вы можете взять у меня, что пожелаете.

Это предложение было для меня равно соблазнительно и опасно. Хасан Арджир-мирза был прав: в любом цивилизованном месте нас приняли бы в таком виде за настоящих бродяг, но я знал и то, что чопорного англичанина можно этим обидеть. Однако мне не хотелось в первые же дни ставить под удар нашу дружбу с персом. Мне же самому было абсолютно безразлично, в какой личности выступать. Настоящий бедуин оценивает мужчину не по одежде – по лошади, а в этом отношении я мог вызвать зависть у кого угодно. Впрочем, какой-нибудь сын пустыни мог принять меня и за конокрада, но в его глазах это была больше честь, чем позор для меня. И я ответил мирзе:

– Спасибо тебе. Я знаю, как хорошо ты к нам относишься, но я прошу тебя: давай возобновим этот разговор в Гадиме. До джербоа мы в наших одеяниях еще дотянем, а там

дальше поглядим. Благодарю за то, что...

Я замер на полуслове – в соседнем кустарнике низкорослой шелковицы мне послышался какой-то шорох.

– Нам нечего опасаться, эмир, это какой-то зверек, может быть, птица, ящерка или уж, – успокоил меня мирза.

– Мне знакомы все шорохи леса, – ответил я, – это был не зверь, а человек.

В несколько прыжков я обогнул кустарник и схватил мужчину, который уже собирался улизнуть. Это был один из слуг перса.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

Он молчал.

– Говори, или я вырву тебе язык!

Тут он открыл рот, но издал какие-то нечленораздельные звуки. Тут подошел мирза и произнес, увидев его:

– Садык, это ты? Он не может говорить, он немой.

– Но что ему надо в этих шелковицах?

– Сейчас он мне расскажет, я понимаю его язык. – И, повернувшись к нему, спросил: – Садык, что тебе нужно?

Пойманный врасплох слуга разжал ладонь и показал пучок трав и горстку ягод.

– Откуда ты пришел?

Садык показал на лагерь.

– Ты знал, что мы находимся здесь?

Он покачал головой.

– Ты слышал, о чем мы говорили?

Снова тот же жест.

– Ну ладно, иди, только не мешай нам больше.

Садык ушел, а его хозяин объяснил мне:

– Альва поручила Садыку набрать ягод и трав, которые нужны при жарке глухарей.

Случайно он напал на нас...

– И подслушал, – вставил я.

– Но ты же видел, что он это отрицал.

– Я так не думаю.

– О нет, он верный человек!

– Его лицо мне не нравится. Человек с узким, раздвоенным подбородком склонен к фальши. Это, конечно, мое мнение, но до сих пор так оно и было. Он родился глухим?

– Нет.

– А отчего он потерял дар речи?

Мирза помедлил с ответом, потом произнес:

– У него больше нет языка.

– Ах, значит, раньше он мог говорить? И его ему отрезали...

– Увы, – грустно проговорил перс.

Я с содроганием подумал о бытующем до сих пор жестоком обычае обрезания и даже полного отрезания языка. Он по-прежнему процветает в странах Востока и Южной Америки, особенно где много чернокожих рабов.

– Хасан Арджир-мирза, – снова затянул я свою песню, – я вижу, ты с неохотой возвращаешься к этому разговору, но этот Садык мне не нравится, я не могу доверять ему – его присутствие при нашем разговоре мне подозрительно. Прощу тебя, расскажи мне о том, как он лишился языка.

– Я проверял его, эмир. Он верен мне и честен. Но ты сейчас узнаешь, что заставило моего отца пойти на этот жестокий шаг.

– Твоего отца? Что ж, это действительно очень интересно!

– Этот Садык в детстве был оруженосцем отца и передавал его распоряжения, приказы и указания. Он много бывал в доме верховного муфтия и видел его дочь. Она нравилась ему, а он был красивым малым. Однажды он перепрыгнул через ограду сада, где она возилась с цветами, и отважился заговорить с ней после того, как она ему отказала. Его схватили. Из уважения к моему отцу парня не казнили, а приговорили к вырыванию языка, причем по приговору это должен был сделать отец. Он был многим обязан муфтию, и за это тоже был ему благодарен: отец позвал аптекаря, одновременно и опытного лекаря, который и вырезал Садыку язык.

– Это было хуже смерти. Садык с тех пор постоянно жил с отцом?

– Да, и отца мучили боли Садыка, ибо он очень дружелюбен по характеру. Но на них лежало проклятие.

– Как это?

– Муфтий умер от яда. Аптекаря тоже нашли однажды поутру у дверей своей аптеки, а девушка утонула на речной прогулке, когда баркас, задрапированный до неузнаваемости, взрезался в ее лодку и потопил ее.

– Все это очень подозрительно. Убийц не нашли?

– Нет. Я знаю, что ты сейчас думаешь, эмир, но твои предположения лишены оснований, так как Садык часто болел и как раз в те дни лежал пластом в своей комнатушке.

– И ведь твой отец умер неестественной смертью?

– Он погиб во время рейда. Садык и один лейтенант сопровождали его. Садык спасся один, весь израненный, отец же и лейтенант погибли.

– Хм! А Садык не признал убийц?

– Было темно. Одного из убийц он узнал по голосу – это был давний враг отца.

– Которому ты мстишь?

– Судьи освободили его, но он мертв!

Выражение лица мирзы подсказало мне, какой смертью умер тот враг. Он предостерегающе вытянул руку и сказал:

– Все это позади. Давай возвращаться в лагерь. – И он двинулся в сторону стоянки.

Я какое-то время еще сидел, размышляя об услышанном. Этот Садык был или совсем потерянным, лишенным лица человеком, каких мало, или воплощением зла и мести. Во всяком случае, его нельзя было выпускать из виду.

Когда я позже пришел в лагерь, там занимались приготовлением ужина. Я сообщил англичанину, что собираюсь двигаться вместе с персом до Багдада, а потом в Кербелу, и он тут же согласился ехать с нами.

Моя рана беспокоила меня куда меньше прежнего, а потому после полудня я решил побродить со штуцером и собакой по окрестностям. Сэр Дэвид Линдсей вызвался пойти со мной, но мне нужно было побыть одному. По старой многолетней привычке мне хотелось позаботиться о безопасности лагеря. Главное здесь – скрыть собственные следы и проследить, чтобы чужие следы не оказались незамеченными. Я сделал вокруг лагеря много кругов, пока не оказался на берегу реки. Тут я заметил, что трава на нем изрядно примята. Я хотел было подойти к этому месту поближе, но тут услышал, как сзади хрустнули ветки.

Я быстро нырнул в густой кустарник и притаился. Неподалеку от моего укрытия раздались шаги – немой перс крался по кустам, озирался и приближался к тому месту, которое только что попало мне на глаза. Потом он потоптался в траве и без промедления вернулся назад. Подходя к кустам, он бросил острый, внимательный взгляд на какие-то определенные участки зелени и

хотел уже бежать дальше.

Тут я левой рукой схватил его за грудь, а правой залепил такую оплеуху, что он потерял всякую способность к сопротивлению.

– Предатель! Что ты здесь делаешь? – крикнул я.

Ответить он, ясное дело, не мог, но нечленораздельные звуки, издаваемые им, свидетельствовали, что напуган он смертельно.

– Видишь это ружье? – сказал я. – Если ты сейчас же не сделаешь, что я тебе прикажу, то я застрелю тебя. Возьми свою келла^[13], зачерпни воды и вылей на пригнутую траву, чтобы она снова поднялась.

Он попытался было воспротивиться, делал руками какие-то извиняющиеся движения, но когда я поднял штуцер, повиновался.

– А теперь подойди, – сказал я, когда он вернулся, – посмотрим, что ты здесь так внимательно осматривал!

Я обследовал оба места, которые только что привлекли его внимание, и заметил, что на двух ветках, удаленных друг от друга шагов на двадцать, висят маленькие пучки травы.

– Ага, знак. Интересно. Сними эту траву и брось в реку.

Он повиновался.

– А теперь пойдём в лагерь. Вперед. Если попытаешься бежать, тебя догонит моя пуля или разорвет пес.

Мое мнение осталось прежним: этот человек – предатель, только подробности предстояло еще выяснить. В лагере я сразу послал за персом.

– В чем дело? – спросил тот. – Почему ты держишь Садыка?

– Потому что он мой пленник. Он хотел навредить тебе. Тебя преследуют, а он сообщает твоим преследователям о нашем местонахождении. Я застал его, когда он приминал траву на берегу реки, а на ветвях висели пучки травы и указывали, в каком месте лучше пробраться к нашему лагерю.

– Но это абсурд!

– И все-таки это именно так! Допроси его, если ты его понимаешь!

Он задал арестанту несколько вопросов, но ничего от него не узнал – тот не понимал, что от него хотят.

– Видишь, эмир, он невиновен! – сказал мирза.

– Хорошо, тогда я буду действовать другим образом. Надеюсь, мне удастся тебе доказать, что этот человек – предатель. Бери свое ружье и следуй за мной. И скажи своим людям, что мои спутники застрелят каждого, кто попытается освободить Садыка. Они не привыкли, чтобы с ними так шутили. Там, внизу, надо поставить стражу, чтобы предупредила об опасности.

– Мы поскачем или пойдём пешком?

– Как далеко находится место, где располагался ваш последний лагерь?

– Мы скакали шесть часов.

– Да, сегодня мы туда не доберемся. Пойдем пешком.

Он поднял ружье. Я дал Халефу и англичанину необходимые инструкции. Они связали пленного и встали по обе стороны. Я был спокоен за его охрану.

Сначала мы двинулись вверх по долине, к реке. На полпути я в удивлении замер, уставившись на пучок травы, висевший точно так же, как и два предыдущих, которые Садык бросил в реку.

– Стой, мирза. Что это? – спросил я.

– Трава, – ответил он.

– Она что, растет на деревьях?

– О Аллах! Кто же ее подвесил?

– Садык. Давай пройдем двадцать шагов, и я покажу тебе второй пучок.

Он последовал за мной, и мое предположение подтвердилось.

– А разве этого до нас здесь не было? – спросил перс.

– О Хасан Арджир-мирза, как хорошо, что лишь я один слышу эти слова! Разве ты не видишь, что эта трава еще зеленая и свежая? Пойди к реке, где я нашел первые значки. Этот человек отметил, где река поворачивает к лагерю.

Там бы на нас напали и убили, так же точно, как твоего отца, аптекаря, муфтия и его дочь!

– Господин, если бы ты был прав...

– Я прав! Ты хороший ходок и сможешь найти дорогу, по которой вы шли от последнего лагеря?

Он ответил утвердительно. Мы зашагали вверх вдоль реки и вскоре достигли места, где находился наш с хаддединами лагерь, прежде чем мы поспешили на помощь к персам. Тогда мы пришли с севера; здесь же долина реки уходила на восток, и мы пошли в этом направлении. Мы уже оставили позади себя изгиб, когда я по правую руку заметил толстую иву, от ствола которой отходили две ветви.

– В каком порядке вы обычно ехали? – спросил я.

– Женские паланкины в середине, а остальные спереди и сзади.

– А где находился Садык?

– Сзади. Он часто отставал, так как собирал травы и корни – он их большой знаток.

– Он оставался сзади и подавал знаки твоим преследователям. Ну и хитрец!

– Где знаки?

– Вот, на этой иве. Пошли дальше.

Через четверть часа река сделалась раза в три шире, чем раньше, и обмельчала, образовав брод. Здесь мирза задержался и указал на молодую березку с поникшей кроной.

– Ты тоже считаешь это знаком? – спросил он, смеясь. Я обследовал деревце.

– Конечно, это знак. Посмотри на ствол, сравни с другими, растущими рядом, и ты убедишься, что направление ветра здесь западное. Ветры здесь, если глянуть на окрестные вершины, не такие сильные, чтобы сломать макушку этого деревца. И все же она сломана и как раз так, что показывает на запад. Тебе это не кажется странным?

– Кажется, эмир.

– А теперь посмотри на место облома. Оно еще светлое! Это говорит о том, что дерево покалечено совсем недавно – когда вы здесь проходили. И грозы в последнее время не было. Крона указывает на запад – туда, куда вы направились. Пошли дальше!

– Мы что, поплывем?

– Куда поплывем? Зачем?

– Но надо ведь перебираться через брод!

– Думаю, нам не придется плыть, река здесь мелкая. Давай подойдем, и ты еще раз убедишься, что мы нашли еще один знак.

Мы связали одежду в узлы и положили их на головы. Вода сначала была по колено, потом поднялась чуть выше и только однажды достигла мне плеча. Выйдя из воды, мирза еще раз смог убедиться в правоте моих слов – сухие виноградные лозы были согнуты так, что образовывали как бы ворота.

– У Садыка было здесь время делать это? – спросил я.

– Да. Я помню, верблюды не хотели идти в воду, мы с ними намучились. Садык на лошади поехал за отставшим верблюдом и возвращался потом один.

– Хитро придумано! Ты мне все еще не веришь?

– Эмир, я начинаю верить тебе, но что он мог придумать на равнине, на гладкой равнине, где растет одна лишь трава?

– Посмотрим. Как вы здесь ехали?

– Это было перед восходом... О эмир, что это?

Он показывал на восток. Я проследил направление его руки и увидел темную линию, которая двигалась прямо на нас.

– Это всадники? – спросил перс.

– Без сомнения. Скорее снова в воду, на этой стороне нет подходящего убежища, а там скалы и густые заросли.

Обратная дорога заняла у нас совсем немного времени, и вскоре мы уже могли наблюдать за неизвестными из надежного убежища. Конечно, прежде всего, мы натянули на себя одежду.

– Кто эти люди? – спросил мирза.

– Хм. Торговые пути здесь не проходят, но брод может кому-то быть известным. Надо подождать.

Всадники приближались шагом и скоро достигли берега. Мы даже могли рассмотреть их лица.

– О! – зашептал перс. – Это персидский отряд!

– На турецкой территории? – усомнился я.

– Ты же видишь, они в одеянии бедуинов.

– Это люди кочующих племен или воины из города?

– Пастухи. Я знаю их предводителя, он был моим подчиненным.

– Кто же он?

– Капитан Махтуб-ага, бесстрашный сын Эйюб-хана.

Мы видели, как предводитель внимательно осмотрел заросли на берегу, потом что-то сказал своим людям и повел лошадь в воду. Остальные последовали за ним.

– Господин, – зашептал мне перс, волнуясь, – ты во всем прав. Эти люди посланы поймать меня. Среди них – лейтенант Омрам, племянник Садыка. Аллах, если бы они нас здесь обнаружили! Твой пес не выдаст нас?

– Нет, он молчит как рыба.

Преследователей было тридцать человек. Их начальник – диковатого вида грубый молодец – остановился у березы и засмеялся.

– Тысяча чертей! – вскричал он. – Смотри, лейтенант, здорово сработал Садык. Новый знак! Теперь пойдем ниже по реке. Вперед!

Они проехали мимо, не заметив нас.

– Ну что, мирза, ты еще сомневаешься?

– Нет... но теперь нет времени для разговоров, надо действовать.

– Действовать? Нам ничего не остается, как с предосторожностями следовать за ними.

Мы незаметно крались за нашими врагами. Хорошо, что они ехали медленно. Через пятнадцать минут они добрались до места, где принял смерть Мохаммед Эмин. Они спешили, чтобы изучить следы.

Мы углубились направо в кустарник и рванули вперед. Через несколько минут мы уже добрались до нашего лагеря: я – весь в поту, а мирза – задыхаясь от бега. Здесь все было в полном порядке.

– Всем тихо, близко враг! – приказал перс.

Потом мы снова ринулись в кустарник и подобрались к преследователям. Они все еще находились на месте нашей старой стоянки.

– Это неплохое место для лагеря. Что ты думаешь, Омрам? – спросил капитан.

– Солнце клонится к закату, господин, – ответил лейтенант.

– Хорошо, остаемся здесь. Здесь есть вода и трава.

Такого я не ожидал. Ситуация становилась очень опасной. Мы, конечно, постарались замести следы, но на месте костра обгорела трава и земля почернела – этого скрыть было нельзя. Впрочем, я заметил, что там, где Садык примял траву, она уже снова поднялась.

– Аллах-иль-Аллах! Что нам делать? – спросил меня мирза.

– Троих нас легко засекут. Одного достаточно – меня. Забирай пса, иди в лагерь и готовьтесь к бою. Если услышишь револьвер, сидите на месте. Но когда заговорит штуцер – я в опасности, идите на помощь. Тогда хаджи Халеф Омар может прихватить с собой тяжелое ружье.

– Эмир, я не могу бросить тебя в этой ситуации!

– Я здесь в большей безопасности, чем вы в лагере. Иди, ты задерживаешь меня!

Он удалился со слугой и собакой наверх, а я остался один. Так мне было удобнее, чем если бы я оказался обременен неопытным человеком. Настоящая опасность возникла бы для меня, если бы капитан приказал прочесать кустарник, но этот персидский коневод явно не был индейским вождем – это было видно по тому, как он разбил лагерь. Лошади были расседланы и отпущены пастись. Они сразу же побежали к воде и разбрелись по берегу. Каждая лошадь знала голос хозяина. Всадники покидали копья и другие вещи в траву и растянулись рядом. Только лейтенант остался на посту и подошел к кострищу. Он нагнулся, чтобы осмотреть его, и закричал:

– О Аллах, смотри, что я нашел!

– Что? – спросил предводитель, подойдя к нему.

– Здесь горел костер. Они тут ночевали.

– Где?

– Здесь!

Капитан убедился, что так оно и есть. Потом спросил, есть ли знак.

– Не вижу пока, – ответил лейтенант. – Может, Садыку было несподручно. Завтра найдем. Мы тоже можем развести огонь. Возьми муку и сделай хлеб.

Наблюдая за беспомощными хозяйственными потугами этих солдат, я понял, чего от них можно ждать. Они разожгли огромный огонь, замесили муку в речной воде, сделали крутое тесто, которое на кончиках копий переворачивали над огнем. Этот, с позволения сказать, «хлеб» они ели полусырым, к тому же полусгоревшим. Защитникам отечества явно не хватало круга копченой колбасы каждому! Это был их ужин.

Когда стемнело, они сотворили молитву и подобрались поближе к костру, чтобы в тысячный раз поведать друг другу очередную сказку из «Тысячи и одной ночи». Я тихо вернулся в свой лагерь. Там не горел огонь, все сидели в боевом ожидании. Садык по-прежнему лежал между Халефом и англичанином. Его еще крепче связали и всунули в рот кляп.

– Ну, как там, эмир? – спросил мирза.

– Хорошо.

– Они ушли?

– Нет.

– Тогда почему «хорошо»?

– Потому что эти парни вместе с их трусливым Махтубагой – дураки, каких поискать. Если мы ночью не объявимся, они утром снимутся, так нас и не заметив. Халеф, как твоя нога, ты можешь спуститься?

– Да, седи.

– Тогда поручаю их тебе. Ты останешься внизу, пока я тебя не отзову.

– А где ты меня будешь искать?

– Они развели костер, а над ним стоит старая скрюченная сосна. У ее ствола я и буду тебя поджидать.

– Я уже пошел, седи. Ружье я оставляю, оно мне только помешает. Ножа хватит для какого-нибудь дурачка, который захочет проверить его на остроту.

И он мгновенно исчез. Сосед его, англичанин, взял меня за рукав.

– Мистер, где ваша совесть? Я сижу здесь и не понимаю ни бельмеса. Единственное, что там внизу сидит свора персов.

Я вкратце поведал ему сложившуюся ситуацию, и все равно мирзе этот наш разговор показался слишком долгим. Он прервал меня вопросом:

– Эмир, а мне на врагов можно взглянуть?

– А ты сможешь бесшумно двигаться через ветви и кусты, корни и листья?

– Думаю, что да, постараюсь быть осторожным.

– А ты научился подавлять кашель и чихание?

– Но это ведь невозможно!

– Это вполне возможно, нужна лишь тренировка. Но мы рискнем. Может, удастся подслушать что-то важное. Если тебе кто-то залетит в глотку или нос, то прижми рот к земле и закрой руками голову. Если хочешь подкрасться к кому-то, не дыши носом – обязательно чихнешь! Если приспичило кашлянуть поблизости от неприятеля, то уткнись в землю и пытайся, если это ночь, сымитировать уханье филина. Но настоящий охотник никогда не кашляет и не чихает в лесу. Идем!

Я пошел первым, он – за мной. Я старался убирать с его пути все, что могло вызвать лишний шум, и вскоре мы подобрались со стороны Халефа к кустарнику, где могли укрыться в глубокой тени. В двенадцати шагах от нас горел костер. Оба офицера сидели близко к огню, а остальные образовали разомкнутый круг у костра. Блики от пламени падали на лошадей, пасшихся поодаль или просто лежавших в траве.

Мирза не издал ни звука, но я слышал его взволнованное дыхание. Этот храбрый человек впервые оказался в таком необычном положении. У меня сердце стучало так же, как однажды, когда я подбирался к отряду индейцев сиу, посланному поймать меня. Сейчас, правда, я был спокойнее.

Наши враги не подозревали, что в этой местности есть еще кто-то, кроме них. Они беседовали так громко и непринужденно, что их было слышно на другом берегу реки.

В тот момент, когда мы затаились в своем укрытии, лейтенант спросил:

– Ты намереваешься взять его живым?

– Если он даст взять себя живым – да.

– И живым доставить его домой?

– Я не безумец. Пусть люди скажут, что они хотят, так я и сделаю.

– Мертвым! – раздались голоса.

– Ну вот. У нас есть приказ доставить хотя бы его голову. Если мы повезем его живым, нужно будет забирать и все его имущество, и жен. А если ограничимся головой, об остальном и спрашивать не будут.

– При нем должно быть все его богатство, – заметил лейтенант.

– Да, этот сын проклятого генерала очень богат, он нагрузил сокровищами восемь верблюдов, мы можем как следует пожить, поделив все между собой.

– А что, если мирза находится под охраной шейха или турецкого чиновника?

– Тогда мы не можем выдавать, что мы персы. Понимаете? Впрочем, у него нет времени организовывать для себя эту защиту – уже завтра или послезавтра мы его поймем. Поднимемся

с зарей и найдем следующие знаки. Этот глупец Хасан Арджир-мирза, наверное, вбил себе в голову, что раз Садык не может говорить, он и писать не способен. А что, по-вашему, эти знаки, как не письмена? Теперь ложитесь-ка, собаки, времени для отдыха у вас мало!

Они все тут же последовали его приказу, и кто-то успел перед сном помечтать о сокровищах, которые могли бы оказаться у него в руках. Наш же разведчик сообщил нам следующее – отец мирзы был генералом, и сам мирза тоже вроде бы генерал. И мстят ему важные персоны, от их мести он и спасается.

Когда враги затихли под своими покрывалами, мы отползли на безопасное расстояние.

– Эмир, – начал мирза, когда мы были вне пределов слышимости, – я одарил их лейтенанта и капитана многими почестями. Оба должны умереть!

– Они не стоят твоего внимания. Они – собаки, которые достойны только плестись за тобой, наказывать надо не их, а их господ!

– Они хотят убить меня, чтобы захватить сокровища!

– Хотят-то они хотят, но ничего не получают. Поговорим об этом в лагере. Ползи обратно один. Я скоро вернусь.

Он отошел с явной неохотой. Убедившись, что он удалился, я подполз к Халефу и шепотом передал ему необходимые указания. Затем я сделал дугу вокруг лагеря наших врагов, добрался до кустарников и реки и пошел дальше в южном направлении. Через две минуты я обломал молодую ольху так, чтобы ее макушка указывала на юг, а через пять и десять минут повторил то же действие. У последнего знака река круто поворачивала, что мне было на руку. Потом я вернулся в лагерь.

На все про все мне понадобилось полчаса, и мирза уже начал беспокоиться. И англичанин тоже спросил:

– Где это вас носило, сэр? А то сидишь тут сиднем и ничего не знаешь. Да!

– Успокойтесь, скоро все будут при деле.

– Отлично! Укокошим всех ребяток?

– Нет, зачем, немного пощекочем им носы.

– Это меня радует! Только пусть у них будут такие же носы, как у меня. Кто будет в этом деле?

– Только вы и я.

– Тем лучше. Кто один делает дело, ни с кем не делится славой. Когда заварится каша?

– Незадолго до рассвета.

– Тогда я еще немного придавлю ухо.

Он улегся и вскоре заснул.

Хасан жаждал обсудить со мной ситуацию, а у разделительной загородки я узрел три женские фигуры, которые тцились услышать то, о чем мы шептались.

– Где ты был сейчас, эмир? – спросил он.

– Я хотел дать тебе время немного успокоиться и поразмыслить. Умный человек никогда не советуется со своим гневом, а спрашивает совета у мозгов и сознания. Отложи свой гнев и скажи, что ты надумал.

– Я нападу на них с моими людьми и убью всех!

– Три десятка сильных мужчин будут убиты твоими ранеными слугами?

– Ты и твои спутники поможете нам.

– Нет, так дело не пойдет. Я не варвар, а христианин. Моя вера говорит мне, что я могу защищать жизнь, когда ей что-то угрожает, но она просит меня охранять жизнь брата. Священная книга христиан повелевает: надо любить Бога изо всех своих сил! И жизнь моего ближнего так же священна, как моя!

– Но эти люди не наши братья, они враги!

– И все же они наши братья. Христианский Коран учит: возлюби врага своего, и я подчиняюсь.

– Но этот приказ лишен ума, ты можешь попасть в беду, выполняя его.

– Наоборот, я бывал в разных переделках и часто вынужден был защищаться, но я побеждал, ибо Бог помогает тем, кто ему послушен.

– Так что, ты не поможешь мне, хотя ты мне друг?

– Я тебе друг и докажу тебе это, но я спрашиваю тебя: ты, Хасан Арджир-мирза, убийца или нет?

– Нет, эмир!

– Но ведь ты хочешь напасть на спящих! Или ты думаешь разбудить их, чтобы бой был честным? Тогда ты точно проиграешь.

– Господин, я их не боюсь!

– Я знаю. Говорю тебе: я бы бросился один на этих людей, если бы дело шло о защите чести. Мое оружие куда лучше, чем их. Но где гарантия, что первый же их выстрел или удар копьем не лишит меня жизни? Безрассудная смелость сродни ярости буйвола, который слепомчится навстречу смерти. Я предвижу такой вариант – вы убьете десять или пятнадцать, но останется еще столько же, которые встанут, поднимут вас на копья и разорвут на клочки.

– Твоя речь кажется мне благоразумной, господин. Но если я пощажу своих врагов, я тем самым сдамся в их руки! Они меня сегодня или завтра поймут, а что произойдет дальше – ты уже сказал.

– Кто сказал, что ты должен сдаваться?

– А как же иначе? Или ты попросишь их оставить меня в покое?

– Да, как раз именно это я и собираюсь сделать.

– О Аллах! Это... это... Эмир, я просто не знаю, как мне это назвать!

– Назови это сумасшествием, если тебе это угодно.

– Ты действительно веришь, что тебе удастся переубедить людей, сделавших целью жизни мою поимку?

– Я убежден в этом. Но послушай. Я сходил только что к реке и сломал там деревце. Если враги это заметят, то подумают, что ольху сломал Садык. На рассвете они продолжат свой путь. Я буду ехать впереди и наводить их на ложный путь. Но если они найдут наш лагерь, придется защищаться. Я услышу ваши выстрелы и сейчас же вернусь.

– А если они снова потом выйдут на наши следы?

– Доверь это дело мне! Я заморочу им головы так, что они никогда не нападут на наши следы. Пергамент у тебя с собой?

– Да. И у Садыка мы тоже нашли пергамент, но не хватало много листов.

– Он использовал его, чтобы отправить врагам тайное послание. Ты спрашивал его об этом?

– Да, но он ничего не сказал.

– Нам не нужны его показания. Давай мне пергамент и иди спать. Я разбужу вас, когда будет нужно!

Женщины исчезли, а мужчины легли отдыхать. Садык слышал каждое слово нашего разговора и лежал как на иголках. Я обследовал веревки и кляп: путы были достаточно крепкими, а затычка во рту не мешала дыханию.

Я прикрылся одеялом, но спать не решился.

На рассвете я разбудил англичанина. Персы тоже проснулись, и их предводитель подошел ко мне.

– Ты уходишь, господин? А когда вернешься?

– Как только буду уверен, что обманул наших врагов.

– Это может быть и завтра?

– Может быть.

– Тогда возьми муки, мяса и дичи. А что делать нам, пока тебя не будет?

– Ведите себя спокойно и постарайтесь не отлучаться отсюда. Если случится что-то непредвиденное, посоветуйся с хаджи Халефом Омаром, я его вам оставляю. Он верный и храбрый человек, на него можно положиться.

Я еще раз навестил Халефа и рассказал ему о моих намерениях. Когда я вернулся, Линдсей уже был готов, а наши седельные сумки были наполнены провизией. После короткого прощания мы отбыли. Провести коней между деревьями и кустами в полумраке было делом нелегким. Нам пришлось сделать изрядный крюк, чтобы не попасться на глаза врагам. Наконец мы достигли долины, сели на коней и поехали. Не видно было ни зги, над водой стлался туман. На востоке небо засветилось, и легкий ветерок возвестил о начале нового дня. Через пять минут мы уже были у изгиба реки, где я оставил последний знак. Здесь я слез с лошади.

– Остановка? – спросил англичанин. – Почему?

– Надо подождать, пока персы продолжают свой поход и обследуют окрестности или же вступят в бой с нашими людьми.

– Ах так! Так что мы пока здесь. Отлично. Табачок с собой?

– Посмотрим.

Хасан Арджир-мирза – или то была его красавица сестра? – был необычайно внимательным: среди провизии имелся и пакетик персидского табака.

– Ну что за парень этот мирза! – заявил англичанин.

– Поглядите – туман рассеивается! Через две минуты нас будет видно даже в стане врагов. Надо заехать за излучину, иначе они нас заметят, и тогда все пропало.

Мы скрылись за поворотом и стали ждать. Через свою подзорную трубу я наблюдал, как все тридцать сели в седла и помчались. Через милю они остановились, и тут я отодрал кору у одной ивы.

– Эти люди будут круглыми болванами, если не заметят, что кору отодрали только что!

– Да уж, этот капитан явно не сэр Дэвид Линдсей-бей. Поглядите – здесь река описывает широкую дугу и там, на юге, снова возвращается в горы. Весь этот изгиб равняется где-то восьми английским милям. Давайте поморочим им головы. Пусть немного окунутся.

– Я готов, мистер. Они поедут за нами?

– Наверняка. Подтяните-ка повыше сумки с провизией!

– Но здесь глубоко!

– Тем лучше! Боитесь утонуть?

– Вы же меня знаете. Но поверят ли эти люди, что мирза со своими верблюдами полез в воду?

– А мы попробуем. Если поверят, то мы и дальше сможем водить их за нос.

Я развел камыш в стороны и закрепил его вверху в виде арки, дал немного потоптаться вороному на берегу, чтобы лучше видны были следы, а затем пустил его в воду. Англичанин последовал за мной. Мы перешли реку немного наискось и поэтому, несмотря на сильное течение, вышли как раз напротив того места, где входили в реку и где концы камыша указывали точно на юг. Здесь была травянистая почва, что подходило мне как нельзя лучше: вода, лившая с нас ручьями, была не так заметна.

Потом мы перешли в галоп. Персы должны были достичь этого места через полчаса, и они могли распознать, если, конечно, не были полными невеждами и легковверными людьми, что следы наших лошадей на траве совсем свежие!

И, тем не менее, мы два часа скакали в том же направлении мимо невысоких холмов, по долинам, перерезанным небольшими речушками. Потом мы снова добрались до Джалы и перебрались на другой берег. И, конечно, оставили в подходящих местах свои знаки. Тут я достал листок пергамента.

– Желаете что-то написать? – спросил Линдсей.

– Да. Знаки наши скоро кончатся, и я хочу попробовать использовать пергамент.

– Покажите-ка, что вы написали.

Я передал ему листок, на котором были выведены четкие персидские буквы. Он глядел на них и так и сяк.

– Кто прочтет эту писанину? Что тут значит?

– Это по-персидски, читается справа налево: «теперь постоянно вниз». Посмотрим, последуют ли они этому указанию.

Я соединил две ветки у куста и укрепил листок так, чтобы его сразу было видно. Затем мы поскакали вдоль реки и нашли подходящее место, чтобы понаблюдать за последней переправой, сами, между тем, оставаясь невидимыми. Слезли с лошадей, напоили их, перекусили. Ясное дело, нас очень волновало, получится ли задуманное нами.

Ждать пришлось больше часа, пока мы не заметили какое-то движение на реке. Подзорная труба показала: дело удалось. Мы поехали дальше. После обеда я оставил еще один знак, а вечером – еще, по краю долины, уходившей от реки на запад.

Это была первая возможность осуществить следующую часть нашего плана, а именно увлечь персов вправо. До сих пор местность к этому не располагала.

У входа в эту долину мы решили расположиться на заслуженный отдых.

Наутро я закрепил еще один пергамент, который сообщал, что путь должен лежать к закату солнца. К полудню – третий, поведавший, что Хасан Арджир-мирза что-то заподозрил, ибо застучал меня (то есть Садыка) за изготовлением знака. Ближе к обеду я изготовил четвертый, последний, листок. Он содержал сообщение, что мирза собирается ехать через холмы Бозиан или в Джумейку, или Кифри, и что его недоверие возросло настолько, что он не отпускает меня (Садыка) от себя ни на минуту, так что изготавливать эти знаки я больше не смогу...

Таким образом, мы выполнили свое задание. Я не считал нужным проверять, последует ли капитан за нами досюда; представлялось вероятным, что он безоговорочно верит всему, что там написано.

Обратно мы возвращались другим путем, куда редко забираются люди. Много петляли, меняли тропы, но реки Джалы достигли еще до вечера. Вечер заставил нас сделать привал. Рано утром мы продолжили путь и скоро были в лагере. Еще до того как мы подъехали, к нам из-за какой-то горы выскочил Халеф.

– Слава Аллаху, что все хорошо прошло! Мы все очень беспокоились, потому, как тебя не было два с половиной дня вместо одного. С вами ничего не случилось, эфенди?

– Нет, наоборот, все прошло гладко. Мы не возвращались раньше потому, что хотели удостовериться, что персы клюнули. Как дела в лагере?

– Нормально, хотя и произошло кое-что непредвиденное.

– Что же?

– Садык сбежал.

– Что?! Как же это случилось?

– У него есть сообщник, он-то и перерезал веревки.

– Когда же он исчез?

– Вчера поутру.

– Как же вы допустили?

– Тебя и инглиса не было, я нес вахту вниз. Персы покинули лагерь один за другим, чтобы понаблюдать за врагом. Те спокойно уехали, а когда наши вернулись, пленник исчез.

– Дело плохо, очень плохо. Если бы это случилось на день позже, можно было бы быть спокойным. Давай сюда коня.

Наверху в лагере мирза отвел меня в сторону и рассказал о бегстве Садыка.

– Тут два опасных момента, – заметил я. – Первое – добравшись до наших преследователей, он их тут же вернет. Второе – он может обрестись где-то возле лагеря, чтобы отомстить. В обоих случаях нам здесь нельзя больше оставаться.

– Куда же нам лучше идти? – спросил Хасан.

– В любом случае на другую сторону реки. Там дальше есть брод, и мы доберемся до места, где ты переходил. Там мы будем в большей безопасности, они не предположат, что ты пошел вверх по течению. Если Садык остался рядом, он будет мстить ночью, а днем близко не подойдет. Я мог бы попытаться найти его с помощью Дояна, но это требует времени. Давай приказ сниматься и покажи мне разорванные пути Садыка. Твои слуги не должны знать, что мы собираемся делать.

Он отправился в хижину женщин и вернулся с путами – платком, использовавшимся как кляп, двумя веревками и ремнем. Все было порезано. С платком мне пришлось повозиться больше всего – никак не удавалось сложить его по старым складкам. Наконец я сложил его и обследовал места разрезов.

– Позови твоих людей, – обратился я к мирзе.

Они пришли по его зову, не зная, зачем их созвали. Тут все они увидели эти самые пути.

– Дайте мне все ваши ножи и кинжалы! – приказал я.

Пока они складывали оружие, я разглядывал их лица, но ничего подозрительного не обнаружил. Обследовав срезы, выяснил: все они сделаны трехгранным кинжалом, так что злоумышленника можно будет вычислить.

Нашлось только два трехгранных кинжала, и владелец одного, как я заметил, побледнел. К тому же мне показалось, что он как-то странно отнял одну пятку от земли, будто собирался бежать. Поэтому я сказал:

– Тот, кто это сделал, собирается бежать. Но тем самым он только ухудшит свое положение. Только честное признание может его спасти.

Мирза смотрел на меня широко раскрытыми глазами, женщины о чем-то тихо шептались.

Теперь мне все было ясно. Я указал пальцем на подозреваемого:

– Вот он! Хватайте его и вяжите!

Едва я произнес эти слова, как он сорвался с места и бросился в кусты. Остальные ринулись его ловить.

– Стойте! – закричал я.

– Эмир, он уйдет! – крикнул мирза.

– Не уйдет. Доян, взять его!

Пес нырнул в кусты, и скоро раздался громкий крик.

– Халеф, приведи этого парня, – попросил я хаджи.

Маленький хаджи повиновался с довольной миной.

– Но, эмир, – спросил Хасан, – как ты по ножу можешь определить злоумышленника?

– Очень просто. Плоский клинок оставляет совершенно иной срез по сравнению с трехгранным, который больше приспособлен для того, чтобы колоть. А на веревках след явно от трехгранного, причем с зазубринами – вот они, отметки. Кинжал такой один.

– Господин, твоей проницательности можно позавидовать.

– Жизнь научила меня в любой ситуации опускаться до мелочей – это просто привычка, а

не мудрость.

– Но как ты узнал, что он хочет бежать?

– Просто он сначала побледнел, а потом напряжился. Кто его допросит, ты или я?

– Давай ты, эмир, тебя он не обманет.

– Только пусть твои люди отойдут. Отдай им ножи. Но дай мне возможность самому вынести приговор и обещаю не препятствовать его осуществлению.

Он охотно согласился.

Тут Халеф подвел человека к тому самому месту, где мы стояли с Хасаном. Какое-то время я твердо смотрел ему в глаза, а потом сказал:

– От тебя самого зависит, какую судьбу ты себе выберешь сегодня. Если признаешь свою вину, можешь ждать пощады, соврешь – готовься к джихенне.

– Господин, я все скажу, только убери собаку!

– Пес останется тут, пока мы не закончим. По моему знаку он может тебя разорвать в клочья. Теперь скажи, это ты освободил Садыка?

– Да, я.

– Зачем?

– Затем, что я поклялся ему помочь.

– Когда?

– Еще до поездки.

– Как это можно, если он немой и не в состоянии говорить с тобой?

– Господин, я умею читать! – заявил он с гордостью.

– Рассказывай!

– Я сидел с Садыком во дворе. Тут он мне написал на листке пергамента вопрос: как я к нему отношусь? Я ответил: хорошо, потому что знал всю эту историю с его языком. Он написал, что тоже любит меня и мы можем стать кровными братьями. Я согласился, и мы поклялись перед Аллахом, что не покинем друг друга в беде и несчастье.

– Ты говоришь правду?

– Могу тебе доказать это, эмир. У меня цел пергамент, где все это записано.

– Где же он?

– В моем мешке.

– Покажи!

Он дал мне листок. Несмотря на грязь, там можно было разглядеть буквы. Я дал его мирзе, тот прочитал и кивнул.

– Ты был очень недалновиден, – сказал я ему. – Ты доверился ему, не подумав, что это обернется тебе во вред.

– Эмир, все считали его честным человеком!

– Рассказывай дальше!

– Я никогда не догадывался, что он замышляет, и питал к нему сострадание, когда он лежал в путях. Я вспомнил о своей клятве и помог ему бежать.

– Он разговаривал с тобой?

– Он же не может говорить.

– Я имею в виду знаки.

– Нет, он поднялся, потянулся, пожал мне руку и скрылся в кустах.

– В каком направлении?

– Вот сюда.

Он указал в сторону реки.

– Ты изменил своему господину, став предателем всех нас, чтобы выполнить легковесную

клятву. Скажи сам, какое наказание ты хочешь понести?

– Эмир, ты можешь убить меня! – прошептал он.

– Да, ты заслужил смерти, ибо ты освободил убийцу и обрек всех нас на смертельный риск. Но ты понял свою ошибку, и поэтому я разрешаю тебе просить смягчения приговора у хозяина. Я не думаю, что ты принадлежишь к тем людям, которые вершат зло оттого, что ненавидят добро.

У бедного парня навернулись на глаза слезы, и он бросился перед персом на колени. Он дрожал и от страха не мог выговорить ни слова. Строгое лицо господина становилось все мягче.

– Не надо ничего говорить, я знаю, о чем ты меня будешь просить, но ничем не могу тебе помочь. Я был тобой доволен, но сейчас твоя судьба не в моих руках. Только эмир может решать. Обращайся к нему!

– Господин, ты слышал, – повернулся ко мне несчастный.

– Ты, правда, считаешь, что правоверный мусульманин должен выполнять свои клятвы?

– Да, эмир.

– И ты ее не нарушишь?

– Нет, даже если это будет стоить мне жизни!

– И если даже Садък снова тайно вернется к тебе, ты скроешь это?

– Нет. Я освободил его и сдержал клятву – этого довольно.

То была своеобразная трактовка клятвы, но мне она вполне подходила.

– Хочешь исправить свою ошибку, послужив верой и правдой своему господину?

– О господин, если бы это было возможно!

– Тогда дай мне руку и поклянись.

– Клянусь Аллахом и Кораном и всеми праведными халифами!

– Хорошо, ты свободен и можешь снова служить хозяину. Только помни о своей клятве.

Парень был вне себя от радости, да и мирзу устроил такой поворот дела. Теперь между нами не было никаких неясностей.

Глава 4

В БАГДАДЕ

Наши верблюды создали нам в последнее время много хлопот. Эти глупые животные привыкли к обширным беслесным пространствам и среди скал и деревьев чувствовали себя неуютно. Мы были вынуждены нести на себе грузы до реки и перетаскивать их, отыскав брод. Сколько это отняло сил!

Мы с Халефом немного отстали от остальных, чтобы как следует замести следы.

В наши задачи не входило сразу же брать курс на Багдад – мы лишь стремились покинуть местность, где чувствовали себя не совсем уютно, и найти укромное место, где бы нас не настигли враги-персы и Садык.

Ближе к вечеру, уже основательно продвинувшись на юг, мы, наконец, нашли покинутую хижину, которая служила убежищем какому-то одинокому курду. Одной стеной она примыкала к скале, а с трех других сторон густо поросла кустарником. За этим живым забором обзор был прекрасным. Сюда мы привели животных и решили разместиться на ночь, что не отняло много усилий – надо было лишь бросить на землю походные одеяла. Вечером все было сделано, и женщины, разместившиеся в доме, занялись кулинарией. Ужин удался на славу. Я за последние три дня страшно устал и скоро пошел спать. Должно быть, я проспал несколько часов, как почувствовал какое-то оживление. Старая Хальва стояла рядом со мной и делала мне знаки. Я встал и пошел за ней. Все остальные спали, за исключением перса, несшего вахту. По ту сторону кустов он нас не видел.

Старуха отвела меня к той стороне дома, где раскинула свои ветви с красными гроздьями бузина. Здесь я застал Хасана Арджир-мирзу.

– Что-то стряслось? – спросил я его.

– Надо поговорить, дело касается нашей поездки. Мне бы хотелось поделиться с тобой некоторыми размышлениями. Извини, что прервал твой сон.

– С удовольствием послушаю, что же ты решил.

– Ты уже бывал в Багдаде. У тебя есть там друзья или знакомые?

– Шапочные знакомства, я не надеюсь, что они могут быть нам полезными.

– А жилище там можно найти, только чтобы оно было надежное?

– Я просто не представляю, чего мне там бояться. Я нахожусь под защитой высоких господ и, если понадобится, могу призвать для охраны европейские власти.

– Тогда у меня просьба. Я уже говорил, что меня ждут люди в Гадиме. Но мне не верится, что там я буду в безопасности, поэтому осмелюсь просить твоей помощи.

– Охотно помогу. Какие поручения ты мне доверяешь?

– Верблюды, которых ты там обнаружишь, доставили туда мое имущество, которое я попытался спасти. Оно будет мне обузой в дальнейшей поездке, хочу все продать. Можно поручить тебе эту сделку?

– Конечно, если ты мне это доверишь...

– Я доверю это тебе. Я дам тебе письмо к мирзе Селимаге. Ты продашь все, весь груз вместе с животными, оплатишь труд людей и уволишь их.

– А мирза Селим-ага не разгневается, что ты не ему доверил дело? Он верно служил тебе. Он довез твои товары почти до Багдада, он завоевал право на доверие.

– Не спорь со мной, эмир, я знаю, что делаю. Он единственный, кого я не уволю, и это он знает. Думаю, ты лучше выполнишь мое поручение, чем он, и еще я предпочел тебя ему и по

другой причине.

– Ты найдешь себе квартиру в Багдаде?

– Я сразу же сделаю выбор из многих. Дело в том, что я хочу доверить тебе не только мое имущество, но и дом, эмир. Хочешь?

– Хасан Арджир-мирза! Ты повергаешь меня в удивление и смущение. Ведь я все же мужчина и христианин!

– Я не спрашиваю тебя о том, христианин ты или мусульманин. Когда ты спасал меня от рук бейбе, ты этим вопросом не задавался. Я забочусь о том, чтобы ускользнуть от преследователей. Они не должны знать, где находится Хасан Арджир-мирза, поэтому я и доверяю тебе и дом, и свои вещи. Я знаю, что ты не отдашь на поругание честь моей жены и моей сестры Бенды во время моего отсутствия.

– Я не разрешу никому ни говорить с ними, ни видеть их. Но о каком отсутствии ты говоришь?

– Пока ты будешь в Багдаде, я поеду с мирзой Селим-агой в Кербелу, чтобы захоронить останки моего отца.

– Но ты забываешь, что я тоже хочу попасть в Кербелу!

– Господин, откажись от своего решения! Дело принимает слишком опасный оборот. Да, я помню, ты был в Мекке, но подумай, какое различие между Меккой и Кербелой. В первой преобладают благочестивые, спокойные мусульмане, в Кербеле же ты встретишь фанатиков, которые доводят себя до исступления, и их жертвами становятся честные верующие. Узнай кто-либо из них, что ты не шиит или, не дай Бог, даже не мусульманин, и тебя постигнет ужасная смерть. Следуй за мной и откажись от своей задумки!

– Хорошо, я решу в Багдаде, что мне делать дальше. Пойду ли я или останусь – знай, Хасан Арджир-мирза, что твой дом и домочадцы в надежных руках!

Наш разговор закончился.

Мы оставались на месте еще пять дней и тронулись в путь, только когда убедились, что силы всех полностью восстановлены. Переход через горы прошел успешно, и равнину мы преодолели тоже весьма успешно, так и не повстречавшись с арабами, что можно больше приписать нашей осторожности, нежели доброй воле бедуинов.

Позади Бени-Саада, в четырех часах на северо-восток от Багдада, на каком-то канале мы устроили привал. Отсюда мой путь лежал в Гадим, чтобы договориться с агой, которому Хасан поручил свое имущество. Мы остановились в месте, где нас трудно было застать врасплох. Я позаботился вначале о лагере, а потом получил письмо Хасана, которое должно было служить мне удостоверением.

– А Селим-ага будет меня слушаться? – спросил я мирзу.

– Он должен повиноваться тебе, как если бы я был на твоём месте. Ты возьмешь все, что у него есть, и отошлешь его ко мне, если он тебе больше не понадобится, с человеком, которого я к тебе направляю. А я буду ждать здесь, пока ты не вернешься. Ты продашь мои вещи, и все, что ты ни сделаешь, будет правильно.

Англичанин следил за сборами к дальней поездке.

– В Багдад, мистер? Я с вами!

У меня не было возражений. Еще один человек захотел ехать с нами – Халеф. Но это было уже лишним – он был нужен для охраны лагеря. Мы выехали и вскоре достигли третьей излучины Тигра выше Багдада, внутри ее-то по ту сторону реки и располагался Гадим.

Мы свернули направо с почтовой дороги, ведущей в Киркук, Эрбиль, Мосул и Диярбакыр, проскакали через кирпичный завод и позволили себе перевести дух. По приятным пальмовым рощам мы добрались до Гадима, населенного исключительно персами-шиитами.

Это местечко стоит на святой земле, ибо здесь расположена усыпальница имама Мусы ибн Джафера. Этот известный человек совершил паломничество в Мекку и Медину в компании Гаруна аль-Рашида. В Медине он приветствовал усыпальницу Пророка словами: «Здравствуй, отец!», в то время как халиф сделал это так: «Здравствуй, братец!»^[14]

«Как, ты состоишь с Пророком в более близких родственных отношениях, чем я?» – гневно воскликнул халиф, и с тех пор возненавидел его с такой же силой, как раньше любил. Джафера бросили в темницу, где он и окончил свои дни. Но после смерти над его могилой вознеслась мечеть с золотым куполом и четыре минарета.

Гадим известен и другой достопримечательностью – типично западным достижением, которое выглядит в восточном обрамлении более чем странно – неким подобием конки, начинающейся у Арсенала и идущей до Багдада. Она была построена губернатором Мидат-пашой, охочим до всяческих реформ и вскоре обосновавшимся на высоких постах в Стамбуле. Если бы его не отозвали на еще более важное место, Месопотамия имела бы свою железную дорогу, связавшую бы Константинополь с долинами Евфрата и Тигра. К сожалению, эта программа так и осталась до сих пор невыполненной.

Персы, населяющие Гадим, в основном торговцы и купцы, которые ежедневно ездят по делам в Багдад. Чтобы разыскать среди них агу, я, прежде всего, отправился в караван-сарай, которых в Гадиме и Багдаде множество.

Было около полудня, и жара стояла невероятная. Июль... Над городом лежало непроглядное марево, все закрывали лица. В одном из переулков нам встретился мужчина в богатом персидском одеянии. Он ехал на белой лошади, снабженной такой богатой упряжью, какую могли позволить себе только очень состоятельные люди. Мы были в сравнении с ним просто оборванцами.

– Убирайтесь в сторону, отойдите! – крикнул он нам, и на лице его мелькнуло выражение презрения.

Я ехал рядом с англичанином, и переулок был достаточно широк, чтобы перс спокойно проехал мимо. Но меня возмутило его поведение.

– У тебя достаточно места, проезжай, – спокойно сказал я.

Но, вместо того чтобы спокойно проехать, он развернул лошадь и произнес:

– Суннитская свинья, ты забываешь, где находишься! Убирайся прочь, иначе я покажу тебе...

– Попробуй!

Он выхватил верблюжью плетку из-за пояса и размахнулся. Но не успел опустить ее, ибо мой вороной совершил скачок и мой кулак вышиб перса из его роскошного седла. Я уже хотел ехать дальше, даже не удосужившись посмотреть, как он там, на земле, себя чувствует, как услышал сдавленный крик слуги, приставленного ко мне Хасаном Арджир-мирзой:

– Во имя Бога, это же мирза Селим-ага!

Я тут же обернулся. Повергнутый перс снова сидел в седле и тянул из-за пояса кривую саблю. Теперь он узнал говорившего.

– Араб, ты ведь араб! – кричал он. – Как ты можешь находиться рядом с этим неверным, тебя проклянет Аллах!

Я не дал слуге времени ответить, а заговорил сам:

– Закрой свой рот. Твое имя Селим-ага?

– Да, – ответил он, несколько обескураженный моим тоном.

Я подвел коня вплотную к его лошади и сказал вполголоса:

– Меня послал Хасан Арджир-мирза. Веди меня в свое жилище!

– Тебя? – спросил он удивленно, разглядывая меня. Потом повернулся к слуге и спросил: –

Это так?

– Да, – ответил тот. – Этого эфенди зовут эмир Кара бен Немей, он передаст тебе письмо нашего господина!

Еще раз, окинув меня подозрительным, пристальным взглядом, он сказал:

– Сначала я прочту письмо, а потом поговорим о том ударе, которым ты меня наградил. Следуй за мной, но в отдалении, чтобы не оскорблять моих глаз.

Этот человек тоже когда-то был подданным шаха, из близкого его окружения, но потом отказался от своих военных должностей. Ему-то Хасан и доверил свое имущество. Все это в свое время поведал мне мирза. Если бы этот человек был настоящим шахсаваром, то есть всадником при шахе, то ему следовало бы знать, как вести себя с встречными людьми, пусть они и выглядят как оборванцы. Хотя мы с Линдсеем никоим образом себя к таковым не относили. Кроме того, он явно не очень умно поступал, вышагивая с таким важным видом, на самом деле будучи беженцем. Мне, естественно, не хотелось поддерживать в нем это высокомерие, поэтому я дал Линдсею знак, и мы взяли его в «клещи», поместив между собой.

– Собака, осадь назад! – угрожающе проговорил он. – Иначе я огрею тебя плеткой!

– Молчи, дурень, – спокойно ответил я, – иначе получишь еще раз по носу. Распорядитель посуды своего хозяина должен вести себя поскромнее. Ты явно заслужил несколько уроков вежливости.

Он ничего не ответил, только снова набросил на лицо покрывало, которое во время стычки было отброшено. Поэтому-то его и не узнал сразу слуга.

Наш путь пролегал по разным узким переулкам, пока Селим не остановился перед невысокой стеной. В ней был проделан вход, прикрытый несколькими перекладинами. Кто-то впустил нас внутрь. Войдя во двор, я увидел лежащих на земле верблюдов, жующих жвачку из ячменя и семян хлопчатника, какой обычно кормят в Багдаде этих животных. Рядом полулежали или сидели на корточках несколько человек, которые при появлении аги вскочили на ноги. Как мне показалось, этот маленький царек научил их выказывать ему почтение.

Он передал поводья одному из этих людей, мы доверили лошадей нашему слуге. Потом ага прошел с нами в дом, фасад которого образовывал заднюю часть двора. Лестница привела в некое полуподвальное помещение, крайне необходимое здесь в каждом доме из-за жары. Эта четырехугольная комната была выложена по стенам подушками, пол покрывал мягкий красивый ковер, на одной из подушек стоял серебряный кофейный прибор, рядом я заметил ценнейшую трубку, а на стенах рядом с оружием висело несколько чубуков для почетных гостей. В древнем фарфоровом кувшине в виде дракона лежал табак, а посередине стены висела на серебряной цепи лампа, наполненная кунжутным маслом.

По всем понятиям, это было поистине княжеское убранство, и я усомнился в том, что все оно принадлежало аге.

– Салам алейкум! – произнес я, входя в комнату.

Линдсей сделал то же, однако Селим не ответил. Он уселся на подушки и хлопнул в ладоши. Тут же появился один из людей, которых мы видели во дворе, и по знаку аги поставил на огонь кальян. Это происходило с поистине восточной медлительностью, и мы все это время как ученики стояли с дурацким видом у дверей. Наконец наполненное глубоким смыслом действие подошло к концу, и слуга удалился – только для того, чтобы встать за дверью и слушать все, о чем будет говориться внутри.

Теперь ага счел нужным вспомнить о нас. Он выпустил несколько колец дыма и удостоил нас вопросом:

– Откуда же вы прибыли?

Вопрос был явно излишним, ибо слуга уже все ему рассказал, но я решил не ухудшать и без

того нездоровую обстановку, хотя бы во имя Бенды, сестры мирзы, которая, как я знал, была с этим человеком в тесных отношениях. Потому я ответил:

– Мы посланцы Хасана Арджир-мирзы.

– Где же он?

– Недалеко от города.

– А почему он сам не приехал?

– Из осторожности.

– А кто вы?

– Мы оба франки.

– Гяуры? Ох! Что же вы делаете в этой стране?

– Мы путешествуем, чтобы посмотреть ваши города, деревни и людей.

– Вы весьма любопытны. Такая невоспитанность присуща только неверным. Где вы встретились с мирзой?

– Наверху, в курдских горах. Мы оставались с ним все это время. У меня для тебя письмо от него.

– Это весьма легкомысленно со стороны мирзы – сообщать вам свое имя и доверить письмо таким людям, как вы. Я верующий человек и не могу взять его из ваших рук, подайте его слуге, которого я сейчас позову!

Это было верхом наглости с его стороны, но я, тем не менее, произнес спокойным голосом:

– Я вовсе не считаю мирзу легковерным и легкомысленным и прошу тебя лично заявить ему о своем отношении. И он не поручал мне передавать письмо какой-то третьей персоне, кроме тебя.

– Молчи, гяур! Я мирза Селим-ага и делаю то, что мне заблагорассудится. Ты знаешь всех, кто был при мирзе?

Я ответил утвердительно, и он продолжал допрашивать меня, были ли там женщины и сколько.

– Две госпожи и одна служанка.

– Ты видел их лица?

– Неоднократно!

– Какая неосторожность со стороны мирзы! Глаз неверного не должен видеть ничего, кроме покрывала женщины.

– Скажи об этом самому мирзе!

– Молчи, бесстыдник! Мне не нужны твои советы. А голоса их ты тоже слышал?

Такое хамство совершенно вывело меня из терпения.

– В нашей стране так беззастенчиво о женщинах не спрашивают. Разве здесь не так? – осведомился я.

– Ты осмелился дерзить мне! Не забудь, мне еще за удар с тобой рассчитаться придется! Но это потом. Теперь давай письмо! – И он снова хлопнул в ладоши.

Вошел слуга, но я и ухом не повел. Я достал письмо и протянул аге.

– Вот ему отдай, – указал ага на подобострастно согнувшегося слугу. – Понял меня?

– Хорошо, тогда я ухожу, мирз этому дому, мирза Селим-ага.

Я повернулся к выходу, и англичанин последовал моему примеру.

– Стойте! – крикнул ага. – Оставайтесь! – И приказал слуге: – Не выпускай их!

Я уже подошел к двери, как этот человек схватил меня за руку. Это было уже слишком. Сэр Линдсей не понял из нашего разговора ни слова, но по выражению наших лиц и тону сообразил, что мы явно не рассыпались друг перед другом в любезностях. Он обхватил тщедушного слугу за пояс, поднял его и швырнул в глубь комнаты так, что тот свалился на агу и вместе они

повалились на пол.

– Правильно я поступил, мистер? – спросил он у меня.

– Да! Отлично!

Ага прыжком поднялся с пола и потянулся к сабле.

– Собаки! Я снесу ваши головы!

Теперь нужно было дать этому человеку урок. Я подошел к нему, ударом по руке выбил саблю и сильно встряхнул его за плечи.

– Селим-ага, наши головы росли не для тебя, сядь и одумайся. Вот письмо, и я приказываю тебе его тут же прочитать.

Я толкнул его на подушки и всунул ему в руки письмо. В глазах его мелькнуло смущение. Он смотрел на меня с изумлением и не отважился сопротивляться. Обернувшись, я увидел, что храброго слуги и след простыл. Когда я хлопнул в ладоши, он лишь просунул голову в дверь.

– Подойди сюда! – приказал я.

Он повиновался, но продолжал коситься на дверь, готовый в любой момент дать стрекача.

– Сделай нам кофе и подготовь трубки. Живо!

Он с удивлением взглянул на меня, вопрошающе – на агу, я же схватил его за руку и подтолкнул к тому месту, где на стене висели трубки. Он тут же взял их, вручил нам и поднес огня.

– Теперь кофе, быстрее!

Мы уселись на подушки и принялись ждать, пока ага прочтет письмо. Чтение двигалось медленно, и дело было вовсе не в «читательских» способностях аги, а в том содержании, которое тому приходилось переваривать.

Это был очень красивый мужчина, только сейчас я смог рассмотреть его без спешки. Но вокруг глаз у него лежали глубокие тени, свидетельствующие о заботах и невзгодах, выпавших на его долю; в чертах его лица было что-то неопределенное, действующее отталкивающе. Этот Селим-ага явно не был тем мужчиной, который принес бы счастье Бенде.

Тут возник слуга с маленькими чашечками кофе на позолоченных блюдечках, похожих на наши подставки для яиц. Вместо двух он наполнил полдюжины чашечек, наверное, чтобы не возвращаться несколько раз. Вроде бы и ага закончил с чтением. Он обратился ко мне свой мрачный взгляд и спросил:

– Как твое имя?

– Меня зовут Кара бен Немей.

– А этого?

– Дэвид Линдсей-бей.

– Я должен тебе все передать?

– Так приказал мирза.

– Я не стану этого делать.

– Делай, что хочешь, я же тебе не буду приказывать.

– Ты тут же поедешь к мирзе и передашь мой ответ.

– Я этого не сделаю.

– Почему же?

– Потому что ты не волен мне приказывать. Что хочу, то и делаю!

– Хорошо! Тогда я пошлю к нему человека, но, пока он не вернется с ответом, вы не покинете этот дом.

– Твой посыльный не найдет мирзу.

– Араб, который прибыл с вами, знает место, где находится его господин?

– Да, знает.

– Я пошлю его.

– Он не пойдет!

– Почему же?

– Потому, что мне так хочется. Хасан Арджир-мирза послал меня забрать его собственность из твоих рук и отослать тебя к нему вместе с этим арабом. Я выполню эту просьбу, и ничего больше. Араб вернется к своему хозяину только с тобой!

– Ты хочешь меня заставить?

– Заставить? Что мне стоило бы тебя заставить! Если бы ты был мне безразличен, я бы говорил с тобой по-иному, но я – эмир из Германистана, а ты простой ага из Фарсистана. Правда, так и не научившийся правилам движения на улицах. Там ты просишь места, как великий визирь. Здесь, дома, забываешь ответить на наше приветствие, не приглашаешь сесть, не предлагаешь ни трубку, ни табак, называешь нас гяурами, свиньями и собаками. Но ты же червяк в сравнении с мирзой. Я дрался со львом, а драться с червяком считаю ниже своего достоинства. Хасан Арджир-мирза поручил мне свое имущество, я остаюсь здесь.

– А я тебе ничего не передаю.

– А мне это и не нужно – я уже все взял.

– Ты не имеешь права брать на себя то, что доверено мне!

– Я имею право на все здесь. Если ты мне будешь мешать, я доложу мирзе. Теперь распорядись, чтобы нас как следует накормили, потому как я не только гость, но и хозяин этого дома.

– Он не принадлежит ни мне, ни тебе.

– Ты уже его сдал. Не озадачивайся. Я поручаю тебе выполнить мое распоряжение. Если ты этого не сделаешь, я сам о нас позабочусь.

Он понял, что его загнали в угол, и поднялся.

– Куда ты? – спросил я.

– На двор, чтобы распорядиться.

– Это можно сделать и отсюда. Позови слугу.

– Человек, я что, твой пленник?

– Считаю как хочешь. Ты отказал мне в моих правах, и я вынужден воспрепятствовать тебе покинуть это помещение и предпринять что-либо против меня.

– Господин, ты не знаешь, кто я!

Он впервые назвал меня господином – значит, уверенность в себе он потерял!

– Я знаю, кто ты. Ты мирза Селим-ага, и все.

– Я доверенное лицо и друг мирзы. Я пожертвовал всем, чтобы следовать за ним и спасти его.

– Это очень мило с твоей стороны, слуга должен быть верным господину до конца. И сейчас ты сопроводишь меня к мирзе.

– Хорошо, я согласен.

– Мой спутник останется здесь, и ты прикажешь, чтобы он ни в чем здесь не нуждался. Остальное решит Хасан Арджир-мирза.

Я проинструктировал англичанина, и он остался весьма доволен, потому как ему совсем не хотелось выходить на жару. После того как ага отдал соответствующие распоряжения, мы вышли на двор. Там он подошел к своему белому коню, купленному недавно в Гадиме на деньги мирзы. Он уже хотел сесть в седло, как я остановил его:

– Сядь на другую лошадь.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Чтобы не привлекать внимания. Возьми лошадь слуги.

Волей-неволей он вынужден был подчиниться. Араб слуга последовал за нами. Чтобы сбить с толку возможных преследователей, я взял курс на Мадим, лежащий в противоположной стороне от Гадима, а потом обходным путем пошел на север. Мадим – довольно привлекательное местечко на левом берегу Тигра, в часе езды от Багдада. Там похоронен имам Абу Ханифа, один из основателей четырех ортодоксальных школ ислама, на законах которого построен кодекс Османской империи. Сначала там стояла мечеть, возведенная сельджуком Малекком, потом правитель Османской династии Сулейман I, покоривший гордый Багдад, построил крепкий замок вокруг усыпальницы, а в свое время Абу Ханифа был отравлен из ненависти халифом Мансуром. Теперь сюда, на его могилу, стекаются тысячи шиитов.

Прошло два часа, пока мы добрались до места, где располагался лагерь мирза. Он был чрезвычайно удивлен, увидев меня, а агу принял с сердечностью.

– Зачем же ты вернулся обратно? – спросил он меня недоуменно.

– Спроси у этого человека, – ответил я, указывая на Селима.

– Тогда говори ты, – повернулся он к нему.

Ага вытащил письмо и спросил:

– Господин, ты писал это письмо?

– Да, ты ведь знаешь мой почерк. Зачем ты спрашиваешь?

– Затем, что ты приказываешь мне такое, чего я не ожидал и не заслужил.

Женщины встали за ветвями, чтобы видеть Селима и слышать разговор.

– Чего же ты не ожидал? – спросил мирза.

– То, что должен передать все, что мы спасли, этому чужеземцу.

– Этот эмир вовсе не чужеземец, а мой друг и брат.

– Господин, а разве я больше не твой друг?

Мирза на секунду задумался, потом ответил:

– Ты был моим слугой, которому я доверял, но разве я давал тебе право называть меня своим другом?

– Господин, я покинул родину, пожертвовал карьерой, стал беженцем, охранял твои богатства. Я действовал как друг или нет?

– Ты действовал, как действовал бы любой верный слуга, как действовали все эти люди. Твои слова меня покоробили, ибо я не ожидал, что ты станешь выставлять мне счета в виде своих заслуг. Разве я не написал тебе подчиняться этому эмиру как мне?

Голос мирзы звенел, ага же находился в сильном смущении, особенно когда заметил женщин, и начал искать оправдательные мотивы своего поведения:

– Господин, этот человек ударил меня, едва мы повстречались!

Мирза взглянул на меня и рассмеялся.

– Селим-ага, – сказал он, – отчего же ты не убил его сразу? Как ты дал оскорбить себя? За что он тебя ударил?

– Мы встретились на улице, и я попросил его пропустить меня. Он не подчинился и ударил меня по лицу, да так, что я упал с лошади.

– Это так, эмир? – повернулся ко мне мирза.

– Да. Я не знал его в лицо, а твой слуга не признал его из-за покрывала. Он ехал на роскошном белом коне, на котором была твоя сбруя, и поэтому я признал его за важного господина. Он приказал нам отъехать в сторону, хотя было достаточно места, чтобы проехать, а тон у него при этом был как у падишаха. Ты знаешь, мирза, я очень вежливый человек, но люблю, чтобы и другие были тоже учтивы по отношению ко мне. И я сделал ему замечание, что дорога достаточно широка. Он же назвал меня свиньей, потянулся к плетке и хотел ударить. Тут он и оказался на земле; к сожалению, я слишком поздно узнал, что он тот самый человек, к

которому мы едем. Это все, что я хотел сказать. Говори с ним сам, если я понадоблюсь, позови.

Я отошел к лошадям, чтобы там пообщаться с Халефом.

Через полчаса Хасан отыскал меня. На его лице были складки горечи.

– Эмир, – обратился он ко мне, – этот час доставил мне много неприятностей. Хочешь наказать этого наглого Селима?

– С удовольствием, если ты позволишь. Что ты решил?

– Он не вернется с тобой обратно.

– Я этого и ожидал.

– Вот перечень всех обязанностей, которые на нем лежали, он их имел при себе. Ты оценишь вещи и продашь их, я согласен заранее со всем, что ты ни сделаешь, ибо знаю, как трудно найти покупателя за короткое время. Потом ты отпустишь моих слуг и заплатишь им столько, сколько я тут указываю. Деньги я уже уложил в сумки на лошади. Когда мне сниматься в Кербелу?

– Сегодня первое мухаррама, а десятого будет праздник. Четыре дня понадобится, чтобы добраться из Багдада в Кербелу, и еще один день нужен про запас, так что пятое этого месяца – подходящее число.

– Так, значит, мне еще четыре дня укрываться здесь?

– Нет, тебе подыщут в городе место, где ты со всеми твоими будешь в безопасности. Я об этом лично позабочусь. Ты хочешь сохранить все, что у тебя сейчас с собой?

– Нет, все это надо продавать.

– Тогда давай мне эти вещи и назови цену. В Багдаде есть очень богатые люди. Может статься, я найду какого-нибудь состоятельного перса или армянина, который купит все оптом.

– Эмир, цены на твоё усмотрение.

– Ладно, буду заботиться о твоей выгоде как о своей!

– Я доверяю тебе полностью. Пойдем, последим за погрузкой.

Тюки были вскрыты, и моему взору предстали такие ценности, каких я не видывал в жизни. Был подготовлен перечень, и мирза установил цену. Она была очень низкой, если учесть подлинную ценность изделий, но в целом сумма была на целое состояние.

– А как ты намерен поступить со своими слугами, мирза? – спросил я.

– Я отблагодарю их и отпущу, как только тебе удастся подобрать для меня жилище.

– На сколько персон?

– Для меня с агой, для женщин и их служанки. Потом я найму еще одного слугу, который меня не знает.

– Надеюсь помочь тебе в этом. Пусть грузят вещи.

– Сколько погонщиков верблюдов ты возьмешь с собой? – спросил он.

– Ни одного. Мы с Халефом сами управимся.

– Эмир, так дело не пойдет. Ты один не потянешь все это.

– Зачем брать людей, которые затем станут обузой?

– Впрочем, делай, что хочешь, полностью доверяю твоему чутью.

Верблюды были нагружены и привязаны так, что вышагивали цепочкой. Мы были готовы к отходу.

– Дай мне еще какое-нибудь подтверждение, которое укрепит мои позиции в глазах твоих людей, – попросил я мирзу.

– Вот, возьми мое кольцо с печатью.

Мои руки совсем не подходили для ношения такого дорогого персидского кольца, но все же оно село на палец. Наш караван пришел в движение. Ага не показывался, да и у меня не было ни малейшего желания прощаться с ним.

Теперь нам понадобилось больше времени, чтобы добраться до Тигра и перейти его, но все прошло хорошо.

Персы удивились, когда мы появились на дворе с грузом. Я созвал их, показал кольцо хозяина и заявил им, что отныне они должны повиноваться мне, как аге. Эта замена, по-моему, их не особенно расстроила.

Я узнал от них, что владельцем этого дома является богатый торговец, живущий в западном пригороде Багдада – Мостансире, недалеко от медресе. В первом этаже здания лежали грузы, за которыми следил ага. Я присоединил к ним вновь прибывшие и решил утром все внимательно осмотреть, потому что сейчас уже довольно сильно устал.

Обследовав седельные сумки, я обнаружил там сумму, которую вручил мне мирза. Она вчетверо превышала те деньги, которые мне нужно было выплатить. Я передал Халефу все дела со слугами и пошел искать англичанина.

Он возлежал на подушках в той самой полуподвальной комнате. Его нос шевелился в такт дыханию, а из широко открытого рта вырывался оглушительный храп.

– Сэр Дэвид!

Он сразу же проснулся, вскочил и схватился за нож.

– Кто это? О, это вы, мистер!

– Да. Как тут у вас?

– Отлично. Здесь отлично, в этом Гадиме!

– Взгляните на меня – я весь мокрый. Это пекло.

– Ну, так ложитесь и поспите.

– Нам есть чем заняться. К тому же я очень хочу есть.

– Хлопните в ладоши, и появится паренек.

– А вы уже пробовали?

– Да, но мы не могли понять друг друга. Просишь портер – он приносит кашу; просишь шерри – несет фиги. Издевательство какое-то!

– Посмотрим, удастся ли мне.

Я хлопнул, и появился тот самый подобострастный слуга, который был при аге. Я поставил его в известность, что вместо аги хозяин теперь я.

– Господин, прикажи, как мне тебя называть!

– Меня называй эмиром, а этого господина – беем. Позаботься о еде.

– Что ты желаешь, эмир?

– Неси что есть. Не забудь холодную воду. Ты и повар здесь?

– Да, эмир. Я думаю, ты останешься мной доволен!

– Как ага оплачивал твой труд?

– Я говорил, сколько чего уходило, и он мне каждые два дня давал деньги.

– Хорошо, так и будем делать. Теперь иди.

Скоро перед нами разложили, кажется, все продукты, какие только можно было найти в Багдаде, и мой добрый мистер Линдсей получил полное удовольствие.

– Вы расстались с тем парнем, агой? – поинтересовался он.

– Да, он пока останется при своем господине. Боюсь, он помышляет о мести.

– Он-то? Трус! А давайте после еды скатаем на конке в Багдад и купим себе одежду!

– Давайте, это важное дело. Одновременно мне нужно там кое-что узнать, найти покупателей на товары мирзы, которые я привез от него.

– О! Что же там?

– Отличные вещи, которые уйдут за бесценок. Если бы я был богатым человеком, то купил бы все.

– Ну, назовите хоть что-нибудь!

Я достал составленный на персидском перечень и зачитал Линдсею.

– О! И сколько же это все стоит?

Я назвал сумму.

– Так дешево?

– Дешево, если даже удвоить цену.

– Отлично. Искать не надо. Я знаю человека, который это купит.

– Вы знаете? Кто же это?

– Дэвид Линдсей, сэр! Годится?

– Если так, то вы снимете с меня тяжелый груз. Но как с деньгами? Ведь с мирзой сразу же нужно расплатиться.

– Деньги есть. У Дэвида Линдсей-бея столько наберется.

– Какое счастье! Будем считать вопрос решенным. Теперь другое – те вещи, которые были доверены аге.

– Много их?

– Список у меня, а на вещи нужно завтра поглядеть и оценить их, тогда я буду знать сумму.

– Красивые вещи, да?

– Само собой. Есть, к примеру, сарацинские панцирные кольчуги, три штуки, редчайшая вещь для любой коллекции, мечи из лахорской стали, еще более дорогие, чем дамасские, много сосудов с розовым маслом, золотые и серебряные парчовые ткани, ковры, персидские шали из керманского хлопка, штуки шелка и так далее. Есть древние вещи – неоценимые. Тот, кто вывезет все это и продаст в Европе, станет сказочно богат.

– О! Бизнес! Неужели это от меня ускользнет? Я куплю все.

– Все? И эти перечисленные сейчас вещи?

– Да!

– Но, сэр, а сумма?..

– Сумма будет. Знаете, сколько у меня денег?

– Нет, я ни разу еще не интересовался вашими финансовыми возможностями.

– Тогда будьте спокойны. Эти возможности будь здоров какие!

– Можно догадаться, что вы миллионер, но даже он подумал бы, прежде чем выложить сразу всю сумму за, в общем-то, предметы роскоши и безделицы.

– Вы не правы! Очень ценные вещи! Деньги у меня с собой не все, но я знаю людей, напишу расписку и получу нужную сумму. Можем завтра посмотреть вещи?

– Хорошо. Я в пикантном положении, ибо и вы, и мирза – мои друзья. Вызовем оценщика и определимся с ценами, а потом будем торговаться.

– Отлично! А теперь – в город, станем новыми людьми!

– Только возьмем с собой чубуки, чтобы выглядеть на базаре настоящими мусульманами.

Сообщив Халефу, что вернемся еще до ужина, мы отправились на поиски конки. Она находилась в достаточно плачевном состоянии. Окна разбиты, подушки на сиденьях исчезли, а перед вагонами громыхали костями два живых скелета, которых выставили, наверное, ради смеха. Но, тем не менее, мы добрались на них до Багдада! Путь наш лежал, прежде всего, на вещевой базар, который мы покинули просто новыми людьми. Я не смог удержать Линдсея заплатить за меня. Халефу он тоже купил полное обмундирование и нанял в качестве носильщика юного араба, предложившего свои услуги, когда мы выходили из лавки с покупками.

– Куда сейчас, мистер? – спросил Линдсей.

– Вино, раки, кофе, – ответил я.

Линдсей выразил согласие довольной ухмылкой, и после недолгих поисков мы нашли стоявшую на отшибе кофейню – и там насладились кофе и табаком, а заодно побрились и постриглись. Наш носильщик занял место возле дверей. На нем ничего, кроме передника на бедрах, не было, но держался он как истинный царь. Наверняка это был свободно рожденный бедуин. Как он стал носильщиком? Его физиономия так заинтересовала меня, что я кивнул ему, приглашая сесть рядом. Он сделал это с достоинством человека, знающего себе цену, и принял из моих рук трубку, которую набили специально для него. После некоторой паузы я начал:

– Ты ведь не турок, ты свободный араб. Могу я спросить тебя, как ты попал в Багдад?

– Бегом и верхом, – был ответ.

– Зачем же ты носишь грузы, принадлежащие другим?

– Затем, что нужно жить.

– А почему ты не остался со своими братьями?

– Тар – кровная месть – заставила меня пуститься в дорогу.

– Тебя преследуют мстители?

– Нет, я сам мститель.

– И твой враг бежал в Багдад?

– Да, я живу здесь уже два года и ищу его.

И ради этого гордый араб унизился до такой работы!

– Из какой же страны ты явился?

– Господин, зачем ты так много спрашиваешь?

– Потому что я путешествую по всем мусульманским странам и хотел бы узнать, был ли я в твоих краях.

– Я из Кары, оттуда, где вади^[15] Монтиш сливается с вади Оирбе.

– Из области Сайбан в Белад бени Иссе? Там я еще не бывал, но хочу посетить те места.

– Ты будешь с радостью принят там, если ты верный сын Пророка.

– Здесь есть кто-нибудь еще из тех мест?

– Несколько человек, но они не оглашают своего происхождения, я знаю одного из них.

– Когда он покинет этот город?

– Как только появится возможность. Его ведь тоже привела сюда тар, кровная месть.

– Не согласится ли он стать нам проводником в его земли?

– Не только проводником, а дахилом, который будет ответствен за все.

– Я могу с ним поговорить?

– Сегодня и завтра нет, он в Доколе, откуда вернется через несколько дней. Приходите послезавтра в эту кофейню, я приведу его!

– Я обязательно приду. Ты ведь уже два года в Багдаде и наверняка хорошо знаешь город?

– Каждый дом, господин.

– Знаком ли тебе такой дом, в котором было бы прохладно и приятно жить и где можно было бы остаться на некоторое время, не став никому обузой?

– Я знаю такой дом, господин.

– Где же он?

– Недалеко от моего жилища, в пальмовых рощах на юге.

– Кто его хозяин?

– Благочестивый талеб^[16], который живет там одиноко и никто ему не помешал бы.

– Далеко до него?

– Если взять осла, то быстро.

– Тогда иди и найми трех ослов, поедем вместе.

– Господин, тебе нужны два. Я побегу.

Через короткое время у дверей кофейни стояли два белых осла и их владельцы (надо заметить, что белый цвет любят в Багдаде). Необходимо сказать, что до этого мы с Линдсеем сидели спиной друг к другу, потому как цирюльня, где мы находились, была так устроена. Но вот мой парикмахер закончил, да и тот, что стриг англичанина, – тоже, и оба хлопнули в ладоши в знак завершения великого труда. Мы одновременно повернулись друг к другу и... Редко встретишь два лица, которые оказались бы в этот момент в такой дисгармонии, как наши! В то время как Линдсей испустил вопль изумления, меня разобрал гомерический смех.

– Что же здесь смешного, мистер? – поинтересовался он.

– Попросите зеркало!

– А как оно называется на их языке?

– Айна.

– Отлично! – Он повернулся к парикмахеру. – Дай айна!

Тот поднес ему к лицу зеркало. Без смеха на физиономию Линдсея просто нельзя было смотреть. Представьте себе вытянутое загорелое лицо, снизу рыжая бородка, широкий рот, длинный нос, увеличенный в три раза из-за алеппской опухоли, а над всем этим – абсолютно белая, сверкающая лысина, на макушке которой остался нетронутым один-единственный пучок волос. И еще такая мина! Даже бедуин не смог сдержать улыбки, хотя от смеха и удержался.

– Чертовщина! Где мой револьвер? Пристрелю подлеца!

– Не горячитесь, сэр! Бедный парень не знает ведь, что вы англичанин. Он принял вас за местного и постриг сообразно их моде.

– Да, но эта рожа! Стыд-то какой!

– Не мучайтесь, сэр! Тюрбан все скроет, а ко времени возвращения в старую добрую Англию волосы отрастут.

– Отрастут? Вы думаете? Но почему же вы так хорошо выглядите, хотя и вам оставили лишь пучок на макушке?

– Все зависит от породы, сэр. Немцу все к лицу.

– Мда! Действительно. По вам заметно. Сколько за всю эту дребедень?

– Я дал десять пиастров.

– Сколько?! Вы что, перегрелись? Глоток мерзкого кофе, две затяжки вонючего табака, испорченная голова – и за это десять пиастров?

– Подумайте, мы выглядели настоящими дикарями, а теперь...

– Да уж, если бы вас увидела сейчас старая Хальва, она бы от радости исполнила менуэт. Прочь отсюда. Но куда?

– Снимать жилье – есть какая-то вилла за городом, этот бедуин нас проводит. Поедем на белых ослах.

– Отлично! Вперед!

Мы вышли из кофейни и взобрались на маленьких, но выносливых осликов. У меня ноги едва не касались земли, а острые коленки англичанина доставали почти до ушей животного. Впереди мчался бедуин, размахивая дубинкой и разгоняя случайных прохожих, за ним следовали «всадники», то есть мы на ослах, выглядевшие как обезьяны на верблюде, а позади – оба владельца белых осликов, обрабатывавшие палками зады несчастных животных и испускавшие пронзительные крики. Так мы следовали по улицам и переулкам, пока они не стали постепенно исчезать, а дома становились все реже. Возле одной высокой стены бедуин остановился, и мы слезли с ослов. Мы очутились возле небольших ворот, в которые наш проводник принялся, что было сил колотить камнем. Наверное, прошла целая вечность, прежде чем ворота отворились. Сначала мы увидели длинный нос, а вслед за ним показалось старческое бледное лицо.

– Что вам угодно? – спросил старик.

– Эфенди, этот чужестранец хочет поговорить с тобой, – сказал бедуин.

Серые маленькие глазки цепко осмотрели меня, потом беззубый рот открылся, и дрожащим голосом старик изрек:

– Проходи, только ты один.

– Этот эмир тоже должен пойти, – возразил я, указывая на англичанина.

– Ладно, пусть, потому что он эмир.

Мы вошли внутрь, и ворота захлопнулись за нами. Высохшие ноги старика были обуты в огромные туфли, в них он и прошаркал по своему ухоженному саду к довольно милому домику, скрытому в тени пальм.

– Что вам угодно? – повторил он свой вопрос.

– Ты владелец этого прекрасного сада? Сдаешь ли ты дом?

– Да, хотите снять?

– Может быть. Надо сначала посмотреть.

– Пойдемте. Куда задевался ключ? – И он выругался, по-польски!

Пока он копался во всех карманах своего кафтана (иначе и не назовешь это одеяние), у меня было время оправиться от удивления. Наконец он нашел искомое за наличником окна и открыл дверь.

– Входите!

Мы вошли в очень милую прихожую, из которой наверх вела лестница. Справа и слева были двери. Старик открыл правую и ввел нас в большую комнату.

В первый момент я подумал, что стены ее закрыты зелеными коврами, но потом заметил, что это не ковры, а занавески, свешивающиеся с карнизов по всему периметру помещения, а что эти гардины скрывают, мог уже догадаться, бросив взгляд на длинный стол посреди комнаты – он был покрыт книгами, и ближе всех ко мне лежала – что бы вы думали? – старая Библия с картинками, изданная в Нюрнберге. Я сделал шаг к столу и положил руку на книгу.

– Библия! – воскликнул я по-немецки. – Шекспир, Монтескье, Руссо, Шиллер, лорд Байрон – откуда все это здесь?

Это были авторы, которых я узрел раньше всех. Старик отступил на два шага, сложил руки и спросил:

– Вы что, читаете по-немецки?

– Как слышите!

– Так вы немец?

– Без сомнения. А вы?

– Я поляк. А другой господин?

– Англичанин. Меня зовут...

– Нет, пока не надо имен, – прервал он, меня. – Давайте прежде немного узнаем друг друга.

Он хлопнул в ладоши (это ему пришлось сделать несколько раз), открылась дверь, и показалось лицо, но такое толстое и блестящее, каких я раньше не видел.

– Аллах акбар! – выдавило оно сквозь губы-сардельки. – Что желает эфенди?

– Кофе и табак!

– Тебе одному?

– Всем! И исчезни!

– Валлахи, биллахи, таллахи!..^[17] – С этими словами на толстых устах непостижимое существо исчезло.

– Что это за чудовище? – спросил я ошарашенно.

– Мой слуга и повар.

– О Боже!

– Да, он съедает и выпивает все сам, а то, что остается, – я.

– Но это же дикость!

– Я уже привык. Он был при мне, когда я еще служил офицером. Возраст на нем не сказывается, а он только на год моложе меня.

– Вы были офицером?

– На турецкой службе.

– И сейчас живете здесь один?

– Как перст.

В этом человеке была какая-то скрытая грусть, которая заинтересовала меня.

– Так вы, верно, и по-английски говорите?

– Да, с молодых лет.

– Тогда давайте говорить на этом языке, чтобы мой спутник не скучал.

– С удовольствием! Итак, кто же вас ко мне прислал?

– Не к вам лично, а к вашему дому – араб, проводивший нас до ворот. Он ваш сосед.

– Я его не знаю. И вообще я сторонюсь людей. Вы ищете убежище для вас двоих?

– Нет. Нас целая группа путешественников – четверо мужчин, две дамы и одна служанка.

– Четверо мужчин и две дамы – звучит романтично.

– Так оно и есть. Вам все станет ясно после того, как мы осмотрим жилище.

– Но здесь маловато места для всех... Вот и кофе.

Толстяк появился снова, от его красной рожи можно было хоть прикуривать. На толстых ручках качался поднос с тремя дымящимися чашками. Рядом с чубуком лежала кучка табака, которого едва бы хватило для одной затяжки.

– Вот, – провозгласил он, – вот кофе для всех!

Мы устроились на диване, а он уселся на лавке, потому как возраст уже не позволял ему сидеть на полу. Хозяин первым поднес чашку ко рту.

– Вкусно? – спросил толстяк.

– Да.

Англичанин тоже попробовал.

– Вкусно? – снова спросил толстяк.

– Фу! – Линдсей выплюнул помой, а я просто отставил свою чашку.

– Что, не вкусно? – осведомился толстяк.

– Сам попробуй! – посоветовал ему я.

– Машалла! Я такого вообще не пью. Хозяин взялся за трубки.

– Там еще есть зола, – проворчал он.

– Да, я недавно курил их, – ответил толстяк.

– Тогда почему не вычистил?

– Давай сюда.

Он забрал у хозяина трубки, выбил золу об дверь и снова вернулся.

– Вот, можно набивать, эфенди!

Старик безропотно повиновался своему слуге, но, пока набивал, вспомнил, что нам еще не оказано внимание. Поэтому он решил побаловать нас самым дорогим, что у него есть.

– Вот ключ от подвала, сходи туда!

– Хорошо, эфенди. А что принести?

– Вина.

– Вина?! Аллах керим! Господин, ты что, хочешь продать душу дьяволу? Хочешь быть проклятым в аду? Пей кофе или воду. И то и другое сохраняет взор ясным, а душу чистой, тот

же, кто выпьет вина, погрязнет в нужде и несчастьях!

– Иди же!

– Эфенди, послушай меня, ты обрекаешь себя на сети, расставленные самим сатаной!

– Ты пойдешь или нет? Там внизу три бутылки, принеси их!

– Я повинуюсь, но Аллах меня простит, я невиновен. – И он протиснулся в дверь.

– Оригинальный фрукт, – заметил я.

– Но верный, хотя не заботится об экономии. Единственное, над чем он не имеет власти, так это над вином; я даю ему ключ, лишь когда хочу выпить, и сразу забираю ключ, как только он принесет бутылку.

– Это весьма мудро, ибо...

Я не смог закончить свою сентенцию о назначении ключей, поскольку толстяк появился вновь, пыхтя как паровоз. Под мышками он нес две бутылки, а в правой руке – третью. Согнувшись, насколько позволял жир, он поставил сосуды в ногах у хозяина. Я с трудом сдержал улыбку. Две бутылки были пусты, а третья пуста наполовину.

Господин бросил на слугу уничтожающий взгляд.

– Это что – вино?

– Три последние бутылки.

– Но ведь они пусты!

– Полностью пусты!

– Кто выпил их?

– Я, эфенди.

– Ты совсем сдурел! По дороге сюда выпить две с половиной бутылки!

– По дороге сюда? Нет, я пил вчера, позавчера и позапозавчера, когда мне очень хотелось выпить.

– Вор! Подонок! Как же ты пробирался в подвал? Ведь ключ у меня! В кармане! Или ты воровал его у меня по ночам?

– Аллах иль-Аллах! Эфенди, я же говорю, что вины моей тут нет. Подвал просто не был заперт. Я никогда не запираю его, пока ты держал там вино!

– Будь ты проклят! Хорошо, что теперь я это знаю.

– Господин, ругань тут не поможет. Тут достаточно вина и для тебя, и для твоих гостей.

Старик взял бутылку и посмотрел на свет.

– Где ты видишь тут вино, а?

– Эфенди, если вам не хватит, можно разбавить, я прихватил воду!

– Воду? О! Получай свою воду!

Он размахнулся и швырнул бутылку в голову толстяку, но тот нагнулся быстрее, чем она до него долетела, и снаряд разлетелся вдребезги, ударившись о дверь. Тут слуга молитвенно сложил ручки и вскричал:

– Что ты творишь, во имя Аллаха? Там была такая вкусная вода, лучше, чем вино! Придется тебе самому собирать осколки, я ведь не смогу так низко нагнуться! – И он просочился в дверь.

Эту сцену трудно было выдумать, если бы я сам не был ее свидетелем. Что меня поразило больше всего, так это равнодушие, с каким эфенди воспринял все это безобразие. Такие специфические взаимоотношения хозяина и слуги должны были иметь свои основания. Эфенди был для меня загадкой, которую я понемногу начинал решать.

– Простите меня, господа, – произнес поляк, – этого больше не повторится. Я расскажу вам, почему я так терпим к нему. Он оказал мне немалые услуги. Выбейте ваши трубки!

Я вынул свой табак и высыпал на лавку. Когда трубки задымились, старик сказал:

– Ну что ж, я покажу вам дом!

Первый этаж состоял из четырех помещений с ковром посередине и подушечками вдоль стен. Под крышей были еще две комнаты, которые можно было сделать изолированными. Дом мне понравился, и я спросил о цене.

– Цены никакой, – ответил старик. – Давайте действовать как сельские жители: что касается жилища, то тут действует закон гостеприимства.

– Я отклоняю ваше дружеское приглашение, поскольку в противном случае мне легко в любой момент разорвать контракт. Самая главная моя задача – сделать так, чтобы нам быть как можно менее заметными и не привлекать внимания.

– Здесь у вас все это будет. Как долго вы останетесь в этом доме?

– Недолго. Самое меньшее четыре дня, максимум две недели. Чтобы вам было понятнее, разрешите рассказать о небольшом приключении.

– Конечно, давайте сядем. Тут, повыше, не хуже, чем внизу, да и трубки наши еще дымятся.

Мы уселись, и я поведал ему о наших странствиях, о том, как встретил Хасана Арджир-мирзу – но ровно столько, сколько считал нужным рассказать. Он слушал внимательно, а когда закончил, вскочил и вскричал:

– Господин, можете жить здесь сколько угодно, здесь вас никто не тронет и не предаст! Когда вы переедете?

– Завтра, когда стемнеет. Но я забыл об одном обстоятельстве – у нас много лошадей и есть верблюды, у вас найдется место для них?

– Сколько угодно. Вы еще не видели задний двор. Там есть навес, но единственное – прошу вас самих распорядиться этими делами.

– Само собой!

– Итак, договорились. Скоро я отвечу на откровенность откровенностью – расскажу о своей судьбе, но не сегодня, я вижу, вы уже устали, да и дел у вас много. Завтра, когда приедете, подходите к другим воротам, что подальше, я буду вас там ждать.

Довольные тем, как складываются дела, мы вернулись в город.

На следующий вечер Хасан облачился в женское платье, чтобы ввести в заблуждение любопытных соглядатаев. Старые слуги были уволены, при нем остался лишь мирза Селим-ага. Вместо слуг взяли араба, который был с нами вчера.

Пребывание в нашем новом жилище повлекло за собой событие, которое я опускаю пока, несмотря на его чрезвычайный интерес. Время для рассказа найдется позже. Замечу только, что во время передвижений по Багдаду я дважды встречал личность, подозрительно напоминавшую Садыка...

Когда я снова заговорил с персом по дороге в Кербелу, то с сожалением заметил, что он как-то равнодушно отнесся к нашему сопровождению. Я не считал возможным обижаться на него – он был шиитом, и его вера под угрозой смерти запрещала ему посещать святыне вместе с неверными. Но он все же разрешил мне доехать с ним до Хиллы, где нам придется расстаться, а потом в Багдаде мы бы снова соединились. Он изъявил желание оставить здесь обеих женщин, но те не согласились и так горячо просили его не покидать их, что тот, в конце концов, поддался на их уговоры. При этом я удостоился чести охранять их от любых нападений.

Огромное число пилигримов шли через Багдад и двигались без остановок на запад. Но лишь на пятый день мухаррама мы узнали, что настоящий Караван Смерти подходит к городу. Мы с Халефом и англичанином тут же вскочили на коней, чтобы насладиться этим удивительным зрелищем.

Насладиться... Это действительно было наслаждение! Каждый шиит верит, что мусульманин, будучи похоронен в Кербеле или Неджев-Али, беспрепятственно попадет прямехонько в рай. Поэтому попасть в эти места – тайная мечта любого поклонника учения

Мухаммеда. Но доставку своего тела особым караваном могут позволить себе только очень состоятельные люди. Бедные же, возжелав быть захороненными в святых местах, плетутся медленным маршем до усыпальниц Али или Хусейна и ждут там своей смерти.

Из года в год сотни тысяч пилигримов прокладывают путь в те места, но больше всего странствующих в преддверии десятого мухаррама, дня смерти Хусейна.

Вслед за ними появляются Караваны Смерти персов-шиитов, афганцев, белуджей, индийцев с Иранского нагорья. Со всех сторон привозят мертвых, доставляют даже на судах по Евфрату. Они лежат месяцами, «дожидаясь» отправки. Путь каравана долог и ход медлителен, южная жара со всей силой обрушивается на иссушенную и без того землю, и ни в каком самом страшном сне не приснятся жуткие запахи, распространяемые такой траурной процессией!..

Покойники лежат в легких гробах, которые трескаются от жары, или же их просто заворачивают в ткани, которые быстро гниют и рвутся от соприкосновения с разложившимся телом, и нет ничего удивительного, что следом за караваном плывет дух чумной эпидемии. Каждый, кто встретит на пути такую процессию, отпрянет в сторону, и только шакал и бедуин не побоятся ее. Один – привлеченный запахом смерти, другой – от сознания того, что близко лежат большие богатства, предназначенные для захоронения вместе с усопшим. Усыпанные бриллиантами сосуды, унизанные жемчугами ткани, дорогое оружие и приборы, массивные золотые украшения, бесценные амулеты – все это едет в Кербелу и Неджеф-Али и исчезает в бесчисленных катакомбах. Сокровища эти, чтобы не дать грабителям погреть руки, прячут в недоступные саркофаги, но и сюда добрались предприимчивые арабские грабители и местные племена, и места захоронений превращаются нередко в кладбище и людей, и лошадей, и верблюдов, тут и там валяются расчлененные трупы, и одинокий путник в страхе и изумлении обходит стороной это проклятое место, к тому же охваченное чумным саваном.

Само собой, Караван Смерти не должен проходить через города и более-менее крупные поселения. Раньше путь его лежал прямо через Багдад. Он входил в восточные ворота, а выходил через западные, и чумная эпидемия поражала город халифов, тысячи людей становились жертвами мусульманских непредусмотрительности и равнодушия – ибо «все указано в Книге»^[18].

Конечно, в последнее время многое стало меняться, и обеспокоенный Мидат-паша разрешил Каравану Смерти проходить лишь по северным районам города и по мосту переходить Тигр. Именно там мы его и встретили.

Невыносимый дух стал ощущаться еще на дальних подступах к этому месту. Голова длиннейшей процессии уже появилась и остановилась для передышки. Огромное знамя с персидским гербом (лев на фоне восходящего солнца) воткнуто в землю – это означало центр лагеря. Ходоки уселись на землю, всадники слезли с лошадей и верблюдов, но тяжеловозов с гробами не разгружали – знак того, что привал будет недолгим.

Вскоре показался и весь караван, извивающийся, как гигантская змея. Люди были истощены и измучены жарой и голодом, но их темные глаза светились фанатизмом, а губы шептали монотонные и заунывные мотивы пилигримов.

Мы подошли к ним почти вплотную. Запах стал настолько нестерпимым, что Халеф достал свой платок и плотно заткнул нос. Один из персов заметил нас и приблизился.

– Собака! – вскричал он. – Зачем ты прикрываешь нос? Поскольку Халеф не понимал по-персидски, я ответил сам:

– Ты думаешь, запах этих трупов напоминает нам аромат райских куц?

Он подозрительно уставился на меня:

– Разве ты не знаешь, что говорит Коран? Он говорит, что мощи умерших пахнут амброй, розами, мускусом, лавандой и можжевельником.

– Это слова не из Корана, а из сочинения Фаридуддина Аттара Пенднама, засеки это себе на носу. И сами вы не забыли закрыть себе нос и рот...

– Это другие, не я.

– Так сначала делай замечания своим, а потом подходи к нам! Нам с тобой больше не о чем говорить!

– Человек! Твоя речь вздорна! Ты суннит. Ты доставил сердечную боль праведным халифам и их сыновьям. Аллах проклянет вас и ниспошлет в самые глубины ада!

Он развернулся и пошел прочь, а я кожей почувствовал всю величину пропасти, образовавшейся между суннитами и шиитами. Этот человек отважился оскорбить нас при тысячах суннитов, что же будет в Кербеле или Неджев-Али, если там откроется, что туда прибыли не шииты.

Я бы с удовольствием подождал, пока не пройдет весь этот бесконечный караван, но осторожность заставила меня сделать иначе. Я уже решил добраться до Кербелы, не вступая ни в какие конфликты, а для этого не нужно было «засвечиваться» у суннитов. Ведь позже меня легко могли узнать. Поэтому мы поскакали назад. Англичанин охотно согласился со мной. Он больше не вынес бы этого одуряющего запаха, и даже выдержанный хаджи Халеф Омар с удовольствием пустился в бегство из «ароматного» тумана, окутывавшего лагерь персов.

Приехав домой, я узнал, что Хасан Арджир-мирза не примкнул к каравану, а последует за ним завтра. Он уже сообщил это решение мирзе Селим-аге, и тот куда-то уехал, чтобы вернуться уже к отъезду мирзы.

Не знаю почему, но мне отъезд аги показался подозрительным. То, что он намеревался увидеть караван, само по себе не было странным, но у меня закралось какое-то смутное подозрение. Он не вернулся к тому времени, когда настало время сна. Халефа тоже не было, он отправился в сад после ужина и до сих пор не вернулся. И лишь ближе к полуночи я услышал тихие шаги возле двери, а минут десять спустя она бесшумно приоткрылась и кто-то встал у моей койки.

– Кто это? – спросил я вполголоса.

– Я, сиди, – услышал я голос Халефа. – Вставай, и идем со мной!

– Куда?

– Тихо. Нас могут подслушать.

– Оружие нужно?

– Только карманное.

Я забрал нож и револьвер и босиком последовал за ним. Он бесшумно двигался к задним воротам и только там надел обувь.

– В чем дело, Халеф?

– Поспеши, эфенди! Я все расскажу тебе по дороге.

Он открыл ворота, и мы выскользнули из сада, неплотно прикрыв за собой створки ворот. Я удивился, увидев, что Халеф устремился не в город, а в южную сторону, но предпочел смолчать. Наконец он обратился ко мне:

– Господин, извини, что поднял тебя среди ночи. Но я не доверяю этому Селим-аге.

– А что с ним такое? Я слышал, как он вернулся незадолго до тебя.

– Позволь мне рассказать. Когда мы вернулись из лагеря, и я поставил лошадей в стойло, то встретил там толстого слугу нашего хозяина. Он был очень зол и шипел, как пустынная лисица, от которой ускользнула ящерица.

– По поводу чего же?

– По поводу мирзы Селим-аги. Тот отдал распоряжение оставить ворота открытыми – видимо, собирался вернуться поздно. Я не стал следить за мирзой, поскольку ты не велел мне,

сиди. За ним проследил слуга и заметил, что тот пошел не в город, а на юг. Что было там персу нужно? Эфенди, ты простишь мне любопытство. Я вернулся домой, помолился, поужинал, но ага не выходил у меня из головы. Вечер был так хорош, звезды светили, и мне захотелось того же, чего и ага – пойти прогуляться в том же направлении, что и он. Я был совершенно один, думал о тебе, о шейхе Малеке, дедушке моей женушки, о Ханне, цветке среди женщин, и за этими сладкими мыслями не заметил, как забрался довольно далеко от дома. Я оказался перед какой-то стеной, в ней был пролом, я залез туда. Пошел дальше и оказался среди деревьев и крестов. То было кладбище неверных. Кресты блестели в свете звезд, и я тихо брел дальше, ибо негоже беспокоить усопших громкими шагами. Тут я заметил какие-то фигуры, сидящие на камнях. Это были вовсе не духи, поскольку они курили чубуки, и я слышал их разговоры и смех. Это были явно и не городские жители, на них были персидские одежды, но среди них были и арабы, а неподалеку я услышал стук переступающих копыт – лошади были привязаны за изгородью.

– Ты слышал, о чем говорили эти люди?

– Они сидели довольно далеко от меня, и я разобрал лишь, что речь шла о какой-то большой добыче, на которую они рассчитывали, и что остаться в живых должны только двое. Потом я услышал подобострастный голос, что они должны остаться здесь, на кладбище, до утра, и тут поднялся другой и попрощался с ними. Он подошел ближе, и я разобрал, что это ага. Я последовал за ним до дома, но подумал, что лучше будет разузнать, что за люди были на кладбище, и разбудил тебя.

– Ты думаешь, они до сих пор там?

– Думаю, да.

– Это, наверное, английское кладбище. Я помню его по первому посещению Багдада. Туда можно добраться довольно незаметно.

Так мы и сделали и скоро оказались перед брешью, которую проел в стене кладбища всеразрушающий зуб времени. Здесь я отправил Халефа назад, чтобы он прикрывал мой отход, и пошел к цели. Кладбище лежало передо мной как на ладони. Не было ни ветерка, и ни один звук не нарушал тишину ночи. Мне удалось незаметно пробраться до северного входа, который был открыт. Я тихо вошел и сразу услышал ржанье. Лошадь явно принадлежала бедуину, поскольку только их кони предупреждают об опасности особым выдуванием воздуха через ноздри. Это ржанье могло мне сильно навредить. Я быстро перебежал на другую сторону, залег в траву и пополз вперед.

Скоро я заметил, что впереди что-то белеет. Этот белый цвет был мне знаком – так белеют арабские бурнусы. Я насчитал шесть человек, все арабы спали. Перса среди них не было. Но Халеф не мог ошибиться. Персы или лежали дальше, или уже ушли с кладбища. Чтобы убедиться в своей догадке, я пополз дальше и дополз до лошадей, но людей дальше не обнаружил. Несмотря на то, что я подобрался к лошадям с другой стороны, они снова забеспокоились, но мне обязательно нужно было их сосчитать. Насчитал семь. Шесть арабов были налицо. Где седьмой?

Едва я задал себе этот вопрос, как был мгновенно придавлен к земле человеком весом в центнер, не меньше, при этом он зарычал, как лев, будя остальных. Наверное, он стоял на часах возле лошадей. Вступать в борьбу? Или спокойно сдаться, чтобы узнать, что это за люди? Ни то и ни другое! Я рванул вверх, а потом снова на землю, так что нападающий оказался подо мной. Наверняка он ударился головой, так как тело его обмякло, а я метнулся к выходу. Но сзади услышал топот преследователей. К счастью, на мне была только легкая одежда и со мной револьвер, а не ружье, поэтому им не удалось догнать меня.

Возле бреши в стене я достал револьвер и дважды выстрелил, конечно же, в воздух, а когда

и Халеф разрядил свои пистолеты, фигуры мигом растаяли в темноте. Через несколько мгновений мы услышали, как они поскакали прочь. Кладбище снова утонуло в тишине.

– Тебя заметили, сиди?

– Да, хотя в лицо не узнали. Арабы оказались умнее, чем я предполагал. Они выставили часового, он-то меня и засек.

– Аллах керим! Дело могло плохо кончиться, ведь эти люди собрались здесь с нечестными намерениями. Тебя преследовали только арабы?

– Персов, которых ты видел, с ними не оказалось. Тебе не показался знакомым тот предводитель, чей голос ты слышал?

– Было довольно темно, я не узнал его, к тому же он сидел среди остальных.

– Тогда этот наш поход был напрасен, хотя я почти уже поверил в то, что оказался рядом с преследователями Хасана Арджир-мирзы.

– Они могли здесь затаиться, сиди?

– Да, после нападения они двинулись куда-то на запад, но легко могли предположить, что Хасан поедет в Багдад. И, возможно, проскакали через Джумейку, Кифри и Зентабад на юг. Мы же не можем из-за женщин так быстро продвигаться вперед.

Мы вернулись домой, и я поведал Хасану пережитое на кладбище, но он отнесся к моему рассказу как-то легкомысленно. Он не поверил, что преследователи прибыли в Багдад, и еще более невероятными показались ему слова, подслушанные Халефом. Я посоветовал ему, тем не менее, быть более осторожным и попросить у паши охрану, но и этим советом он пренебрег.

– Я не боюсь, – ответил он мне. – Шиитов мне нечего опасаться, ибо во время праздника любая вражда прекращается, я уверен, что арабы на меня не нападут. До Хиллы будь со мной вместе с друзьями, а там до Кербелы всего день пути, и дорога настолько забита пилигримами, что разбойник там не покажется.

– Я не могу принуждать тебя следовать моим советам. Ты возьмешь с собой только то, что тебе понадобится в Кербеле, а остальное оставишь здесь?

– Я ничего не оставлю здесь. Разве можно доверять свои ценности чужим рукам?

– Наш хозяин представляется мне честным человеком.

– Он живет в одиноко стоящем доме. Доброй ночи, эмир!

Мне не оставалось ничего, кроме как промолчать. Я лег отдыхать и встал только утром. Англичанин рано ушел в город и привел четверых мужчин с разными инструментами.

– Что должны делать эти люди? – спросил я его.

– Хм. Работать! – ответил он. – Трое из них – уволенные матросы из Англии, а четвертый – шотландец, немного понимающий по-арабски. Он будет моим переводчиком. Он нужен мне здесь, пока вы поедете в Кербелу.

– Кто вам рекомендовал этих людей, сэр?

– Я справился о них в консульстве.

– Вы были у резидента? И не сказали мне ничего?

– Да, сэр. Я отправлял и получал письма, доставал деньги. Я не сказал вам об этом, потому что вы тоже повели себя аналогично.

– Что вы имеете в виду?

– Тот, кто отправляется в Кербелу без меня, не нуждается и в моих объяснениях по разным поводам.

– Но, сэр, что это вам взбрело в голову? Ваше участие принесло бы нам только крупные неприятности!

– Я уже достаточно сопровождал вас без всяких неприятностей. Два пальца долой – не в счет. Зато нос удвоился.

Он повернулся и удалился договариваться со своими четырьмя спутниками. Он очень надеялся принять участие в церемонии десятого мухаррама, но взять его с собой не представлялось возможным.

Глава 5

КАРАВАН СМЕРТИ

После полудня, когда самая сильная жара понемногу спала, мы покидали Багдад. Впереди ехал проводник, которого Хасан нанял вместе с несколькими погонщиками; животные везли его имущество. Это было весьма неосторожно с его стороны. За ними следовали сам Хасан с мирзой Селим-агой при верблюде, везшем обеих женщин. Потом следовали мы с Халефом, а замыкал шествие англичанин, с гордой миной осматривавший мужчин, с которыми намеревался забрать вавилонские сокровища. Хальва ехала на муле, а арабский слуга плелся сзади.

Я задумывал эту поездку по-иному. Вся процессия должна была сообщаться между собой. Наверное, я сам был тому виной, но теперь мне трудно было связываться с кем бы то ни было. Мое ранение, которое я вроде бы пережил нормально, не прошло все же бесследно, а сейчас на меня свалились еще заботы по этой процессии. Я чувствовал себя и морально, и физически очень усталым и напряженным, хотя видимых причин для этого не было. Я сердился на Хасана и англичанина, хотя сам был виноват в том, что не уделял им должного внимания, как это всегда было раньше. Это обстоятельство вскоре, как будет видно, весьма плачевно сказалось в виде болезни, поставившей меня на грань жизни и смерти.

Мы шли вверх вдоль реки, чтобы перейти через верхний мост. Там я остановился, чтобы бросить взгляд на былую резиденцию Гаруна аль-Рашида. Она лежала прямо предо мной, слева от сада, за конкой и дальше к северу, блестя на солнце, во всем своем великолепии, но не без различимых следов упадка. Рядом – высоченный минарет и правительственное здание, фундамент которого омывали воды Тигра. Справа лежал населенный арабами-атилами пригород с медресе Понстансир – единственным сооружением, дошедшим до наших дней со времени правления халифа Мансура. А за этими зданиями расстилалось целое море домов, нарушаемое только безмолвными минаретами с глазурированными куполами и десятками мечетей. То тут, то там из моря крыш вырывалась резная ветвь пальмы, зелень которой резко контрастировала с пыльной серостью, составлявшей основной фон города халифов. Здесь, на этом месте, Мансур принимал посольство франкского короля Пипина Короткого, чтобы договориться о совместных действиях в Испании против опаснейших Омейядов. Здесь жил знаменитый Гарун аль-Рашид вместе с красавицей Зубейдой, разделившей с ним одновременно и скромность, и роскошь его жизни. Они совершали паломничества в Мекку, устилая дорогу туда дорогими коврами. Но куда делось знаменитое дерево из чистого золота, с бриллиантовыми, сапфировыми, изумрудными, рубиновыми и жемчужными плодами, создававшее тень его величеству? Халиф звался Рашидом Справедливым, но был при этом хитрым тираном, обрекшим на мученическую смерть верного визиря Джафара, его сестру и ее ребенка и вырезавшим благородное семейство Бармакидов.

То, что рассказывают о нем сказки «Тысячи и одной ночи», – не что иное, как вранье. Настоящий Гарун совсем другой, чем в сказке. Изгнанный собственным народом, он бежал и умер в Персии. Он лежит под золотым куполом в Мешхеде в Хорасане, Зубейда же, расточительница народных миллионов, спит вечным сном на краю пустыни под каменным монументом, превращенным веками в руины. Здесь же покоится халиф Мамун, оболгавший божественность Корана. При нем вино текло по руслам рек, а при его наследнике Мутасиме стало еще хуже. В далекой дикой местности он возвел себе резиденцию Самарра, настоящий рай земной, но на его создание ушла вся государственная казна, и пока раззолоченные сирены услаждали уши тирана, народ проваливался в пропасть нищеты. Наместнику Пророка Мутаваккилю и это показалось малым – он построил себе новую резиденцию, а чтобы

переплюнуть всех, несущие конструкции здания должны были быть изготовлены из знаменитого «дерева Заратустры». Это дерево, гигантский кипарис, стояло в Тусе, в Хорасане. Напрасно взывали к богу маги и жрецы учения огнепоклонников. Они предлагали гигантские суммы, только чтобы спасти символ своей веры. Увы! Дерево срубили. Его по частям перевезли вверх по Тигру и доставили как раз вовремя – к моменту, когда Мутаваккиль был убит своим телохранителем-тюрком.

С ним минула эпоха халифов, и слава святого города растаяла в веках. В Багдаде было тогда сто тысяч мечетей, восемьдесят тысяч базаров, шестьдесят тысяч бань, двенадцать тысяч мельниц, множество караван-сараев и два миллиона жителей. Какая противоположность сегодняшнему Багдаду! Грязь, пыль, нищие повсюду. Даже мост, на котором я стоял, был неисправен. Вместо названия Дар-ульхалифат городу больше подходило Дар-эт-таун – Дом чумы. Несмотря на остатки бывшего величия, треть оставшейся территории состоит из пустырей, кладбищ, заболоченных участков и заросших бурьяном развалин, где ищут свою добычу падальщики.

Эпидемии возобновляются здесь каждые пять-шесть лет, и жертвы их исчисляются тысячами. Ислам подобным бедствиям может противопоставить лишь равнодушие. «На все воля Аллаха, мы ничего не можем сделать». Во время одной из таких эпидемий в 1831 году английский посланник прилагал все усилия, чтобы предотвратить распространение болезней, но против него ополчились муллы, и он вынужден был спастись, обвиненный в «противодействии Корану». Каждый день от чумы тогда умирали три тысячи человек. К этому прибавился и прорыв каналов, когда за одну ночь было снесено водой более тысячи домов со всеми их обитателями.

От этих мыслей мне сделалось так плохо, будто я сам испытал нечто подобное. Несмотря на жару, меня бил озноб. Я поехал и поскакал вслед за остальными, чтобы поскорее расстаться с городом и со своими горькими мыслями.

Оставив слева улицу, ведущую на Басру, справа – на Деир, мы подошли к кирпичному заводу и могиле Зубейды, миновали канал Ошах и оказались, что называется, в чистом поле. Чтобы добраться до Хиллы, нам нужно было пересечь тонкий перешеек, разделяющий Евфрат и Тигр. Здесь в конце Средневековья сад рос на саде, поднимались пальмы, благоухали цветы, плодоносили фруктовые деревья. Сейчас здесь, говоря языком поэта, «ни дерево не бросит тени, ни ручеек не напоит песок». Рукотворные каналы высохли и нужны только для укрытия разбойным бедуинам.

Солнце жгло все немилосерднее, а в воздухе еще висели ощутимые следы Каравана Смерти, прошедшего здесь вчера. У меня было ощущение, что я нахожусь в переполненной непроветренной палате для чумных больных. Это заметил не только я, но и Халеф, а англичанин поводил своим распухшим носом, пытаясь уловить хоть одно свежее дуновение.

То и дело мы обгоняли старых паломников, желавших быть похороненными в Кербеле и в изнеможении присевших на обочине дороги, или группу шиитов, нагруживших на несчастного мула слишком много мертвых тел. Бедное животное еле брело, все в пене, люди с заткнутыми носами тащились поодаль, а стелющийся за ними невыносимой дух набегал на нас невидимыми, но почти осязаемыми волнами.

Прямо на дороге сидел нищий, он был абсолютно гол, если не считать маленькой тряпицы на бедрах.

Свои муки по поводу убитого Хусейна он выразил своеобразным способом – бедра и руки у него были проткнуты ножами, а икры, шея, нос, подбородок и губы пронзали длинные иглы, на поясе висели, глубоко воткнувшись в тело, железные крючки, которые оттягивали грузила; остальное тело было утыкано спицами; на гладко выбритой голове он вырезал длинные полосы;

в каждый палец ноги и руки было воткнуто по щепке, и не было на его теле ни одного места размером больше пфеннига, не пораженного каким-нибудь острым предметом.

Когда мы приблизились, он поднялся, и вместе с ним в воздух взвилась туча мух и прочей летающей нечисти, сидевших на этой живой ране. Парень выглядел не лучшим образом.

– Дирига Аллах, вай Мухаммад! Дирига Хасан, Хусейн! – вскричал он диким голосом и простер к нам руки.

Я встречал в Индии кающихся, обрекавших себя на ужасные муки, и чувствовал к ним сострадание. Этому же глупому фанатику я бы с удовольствием залепил оплеуху, ибо, помимо ужаса, который вызывал его внешний вид, он претерпевал страшные муки, чтобы отметить день смерти такого грешного человека. И при этом фанатик считает себя святым, которому после смерти обломится высший разряд в раю!

Хасан Арджир-мирза бросил ему золотой доман.

– Аллах возблагодарит тебя! – закричал парень, подняв руки подобно жрецу.

Линдсей открыл сумку и дал ему монетку в десять пиастров.

– Субхалан Аллах! – произнес этот урод, но уже менее истово, ибо посчитал, что ему подал не Линдсей, а сам Господь.

Я вынул пиастр и швырнул ему под ноги. Шиитский святой сначала сделал удивленное лицо, а потом изобразил гнев.

– Аздар! Скрыга! – закричал он и с невероятной быстротой забормотал: – Скрыга, пять скрыг, десять скрыг, сто скрыг, тысяча скрыг, сто тысяч скрыг!

Он растоптал мой пиастр, изображая бешенство, которого в другой ситуации можно было бы и испугаться.

– Сиди, что такое «аздар»? – спросил меня Халеф.

– Скрыга.

– Аллах-иль-Аллах. А как будет «глупый, никчемный человек»?

– Бузаман.

– А «грубый невежда»?

– Джаф.

Тут маленький хаджи повернулся к персу, наставил на него руку, сделал оскорбительный жест и закричал:

– Бузаман! Джаф, джаф!

Тут нищий разразился такой отборной бранью, что у всех нас открылись рты. «Святой мученик» знал выражения самых грязных низов. Мы не стали дожидаться конца этого каскада ругательств и поскакали прочь.

Воздух, которым мы дышали, был не чище тех слов. Он точно вел нас за Караваном Смерти, и дальше показались следы копыт и ступней, оставленные военным эскортом, который был придан процессии для охраны от грабителей, но держащимся подальше от вонючих гробов.

Я предложил Хасану Арджиру не следовать прямо за караваном, а ехать параллельным курсом, но он отказался, поскольку считал почетным делом быть среди пилигримов и «вдыхать запах ушедших в мир иной».

К счастью, мне удалось добиться, чтобы ночью, когда мы прибыли к какому-то хану на ночлег, нам дали отдохнуть в отдалении от трассы.

Мы находились в опасной местности и не должны были далеко уходить от лагеря. Незадолго до сна договорились утром быстрым маршем обогнать караван, приехать в Хиллу и заночевать у «Вавилонской башни». Потом Хасан Арджир хотел снова пропустить караван и догнать его снова, а мыждемся его возвращения.

Я очень устал и ощущал ноющую головную боль, хотя раньше вообще не ведал, что это

такое. Чувствовался жар, и потому я принял дозу хинина, предусмотрительно запасенного вместе с другими медикаментами в Багдаде. Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть, а когда заснул, мне мерещились кошмары, из-за которых я постоянно вскакивал. В какой-то момент мне показалось, будто я слышу приглушенный шаг лошади, но я был как бы в полудреме и подумал, что это сон.

В конце концов, какое-то беспокойство заставило меня выйти из палатки. День уже засветился на восточном горизонте, и тут же стало совсем светло. Я посмотрел вдаль и заметил на востоке маленькую точку, которая на глазах росла. Через две минуты я смог различить всадника, быстро приближавшегося к нам. Это был Селим-ага. Конь его ронял пену, когда он спрыгнул с него, и, увидев меня, он очень смутился. Коротко поздоровавшись, он привязал лошадь и приблизился.

– Где ты был? – спросил я его довольно приветливо.

– А что тебе это даст? – ответил он.

– Очень много. Люди, путешествующие по такой небезопасной местности, должны знать о передвижениях друг друга.

– Я ловил свою лошадь.

– А где она была?

– Оторвалась и ускакала.

Я подошел и осмотрел поводья.

– Они не оторвались.

– Узел развязался.

– Благодарю Аллаха, чтобы узел, который когда-либо будет завязан на твоей шее, не оказался слишком крепким.

Я хотел было уйти, но он подошел ко мне вплотную и спросил:

– Что ты сказал? Я не понял.

– Так подумай хорошенько!

– Стой, не уходи, я хочу знать, что скрывали твои слова.

– Я хотел тебе напомнить об английском кладбище в Багдаде.

Он слегка побледнел, но нашел силы сдержаться.

– Английское кладбище? Что мне там делать? Я ведь не инглис. Ты говорил о веревке на моей шее. Мне с тобой не о чем говорить, я обо всем расскажу мирзе. Пусть знает, как ты со мной обращаешься.

– Мне безразлично, что ты ему скажешь, в любом случае я буду обращаться с тобой так, как ты того заслуживаешь.

Наша перебранка разбудила спящих. Скоро подготовка к отправке была закончена, и мы тронулись в путь с курьерской скоростью. По дороге я видел, как ага разговаривал с мирзой, и скоро тот подъехал ко мне.

– Эмир, ты позволишь мне поговорить с тобой о Селиме?

– Да.

– Ты не веришь ему?

– Нет, не верю.

– Но ведь нельзя оскорблять его...

– Он и не пытался защищаться, ведь я ничего не сказал несправедливого.

– Разве можно вешать человека за то, что у него сбежала лошадь?

– Нет. Повесить можно за другое – когда замышляешь с другими соучастниками напасть на честного человека и его спутников.

– Эмир, я давно заметил, что душа твоя больна, а тело устало, и потому твой глаз все видит

в черном цвете, а речи твои горше, чем сок алоэ. Ты снова поправишься и признаешь свои заблуждения. Селим верен мне вот уже много лет, и он останется со мной, пока Аллах не призовет его к себе.

– А его секретничанья на английском кладбище?

– Это случайность, он мне о ней рассказал. Вечер был так хорош, что он прошелся, гуляя, до кладбища, не подозревая, что там кто-то встречается. Это были мирные странники, развлекавшиеся рассказами о разбойниках, и, конечно же, они говорили о добыче. Я же тебе говорил, что это меня совершенно не беспокоит!

– И ты веришь, что у него действительно убежала лошадь?

– Я в этом не сомневаюсь.

– И ты веришь, что Селим-ага способен в темноте поймать испуганную лошадь?

– А почему бы и нет?

– Даже если она довольно далеко ускакала? Животное было все в поту и пене.

– Он в наказание сильно погнал ее. Прошу тебя, относись к нему лучше, чем раньше!

– Это можно, но при условии, что он не будет таким же скрытным, как раньше.

– Я прикажу ему. Одному Аллаху известны все людские прегрешения!

На этой сентенции наш разговор закончился. Что я должен был делать? Или точнее, что я мог сделать? Я был просто убежден, что этот Селим строит какие-то козни; что сегодня ночью он встречался с теми самыми людьми, с которыми общался на кладбище. Но как это доказать? Я был в ужасном состоянии. Мне казалось, что мои кости сделались пустыми, а голова превратилась в обтянутый кожей барабан, в который кто-то исступленно колотил. Мне мерещилось, что воля моя постепенно из меня уходит, и я начинаю плыть по течению, что никогда не было свойственно моей свободолюбивой и пытливой натуре. И я внял просьбе Хасана не обращать ни на что внимания, но все же это не мешало мне оставаться постоянно начеку.

Лошади быстро несли нас по пустынной равнине. Пилигримы, которых мы обгоняли, шарахались в стороны; запах становился все ужаснее, и еще до полудня на западном горизонте мы заметили длинную цепочку каравана.

– Объедем? – спросил я.

– Пожалуй, – откликнулся Хасан.

По его кивку проводник отклонился в сторону и сошел со следа каравана.

Скоро мы снова оказались в чистом поле, воздух стал чище, и мы вздохнули полной грудью. Быстрая езда нравилась мне, если бы не такое количество рытвин, захоронений и каналов, которые то и дело попадались по пути. Кроме головной боли, мучение мне доставляли еще и прыжки через эти препятствия, и я был просто счастлив, когда около полудня мы остановились, чтобы переждать дневную жару.

– Сиди, – сказал Халеф, наблюдавший за мной, – у тебя серое лицо, а под глазами тени. Тебе нездоровится?

– Только голова болит. Дай мне воды из бурдюка и бутылку с уксусом!

– Если бы я мог забрать у тебя твою головную боль!

Верный, добрый Халеф! Он еще не знал, что ему предстоит.

Если бы мой конь не был таким опытным скакуном, мне бы не выдержать этой гонки и сидеть под каким-нибудь старым алоэ. Но конь был просто великолепен.

Наконец, ближе к концу дня мы увидели справа руины Эль-Химаара, а они расположены где-то в миле от Хиллы. Скоро показалась цепь холмов Эль-Муджаллиба, а южнее ее – местечко Амран ибн Али; мы проехали по садам Хиллы, расположенным на левом берегу Евфрата, и по высоченному мосту въехали в городок, славящийся своими паразитами, грязью и фанатичным

до беспамятства населением. Мы постарались задержаться здесь как можно меньше, чтобы не устать от попрошаек-нищих, и поскакали дальше, в Бирс-Нимруд, к Вавилонской башне, расположенной в полутора часах на юго-запад от Хиллы. Поскольку этот город расположен как раз в центре целого комплекса руин, можно составить представление об огромной протяженности древнего Вавилона.

Солнце опустилось к горизонту, когда мы увидели развалины Бирс-Нимруд, со всех сторон окруженные болотами и песками. Сама башня могла превышать пятьдесят метров в высоту, но на ее месте был виден лишь одинокий десятиметровый несущий столб. Это был единственный след «матери городов», как именовали Вавилон, да и то с глубокой трещиной посередине.

Мы остановились у подножья развалин, и, пока готовился ужин, я поднялся на платформу, чтобы обозреть окрестности. Одиноко постоял наверху, пока лучи заходящего за горизонт солнца в последний раз в этот день высвечивали развалины некогда великого города.

Что за город был Вавилон?

Этот лежавший на Евфрате город, поделенный рекой на две части, имел, по Геродоту, в окружности 480 стадий, то есть 16 миль. Он был окружен стеной высотой 200 и толщиной 50 футов, снабженной переходами и башнями для длительной обороны, а также глубоким рвом с водой. Сто железных ворот служили входами в город, и от каждых ворот вела прямая улица к противоположным, так что Вавилон был разделен на четырехугольники. Трех- и четырехэтажные дома с красивыми внушительными фасадами были сооружены из обожженного кирпича, скрепленного раствором из жидкого асфальта. Все здания были разделены двориками. Море домов разбавлялось садами и площадями – в городе спокойно размещались два миллиона жителей.

Оба берега реки также скрывались за высокими толстыми стенами с воротами, которыми можно было пользоваться в светлую часть дня. Через реку был перекинут красивый мост 30 шагов шириной и длиной, по Страбону, около стадии. При необходимости его разбирали. Чтобы уменьшить напор воды при его постройке, к западу от города было вырыто озеро 12 миль в поперечнике и 75 футов глубиной, которым можно было регулировать уровень воды. Это водохранилище сохранялось еще долгие века, оно принимало на себя мощные наводнения, образуя гигантский резервуар, откуда брали воду для полей во время засух.

На концах моста стояло по дворцу, оба были связаны между собой подземным ходом, проходившим под Евфратом, как туннель под Темзой. Самыми главными зданиями были: царский дворец, около мили в окружности, новый дворец с тройным рядом стен, украшенный бесчисленными барельефами, висячие сады Семирамиды. Сады образовывали квадрат площадью 160 тысяч квадратных футов и были окружены стеной 22 фута толщиной. По широкой дуге поднимались амфитеатром и террасы, к которым вели ступени 10 футов шириной. Платформы этих террас были выложены камнями 16 на 4 фута, вода между ними не просачивалась. На камнях лежал промазанный глиной тростник, потом два ряда обожженного кирпича, связанного смолой, а все это было покрыто еще и свинцом, на него была насыпана толстым слоем земля, в которой крепились корни растений. На верхней террасе находился колодец, который наполнялся водой из Евфрата для полива этих самых садов. На каждой террасе также устраивались иллюминированные сады, где цвели диковинные деревья и откуда открывался изумительный вид на город.

Но самым диковинным строением Вавилона была башня, о которой нам сообщает Библия. Правда, там не приводится точная высота, а говорится только, что вершина ее доходит до небес. Толкователи талмуда утверждают, что она имела в высоту 70 миль, по иным сведениям – 25 тысяч шагов; во всяком случае, над ее постройкой трудился миллион людей в течение 12 лет. Конечно, эти цифры слишком завышены. Правда то, что посередине храма Баала стояла башня,

имевшая в окружности 1000 шагов, а высота ее составляла 600—800 футов. Она состояла из восьми частей, причем, чем ближе к верху, тем меньше они были. По спиральной лестнице можно было подняться наверх. В каждой части были свои сады, залы с креслами, столами, посудой и прочим убранством из чистого золота. В нижней стояла статуя Баала, стоившая 1000 вавилонских талантов, то есть, по-нашему, миллионы талеров. В верхней части располагалась обсерватория, где астрономы и звездочеты производили свои наблюдения и вычисления.

Ксеркс ограбил башню и ее богатство, которое, по Диодору, составляло 6300 талантов в золоте.

По легенде, под башней располагался колодец – такой же глубокий, как высока была сама башня. В этом колодце были подвешены падшие ангелы Варуд и Маруд с цепями на ногах, а на самом дне таилась разгадка всех волшебств мира. Таким был Вавилон. А сейчас!..

Здесь, в Бирс-Нимруде, я думал о своей родине, где впервые прочитал Библию. Разве мог я тогда представить, что на берегах Евфрата, у озер и каналов будут сидеть бездомные дети Авраамовы, их псалтыри и струнные инструменты – немо висеть на ивах, а их слезы лучше всяких слов скажут о несбывшихся чаяниях. А если какая-то арфа и зазвучит, то расскажет о тоске по городу, укрывшему святость Иеговы, а в конце песни будут слова: «Я воздену очи горе, на вершины, откуда снизойдет помощь мне». И Господь услышал эти мольбы. Зазвучал мощный голос Иеремии из Анафофа, и плачущий народ услышал его слова: «Слово, которое изрек Господь о Вавилоне и о земле Халдеев через Иеремию пророка: «Хотя бы Вавилон возвысился до небес, и хотя бы он на высоте укрепил твердыню свою; но от Меня придут к нему опустошители, говорит Господь. Пронесется гул вопля от Вавилона и великое разрушение от земли Халдейской, ибо Господь опустошит Вавилон и положит конец горделивому голосу в нем. Зашумят волны их как большие воды, раздастся шумный голос их. Ибо придет на него, на Вавилон, опустошитель, и взяты будут ратоборцы его, сокрушены будут луки их...»

Стоя здесь, на этих развалинах, я живо представил, как сбывались пророчества Иеремии. Шестьсот тысяч пеших воинов, сто двадцать тысяч всадников, тысяча колесниц, не считая всадников на верблюдах, – с такой силой царь Кир подошел к городу и захватил его, невзирая на мощные укрепления и запас продовольствия на двадцать лет. Позже Дарий приказал снести стены, а Ксеркс вывез все богатства. Когда в Вавилон прибыл Александр Великий, он хотел вновь отстроить башню, выставив 10 тысяч рабочих, но его внезапная смерть положила конец реставрационным работам. С тех пор город все быстрее и быстрее опускался в пучину разрушения, и сегодня от него остались лишь хаотично разбросанные каменные глыбы, в которых уже не разберется даже пытливым взгляд исследователя.

Справа от башни я заметил дорогу, ведущую в Кербелу, а слева – ту, что вела в Меджед-Али. На севере лежала Тамазия, а за западными развалинами стены – Джебель Меновие. Я бы с удовольствием задержался здесь еще, но солнце совсем скрылось и сумерки заставили спуститься к моим спутникам.

Женская палатка была уже поставлена, и, кроме Линдсея и Халефа, все уже спали. Халефу нужно было еще прислужить мне, а Линдсей хотел выяснить наши планы на ближайшие дни. Я перенес наш разговор на утро, залез под свое одеяло и попытался заснуть. Сон никак не шел, а наступало какое-то лихорадочное полузабытье, которое мне не принесло бодрости, а только еще больше утомило.

Под утро ударили заморозки, которые потом сменились жарой. Какая-то странная ломота охватила мои члены, и, несмотря на темноту, мне показалось, что все вокруг меня вертится, будто я еду на карусели. Я подумал о лихорадке и принял дозу хинина, и все это в каком-то бредовом состоянии, которое можно скорее назвать обмороком, чем сном.

Когда я, наконец, пришел в себя, вокруг кипела жизнь. Удивительно, но я проспал до

девяти часов, и Караван Смерти прямо на наших глазах делился на две части: одна шла в Кербелу, а вторая – в Меджед-Али. Халеф предложил мне фиги и воду. Выпить глоток я еще мог, а вот есть – нет. Я находился в таком состоянии, которое походит на тяжелое похмелье, знакомое мне по юношеским годам, когда, будучи студентом, не пропускал молодежных пирушек, воспетых Виктором Штефелем, автором «Гаудеамуса».

Я собрал все силы, чтобы выйти из этого гнетущего состояния, и мне это немного удалось; наконец-то я смог переговорить с Хасаном Арджир-мирзой, который уже собирался в путь – большая часть паломников уже прошла. Я настойчиво попросил его быть все время настороже и держать оружие наготове. Он кивнул с легкой усмешкой и обещал встретиться на том же месте 15-го или 16-го мухаррама. В полдень он отбыл.

Перед расставанием ко мне подъехала на верблюде Бенда.

– Эмир, я уверена, что мы увидимся вновь, – сказала она, – хотя ты и беспокоись. Но чтобы ты успокоился, дай мне свой кинжал – я отдам его, когда вернусь!

– Вот он, возьми!

Этот клинок мне подарил Исла бен Мафлей и написал на нем: «Только после победы – в ножны». Я не сомневался, что храбрая девушка постойт за себя в случае опасности.

После того как мирза Селим бросил мне несколько прозвучавших почти враждебно слов прощания, небольшая кавалькада отъехала, и мы долго провожали ее взглядами. На этом мои силы иссякли. Халеф заметил это раньше, чем я.

– Сиди, тебя качает! – воскликнул он. – И лицо бледное! Покажи язык!

Я показал.

– Он совсем синий, сиди! У тебя высокая температура. Прими лекарство и сразу ложись!

Для начала я просто сел, потому как стоять не мог. Потом выпил воды с уксусом и приложил тряпку, смоченную в уксусе, ко лбу.

– Мистер, – сказал Линдсей, – хотите со мной на поиски места для раскопок?

– Нет, я не смогу, пожалуй.

– Тогда и я останусь здесь.

– В этом нет нужды, у меня температура, это часто бывает в поездках. Халеф при мне, вы спокойно можете ехать, но не отъезжайте далеко, ибо, если вы, не дай Бог, наткнетесь на шиитов, я не смогу вам помочь.

Он уехал со своими людьми, а я закрыл глаза. Халеф сидел неотлучно при мне и подливал уксуса на тряпку. Я не знаю, как долго это продолжалось, но неожиданно услышал шаги, и прямо у меня над ухом прозвучал вопрос:

– Кто вы такие?

Я открыл глаза. Возле нас стояли три вооруженных до зубов араба, их лошадей нигде не было видно. Вид у них был довольно дикий, лица каменные, и ждать хорошего от них не приходилось.

– Странники, – ответил Халеф.

– Вы не шииты! Из какого вы племени?

– Мы пришли из далеких земель за Египтом и принадлежим к племенам Западной Сахары.

А почему ты спрашиваешь?

– Ты можешь к ним принадлежать, а вот этот – франк.

Почему он не встал?

– Он болен, у него температура.

– А где остальные, которые были с вами еще недавно?

– Они в Кербеле.

– И тот франк, который тоже был с вами?

- Он где-то рядом.
- А чей это вороной?
- Он принадлежит этому эфенди.
- Сдайте свое и его оружие!

Он подошел к лошади и взял ее за повод. Это сработало, как самое действенное лекарство – жар мигом улетучился, и я уже стоял на ногах.

- Стой. Тот, кто коснется коня хоть пальцем, получит пулю!

Мужчина живо отпрянул и со страхом уставился на направленный на него револьвер.

Здесь, неподалеку от Багдада, он уже познал этот вид оружия и не без оснований побаивался его.

- Я только потрогал, – сказал он.
- Касайся кого хочешь, но только не нас. Что тебе здесь надо?
- Я увидел вас и решил вам услужить.
- А где ваши лошади?
- У нас их нет.

– Ты лжешь! Я по складкам твоего одеяния вижу, что ты едешь верхом. Откуда ты знаешь, что здесь находятся двое франков?

- Я слышал это от паломников, которые вас видели на дороге.
- Ты снова лжешь. Мы ни одному из них не говорили, кто мы.
- Если ты нам не веришь, мы уйдем.

Они попятились, бросая сладострастные взгляды на наших лошадей и оружие, и исчезли между развалинами.

– Халеф, ты очень неумно ответил им, – заметил я. – Пойдем посмотрим, на самом ли деле они ушли.

Мы последовали за чужаками, но очень медленно, ибо слабость вернулась ко мне сразу же, как прошел гнев, и перед глазами все опять так поплыло, что я едва различал окружающие предметы.

- Ты их видишь? – спросил я, когда мы миновали развалины.
- Да, вон они побежали к своим лошадям.
- Сколько у них животных?
- Три лошади. А сам ты что, не видишь?
- Нет, все расплывается.

– Вот они сели и поехали галопом. Ох! Аллах-иль-Аллах! Там их целая группа, они их поджидают!

- Арабы?
- Слишком далеко, чтобы рассмотреть.
- Беги и принеси мою подзорную трубу!

Пока он бегал к моему коню, я пытался вспомнить, где же я слышал голос этого араба. Этот грубый, охрипший голос явно был мне знаком... Тут вернулся Халеф и протянул мне трубу, но кроваво-красный туман застил мне глаза, и наблюдение пришлось вести ему.

- Это персы!
- Ага! Можешь распознать лица?
- Нет, они уже все вместе и поехали прочь.
- Быстро и на запад. Так?

Халеф ответил утвердительно, и я, наконец, взял трубу. Приступ головокружения прошел.

– Халеф, – обратился я к мальшу, – эти персы как раз те, кто преследует мирзу. Селим-ага с ними в сговоре. Вчера ночью он их разыскал и доложил, что мы здесь, в БирсНимруде, должны

расстаться. Они послали этих троих узнать, уехал ли Хасан-Арджир, и теперь помчались за ним вдогонку, чтобы настичь его прежде, чем он доберется до Кербелы.

– О, сиди, это же ужасно! Надо ехать за ними!

– Само собой. Готовь лошадей!

– Надо вернуть англичанина! Он поехал, я видел, в Ибрахим-Шалил.

– Тогда Бог с ним, слишком много времени потеряем.

Давай быстрее!

Я присмотрелся и увидел, как группа скачет во весь опор на запад. Тут я вырвал листок из записной книжки и набросал несколько строк, чтобы поставить англичанина в известность о том, что произошло. Я просил его уехать из Бирс-Нимруда и ждать нашего возвращения на канале Анана, потому как здесь, возле башни, на него могли напасть, если наше предприятие не удастся. Листок я заткнул в трещину кладки так, чтобы Линдсей сразу его заметил. Потом мы вскочили в седла и поскакали.

Невероятно, но дух имеет огромную власть над телом! Мое недомогание полностью исчезло, как будто его и не было, голова была холодной, а взгляд острым. Мы добрались до тропы пилигримов, обгоняя паломников и нищих, испускавших в наш адрес проклятья. Но мы этого не замечали. Вот миновали павшего мула и увидели, как двое парней снова заворачивают в саван полуразложившееся тело. Вонь стояла такая, что меня чуть не вырвало.

– Сиди, ты совсем бледный! – закричал Халеф и схватился за повод моего коня. – Остановимся, а то ты свалишься!

– Вперед!

– Нет, стой, у тебя глаза, как у сумасшедшего, давай переждем.

– Нет, вперед!

Я думал, что кричу, но на самом деле, как оказалось, издавал какие-то нечленораздельные звуки. Лошадь моя, тем не менее, скакала во весь опор. Длилось это недолго, вдруг мне показалось, будто начало действовать сильное рвотное средство. Пришлось останавливаться. Заметив слюну и желчь, а также болевые ощущения, я крикнул из последних сил Халефу:

– Скачи дальше, оставь меня здесь!

– Как оставить? – спросил он ошарашенно.

– У меня чума!

– Чума?! Аллах керим! Как же так, сиди?

– Да. Я думал, что просто лихорадка. Теперь вижу точно – чума.

– Но ведь это ужасно!

– Да, уходи, ищи англичанина. Он позаботится о тебе. Он в Бирс-Нимруде или на канале Анана.

Я через силу выдавливал из себя слова. Вместо того чтобы бежать, Халеф схватил мою пылающую руку.

– Сиди, – сказал он, – разве я могу тебя бросить?

– Уходи!

– Нет, Аллах покарает меня, если я тебя покину. У тебя на зубах темная ржавчина, язык заплетается. Да, это чума, но я ее не боюсь. Кто останется при сиди, когда он страдает? Кто помолится за него, если он, не дай Бог, умрет? О эфенди, как мне жаль тебя! Давай, я помогу тебе забраться в седло, мы поищем место, где я смогу за тобой ухаживать.

– Ты в самом деле способен на это, Халеф?

– Во имя Аллаха, господин! Я не оставлю тебя!

– Я не забуду этого. Может, продержусь еще какое-то время. Поехали за персами?

– Сиди, тебе не нужно...

– Вперед же!

Я дал шпоры вороному, и Халеф волей-неволей последовал за мной. Вскоре я вынужден был умерить свой пыл, в глазах снова потемнело, и я во всем доверился Халефу, взявшему на себя бразды правления. Каждый шаг лошади отзывался болью в голове, я не видел, кто нам попадался по дороге, а только крепко цеплялся двумя руками за седло.

Через довольно долгое время мы нагнали караван, и я попытался различить, кто же его составляет. Безмолвно промчались мы через жуткие миазмы, но искомого я не обнаружил.

– Ты не увидел их, Халеф? – спросил я, когда мы добрались до головы каравана.

– Нет.

– Тогда давай завернем левее. Они не могли уклониться вправо. Видишь птиц над караваном?

– Да, стервятников, господин.

– Они выискивают падаль по запаху. Смотри, один полетел левее, к нам. Я беспомощен, полагаюсь на тебя.

– А если он ринется в бой, сиди?

– В таком случае моя душа поборет болезнь. Вперед!

Процессия исчезла слева. Мы скакали, как могли быстро.

– Вон, эль-бюдж^[19], сверху!

– Падает или кружит?

– Кружит.

– Скачи так, чтобы мы оказались как раз под ним. Он замечает или дерущихся людей, или готовую жертву.

Десять минут прошли в тишине. Несмотря на слабость, я подготовил ружье. Расстояние не смутило бы меня, если бы не мое состояние... При этом я заметил, насколько я ослабел – тяжелая двустволка, которую я когда-то легко удерживал одной рукой, казалась мне сегодня многокилограммовой гирей.

– Сиди, смотри, лежат тела! – крикнул Халеф, протягивая руку.

– Скорее туда!

Мы подъехали, и жуткая картина, открывшаяся нам, навсегда запечатлелась в моей памяти. На земле, в отдалении, распростерлись пять тел. В страшном волнении я спрыгнул с коня и наклонился над первым. Кровь стучала молоточками в ушах и руки дрожали, когда я отворачивал воротник накидки с лица труп. Это был Садык, немой, который сбежал от нас в горах Курдистана.

Я побежал дальше. Следующей была Хальва, верная старая служанка, убитая одной пулей в висок.

Одновременно Халеф вскрикнул:

– Вай! Это же жена перса!

Я подскочил. Да, это была она – Джанна, краса и гордость Хасана Арджира. Ее тоже застрелили, а рядом, с откинутой рукой, будто хотел заслонить ее от пули, распростерся сам Хасан, присыпанный песком и пылью. Его раны свидетельствовали о дикой схватке – даже на руках были ссадины и порезы.

Обезумев от боли, я вскричал:

– Мой Бог, почему же он мне не поверил?!

– Да, – мрачно произнес Халеф. – Он сам во всем виноват. Он верил своему предателю больше, чем тебе. А там еще кто-то. Подойдем.

Дальше всех лежала женщина на взбитом копытами песке. Это была Бенда.

– Аллах проклянет агу, это он ее убил.

– Нет, Халеф! Ты узнаешь кинжал, который торчит в ее сердце? Я одолжил его ей. Ее рука еще недавно сжимала его рукоять. Ага оттащил ее от других; вот следы ее ног на песке. Наверное, она ранила его, а потом сама себя убила, когда не могла больше сопротивляться. Хаджи Халеф Омар, я остаюсь здесь. Я лягу рядом с ними!

– Сиди, в них уже нет жизни, они мертвы, мы не сможем их оживить, но способны отомстить!

Я не ответил. Она лежала передо мной, бледная, с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом, как будто забывшись тяжелым сном. Голова у меня горела, позвоночник больше не держал тело, колени подогнулись, и я медленно опустился на песок. У меня было ощущение, что я погружаюсь, все глубже и глубже, сначала в голубоватую, а потом во все более темную бездну – без остановки, без дна, без конца, и на отдалении миллиона миль я слышал слабеющий голос Халефа: «Сиди, сиди, очнись, мы должны отомстить!..»

После долгого забвения я, наконец, перестал падать в бездну, и достиг, если можно так сказать, места, где прочно закрепился. Меня удержали две сильные руки. Я взглянул на человека, их обладателя, в глазах у него стояли слезы. Я хотел что-то сказать, но мне это удалось с большим трудом:

– Халеф, не плачь!

– О господин, я считал уже тебя умершим. Хамдулиллах! Ты жив! Поднимайся! Вот их следы! Мы пойдем за убийцами и уничтожим их всех! Клянусь Аллахом!

Я покачал головой.

– Я так устал. Подложи мне одеяло под голову.

– Ты пока не можешь ехать верхом, господин?

– Нет.

– Прощу тебя, постарайся!

Верный Халеф пытался мыслями о мести отвлечь меня от болезни, но это ему не удавалось. Он упал на землю и заколотил кулаками по песку.

– Пусть Аллах покарает этих несчастных, которых я не могу догнать! Аллах покарает и чуму, которая отнимает силы у сиди! Пусть Аллах покарает... Аллах-иль-Аллах, я червь, я несчастный, который не может помочь! Лучше всего мне здесь лечь и умереть!

Тут я встрепенулся.

– Халеф, ты что, хочешь, чтобы бородач съел этих умерших?

– Хочешь похоронить их?

– Да.

– А где и как?

– Разве можно как-нибудь иначе, чем в песке?

– Это трудная работа, господин. Я сам с ней справлюсь. А этого Садыка, который предал своего хозяина, пусть сожрут стервятники. Но сначала я посмотрю, не осталось ли при них каких-то вещей.

Поиск ничего не дал. У них забрали абсолютно все. Какие ценности попали в лапы этих грабителей! Чудо, как уцелел кинжал у Бенды! Убийцы, наверное, побоялись разжать стиснутые пальцы девушки. Я попросил Халефа навсегда оставить острый клинок в сердце убитой. Этим оружием я все равно никогда бы уже не воспользовался.

Мы стали потихоньку рыть яму. Кроме собственных рук и ножей, у нас ничего не имелось. Углубившись на фут и обнаружив спрессованный песок, мы поняли, что работа займет не меньше недели.

– Так дело не пойдет, – сказал Халеф. – Надо что-то решать.

– Давай вернемся к башне, она в двух часах езды отсюда.

– Валлахи, я об этом не подумал. Мы заберем англичанина и его инструменты.

– А тем временем стервятники съедят все, что можно.

– Тогда я поеду, а ты оставайся.

– Ты можешь попасть в руки грабителей. Я предполагаю, что они отправились в Бирс-Нимруд, чтобы забрать наше оружие и лошадей, до которых они так охочи.

– Я разнесу их в клочья!

– Ты один – всех?!

– Ты прав, сиди. Я не могу тебя покинуть, ведь ты болен.

– Мы поедем оба.

– А мертвецы?

– Уложим их на лошадей, а сами пойдем рядом.

– Ты для этого слишком слаб, господин! Посмотри, как утомила тебя даже эта легкая работа! У тебя ноги дрожат.

– Они дрожат, но несут меня. Пошли!

И мы занялись печальной и нелегкой работой – укладывать тела на лошадей. Поскольку у нас было мало ремней и веревок, мне пришлось разрезать лассо, которое неизменно было со мной во всех поездках, но я расстался с ним без сожаления, ибо был абсолютно уверен, что метавшая его без промаха рука скоро станет холодной, как лед. Мы закрепили тела по двое с каждого бока лошади, взяли их за поводья и двинулись в путь.

Дорогу эту я никогда не забуду. Если бы не верный Халеф, я бы уже свалился раз десять. Буквально после каждого шага я падал на колени, через короткие промежутки останавливался, чтобы собрать остатки – не сил, нет, их давно не было – последней энергии. Два часа езды превратились в долгое путешествие.

Солнце садилось. Вместо того чтобы вести лошадь, я висел на поводьях. Так я двигался, полуповиснув, полусагая, влекомый вороным и Халефом.

Нам приходилось идти по безлюдным местам, чтобы не навлечь подозрений, и к башне мы прибрели только поздним вечером. Разве мог я когда-нибудь предполагать, что именно здесь закончится бег моей беспокойной жизни!

Мы остановились на том же самом месте, где разбили лагерь прошлым вечером.

Следов англичанина нигде не было. Записки – тоже. Наверняка он ее прочитал и по моему указанию отправился на канал. Мы сгрузили тела, привязали лошадей и легли – больше нам ничего не оставалось. «Я знаю, мы еще увидимся», – сказала тогда Бенда. Да уж, скоро точно увидимся! Несмотря на смертельную усталость, я попытался сконцентрироваться на происходящем. Если бы я был понастойчивее и отговорил Хасана от опрометчивых поступков... Если б не болезнь, я бы настиг этого Селим-агу и предотвратил преступление. Я никак не мог отделаться от чувства вины, хотя уже прошло достаточно времени.

Я провел ужасную ночь. При почти нормальной температуре у меня был учащенный пульс, дыхание было прерывистым, язык – сухим и белым, а фантазия порождала такие жуткие образы, что мне приходилось то и дело звать Халефа, чтобы он уверил меня – реальность ли это или кошмарный бред. Часто из этих фантазий меня выводили боли в костях, шее и затылке (я описываю эти симптомы только потому, что у нас эта болезнь чрезвычайно редка), и поэтому поутру я бодрствовал в отличие от Халефа и заметил у себя на шее и под мышками припухлости и карбункулы, а также кроваво-красные пятна на груди и внутренней поверхности рук. Теперь уже мне все было окончательно ясно, и я принялся будить хаджи.

При виде всего этого он пришел в ужас. Я попросил у него воды и послал к каналу, чтобы он нашел там англичанина и привез сюда. После трех часов отсутствия, показавшихся мне вечностью, он вернулся один. Он долго искал, но ничего, кроме кирки, не обнаружил, а возле

нее множество следов копыт, которые свидетельствовали о развязавшейся битве. Он привез кирку с собой, она принадлежала одному из рабочих, нанятых Линдсеем. Напали ли на них? Но следов крови нигде не было! Что делать? Я разволновался еще больше. Мой внешний вид во время отсутствия Халефа явно ухудшился, ибо тот испугался еще больше и стал просить меня принять лекарства. Но разве это были лекарства! Хинин, хлороформ, мышьяк, арника, опий, нашатырный спирт и подобные «примочки» совершенно не помогали. Что я понимал в лечении чумы! Я слышал, что нужны свежий воздух, очищение кожи в ваннах и вскрытие карбункулов, и начал обсуждать с хаджи, как это можно получить. Должен же быть где-то рядом какой-то источник, родник. Бросив взгляд в восточном направлении, я подумал, что по ту сторону южных развалин должна быть вода, и попросил Халефа поехать и удостовериться, прав ли я или нет.

Добросердечный Халеф был готов услужить мне, хотя оставить меня одного без присмотра долго не решался. Но я все же убедил его.

Его не было уже полчаса, когда я услышал топот многих лошадей. Я повернулся и увидел семерых арабов, двое из которых явно были ранены. С ними были и те трое, которые вчера разговаривали со мной. Увидев тела, они сгрудились и стали тихо совещаться. Потом подошли ближе и окружили меня.

– Ну что, теперь отдашь свое оружие и лошадь? – спросил тот, кто и вчера обращался ко мне с тем же.

– Да берите, – ответил я равнодушно, оставаясь лежать.

– А где еще один твой спутник?

– А где те четверо, на которых вы вчера напали на канале? – ответил я вопросом на вопрос.

– Это ты узнаешь, когда мы заберем у тебя коня и оружие. Давай! Но смотри, на тебя смотрят шесть стволов. Если выстрелишь, считай, что ты мертвец.

– Мне и в голову не пришло стрелять. Я с охотой отдам вам все, что вы требуете: вместо того чтобы убить одного из вас, я убью всех вас, едва вы прикоснетесь к моему имуществу или коню.

Мужчина рассмеялся:

– Ну что ж, давай попробуем!

Я с трудом поднялся, протянул ему правой рукой пистолет, а левой тем временем приоткрыл накидку, обнажив шею и грудь. Араб тут же отдернул руку и с криком ужаса отпрянул к своей лошади.

– Бог мой! – вскричал он и одним прыжком оказался в седле. – У него чума! Смерть! Смерть! Бежим, правоверные, бежим от этого проклятого места, или мы все умрем. – И он стремительно поскакал прочь, а за ним и остальные.

Эти любимые сыновья Пророка в своем ужасе забыли об учении Корана, который напутствует: от судьбы все равно не уйдешь, как ни беги. Они даже позабыли пустить мне пулю в голову за то, что не смогли завладеть моим имуществом.

Через полчаса вернулся Халеф с физиономией, излучающей радость. Мое предположение подтвердилось: он нашел речушку, несущую свои прозрачные воды в Евфрат и поросшую невысоким кустарником. Я поведал ему об эпизоде с арабами, и он расстроился, что не был при этом со мной – он бы всех их перестрелял.

Перед тем как уезжать от башни, нам нужно было похоронить тела. Как раз пригодилась найденная кирка. Я с трудом дотащился до западной стороны развалин. Халеф подтащил трупы и выкопал глубокую и достаточно широкую яму под стеной, что далось ему непросто, потом усадил туда тела и начал засыпать могилу, навеки оставляя там перса и трех женщин.

В это время мне ничего не оставалось, как просто сидеть напротив и вглядываться в последний раз в черты этих ставших близкими мне людей. Вот в земле Вавилона исчезла Бенда,

ее пышные, ниспадающие волосы свисали до земли, а правая рука сжимала рукоятку кинжала, пронзившего сердце. Точно так же хоронили Мохаммеда Эмина – сидя, с лицом, обращенным на запад, туда, где над Каабой восходит солнце. Кто мог подумать, что всех их постигнет одна судьба!

Когда слой земли достиг их лиц, Халеф попрощался с ними. Я тоже склонил голову.

– Ля и ляха и л ля-лл ах! – шептал хаджи. – Сиди, позволь мне прочитать молитву!

Я не мог и не хотел скрывать слез, что текли по щекам. Потом я прочитал христианскую молитву. Они не дошли до Кербелы, города тоски и печали, но пустились в иное паломничество, в город чистоты и правды, где нет лжи, а счастье и радость стали вечными добродетелями!

Могила была засыпана, и мы могли трогаться. Я умудрился с трудом залезть в седло. Но, отъезжая, обернулся к месту, с которым мне было так тяжело расстаться. О человек, прекраснейшее из земных созданий, сколь ограничен и безвластен ты, когда перед тобой отворяются двери вечности!

Медленным шагом мы миновали развалины ИбрахимХалила и пересекли южную границу археологической зоны, оставшейся у нас слева. Я прилагал все усилия, чтобы не вывалиться из седла. Прошло более часа, прежде чем мы достигли места, которое Халеф искал столько времени. Я увидел довольно широкий ручей, текущий с запада, воды которого были чисты и свежи, как в роднике. Бесчисленными извилами спускался он к реке и по обе стороны порос густым кустарником. Ясное дело, я не задавался тогда вопросом, откуда в пустынной местности появилось такое богатство природы – позже я узнал и о других притоках: НахрХаванде, Нахр-Хадрише и иных, – местность к западу отсюда вообще менее засушлива. Здесь есть довольно обширное болото, где гуляет лихорадка, и со скальных уступов срываются серебристыми потоками струи прохладной влаги.

Скоро Халеф соорудил для меня некое подобие навеса, я погрузился в воду, а затем улегся на подстилке из листьев, заменившей мне больничную койку. Язык у меня был темно-красный, в середине – черный и сухой, температура изматывала меня по-прежнему – становилось то жарко, то холодно; то, что делал хаджи, я видел сквозь туман, а голос его разбирал как через пелену, а вернее, он звучал, как голос чревовещателя. Кровавые пятна и опухоли стали еще больше, и к вечеру, в мгновение, когда жар спал, я попросил Халефа вскрыть нарывы. Дело было опасное, но оно удалось. Чтобы ночью не провалиться в еще больший кошмар, я попросил хаджи почаще встряхивать меня и поливать водой. Так прошла ночь, занялось утро. Я почувствовал себя немного лучше, и Халеф отправился на охоту. Он принес несколько уток и зажарил на вертеле. Есть я, по-прежнему, ничего не мог, он тоже сидел и ни к чему не прикасался. Только собака немного закусила. Как не соответствовало названию Фрат (Райская река) наше состояние!

Смертельно больной, без врачебной помощи, кроме той, что мы сами могли себе обеспечить, в объятиях чумы, перед полураскрытыми воротами в мир теней. В Хиллу или другое место путь был заказан, нас бы сразу убили. Что бы я делал без верного Халефа, который отдал бы все, лишь бы я поправился!

Сегодня был четвертый день болезни, а я слышал, что именно он – решающий. Я очень надеялся на помощь свежих воды и воздуха. Несмотря на то, что здоровье мое заметно сдало из-за волнений последних дней, я доверял ему больше, чем сомнительному врачеванию, о котором имел весьма туманное представление.

К вечеру жар немного спал, и в абсцессах наметилось некоторое улучшение. Этой ночью я спал намного спокойнее, а когда утром предъявил Халефу язык для осмотра, он заявил, что он стал более влажным, а черный цвет почти исчез. Я стал надеяться на исцеление, но после полудня вдруг заметил, что мой слуга являет те же симптомы, что были у меня, –

головокружение, жар и так далее... К ночи я уверился, что он заразился. Я велел ему идти в воду, и он, шатаясь, побрел к ручью.

– Халеф, ты сейчас упадешь! – закричал я.

– Ох, сиди, у меня все кружится перед глазами!

– Ты заболел. Это чума!

– Я знаю.

– Ах, это я тебя заразил!

– Значит, Аллах пожелал этого, как сказано в Книге. Я умру, а ты пойдешь и отомстишь.

– Нет, ты не умрешь, я выхожу тебя.

– Ты? Да ты сам одной ногой...

– Мне уже лучше, и я смогу сделать то же, что делал ты.

– О, сиди, что я против тебя! Дай мне умереть.

У него начиналась такая же апатия к жизни. Какое-то время ему удавалось скрывать от меня подбирившийся недуг. Наверное, мы вместе подцепили болезнь, когда в Багдаде наблюдали за караваном, и сейчас у него начиналась тяжелейшая форма, при которой все признаки чумы проявляются с удесятенной силой.

Я с ужасом вспоминаю об этих днях, когда мне приходилось делать Халефу то, что производил со мной он, только гораздо в больших дозах. Он, в конце концов, поправился, но даже на десятый день болезни был еще так слаб, что я должен был носить его, а сам едва мог удержать в руках ружье. Счастье, что наш «чумной барак» так никто и не обнаружил. Когда я первый раз увидел свое отражение в ручье, то ужаснулся заросшей голове и мертвецкой бледности лица, глянувшего на меня. Неудивительно, что стервятники кружили над нами, а шакалы и гиены, приходя на водопой, внимательно поглядывали на нас из-за кустов тростника, не окажемся ли мы скоро их добычей. Но они вынуждены были быстро ретироваться, ибо Доян не проявлял к ним дружеских чувств.

Первую вылазку я предпринял к могиле персов, которую обнаружил пока что нетронутой. Я пришел пешком и около часа просидел возле башни, а живые образы ушедших стояли перед моим мысленным взором.

Внезапно залаял пес. Я повернулся и увидел группу из восьми всадников с ловчими соколами и сворой собак. Они тоже меня заметили и подъехали.

– Кто ты? – спросил мужчина, по виду предводитель.

– Чужеземец.

– Что ты здесь делаешь?

– Я скорблю по убитым, похороненным тут. – И я указал на могилу.

– А от какой болезни они умерли?

– Они были убиты.

– Кем?

– Персами.

– Ах, персами и арабами-зобеидами? Мы слыхали об этом. Они убили многих, кто был тогда на канале.

Я вздрогнул, потому что под «многими» подразумевались Линдсей со своими людьми.

– Ты точно это знаешь?

– Да. Мы принадлежим к племени шат и сопровождали паломников до Кербелы. И там мы это слышали.

Это, наверняка, ложь. Шаты живут далеко на юге, и появляться здесь могут лишь в исключительных случаях. С другой стороны, соколы у них на руках говорили о том, что они на охоте и родина их рядом. Но я был так опечален, что не придал этому несовпадению значения.

Тут один из них подъехал ко мне вплотную и сказал:

– Что это у тебя за необычное ружье? Покажи-ка!

Он протянул руку, я же отвел свою с ружьем назад и ответил:

– Это ружье опасно для тех, кто не умеет с ним обращаться!

– А ты мне покажи, как это делать!

– Хорошо, только сперва ты слезешь с лошади и мы с тобой отойдем в сторону. Кто же выпустит из рук ружье, если чувствует, что ему угрожает опасность?

– Ну, хватит, оно мое!

Он снова протянул руку и одновременно пришпорил лошадь, направив ее прямо на меня.

Тут Доян совершил великолепный прыжок, схватив этого араба за руку и сдернув его на землю.

Араб, удерживавший свору, издал крик и спустил собак, которые тут же бросились на Дояна.

– Отзови собак! – крикнул я, поднимая штуцер.

Мои слова остались без внимания, и я, недолго думая, четырежды нажал на курок. Каждый выстрел убивал по собаке, но я потерял из виду предводителя, который поднялся с земли, бросился на меня и повалил. Сил у меня было маловато, и он быстро одолел меня, прижав к земле. Остальные сгрудились вокруг. Ружье у меня отняли, нож – тоже, а потом меня связали и усадили спиной к каменной стене.

Тем временем Доян оборонялся против трех уцелевших псов. Его здорово порвали, шла кровь, но он держался, не подставляя противнику горло.

Тут один из арабов поднял ружье, прицелился и спустил курок. Пуля попала моей собаке между ребер. В этот момент ее полудикие сородичи набросились все разом и буквально разодрали ее на куски.

У меня было чувство, будто у меня отняли лучшего друга. О эта немощь! Если бы были прежние силы, я бы превратил всех их в месиво из костей и мяса!

– Ты здесь один? – спросил, как ни в чем не бывало предводитель.

– Нет, у меня есть спутник.

– Где он?

– Рядом.

– Что вы здесь делаете?

– Нас по дороге захватила чума, и мы задержались здесь.

Это была единственная возможность избавиться от этих нелюдей. Едва я произнес злое слово, они отпрыгнули от меня с криками ужаса. Только предводитель остался на месте и, мрачно ухмыльнувшись, произнес:

– Ты хитрый человек, но меня так просто не обманешь! Тот, кого по дороге настигла чума, никогда не поправится.

– Тогда взгляни на меня! – просто сказал я.

– Твой взгляд действительно похож на взгляд смертника, но у тебя не чума, а лихорадка.

Где же твой спутник?

– Он лежит на... Вот и он!

Издали я услышал тихий крик «Ри-ри-ри!»^[20], отрывисто звучащий на выдохе. Следом послышался топот копыт, и я увидел моего жеребца, прыгающего через камни и рытвины. На нем распластался Халеф, левой рукой обняв вороного за шею, а правую просунув между ушей – в ней он держал свой двухзарядный пистолет, а за спиной болталось ружье. Арабы изумленно взирали на это представление. Я тоже был поражен. Как больной хаджи забрался на коня? У него ведь не было сил отвести его пастись, а он ехал верхом!

– Стой, конь! – крикнул я изо всей мочи.

Умный конь сразу пришел в себя.

– Убери руку с ушей, Халеф!

Он исполнил все, и конь встал возле меня. Халеф опустился на землю. Он едва мог даже сидеть, но спросил грозным голосом:

– Я слышал стрельбу. Сиди, кого надо застрелить?

Вид больного говорил за себя. Арабы поняли, что я не солгал.

– Это чума! Аллах, спаси нас!

– Да, чума! – крикнул предводитель, бросил штуцер и нож и вспрыгнул в седло. – Едем. А вы горите в аду!

Он прицелился в меня, а другой араб – в Халефа. Оба нажали спуск, но рука одного была разорвана моей собакой, а у второго дрожала от страха перед чумой. Они промазали. Выстрелил и Халеф, но и его руки дрожали, как листья на ветру, и он не попал. Арабы отъехали уже на приличное расстояние.

– Они уходят! Пусть шайтан заберет их! – крикнул он, но то был не крик, а шепот. – Что они сделали, сиди?

Я рассказал ему все как было и попросил разрезать веревки. У бедняги едва хватило сил это сделать.

– Халеф, как тебе удалось взобраться на лошадь? – спросил я.

– Очень просто, сиди. Он лежал на земле, а я лег ему на спину. Я услышал твой штуцер – его далеко слышать. Ты же открыл мне тайну своего вороного, поэтому он меня и понес. Ну и вид у меня был!

– Это нас и спасло. Страх перед чумой сильнее любого оружия. Эти люди расскажут о своем приключении, и мы, я думаю, можем быть спокойны за дальнейшую поездку, пока находимся в этих местах.

– А Доян? Это он там?

– Увы.

– Это как будто отняли половину тебя самого! Он бился до последнего?

– Он бы вышел победителем, если бы в него не выстрелили. Но у нас потеря куда более серьезная. Англичанин со своими людьми убит!

– Англичанин?! Аллах-иль-Аллах! Кто это сказал?

– Предводитель этих арабов. Он утверждал, что слышал это. Может, он сам к этому причастен.

– Тогда надо найти их трупы. Будем искать и похороним, только когда я немного окрепну. Этот англичанин был неверующим, но он твой друг, а значит, и мой тоже. Господин, вырой могилу для собаки, пусть покоится рядом с персами. Пусть не доберутся до него шакалы и стервятники. А я уже ничего не могу делать, как будто меня настигла их пуля...

Я сделал так, как он сказал. Верный Доян упокоился рядом с персами, как будто и после смерти готовый защищать их от врагов. Потом я посадил Халефа на лошадь, нагрузил на нее ружья и повел к нашей стоянке, снедаемый грустными мыслями и, не подозревая, что слухи о смерти англичанина лишены всяких оснований. Мне не терпелось поскорее покинуть это зловещее место, принесшее нам столько горя и волнений.

Ни о каком запланированном путешествии в Хадрамаут, конечно же, не могло быть и речи.

Глава 6

В ДАМАСКЕ

«Здравствуй, Дамаск, ты царство цветов, король ароматов, сокровищница красавиц и удовольствий, враг всех богатых...» Так приветствует этот город странник, поднявшись к Куббет эн-Наср, чья мечеть, видная отовсюду, как сторожевая башня, возвышается на горе Джебель эсСальхия.

Эта закругленная вершина эс-Сальхии являет собой, без сомнения, одно из красивейших мест на земле. Позади лежат живописные горы Антиливана, скалы которого упираются в небо, а перед твоим взором раскинулась созданная природой и исламской культурой панорама Дамаска. Близко к горам примыкает Эль-Гута, длиной в милю, усаженная плодовыми деревьями и прекрасными цветами равнина, обводненная восемью ручьями и речушками, являющимися семью притоками реки Барады. А за этим кольцом садов раскинулся город, названный арабами Дамашк, как фата-моргана^[21] для отчаявшегося увидеть что-либо в пустыне путника.

Путешественник оказывается здесь на важном историческом перекрестке, где сплелись воедино легенды и реальность. На севере лежит Джебель-Касьюн, на которой, по европейскому преданию, Каин убил Авеля, брата своего. В Эль-Гуте, по арабской легенде, стояло Древо Познания, под которым состоялся первородный грех, а в самом Дамаске есть мечеть Омейядов, на минарете которой окажется в день Страшного суда Иисус, чтобы править живыми и мертвыми. Так что Дамаск, город на Бараде, гордо несет через тысячелетия славу вечного города. Но, несмотря на то, что это старейшее поселение земли, возраст его неизвестен, поскольку мусульманское летописание только запутывает нити истории, а не распутывает их. Священное писание чаще других упоминает этот город. В те времена он назывался Дамешек^[22]. Давид завоевал его и причислил к ярчайшим жемчужинам своей короны. Потом здесь правили ассирийцы, вавилоняне, персы-селевкиды, римляне и арабы. Когда Савл стал Павлом, город уже находился под властью арабов. «Встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савл; он теперь молится...» И сегодня есть такая улица, она идет от Баб-аш-Шарки на востоке до Баб-эль-Яхья на западе, она и сейчас именуется Сук-эль-Джаман – Прямая улица.

У Порта Ориенталис, римских ворот с тремя входами, стоит дом Анани, благодаря которому Павел прозрел.

Часто, очень часто Дамаск завоевывали и обращали в руины, но он каждый раз возрождался. Больше всего пострадал он при Тамерлане, который в 1400 году целых десять дней гонял по улицам свои бешеные колесницы. Огонь сожрал все, что уцелело от грабежей. Под османским гнетом город все больше и больше терял свое былое значение. Всемирно известный, он превратился в провинциальный центр, резиденцию губернатора-паши, и всякий знает, что этот тип администрации только для того и предназначен, чтобы превращать богатый край в нищий.

Говорят, что сегодня город населяют 200 тысяч человек, но число 150 тысяч – более правдоподобно. Среди них около 30 тысяч христиан и 3 – 5 тысяч евреев. По фанатизму дамасские мусульмане превосходят даже мекканских. Недавно еще христианин не мог ездить ни на лошади, ни на верблюде, а вынужден был ходить пешком, если не желал воспользоваться верблюдом. Подобное религиозное рвение нередко приводило к кровавым стычкам, как в 1860 году, когда погибли тысячи христиан.

Устрашающие примеры таковых стычек начались в Хасбейе, на западных склонах Хермона,

у Дейр-эль-Камра, к югу от Бейрута и прибрежного города Сайды. 9 июля в Дамаске муэдзин едва успел призвать к дневной молитве, как тысячи вооруженных башибузуков обрушились на христианский квартал. Убивали мужчин и мальчиков, женщин насиловали или уводили в рабство. Губернатор Ахмед-паша не ударил палец о палец для их защиты, а вот другой человек посвятил свою жизнь защите христиан. Это был Абд эль-Кадер, алжирский бедуин, покинувший родину, чтобы найти забвение в Дамаске. Он открыл для христиан свой дом и провожал их со своими подданными в крепость, где они находили убежище. Банда головорезов набросилась на цитадель, чтобы погубить 10 тысяч христиан, спрятавшихся за ее стенами. Тогда Абд эль-Кадер приказал поджечь Дамаск с четырех сторон. Это помогло. Таков был этот человек, который после заключения мира в Кербеле целых пять лет противозаконно содержался в тюрьме французами.

Из Дамаска широкий караванный путь ведет к Мекке, и длится он 45 дней. До Багдада караваны доходят за 30 – 40 дней, а почтовый курьер достигает этого города на верблюде за 12.

Я тоже прибыл в Дамаск из Багдада, но ехал не по дороге, которую использует курьер. И это имело свои весомые причины.

После описанных в предыдущей главе событий мы еще шесть дней провели в «лежащем положении» на ручье, пока Халеф достаточно не окреп, чтобы вернуться в Багдад. До этого мы самым тщательным образом искали следы Линдсея на канале Анана, но, увы... Вернувшись в Багдад, мы узнали от хозяина, что англичанин дома не появлялся, и мне пришлось сделать заявление в английском представительстве. Мне обещали провести тщательное расследование, и провели его, но оно не дало результатов, и я решил отправляться в путь.

Денежной проблемы для меня не существовало, ибо среди развалин башни я нашел деньги, но не путем раскопок на археологических стоянках, а совершенно иным способом.

Когда, в один прекрасный день, Халеф лежал у ручья в забытьи, а я размышлял о трудностях нашей жизни, мне вспомнились слова Мары Дуриме, которыми она напутствовала меня, передавая амулет: «Он не помогает, пока закрыт, но если тебе понадобится помощь, раскрой его: Ру'и кальян^[23], дух предстанет пред тобой, даже если он и не на твоей стороне».

Я, конечно, не рассчитывал извлечь из амулета какую-то пользу, он провисел так долго у меня на шее, что я перестал его замечать. Но вот я из скуки достал безделушку и стал изучать ее содержимое. Я раскрыл ее, сорвал внешнюю оболочку и вынул сложенный пергамент, внутри которого были две английские банкноты. Предполагаю, что мое лицо в тот момент выражало совсем не радостное настроение. Действительно, ее слова были верны – не помогает, пока не откроешь! Но что общего у этой царской дочки с купюрами английского банка? Но что мне было ломать над этим голову – фунты везде остаются твердой валютой. Неважно, была ли она богатой женщиной или просто изобрела такой способ участия в моей судьбе. Если бы я мог поехать в Лизан и поблагодарить ее! С потерей англичанина я лишился и обеспеченного спутника. Его «well» подбадривало меня в сложные моменты, а теперь никто не мог остановить меня от опрометчивых трат.

Халеф был рад, когда узнал о моей находке, а я решил усугубить эту радость тем, что решил ехать к хаддединам, выполняя как волю самого англичанина, так и из-за обоих слуг Линдсея, по всей видимости, там находящихся. Я считал себя морально обязанным исполнить это завещание англичанина.

Отдохнув в Багдаде и выполнив необходимые дела, мы выехали в путь без конкретных целей и задач. Сначала мы проскакали через Самрру в Тикрит, а потом по дуге двинулись к Татару, чтобы избежать встреч с племенами, с которыми уже имели несчастье познакомиться в Долине ступеней. После дня езды у знаменитых развалин нам встретились двое мужчин, которые со всей очевидностью знали, что шаммары снялись со своих обычных стоянок и ушли

на юго-запад в район Дейра на Евфрате. Видимо, всем им надоели бесконечные притязания губернатора Мосула. Туда-то мы и направились и вскоре оказались на месте.

Наш приезд вызвал и печаль и радость одновременно. Амад эль-Гандур так и не приезжал. Все племя переживало за нашу судьбу, все надеялись увидеть нас целыми и невредимыми. Но надежда не сбылась. Смерть Мохаммеда Эмина повергла весь клан в глубокую скорбь, его память почтили большим костром. Совсем другим было настроение Ханне, упавшей в объятия Халефа. Он был поражен ее видом, и удивление его удвоилось, когда она пригласила нас в палатку, чтобы показать ему маленького хаджи, появившегося на свет во время нашего «паломничества».

– И знаешь, сиди, какое имя я дала ему? – спросила она меня.

– Какое?

– В его имени два ваших – Кара бен Халеф!

– Ну и здорово же ты поступила, о величайшая из жен и цветов среди женщин! – вскричал Халеф. – Мой сын станет героем, как и его отец, ибо имя его длиннее копья любого из врагов. Все мужчины будут чтить его, все девушки – любить, а враги будут бежать без оглядки, едва он вступит в бой с таким именем – Кара бен хаджи Халеф Омар бен хаджи Абулаббас ибн хаджи Дауд аль-Госсара!

Конечно, шейх Малик был очень рад нас видеть. В свое время он оказывал на хаддединов заметное влияние и сейчас, при сложившихся обстоятельствах, вполне мог занять место предводителя племени. И мой верный Халеф имел шанс примкнуть к клану шаммар.

В сопровождении изрядной свиты мы посетили все места, которые видели при первом нашем посещении, а вечером разместились в палатке и рядом, чтобы поведать любопытным арабам о наших приключениях, причем Халеф не забывал ни малейшей подробности, ярко живописуя свою роль защитника, которым он выступал в отношении меня все последнее время. Оба ирландца были еще здесь. За время нашего отсутствия они заметно одичали и так научились арабскому, что по их произношению их было почти не отличить от местных. Но они очень тосковали и, когда узнали, что господа их пропали безвозвратно, стали упрашивать меня взять их с собой. Я согласился.

Я принял решение идти в Палестину, а оттуда морем – в Константинополь. Но до этого хотел посмотреть Дамаск, город Омейядов, а чтобы не заезжать в Мосулу, решил переправиться через Евфрат южнее Дейра и по горам Хауран добраться до Дамаска.

Но хаддедины не собирались отпускать меня так быстро. Халеф выложил мне кучу аргументов в пользу того, что должен сопровождать меня в Дамаск. Мне нечего было возразить, но хотелось хоть немного продлить его семейное счастье, и поэтому мое пребывание затянулось... Шли неделя за неделей, надвигался неблагоприятный сезон, и я решил сниматься.

Мы отъехали. Большая часть племени провожала нас до Евфрата, на левом берегу которого мы попрощались – Халеф ненадолго, а я навсегда. Снабженные всем необходимым, мы переправились через реку и вскоре потеряли всех из виду. Неделью спустя разглядели прямо перед собой вершины Хаурана, но до этого произошла встреча, заметно повлиявшая на все дальнейшие события.

Однажды утром мы завидели невдалеке четверых всадников на верблюдах – они ехали в том же направлении, что и мы. Это было как раз кстати – нам нужны были проводники, поскольку местным бедуинам доверять не приходилось, и поэтому мы поднажали, чтобы их догнать. Завидев нас, они пустили «кораблей пустыни» галопом, но мы ехали быстрее. Поняв это, они стали съезжать с маршрута, стараясь пропустить нас. Это были старик с тремя молодыми, рослыми спутниками, выглядели они не очень-то боевито, но руки у всех лежали на оружии, скорее всего, из чувства самоуважения.

– Салам! – приветствовал я их, останавливая коня. – Оружие вам не пригодится, мы не разбойники.

– Кто вы? – спросил старший.

– Мы трое франков из полуденной страны, а это мой слуга, миролюбивый араб.

Тут лицо старика прояснилось, и он спросил на ломаном французском, пытаясь выяснить поточнее мою национальную принадлежность:

– Из какой же вы страны, господин?

– Из Германии.

– А, – наивно сказал он, – это очень мирная страна, в которой жители читают только книги и пьют кофе. Для чего вы приехали? Наверное, по купеческой части?

– Нет. Я путешествую по странам, чтобы потом писать книги, которые читают за кофе. Я еду из Багдада в Дамаск.

– Но вместо пера вы возите с собой оружие...

– С пером трудно противостоять бедуинам, которые то и дело заступают мне дорогу.

– Это правда, – согласился мужчина, до сих пор представлявший себе писателя не иначе как с огромным пером за ухом, грифельной доской и чернильницей. – Сейчас племя анаре потянулось к Хаурану, и надо быть начеку. Давайте держаться вместе!

– С удовольствием. Вы тоже направляетесь в Дамаск?

– Да, я там живу. Я торговец и каждый год со своим небольшим караваном совершаю походы к южным арабам. Вот из такой-то поездки я сейчас и возвращаюсь.

– Мы пойдём по восточным отрогам или будем держаться левее, ближе к дороге на Мекку?

– А как лучше?

– Последнее предпочтительнее.

– Я тоже так думаю. Вы когда-нибудь уже были здесь?

– Нет.

– Тогда я поведу вас. Вперед!

От былой робости торговца не осталось и следа. Проявился его общительный, дельный характер, и я узнал, что у него с собой немалая сумма, полученная за реализованные товары. Вернее, арабы заплатили ему натурой, а он все снова продал.

– Со Стамбулом у меня тоже прочные связи, – заявил он. – Вам туда тоже нужно?

– Да.

– О, тогда вы могли бы передать письмо моему брату, за что я бы был вам весьма признателен!

– С удовольствием. Могу ли я навестить вас в Дамаске, чтобы забрать письмо?

– Конечно, заезжайте. Брат мой Мафлей тоже купец с обширными связями. Он может быть вам полезен.

– Мафлей? Мда. Где-то я слышал это имя.

– Где же?

– Дайте подумать... Да, вспомнил. Я встречал в Египте сына одного стамбульского купца, его звали Исла бен Мафлей.

– В самом деле? Ну и дела! Исла – мой племянник.

– Если это тот самый Исла...

– Опишите мне его.

– Лучше я вам сообщу такой факт – он снова нашел там, на Ниле, девушку, ограбленную собственными родителями.

– Совпадает! А как ее звали?

– Зеница.

– Все сходится! Где вы его встретили? В Каире?

– Нет, в одном поместье на Ниле. Вы знаете, что там было?

– Да. Позднее мы встретились по делам в Дамаске и он рассказал мне обо всем. Он ни за что бы не встретился со своей суженой, если бы не Кара бен Немей, эфенди из... Ах, этот эфенди писал произведения, которые читают... Как ваше имя, господин?

– В Египте и на Востоке меня зовут не иначе как Кара бен Немей.

– Хамдулиллах! Quel miracle!^[24] Это, значит, вы?

– Спросите моего слугу, хаджи Халефа, который помогал освобождать Зеницу.

– В таком случае, господин, разрешите еще раз пожать вашу руку! В Дамаске непременно поселитесь в моем доме – и вы, и ваши люди. Мой дом и все, что в нем, – ваше!

Он сердечно пожал руки Халефу и его людям. Они не могли взять в толк, по какому случаю их обнимают, а Халефу я перевел наш разговор на французском.

– Ты можешь что-нибудь вспомнить об Исле бен Мафлее, хаджи Халеф Омар?

– Да, – ответил он. – Это был юноша, невесту которого мы забирали из дома Абрахим-Мамура.

– Этот человек – дядя Ислы.

– Слава Аллаху! Теперь мне есть, кому рассказать все. Хорошие поступки должны жить вечно.

– Так расскажи! – попросил дамаскец.

И маленький хаджи пустился в цветистые воспоминания. Конечно, я был в них знаменитейшим хаким-баши всей земли, сам Халеф – храбрейшим из героев планеты, Исла – лучший юноша Стамбула, а Зеница – красивейшая гурия рая. Абрахим-Мамура изобразили страшнейшим из дьяволов, и, в конце концов, мы совершили подвиг, молва о котором до сих пор жива по всему Востоку. А когда я решил вернуть Халефа на землю, он решительно заявил:

– Сиди, ты ничего не понимаешь. Мне лучше знать, ведь я был тогда твоим агой с плеткой из бегемотовой кожи и заботился о тебе.

Зная, что Халефа переделать невозможно, я смирился с его рассказами, тогда же как дяде Ислы сие повествование пришлось весьма по душе. Халеф заметно вырос в его глазах, и дальнейшие события показали, что этот факт не остался для хаджи без последствий. Мы без особых сложностей добрались до караванного пути и вошли через Небесные ворота в пригород Мейдан, в котором формировался в тот момент большой караван паломников в Мекку.

Внутри Дамаск совсем другой, нежели представляешь, находясь снаружи. Городу не хватает вовсе не построек, а самих улиц, вернее, благоустроенных улиц, покрытых нормальными мостовыми, а глиняные домишки без окон, небрежно залепленные глиной, выглядят ужасно.

Здесь правят тризну, как во всех больших восточных городах, грифы и огромные полудикие собаки – санитары многочисленных помоек. Ужасное состояние водоемов становится причиной множества заболеваний, превративших город Омейядов в какой-то адский сгусток эпидемий.

Христианский квартал расположен на востоке города и начинается у ворот Томаса, у исходной точки маршрута пальмирского каравана. Он такой же красивый, как и остальные части города, и здесь много развалин, за которыми мусульмане не считают своим долгом ухаживать. Возле монастыря лазаристов стоит здание, в котором в 1869 году останавливался кронпринц Пруссии.

К югу отсюда, по ту сторону Прямой улицы, расположен еврейский квартал, а западная часть города принадлежит мусульманам. Здесь разместились самые красивые здания города: цитадель, базары, мечеть Омейядов, в которую не имеет права ступить ни один христианин. Длина ее около 550 футов, а ширина – 150, и стоит она на месте языческого храма,

разрушенного императором Феодосием. Аркадий построил на том же месте церковь, посвятив ее Св. Иоанну. Там стоял ларь, в котором хранилась отрубленная голова Иоанна Крестителя, обнаруженная Халидом, завоевателем Дамаска.

Этот Халид, которого мусульмане прозвали Мечом Бога, превратил половину церкви в мечеть – особенность, имевшая под собой глубокую основу. Армия, осаждавшая город, состояла из двух частей: одна располагалась перед Восточными воротами и подчинялась самому Халиду, вторая под началом дикого Абу Обеида – перед Западными.

Озлобленный длительной осадой, Халид в гневе приказал не щадить ни одного жителя. Он ворвался через Восточные ворота и начал резню. В это время западная часть города заключила договор с Абу Обеидом с условием, что он пощадит жителей, и открыла ему Западные ворота. Обе части войска сошлись с двух сторон на одной и той же улице, где и стояла церковь Св. Иоанна. И Халид повелел оставить одну половину церкви за христианами. Так она и простояла около 150 лет, пока Валиду I не приспичило переделать культовые здания целиком под нужды мусульман. Христиане же распространили слух, что тот, кто покусится на святыню, потеряет рассудок. Они думали, что страх перед сумасшествием остановит правителя. Но этого не случилось. Более того, Валид первым взял в руки кувалду и ударил по алтарю. Затем вход с христианской стороны замуровали. Церковь целиком переделали под мечеть, украсили мозаикой и шестью сотнями массивных золотых светильников. Для обустройства были наняты 1200 греческих мастеров и художников. Моккади, арабский писатель, рассказывает, что стены мечети на 12 футов в высоту одеты в мрамор, а выше – мозаикой с золотом. Три минарета мечети относятся к разным эпохам. Северный – простая башня, построенная при Валиде, Эль-Гарбие являет собой египетско-арабский стиль, а Иса-минарет, кроме четырехугольной башни, имеет еще одну меньшую башню в турецком стиле с остроконечной верхушкой и два балкона для муэдзинов.

Совсем рядом с этой мечетью, на Прямой улице, располагалось жилище моего нового знакомого. Вход в дом находился в боковом проулке, куда мы и зашли, потому, как мне было неудобно отказываться от гостеприимного приглашения. Мы остановились возле ворот, которые были проделаны в сплошной кирпичной стене. Купец подобрал с земли камень и громко постучал. Тут же створки отворились, и черное лицо показалось в проеме.

– О Аллах, господин пришел! – вскричал негр и распахнул ворота во всю ширь.

Купец не ответил, а лишь кивнул нам следовать за ним. Я с Халефом вошел, а ирландцам приказал завести животных и оставаться при них.

Мы находились в длинном узком дворе перед второй стеной, дверь в которой уже была открыта. Пройдя в нее, я оказался на большой квадратной площадке, выложенной мрамором. С трех сторон поднимались сводчатые аркады, уставленные бочонками с апельсиновыми, лимонными, гранатовыми и фиговыми деревьями. Четвертая сторона – та самая стена, сквозь ворота в которой мы только что прошли, была усажена жасмином, розами и белым сирийским гибискусом. В центре плаца располагался гранитный бассейн, где плескались золотые и серебряные рыбки, а по углам били ключи, питавшие его свежей проточной водой. Над аркадами тянулся ярко раскрашенный балкон, к которому вела усаженная ароматными цветами лестница; было много и других достопримечательностей – достаточно упомянуть шелковые занавеси на окнах или резные ставни...

Стайка женщин сидела на мягких подушках вокруг бассейна. При нашем появлении они испуганно запричитали и побежали к лестнице, чтобы спрятаться в покоях. Только одна женщина не побежала. Она степенно подошла к купцу и почтительно поцеловала ему руку.

– Аллах да озолотит твое прибытие, отец! – приветствовала она его.

Он прижал ее к груди и сказал:

– Иди к матери и скажи, что Бог прислал нам в дом добрых гостей. Я отведу их сначала в *селамлык*, а потом приведу к вам.

Как и его дочь, он говорил по-турецки. Наверное, раньше он жил в Стамбуле.

Дочь ушла, а мы поднялись по лестнице и оказались в коридоре с множеством дверей. Слуга открыл одну из них, и мы вошли в просторную комнату, чудесно освещенную благодаря прозрачному разноцветному потолку. У стен лежали дорогие подушки, в нише монотонно тикали французские часы. Между шелковых занавесок на стенах были развешаны картины в дорогих рамах. То была – велико же было мое изумление! – грубейшая карикатурная «мазня»: Наполеон в императорском облачении, но с красными надутыми щеками; Фридрих Великий с тонкой бородкой под Генриха IV; Вашингтон в невероятной длины парике; леди Стенхоуп с мушками – домоправительница британского премьера Питта; Чесменская морская битва с голландскими торфяными горшочками; в огромный букет соединились самые несоединимые цветы. И еще кое-что такое же аляповатое и разномастное, чудовищное даже для Востока.

Возле подушек стояли низенькие столики с металлическими тарелками, набитыми заранее трубками и чашечками для кофе, а посреди комнаты – я отказывался верить глазам – фортепиано, но в слегка испорченном состоянии, с порванными струнами, как я сразу же убедился. Я бы с удовольствием открыл крышку, но... нужно было соблюдать правила игры. Все же я эмир Кара бен Немей.

Едва мы вошли и расселись, как появился милостивый юноша с ящиком, наполненным тлеющими угольями, для того чтобы зажечь трубки, а следом за ним – второй с сосудом, наполненным кофе. После первой затяжки хозяин обратился к нам с просьбой ненадолго отпустить его, чтобы поздороваться со своими домашними.

Мы молча пили кофе и курили, пока он не вернулся и не пригласил нас следовать за ним. Нас провели в шикарно обставленную, по европейским понятиям, комнату, где должен был жить я, а по соседству располагались апартаменты Халефа. Об ирландцах он тоже позаботился. После этого мы снова спустились по лестнице. Нам с невиданной скоростью была приготовлена баня, и там мы обнаружили два новых костюма, которые предлагалось обменять на те, что мы носили до сих пор. Двое слуг были отданы нам в постоянное услужение. Это было настоящее восточное гостеприимство, которое я не раз оценивал по достоинству. Вымывшись и переодевшись, мы вернулись в *селамлык* новыми людьми. Хозяин ждал нашего возвращения, и едва мы вошли, он снова был при нас.

– Господин, когда я рассказал им, кто ты, они попросили разрешения увидеться с тобой, – заявил он мне, обращаясь на «ты», поскольку снова перешел на арабский. – Ты позволишь?

– С удовольствием.

– Они придут после обеда, а пока заняты им, сегодня они не хотят доверять это ответственное дело служанке. Ты что, уже видел такие картинки? – спросил он, заметив, как мой взгляд остановился на одной из них.

– Они весьма редки, – ответил я уклончиво.

– Да уж, я купил их в Стамбуле за немалые деньги, ни у кого в Дамаске таких нет. Знаешь, кого они изображают?

– Могу только догадываться...

И хозяин объяснил мне, что первый – это султан эльКебир (Наполеон), а второй – умный эмир Немей; потом идет королева Англии (имел в виду леди Стенхоуп) с шахом американцев; рядом с цветами – герой из Диярбакыра (Геркулес), убивающий морскую собаку (Св. Георгий и дракон)...

– Но что это стоит в центре комнаты? – спросил я.

– О, это самое ценное, что у меня есть. Это чалги, музыка, я купил ее у одного англичанина,

жившего здесь и уехавшего. Можно, я тебе покажу?

– Будь любезен.

Мы подошли и открыли крышку. Над клавишами стояла надпись: «Эдвард Саути, Лиденхолл-стрит, Лондон», а одного взгляда внутрь инструмента было достаточно, чтобы понять – несколько струн порвано, но положение поправимо.

– Я покажу тебе, как им пользуются.

С этими словами он принялся стучать кулаком по клавишам. У меня волосы встали дыбом, но я скорчил удивленную мину и попытался увести разговор в сторону, чтобы не возвращаться к пресловутому «чалги».

– Англичанин дал мне еще *демир иплик*^[26] и молоток для извлечения музыки, чтобы руки не болели. Я покажу.

Он принес коробку, в которой лежали струны разной толщины и камертон, схватил его и застучал по клавишам так, что те заныли и запели. Не лишенный чувства юмора англичанин забыл объяснить новому владельцу назначение этого инструмента. Поэтому пианино было расстроено и набито грязью и пылью.

– Хочешь сделать музыку? – спросил он меня. – Ни один человек не имеет права подойти к «чалги», но ты гость и можешь постучать. – И он протянул мне «инструмент».

– Ты показал мне, как делают «музыку» в Дамаске, – ответил я, – а теперь я хочу показать тебе, как играют на этом инструменте в наших странах. Но сначала позволь мне немного настроить его.

– Господин, ты только ничего не сломай в нем!

– Ну что ты, не бойся, можешь мне доверить!

Я выискал подходящую проволоку и подтянул струны, потом соорудил из нескольких подушек подходящее сиденье и начал настраивать. Хозяин, слыша звуки, цокал языком и приговаривал:

– О, у тебя получается гораздо лучше!

– Это еще не музыка. Я пока задаю только верный тон. Разве англичанин не показал тебе, как играть на этом инструменте?

– Его жена писала музыку, но она умерла. Он бил по пианино кулаками, и это ему очень нравилось, он смеялся.

– Ты увидишь, как надо правильно играть.

Много лет назад, будучи бедным учащимся, я часто настраивал рояли, чтобы заработать карманные деньги, поэтому мне не составило большого труда привести это пианино в норму.

Во время моих упражнений открылась дверь, и появились все женщины, которых мы видели во дворе. Я услышал шепот удивления и даже крик ужаса. Какими же необразованными были эти люди!

Наконец я закончил и захлопнул крышку инструмента, приглушив разом все звуки.

– Ты больше не будешь играть? – спросил меня хозяин. – Ты такой великий *сонатдар*, и женщины так поражены твоим искусством, что даже дали подгореть обеду, пока тебя слушали.

– Я пока оставляю чалги в покое, а вот после обеда, когда все члены твоей семьи соберутся, покажу вам музыку, которой вы еще не знали.

– У меня в гареме в гостях несколько женщин. Они могут присутствовать?

– Непременно.

Мне было весьма любопытно, какое впечатление окажет простенький вальсок на этих дам, но не меньший интерес представляли и кулинарные способности местных поваров.

Обед сделал бы честь любому знатному дому Востока! Едва он закончился, хозяин осведомился, могут ли прийти женщины. Я дал согласие, и маленький разносчик кофе умчался

на женскую половину.

Вошла женщина с двумя дочерьми и сыном лет двенадцати. Женщины были все под паранджами и отзывались на имена. Четверо других оказались подругами жены хозяина. Они тихо расселись на подушках и изредка вставляли словечки в завязавшийся разговор. Поняв по носам и глазам, все чаще обращавшимся в сторону инструмента, что интерес возрастает, я поднялся, чтобы удовлетворить их любопытство. Какое впечатление произведет на них первый мощный аккорд?

– Машалла! – в ужасе крикнул Халеф.

– Бана бак! Слушай! – закричал хозяин, вскочив и подняв руки.

Женщины от удивления сбились в кучку, громко заголосили от ужаса, раскрыли свои покрывала, и я на какое-то мгновение смог разглядеть их лица.

После короткой прелюдии начался сам вальс. Моя публика сидела ошарашенная, потом ритм стал брать свое – в рядах слушателей началось движение, руки пристукивали в такт, ноги не хотели следовать своему восточному местоположению, а тела стали раскачиваться. Хозяин встал, подошел ко мне и расположился сзади, чтобы наблюдать за моими пальцами.

Когда я остановился, он схватил мои руки и осмотрел их.

– О господин, что у тебя за пальцы! Они бегают, как муравьи в муравейнике. Такого я в жизни не видел!

– Сиди, – сказал Халеф, – такая музыка бывает только в *дженнет*, где живут души праведников. Аллах-иль-Аллах!

Женщины не отважились выразить свои чувства словами, но их оживленные знаки и шепот убедили меня, что они поражены до глубины души.

Я проиграл где-то час, и публика слушала все на одном дыхании.

– Господин, я не подозревал, что в этом чалги таятся такие произведения, – признался мне хозяин, когда я закончил.

– О, там еще много что прячется, – сообщил я ему, – надо только уметь это извлекать. У нас в стране есть сотни и тысячи мужчин и женщин, которые делают это в десять раз лучше меня.

– Даже женщины? – спросил он удивленно.

– Тогда моя жена должна научиться извлекать музыку из чалги и поучить моих дочерей.

Добрый человек не имел никакого представления о сложностях, которые могут возникнуть здесь, в Дамаске, с этим обучением. И я не стал объяснять ему причины, а только спросил:

– Под эту музыку можно танцевать, ты видел когда-нибудь европейский танец?

– Нет.

– Тогда пошли кого-нибудь за нашими спутниками. Они сразу же придут.

– Эти? Они могут танцевать?

– Да.

– Будучи мужчинами?

– Обычай нашей страны допускают, чтобы и мужчины танцевали, и ты увидишь, что это не так уж и плохо.

Воцарилась атмосфера напряженного ожидания.

– Вы можете исполнить танец? – спросил я их, когда они вошли.

Они были облачены в удобное домашнее платье, вымыты и причесаны. Они поздоровались, поклонившись и с удивлением уставились на инструмент.

– О, музыкальный ящик! – широко улыбнулся Билл. – Танцевать? Конечно, умеем. Надо что-то исполнить?

– Хорошо бы.

– В одежде?

– А почему нет?

– Хорошо, тогда только без туфель, босиком.

– А какие танцы вы знаете?

– Все! Рил, хорнпайп, хайленд, стэмп-мэн, польку, галоп, вальс... Нас всему учили.

– Тогда стащите все ковры в одно место, и пусть будет хайленд, танец высокогорий.

Оба сильных сына Ирландии быстро и ловко все исполнили, и довольный смех и аплодисменты женщин подвигали их на все новые пируэты. Я подозреваю, эти дамасские женщины сами с удовольствием поучаствовали бы в этом действе. Но, подумал я, хорошего понемногу. Дамы удалились, рассыпаясь в благодарностях, и сам хозяин признался, что должен заняться хозяйством после столь долгого отсутствия.

Я выразил пожелание выйти погулять по городу в сопровождении Халефа, и хозяин тут же выделил нам двух оседланных осликов и слугу. И еще он попросил нас вернуться не поздно, потому как вечером нас будут ждать его друзья. Во дворе мы обнаружили двух белых багдадских ослов для себя и серого – для слуги, запасшегося табаком и трубками. Мы раскурили их, сели на ослов и выехали по переулку на главную улицу. В туфлях на босу ногу, в тюрбанах со свешивающимися концами и с дымящимися трубками мы скакали по улицам, как турецкие паши, по направлению к христианскому кварталу. Довольно быстро миновали его и убедились, что большинство прохожих идут к воротам Томаса.

– Там, верно, какое-то зрелище, – сказал я слуге.

– Да, эфенди, – отозвался тот, – сегодня Эр-Рималь, праздник метателей стрел, когда все стреляют из луков. Тот, кто хочет насладиться этим зрелищем, едет за город к палаткам, где все подготовлено для представления.

– Мы тоже могли бы посмотреть. Ведь еще не поздно. Ты знаешь место?

– Конечно, эфенди.

– Тогда веди нас!

Мы пришпорили осликов и через ворота добрались до Гуты, где царило веселое оживление. Я заметил, что на этом празднике люди забыли о своей религии и увлеклись куплей-продажей и развлечениями. Праздник этот сродни нашей ярмарке, но я безрезультатно выпрашивал у слуги о корнях этого празднества.

На голом месте были разбиты палатки, в которых продавали цветы, фрукты и всякую снедь. Везде демонстрировали свое мастерство шпагоглотатели, укротители, пожиратели огня, нищие просили подаяние, дервиши истязали себя иголками, силачи поднимали непомерные тяжести, ревели верблюды, плакали и смеялись дети, ржали лошади, лаяли собаки... К тому же в музыкальных балаганах стояла невыносимая какофония от всех мыслимых инструментов – это была действительно ярмарка, но на других подмостках и с другими действующими лицами.

Собственно стрельбы из лука я не обнаружил. Лишь кое-где видел мужчин или юношей с луками, разукрашенными перьями.

Мы миновали длинный ряд сладостей, как я вдруг остановил ослика и вслушался. Что это? Я не ошибался? В большой палатке собралось много народа – раздавались звуки скрипки и арфы, и главное – чистое сопрано на добром саксонском диалекте.

В священный вечер, в полночь, как-то раз вместо воды река вина лилась...

– Сиди, что это? – спросил Халеф. – Поет женщина. Возможно ли такое?

Я кивнул и продолжал слушать. Разве можно было проехать и не убедиться, что я не ослышался? Я спешил и кивнул Халефу, чтобы тот следовал за мной, а слуга остался у дверей. У входа сидел чернобородый турок.

– С каждого по пиастру!

Я заплатил за нас обоих и огляделся. За столами, сколоченными совсем на манер наших, немецких, кто только не сидел – арабы, турки, армяне, евреи, курды, христиане, мормоны, *арнауты*... Пили шербет или кофе, курили, ели печенье или фрукты. Дальше стоял буфет, а на подиуме сидели два скрипача, две арфистки и гитаристка, все в тирольском одеянии.

Я подошел поближе к ним, придвинул скамейку к столу и уселся вместе с Халефом. Мои решительные действия сразу же привлекли служителя, который мигом примчался и согнулся в три погибели.

– Шербет на двоих! – заказал я и заплатил пять пиастров.

То были поистине царские чаевые!

Между тем гитаристка спела песню, помогая себе инструментом, но никто в зале не понял, о чем она, хотя хлопали хорошо. Следующим номером была «Песня без слов», после которой один из скрипачей скрылся за занавесом. Вернулся он одетым как немецкий парень-подмастерье – в нахлобученной шляпе, рваных сапогах и с суковатой палкой – и спел популярную песенку «Простофиля на чужбине», как он там жил. И опять публика одарила комика бурными аплодисментами, хотя понятия не имела о берлинских подмастерьях и о том, что он поет.

Я решил выяснить, насколько подготовлены артисты к общению, и задал певице вопрос по-турецки:

– На каком языке ты поешь?

– Я пою по-немецки, – ответила она тоже на турецком.

– You are consequently a german lady?^[30]

– My native country is German Austria^[31].

– Et comment s'appelle votre ville natale?^[32]

– Elle est nomme Pressnitz, situe au nord de la Boheme^[33].

– А, это недалеко от границы с Саксонией, недалеко от Йештадта и Аннаберга?

– Правильно! – вскрикнула она. – Бог мой, вы и по-немецки говорите?

– Как слышите!

– Здесь, в Дамаске?

– Везде!

Тут в разговоре приняли участие ее коллеги. Радость встретить здесь немца была неподдельной, и результатом было с моей стороны – несколько дополнительных стаканов шербета, а с их – вопрос, какая песня мне больше всего нравится, они ее исполняют. Я назвал, и они тут же затянули:

Когда расстаются два сердца,
Которые любили друг друга,
Это самая большая мука,
И больше не бывает в мире.

Я совсем было погрузился в нежную мелодию и отвлекся от окружающего меня праздника, как вдруг Халеф толкнул меня в бок и указал на вход. Я глянул в указанном направлении и увидел мужчину, о котором мы так много говорили в последние дни и которого здесь-то я совсем не рассчитывал увидеть. Эти тонкие, но какие-то дисгармоничные и потому некрасивые черты, эти ищущие, острые, колющие, холодные глаза, темные тени на лице, оставленные ненавистью, любовью, мстостью и еще не выраженными чувствами, – все это мне было хорошо

известно, а вот густая борода заставила усомниться в догадке. Это был Дауд Арафим, которого у него в доме на Ниле называли Абрахим Мамуром!

Он окинул взглядом присутствующих, и мне тоже не удалось укрыться от его всепроникающего взгляда. Я видел, как он вздрогнул, повернулся и быстро вышел из палатки.

– Халеф, быстро за ним! Мы должны выяснить, где он живет.

Я вскочил, Халеф – за мной. Выскочив из палатки, я успел заметить, как он скачет на ослике, а погонщик бежит следом, держась за хвост животного; нашего же слуги нигде не было видно, а когда мы после долгих поисков обнаружили его у сказочника, было уже поздно. Гута может укрыть от любопытных глаз кого угодно...

Этот эпизод поверг меня в столь унылое настроение, что сразу же захотелось вернуться домой. Упустив этого человека, я почувствовал, что лишился возможности узнать что-то весьма важное о его здешней жизни. Халеф тоже что-то бормотал себе в бородку и вскоре заявил, что лучше бы нам вернуться домой и немного помузицировать. Мы ехали домой той же дорогой, которой прибыли сюда. На Прямой улице нас окликнули. Это был наш хозяин, стоявший у дверей ювелирного магазина вместе с симпатичным молодым человеком. При нем тоже были слуга и ослик.

– Не зайдешь ли сюда, господин? – обратился он ко мне. – А потом вместе вернемся домой. Мы слезли с ослов, вошли под своды здания, где нас сердечно приветствовал молодой человек.

– Это мой сын Шафей ибн Якуб Афара.

Итак, теперь я знал имя нашего хозяина – Якуб Афара. Оно нередко на Востоке. Он назвал сыну наши имена и продолжал:

– Это мой ювелирный магазин, которым управляет Шафей с помощником. Прости, что он не может нас сопровождать. Он должен быть при магазине, ибо помощник ушел на праздник Эр-Рималь.

Я огляделся. Помещение было небольшое, но в нем было набито столько драгоценного товара, что мне, человеку бедному, стало просто не по себе. А Якуб все рассказывал и рассказывал о том, что на других базарах у него еще есть лавки с пряностями, коврами и высокоценными сортами табака...

Выпив по чашке кофе, мы уехали. Домой успели до наступления сумерек, как и планировали.

За время, пока меня не было, кто-то постарался и украсил мою комнату. С потолка свешивались лампы с ароматными цветами, по углам появились большие напольные вазы, тоже с цветами. Жаль, что я не понимаю язык цветов, иначе смог бы прочитать ответ благодарных слушателей на мой фортепьянный концерт!

Я лег на подушки и старался ни о чем не думать, но все же думал, произвольно возвращаясь мыслями к этому Абрахим-Мамуру. Что ему надо здесь, в Дамаске? Совершать очередные гнусности? Отчего бежал от меня, хотя у меня с ним пока никаких дел не намечалось? Как найти место, где он поселился?

Так я размышлял, слыша тем временем, как там, в коридоре, кипит жизнь. И вот в мою дверь постучались. Вошел Якуб.

– Господин, ты готов к ужину?

– Как прикажешь.

– Тогда пошли. Халеф, твой спутник, уже готов.

И он повел меня, но не в селамлык, как я предполагал, а двумя коридорами в переднюю часть дома и там открыл какую-то дверь, ведущую в большую, напоминающую зал, комнату. Освещенные сотней свечей, со всех стен, обтянутых шелком, смотрели изречения из Корана.

Третий помещения была отгорожена тяжелым занавесом, держащимся на металлической штанге. В нем на высоте трех футов от пола располагались многочисленные потайные окошечки, что навело меня на мысль, что сзади, за шторой, спрятались женщины.

Около двадцати человек поднялись при нашем появлении и приветствовали меня, пока Якуб называл мне их имена. Среди них были двое его сыновей и три помощника. Халеф тоже был уже здесь. Видимо, ему весьма льстило это приглашение.

Поначалу, пока беседа еще не завязалась, пили ликеры и раскуривали трубки, а потом подали горячее и закуски, при виде которых мой бедный Халеф схватился обеими руками за свою жиденькую бородавку. Кроме уже известных мне блюд, подали мусс из свеклы и хабб эль-алс из индийских фигов и мирты; салат из зюб эль-бед – красного корня, похожего на морковь; жареный чеснок – шнурш эль-марут с запеченной крупной ящерицей, которую мой хозяин назвал добб. На вкус она оказалась весьма недурна. В дальних странствиях самое главное – забыть домашние правила и предрассудки... После еды быстро убрали тарелки и сосуды и вкатили пианино. Умоляющий взгляд Якуба сказал мне все без слов, и я приступил к исполнению своих обязанностей. Но поставил одно условие – убрать занавес. Якуб с ужасом взглянул на меня:

– Для чего, господин?

– Этот занавес будет пожирать звуки, и музыка не будет красивой.

– Но там же женщины!

– У них есть покрывала!

Только после долгих переговоров с гостями он отважился удалить занавес, и я увидел целых тридцать женщин, сидящих на мягких циновках прямо на полу. Я приложил все силы, чтобы развлечь их, спел несколько песенок, текст которых старался поточнее переводить на арабский прямо при исполнении.

Когда я закончил, Якуб позвал меня к окошку, выходящему на Прямую улицу. Там, внизу на тротуаре, голова к голове, стояла целая толпа слушателей. Интересно, о чем думали эти мусульмане, слушая меня? За кого меня приняли? Но гости Якуба явно не посчитали меня умалишенным и с неохотой покидали дом хозяина, договариваясь о новых встречах. Что касается дам, то мне довелось увидеть не только тридцать носов и шестьдесят глаз, направленных в мою сторону, но и голые ступни, потерявшие туфли, когда выбивали такт моей мелодии...

Якуб и его сын с уважением проводили меня в мою комнату и очень обрадовались, когда я позволил их родственнику со временем навестить меня. Тот сожалел, что его помощь не пригодилась.

– Ты доставил ему огромное удовольствие, – сказал мне Якуб. – Он любит музыку и весьма неглуп. Может говорить на языках итальянцев, французов и англичан.

– Он из Дамаска? – спросил я только из вежливости.

– Нет, – ответил Якуб, – он из Адрианополя, внук моего дяди. Его зовут Афрак бен Хулам. До этого мы его не видели, он прибыл с письмом дяди и припиской моего брата Мафлея из Стамбула ко мне, чтобы изучить купеческое дело.

– А почему он не пришел на вечер?

– Он устал и чувствовал себя неважно, – ответил Шафей. – Когда он вернулся с праздника, я сказал ему, что приехал Кара бен Немей и сегодня вечером будет музыка, он хотел прийти, но был болен и бледен как смерть. Но он все же слышал музыку, потому что спал поблизости...

Потом оба ушли, и я, наконец, смог отдаться отдыху. Как все-таки отличается сон на мягких подушках от сновидений на жестком песке или влажной, вонючей земле!

Рано поутру я проснулся от щелканья соловья, сидевшего на соседней с окном ветке. Халеф

тоже уже поднялся, и когда я зашел в его «покой», он уже пил кофе с пирожным. Я составил ему компанию, а потом мы спустились во двор, чтобы возле бассейна раскурить по трубочке. Но, прежде всего я пошел взглянуть на лошадей. Они чувствовали себя прекрасно, уминая сочные фиги, – у них также не было поводов для беспокойства, как и у нас.

У колодца к нам подошел юный Шафей, чтобы попрощаться и пригласить нас на базар; он вынужден проводить там весь день, не полагаясь на помощников и родственников.

– Господин, я знаю, что ты хаким... – сказал он.

– Кто сказал тебе это? – прервал я его.

– Там, на Ниле, ты помог многим больным – Исла нам рассказывал. Я просил Ислу, чтобы он позволил тебе помочь еще кое-кому, но он не позволил. Он сказал, что эти болезни все равно повторяются.

Когда юноша отошел, я услышал звуки клавира. Это была легкая ищущая рука, перебиравшая клавиши, но тут пришел джибукчи, слуга, и попросил меня подняться. Там, наверху, стояла одна из родственниц Якуба. Она подошла ко мне с выражением глубокой грусти на личике.

– Эфенди, прости меня! Я мечтаю снова услышать ту вчерашнюю песню!..

– Ты услышишь ее.

Она уселась в углу и откинула голову к стене. Я заиграл. Это была восхитительная церковная песенка. Я несколько раз сыграл мелодию и спел несколько строк. Девочка закрыла глаза, полуоткрыла рот, как будто старалась, чтобы мелодия лучше вошла в самое ее нутро.

– Что-нибудь еще сыграть? – спросил я в заключение. Она подошла.

– Нет, эфенди, эта музыка не должна ничем дополняться. Кто у вас поет такие красивые песни?

– Ее поют в церквях мужчины, женщины и дети. А добрые папы поют их с детьми даже дома.

– Господин, как, должно быть, хорошо у вас жить! Любовь чувствует у вас себя свободно. Ваши священники добрее наших, раз позволяют петь такие песни, а наши до сих пор считают, что Аллах отнял у женщин их души. Аллах накажет их за эту ложь! А тебе, эфенди, большое спасибо!

Она вышла, а я долго молча смотрел ей вслед. Да, Востоку долго еще избавляться от его тысячелетних пут! Я пошел вниз и распорядился оседлать ослов – надо было сделать кое-какие покупки.

Спешить нам было некуда, поэтому мы по переулкам подались в еврейский квартал. Там хватало и богатств, и нужды. Между развалинами роскошных строений ютились жалкие хижинки; мужчины ходили в потрепанных, с торчащими нитками лапсердаках, а дети – в лохмотьях и тряпье; женщины нацепляли поверх своих нехитрых нарядов всевозможные украшения. Наверное, они одевались так и во времена, когда пророк Исая (3, 17-23) обещал отнять у них все их драгоценности.

Когда на обратном пути мы заехали на базар ювелиров и золотых дел мастеров, я хотел зайти к Шафею, но, к своему удивлению, застал лавку запертой. Два хаваса несли вахту. Я пытался выяснить у них причину, но получил столь грубый ответ, что предпочел уехать. Дома я застал всех в большом возбуждении. Уже у ворот мне навстречу выскочил Шафей. Он хотел бежать прочь, но остановился, увидев меня.

– Эфенди, ты уже знаешь?

– Что?

– Что мы ограблены, ужасно ограблены и обмануты! Отец расскажет, я должен бежать.

– Куда?

– Аллах-иль-Аллах, я еще не знаю!

Он хотел уже бежать мимо, но я схватил его за руку и не пустил. Несчастье лишило его хладнокровия, и надо было остановить юношу от необдуманных поступков.

– Подожди.

– Пусти, мне надо...

– Кто? Кто вор?

– Спроси отца!

Он хотел вырваться, но я свесился с осла, захватил его руку покрепче и заставил идти со мной. Он подчинился силе и пошел со мной по лестнице. Отец стоял в комнате и заряжал пистолеты. Увидев сына, он гневно спросил:

– Ты еще здесь? Нельзя терять ни минуты. Иди! Я тоже выхожу, я убью его...

Рядом стояли все домочадцы и своими стонами и заламыванием рук только ухудшали и без того напряженную обстановку. Мне понадобилось немало усилий, чтобы успокоить их и упросить Якуба рассказать, в чем дело. Афрак бен Хулам, этот больной помощник и родственник из Адрианополя, покинул дом после того, как мы уехали, и поехал к Шафею в магазин с сообщением, что он должен по случаю большой покупки прибыть к отцу, который в тот момент находился у Асад-паши. Шафей действительно пошел, но так и не обнаружил отца, довольно долго прождав и проискав его. Тогда он помчался домой и, к глубокому удивлению, застал там отца под аркадами. Якуб сказал, что никакого послания помощникам не передавал. Поэтому Шафей отправился обратно на базар и обнаружил лавку запертой. Он открыл ее вторым ключом, который всегда был при нем, и сразу же увидел, что самые большие ценности исчезли, а с ними и Афрак бен Хулам, помощничек.

Он помчался известить отца, но, несмотря на все волнения, не забыл запереть двери и выставить двух хавасов в качестве стражей. Его известие поставило весь дом с ног на голову, а когда приехал я с Халефом, он как раз собирался снова бежать, но куда – сам не знал. Якуб тоже рвался застрелить вора, однако не ведал, где его искать.

– Своей беготней вы только себе навредите, – сказал я рассудительно. – Сядьте и давайте спокойно посоветуемся. Торопливый бегун не всегда самый быстрый конь.

Понадобилось время, чтобы убедить, но, в конце концов, мне это удалось.

– Какова стоимость украденных драгоценностей? – поинтересовался я.

– Я этого точно не знаю, – ответил Шафей, – но сумма огромна.

– И ты действительно полагаешь, что вор не кто иной, как Афрак?

– Только он. Послание, которое он мне передал, было подложным, у него одного был ключ, и он один знал, где лежит самое ценное.

– Хорошо, тогда только им и будем заниматься. Он действительно ваш родственник?

– Да. Мы его до этого не видели, но знали, что он должен приехать, и письма, которые он привез, были подлинные.

– Он был ювелиром, золотых дел мастером?

– Причем очень опытным.

– Он знает вашу семью и отношения внутри нее?

– Знает, хотя во многом ошибается.

– Он был вчера на празднике, и ты говорил, что он весьма бледен. Он был таким, когда пришел, или стал таким, когда узнал что ваш гость – Кара бен Немей?

Шафей, приподнявшись, удивленно уставился на меня.

– Что ты хочешь этим сказать, эфенди? Ну, помнится, он побледнел, когда я ему рассказал о тебе.

– Это поможет мне выйти на его след.

– Эфенди, если бы это было так!

Итак, он испугался, узнав про меня; он не пришел, когда я играл на пианино; он придумал болезнь, потому что я увидел бы его; а когда я уехал, он тоже пустился в путь.

– Халеф, ты знаешь, кто этот Афрак?

– Откуда мне знать? – ответил хаджи, следивший за нашим разговором.

– Это не кто иной, как Дауд Арафим, называющий себя также Абрахим-Мамур. Эта мысль пришла мне в голову еще вчера, но я отбросил ее как маловероятную. А сейчас я полностью убежден в этом!

Мои собеседники оцепенели от ужаса, и только после долгого молчания Якуб проговорил, качая головой:

– Это просто невозможно, эфенди! Мой родственник никогда не называл себя этими именами и никогда не был в Египте. Ты что, снова видел его вчера здесь?

– Да, я забыл рассказать об этом, потому что был погружен в музыку. Опиши мне своего родственника, особенно одежду, в которой он вчера приехал на праздник!

Моя просьба была со всей тщательностью выполнена. Все совпадало – то был Абрахим-Мамур, и никто иной. Но оба купца все же отказывались в это верить.

– Афрак бен Хулам никогда не был в Египте, – твердили они как попугаи. – А как же письма, которые он привез?

– Это два неясных момента. А что, если этот Абрахим забрал письма у настоящего Афрака?

– Аллах керим, но, значит, тогда он убил его!

– Это нужно еще выяснить, этот человек на все способен. Надо обязательно найти и схватить его! Ну, вот видите, спокойное обсуждение планов лучше, чем бездумные метания. Вор наверняка еще в Дамаске и собирается уехать. Или же как следует спрячется в городе. Надо склоняться к первому варианту. Что бы ты предпринял в этом случае, Якуб?

– Если бы я знал, куда он двинется, я бы пошел по следам хоть на край света!

– Тогда посылай Шафея в полицию, и как можно быстрее! Надо сделать заявление, чтобы побыстрее взять под контроль ворота и особенно район Гуты. Он мог заготовить для себя фальшивый паспорт, действующий на огромных пространствах Ближнего Востока. Надо нанять конных хавасов, на которых можно было бы положиться.

– Эфенди, твоя речь лучше моего гнева. Твой глаз острее моего. Ты pomoжешь мне?

– Да. Отведи меня в комнату, где жил вор!

Шафей убежал, а мы зашли в комнату лже-Афрака. Оказалось, что он рассчитал все так, чтобы не возвращаться, и не оставил ничего, за что можно было бы зацепиться.

– Здесь ничего не найти. Нужны другие следы. Мы трое должны разделить и каждый своим путем разузнать что-то у погонщиков и у городских ворот.

Такое предложение было воспринято Якубом и Халефом с воодушевлением, и уже две минуты спустя я ехал на осле к воротам Аллаха. Коня я брать не захотел, ибо не знал точно, может ли он мне понадобиться.

Но мои усилия не увенчались успехом. Я спрашивал разных людей в самых различных местах, где только мог предугадать выезд из города; прочесал вдоль и поперек Гуту, где, кстати, наткнулся на уже высланные патрули, но следов не обнаружил и через три часа весь в пыли вернулся домой. Якуб был уже дома, но потом снова уехал; Халефу тоже ничего не удалось выяснить. Он обследовал северную часть города и побывал возле нашей вчерашней палатки. У входа стояла та самая певица, она узнала его и поманила к себе. Она заметила, что мы вчера сорвались с места из-за Мамура, и попросила передать мне, что, если мне удобно, я могу заехать к ней и узнать кое-что об этом человеке.

– А почему она сразу тебе ничего не сказала? – спросил я.

– Сиди, она не говорит по-арабски, а я не очень-то понимаю по-турецки. Даже то, что она мне сегодня сказала, я наверняка немного переврал.

– Тогда берем лошадей – ослы устали – и едем к ней немедленно!

Был последний день пятидневного праздника. Прибыв к палатке выходцев из Прессница, мы обнаружили, что на этот раз она заполнена далеко не так, как накануне. Музыка на время замолчала, и я смог поговорить с девушкой. Посетителей мне нечего было бояться, поскольку говорили мы по-немецки.

– Отчего вы вчера так стремительно уехали? – спросила меня девушка.

– Я хотел проследить за человеком, вошедшим в палатку. Мне нужно было знать, где он живет.

– Этого он никому не говорит.

– Ага, вы знаете это?

– Да. Вчера он трижды заглядывал в палатку и усаживался рядом с англичанином, но и ему не говорил ничего определенного.

– Он говорил по-английски или же они общались по-арабски?

– По-английски. Я поняла все. Джентльмен нанял его переводчиком.

– Быть не может. Для работы здесь или для поездки?

– Для поездки.

– Куда же?

– Этого я не знаю. Слышала лишь, что первым местом пребывания будет Сальхия.

– И когда же они хотели выехать?

– Когда переводчик закончит с делами, ради которых он прибыл в Дамаск. Полагаю, речь шла о поставках оливок в Бейрут.

Больше она ничего не могла сообщить. Я поблагодарил ее, и что-то подарил на память.

Чтобы известить Якуба, я послал к нему Халефа, а сам объехал город, чтобы попасть к Божественным воротам, откуда начиналась дорога на Сальхию, лежащую на западных границах Гуты и считающуюся пригородом Дамаска. Через это местечко проходит торговый путь на Бейрут и в другие города, в том числе и в Палестину.

Туда я прибыл уже к вечеру. Я не тешил себя особыми иллюзиями оказаться незамеченным, но все же надеялся на то, что в восточных постройках окна направлены внутрь, во дворик, и поэтому меня никто не увидит, как это непременно случилось бы у нас в Европе.

Тут я увидел нескольких несчастных, исключенных из человеческого общества, но живущих рядом – прокаженных. Они лежали, обернутые в лохмотья, по обочинам дороги и уже издали требовали у меня подаяния. Я направил лошадь прямо на них, и тогда они отползли в сторону, потому как им строжайше запрещено подходить к здоровому человеку. Но я крикнул им, что я европеец и не боюсь их болезни, и тогда они остановились, но не подпустили меня ближе, чем на двадцать шагов.

– Что тебе надо от нас, господин? – спросил один из них. – Положи свое подношение на землю и скорее уходи!

– Что вас больше устраивает – деньги?

– Нет. Мы ничего не можем купить – у нас не берут денег. Дай нам другое – табак, хлеб, мясо или еще чего-нибудь поесть.

– А почему вы здесь? Ведь есть госпитали в Дамаске...

– Они переполнены. Мы ждем, когда смерть освободит для нас место.

– Мне бы хотелось кое-что узнать у вас. Если вы мне поможете, у вас будет табак на много месяцев и еще, что хотите. А сейчас у меня с собой ничего нет.

– Что же мы должны сообщить тебе?

– Сколько времени вы здесь лежите?

– Много дней.

– Значит, вы видите всех, кто проезжает мимо. Много проследовало мимо вас народа?

– Нет. Кто-то прибыл в город на праздник, сегодня его последний день; из города же выехала всего одна повозка, запряженная мулом, – в Рас-Хейю и Газейн, несколько людей в Хасбейю, несколько рабочих из Зебедени, а незадолго до полудня – инглис с двумя мужчинами, его сопровождавшими.

– Откуда вы знаете, что это инглис?

– О, инглиса сразу можно распознать. Он был одет во все серое, на голове – высокая шляпа, у него большой нос и голубые стекла на нем. Один из спутников объяснил ему, что мы от него хотим, и тогда он дал нам табаку, кусочек хлеба и еще несколько палочек из дерева, из которых загорается огонь.

– Опишите мне человека, который служит при нем переводчиком.

Они обрисовали мне его. Описание совпало.

– Куда они поскакали?

– Откуда нам знать. Они поехали по бейрутской дороге. Дети старого Абу Меджака могут ответить тебе, ибо он был их проводником. Он живет в доме возле большой пальмы.

– Благодарю вас. Завтра утром я привезу вам все, что обещал.

– О господин, твоя доброта да будет замечена Аллахом! Не мог бы ты захватить для нас еще несколько самых дешевых трубок?

– Обещаю, они у вас будут.

В Сальхии, в доме предводителя, я узнал, что англичанин направляется в долину Себдани. Старого Абу Меджака наняли только до того места. Это была мера предосторожности, позволяющая скрыть весь маршрут от любопытствующих. Но все равно я знал уже достаточно и вернулся в Дамаск.

Наш друг пребывал в состоянии крайнего напряжения. Его поиски не дали результатов, но Халеф принес ему надежду. Он получил директивные письма ко всем полицейским властям района Дамаска, и десяток вооруженных хавасов ждали приказа выступить в путь.

Я рассказал обо всем, что мне удалось узнать. Наступил вечер, и я предложил дожждаться утра, но нетерпение было слишком велико. Хозяин послал за проводником, сумевшим бы найти дорогу и ночью. Всех так лихорадило, что эта спешка передалась и мне, и я едва не забыл о своих обещаниях прокаженным. Прошло несколько часов, прежде чем мы отправились. Якуб позаботился о лошадях – двух для себя и слуги и третьей для поклажи. Поскольку он не предполагал, куда нас заведут поиски, он запасся и значительной суммой.

Отъезд не занял много времени. Показалась полная луна, когда мы миновали Прямую улицу и ворота Аллаха: впереди проводник с хозяином арендованных лошадей, потом – мы, а именно Якуб со слугой, Халеф и оба ирландца, а сзади – хавасы.

Стража у ворот даже не проснулась, когда мы промчались мимо. Незадолго до Сальхии я свернул на обочину, где на прежнем месте лежали прокаженные. Мы разбудили их, и я порадовал их объемистым пакетом, оставив его на земле на почтительном расстоянии. Затем мы двинулись дальше. Сальхия осталась позади, и мы стали взбираться по склонам к Куббет эн-Насру, красивейшему местечку, о котором я уже как-то упоминал.

На самом верху, у могилы мусульманского святого, я повернулся и бросил взгляд на Дамаск – последний взгляд в жизни, как оказалось. Город лежал внизу, мерцая в лунном свете, как обиталище духов и джиннов, окруженное темным кольцом Гуты. Справа подходила дорога из Хаурана, по которой я приехал, а с другой стороны тянулся караванный путь на Пальмиру, оставшийся для меня недоступным. Я не мог предположить, что мое пребывание в Дамаске

будет столь коротким...

Проехав Куббет эн-Наср, мы повернули направо к холмам Джебель-Ребаха и добрались до перевала Рабу, откуда вдоль русла Баранды прискакали в Дломар, большую деревню, где и сделали первую остановку. Хавасы быстро разбудили местного старосту, с его помощью расспросили местных жителей и выяснили, что после полудня четверо всадников галопом промчались через деревню. Среди них был одетый в серое инглис в очках с синими стеклами. Они ехали в Эс-Сук, куда без промедления двинулись и мы.

День набирал силу, когда мы проскакали плоскогорье Эль-Джебиде, потом свернули налево, к месту, где раньше располагалась столица древнего Абиленка; с другой стороны мы увидели гору, на которой расположена могила Авеля^[35]. Потом мелькали еще деревеньки, названия которых я не запомнил, и в одной из них мы притормозили, чтобы напоить измученных лошадей.

Мы преодолели участок, равный по протяженности целому дню пути. Если и дальше задавать такой ритм, животные явно не выдержат. От людей, пришедших к нам, чтобы одарить фруктами, мы узнали, что они всадников не видели, но поздним вечером кто-то слышал, как какой-то небольшой отряд проскакал по местечку.

После того как лошади немного отдохнули, мы двинулись в Эс-Сук, лежащий неподалеку, но ничего толком там не узнали. Рядом с поселком нам повстречался одинокий всадник. То был белобородый старик-араб, сердечно приветствовавший нашего проводника и представившийся нам:

- Абу Меджак, хабир (проводник), который вел инглиса.
- Это ты?! – вскричал Якуб. – Где ты его оставил?
- В Себдани, господин.
- Сколько при нем было людей?
- Двое. *Драгоман* и слуга.
- Кто драгоман?
- Он говорил, что родом из Кониса, но это неправда. Он говорит не на языке людей из Кониса. Он лжет.
- Откуда ты это знаешь?
- Он обманывал англичанина, я заметил это, хотя и не говорю на языке инглис.
- У него с собой много багажа?
- Багаж и грузовые лошади принадлежат англичанину, у драгомана при себе несколько больших коробок, над которыми он очень трясется.
- В каком доме они остановились?
- Ни в каком. Со мной расплатились в Себдани, и я мог возвращаться, они же поскакали дальше, хотя их лошади падали от усталости. Я остановился у знакомого, чтобы отдохнуть, а сейчас возвращаюсь в Дамаск.

Я решил расспросить его о внешности англичанина, поскольку забыл сделать это в «певческой» палатке в Дамаске.

- Ты не слышал имени этого англичанина?
- Драгоман все время говорил «серр».
- Это не имя, это означает «господин». Вспомни!
- Он добавлял к нему еще одно слово, но я не помню точно, как оно звучит... Что-то вроде Лисе или Линее.

Я замер. Возможно ли это? Нет, в это нельзя поверить. Но все же переспросил:

- Может, Линдсей?
- Да, именно так звучало это имя.

– Опиши мне этого мужчину!

– На нем была серого цвета одежда, шляпа тоже серая и очень высокая. У него были голубые очки и кирка в руке, даже когда он садился на лошадь.

– Ага! А нос?

– Очень большой и красный. У него там алеппская опухоль. И рот у него большой и широкий.

– А на руках ты ничего не заметил?

– Да. На левой нет двух пальцев.

– Это он. Халеф, ты слышал? Англичанин жив!

– Хамдулиллах! – воскликнул маленький хаджи. – Аллах велик, он все может. Он оживляет и убивает, как ему захочется.

Якуб никак не мог понять нашей радости, поэтому мне пришлось кое-что ему рассказать. А потом решили снова пускаться в путь. Меня очень беспокоило, что чудесным образом воскресший друг попал в руки проходимца.

Старый проводник поехал дальше, а мы миновали несколько очень красивых деревенок. Но неожиданно приятная для глаз зелень террасных садов кончилась. Мы переехали по мосту через Бараду на ее левый берег и въехали в узкий проход. Скалы по обе стороны реки ограничивали наш маневр, они поднимались отвесно, а в северной стене видны были многочисленные захоронения, к которым вели полу истертые ступени. Этот проход называется Сук эльБарада и ведет к долине Себдани, на которой расположен одноименный город.

Миновав проход и въехав, таким образом, в долину с юго-востока, мы проскакали еще несколько деревень и вошли в город, причем в довольно плачевном состоянии. Мой вороной и лошадь Халефа были измучены скачкой, остальные тоже валились с ног. Случилось то, о чем я боялся думать.

Себдани, по сути, представляет собой красивую деревню с солидными домами и обширными садами, хотя и лежит на значительной высоте. Ее жители в основном марониты. Хавасы очень быстро разыскали для всех жилье, и мы отлично расположились.

Узнали, что проводник переночевал здесь. Но староста местечка еще утром послал гонца в соседний поселок Шиит на разведку, и тот, к вечеру вернувшись, сообщил, что инглис переночевал в Шиите, а потом с тамошним человеком, со слугой и переводчиком поехали в Сорхеир. Что они делали потом, никто уже не знал...

Едва забрезжил рассвет, мы уже были в седлах. Оставив позади виноградники и тутовники Себдани, мы мчались в Шиит. Переводчик упоминал, как говорила мне певица, об оливковом предприятии в Бейруте, и это, конечно же, была ложь. Но Бейрут мог быть действительно целью его путешествия, поэтому он мог сказать британцу правду. То, что он выбрал именно этот путь, а не прямую дорогу на Бейрут, было легко объяснимо. Соображения безопасности требовали этого.

В Шиите мы добрались до истоков Барады, лежащих весьма высоко. Здесь мы нашли подтверждение словам гонца и поехали в Сорхеир. Дорога шла резко вниз, и выяснилось, что наши хавасы плохие наездники. Едва выдержав скачку, они уже ни на что не были способны.

Нанятые лошади Якуба тоже давали сбой, и наше преследование замедлилось. А подгонять людей после восьми девяти часов непрерывной гонки как-то язык не поворачивался.

Я предложил Якубу вырваться вперед с Халефом, но он не согласился, ибо боялся лишиться нас, несмотря на присутствие хавасов. Пришлось отказаться от этой мысли, и я успокаивал себя тем, что Линдсей, благодаря своей страсти к раскопкам, не сможет миновать Баальбека.

Но как англичанин попал в Дамаск? Как ему удалось избежать гибели там, на Евфрате? Мне не терпелось это выяснить, поэтому меня вдвойне раздражала наша задержка.

Сорхеир лежит на берегу горной реки, впадающей в Барадун, и очень красив благодаря купам итальянских и серебристых тополей. Несмотря на то, что название означает «маленький», деревня эта довольно внушительна. Мы остановились на отдых, и хавасы разделились для разведки. Скоро мы узнали, что наши «подопечные» проследовали здесь, держа путь на перевал Антиливана. После короткого отдыха мы пустились следом.

Проехав широкую долину, мы оказались на равнине, по которой целый час, преодолевая подъемы, карабкались к нужному перевалу. Слева вздымались высокие скалы, справа в стремнине бурлила река. Оказалось, западная часть Антиливана обрывается круче, чем восточная. Наш проводник сообщил мне, что Баальбек расположен в пяти часах езды отсюда по прямой, но нам придется добираться туда объездными путями, и это займет куда большее время.

Он оказался прав. Нам пришлось ехать боковыми долинами, и, когда, наконец, мы завидели вдали мощные развалины Города Солнца, нас еще разделяли несколько часов утомительной скачки по пересеченной местности. Один из хавасов заявил, что его лошадь не может скакать дальше, и их начальник приказал остановиться. Не помогли никакие просьбы и посулы. Когда Якуб объяснил, что хавасы преданы ему и он не может с ними расстаться, нам не оставалось ничего иного, как подчиниться.

К счастью, мне удалось подвигнуть начальника доехать после короткого отдыха до живописной деревушки, для чего понадобился немалый бакшиш. Оказавшись там, мы тут же узнали, что «серый англичанин» уже проследовал, причем вместе с драгоманом. Немного погодя через деревню проехал мужчина, с которым я поговорил. Это был проводник Линдсея. Он рассказал, что не доехал до Баальбека, а возвращается назад; его рассчитали в одной из деревушек и отправили домой. По его мнению, между инглисом и драгоманом произошла какая-то размолвка, но инглис очень осторожный человек и всегда держит руки на пушках, которые можно долго не заряжать – столько в них патронов.

Тревожные мысли о моем милом мистере не покидали меня всю ночь. Глаз мне сомкнуть так и не удалось. Едва забрезжил рассвет, я разбудил спутников и призвал их продолжить погоню. Но они согласились на это только после очередного бакшиша. Мне показалось, что хавасы сразу были нацелены на взятки с простодушного Якуба, я обратил на это его внимание и убедил его дать им понять, что они призваны помогать ему, а не очищать его кассу.

Мы миновали еще несколько деревенок, и, когда расступились высоты Антиливана, перед нами предстала долина Баальбека. Развалины занимали огромные площади; пожалуй, нет больше на земле руин такого масштаба! При входе на них мы заметили огромный блок известняка. Он был около 30 локтей длиной и 7 шириной. Такие блоки были основным строительным материалом зодчих Баальбека. Весили они по 30 тысяч центнеров каждый. Кто и как воровал такие глыбы? До сих пор это загадка.

Гигантские храмовые постройки были посвящены Ваалу, или Молоху. Кроме того, здесь находят и следы римского влияния; Антонин Пий построил здесь храм Юпитеру, известный как одно из чудес света. Поклонялись тут и сирийским богам.

Для храмов строили фундаменты, возвышавшиеся над землей на 15 локтей, потом шли три слоя камня с заданными параметрами, а на них ставили уже колоссальные колонны с мощными архитравами. Шесть уцелевших колонн храма Солнца имели длину 70 футов, а у пьедестала диаметр 6 футов. Малый храм был 800 футов длиной, 400 футов шириной и насчитывал 40 колонн.

Город Баальбек был значительным центром в древности, ибо лежал на пути из Пальмиры в Сидон. Абу Обеид, прославившийся на века человеческим обращением с христианами Дамаска, захватил также и Баальбек. Из акрополя сделали цитадель, а из материала храмов –

укрепленные стены. Все, что уцелело, является собой лишь жалкое подобие былых славы и величия.

Сегодня на месте старого солнечного города лежит нищая деревня, населенная вороватыми и фанатичными арабами-мутаволе, а солдаты гарнизона, расквартированные здесь, совсем не способствуют спокойствию в этих местах.

Я приставил к глазам трубу и осмотрел развалины. Ни души не было видно. Как я узнал позже, солдаты гарнизона сами назначали себе отпуска в любое удобное для себя время, а у мутаволе не было ни желания, ни времени встречать нас. Человек терялся в этих развалинах, как муравей, чтобы найти здесь англичанина, я попросил начальника хавасов в чине чауша, унтер-офицера, объехать руины на лошадях, а потом прочесать со своими людьми, а мы бы помогли им в этом. Он согласился, но только при условии, что сначала люди и лошади отдохнут и поедят.

Они отдохнули, но на работу не спешили. Якуб упрашивал их, грубил; я – тоже, но без успеха. Наконец унтер открытым текстом заявил, что только тогда прикажет своим людям действовать, когда они получают бакшиш. Якуб было полез в сумку, но я остановил его руку.

– Не правда ли, ты нанимал этих людей, чтобы они помогали тебе? – спросил я.

– Да.

– Что ты им заплатил за это?

– Провизия, по три пиастра каждому, а чаушу – пять в день.

– Хорошо. Они получают это за службу, если они не служат, они не получают. По возвращении в Дамаск ты рассказываешь паше, каких лентяев он тебе выделил!

– А тебе какое дело? – с вызовом бросил чауш.

– Говори со мной как подобает! Я тебе не хавас! – обрезал его я. – Ты будешь служить или нет? Там, в западном направлении, у стены мы встретимся.

Он с неудовольствием поднялся и сел на лошадь; остальные последовали его примеру, а после того как он тихим голосом отдал распоряжения, разъехались в разных направлениях.

На всю эту безводную равнину приходился один ручей. Я сказал себе, что иностранец с лошадью обязательно расположится вблизи воды. Поэтому мы разделились, чтобы обследовать окрестности водоема. Халеф остался при Якубе, а я взял с собой обоих ирландцев. После того как мы известили друг друга выстрелами, решили подниматься вверх по ручью. Нам повезло. Вскоре за колоннами я заметил стену, в которой виднелась дырка. Перед ней лежал человек с ружьем в руках. Чуть дальше, шагах в пятистах выше, я заметил высокую шляпу-цилиндр, которая в такт движениям колыхалась над вырытой ямой.

Я снова вернулся за колонны, передал ирландцам коня и велел им смотреть за ним, пока я их не позову. Потом снова стал приближаться к лежавшему. Он лежал так, что меня видеть не мог, но, услышав мои шаги, вскочил и наставил на меня ружье. На нем были штаны и куртка, а на голове феска, но мне он крикнул почему-то по-английски:

– Стой, сюда вход закрыт!

– Почему? – спросил я его тоже по-английски.

– А, вы говорите на этом языке. Вы переводчик?

– Нет. Но ружье лучше убрать, я ваш друг. Человек там, в яме, сэр Дэвид Линдсей?

– Да.

– А вы его слуга?

– Да.

– Отлично. Я его знакомый и хотел бы приятно удивить его.

– Так это хорошо! Пойдите же к нему. Я, правда, должен сообщить о появлении любого, но вам я мешать не стану, потому, как верю вашим словам.

Я пошел к яме, и чем ближе подходил к шляпе, тем легче был мой шаг. Я остановился на краю шурфа, оставшись незамеченным, а когда англичанин в очередной раз выпрямился, снял с него шляпу.

– Черт! Кто это там...

Он разогнулся, и без того огромный рот раскрылся еще шире. Вот он, добрый толстый нос со знакомым нарывом, слегка запыленным; очки от неожиданности свалились на землю.

– Ну что, сэр, – спросил я его, – отчего же вы не подождали меня на канале Анана?

– О Боже! – вскричал он, наконец. – Кто это? Вас же нет в живых!

– Пусть так. Тогда перед вами святой дух. Вы не боитесь духов старых знакомцев?

– Нет, нет!

С этими словами он выпрыгнул из шурфа. Мы обнялись.

– Вы живы, мистер! Вы живы! А Халеф?

– Он тоже здесь. И еще двое знакомых.

– Кто же это?

– Билл и Фред, я забрал их у хаддединов.

– А! Быть не может! Вы были у хаддединов?

– Больше двух месяцев.

– А как же я вас не нашел?

– Кто этот человек на стене?

– Мой слуга. Я нанял его в Дамаске. Пойдемте, мистер, надо о многом поговорить.

Он повел меня обратно к отверстию в стене, залез туда и скоро вернулся с бутылкой и стаканом. То был шерри, настоящий добрый шерри.

– Подождите, те двое тоже должны выпить с нами!

Я позвал ирландцев и стал свидетелем сцены, от созерцания которой у меня выступили слезы. Оба парня рыдали, как крокодилы, а Линдсей выделял целые пантомимы, выражая свою радость.

– А где ваш переводчик? – задал я, наконец, свой вопрос.

– Переводчик? А вы откуда знаете, что у меня есть переводчик?

– Да вы наняли его на празднике Эр-Рималь в певческой палатке.

– Вот это да! Вы всегда все обо всем знаете! А меня вы здесь встретили случайно или намеренно?

– Намеренно. Мы идем по вашим следам аж из Дамаска. Итак, где ваш переводчик?

– Уехал.

– О боги! С вещами?

– Нет, они здесь. – И он показал рукой в сторону дырки в стене.

– В самом деле? Это меняет дело. Рассказывайте.

– О чем?

– Только о переводчике, за которым мы охотимся. Об остальном потом.

– Преследуете? За что же?

– Он вор и, кроме того, мой старый враг.

– Вор? Уж, не по ювелирному ли делу?

– Точно. А вы видели?

– Да, видел. Ладно, расскажу. Встретил парня в палатке, он понял, что я англичанин. Заговорил со мной по-английски, у него дела с оливковым маслом, надо в Бейрут. Моя же цель была Иерусалим, и я его нанял. Он обещал проводить меня до Иерусалима, а из Яффы морем идти в Бейрут. Проводника он тоже обещал найти. Я закончил в Дамаске все дела и ждал. Тут он приехал и забрал меня. Проводника он нанял в Сальхии.

– Я знаю, мы с ним беседовали.

– Он должен был вам встретиться. Мы пересекли Антиливан, к вечеру я начал подозревать, а утром утвердился во мнении, что мы едем не по дороге в Иерусалим. Я позволил себе по этому поводу недвусмысленно высказаться. Он соврал, что хочет показать мне Баальбек. Мне это действительно было интересно, но подозрения мои росли и крепились. Он с такой поспешностью покинул Дамаск, так гнал всю дорогу, будто спасался бегством. Эти места оказались ему знакомыми, потому как мы приехали аккуратно к этой стене, и он заявил, что дырка – лучшее место для ночлега. Мы легли спать. Лошади стояли снаружи. Потом я во сне слышал, как ржала лошадь, как кто-то залез в мою сумку. Я проснулся утром: моей почтовой сумки не было. Я вскочил и схватился за ружье. Переводчик скакал прочь. Я выстрелил. Лошадь завалилась. Человек хотел прихватить седельную сумку, но та оказалась слишком прочно приторочена, и он убежал без нее. Когда я подбежал и открыл сумку, там лежали изделия из золота и драгоценных камней.

– А что было в вашей почтовой сумке?

– А! О! Столько драгоценностей! Нитки, липкий пластырь и тому подобное. Деньги у меня в другом месте.

– Ну что ж, сэр, это необычный, но счастливый финал. Мужчина, у которого украли ювелирные изделия, здесь, со мной.

– Так зовите же его. Надо их вернуть!

– Где же они?

– Вот здесь.

Он пошел к дыре и вернулся с пакетом. Кроме рубашки и тюрбана там было несколько коробочек. Я прикрыл все это и дважды выстрелил из ружья. Ответом на мою пальбу стал одинокий выстрел где-то рядом. Я оттеснил Линдсея и ирландцев в дыру, чтобы не портить представления. Вскоре показались Якуб с Халефом. Оба видели только меня и пакет на земле.

– Ты стрелял, сиди? – спросил Халеф.

– Да.

– Так ты нашел что-нибудь?

– Может быть. Якуб Афара, не хочешь ли ты поднять этот тюрбан?

Он нагнулся, взял тюрбан и вскрикнул от радости.

– Аллах-иль-Аллах, мои вещи!

– Да, это они. Пересчитай, все ли на месте.

– О господин, расскажи, как тебе это удалось!

– Не мне говори спасибо, а тому человеку, который находится в этой пещере. Халеф, выводи его оттуда!

Маленький хаджи углубился в грот, и оттуда раздался крик радости.

– Аллах акбар! Англичанин!

Пока они общались, я полез в дырку, чтобы осмотреть внутреннее убранство сего убежища. Я увидел изгибающийся длинный ход, а одна сторона настолько глубоко вдавалась в глубину горы, что хватало места даже для четырех лошадей Линдсея и его скарба. Убитую лошадь там, снаружи, присыпали щебнем, чтобы она не привлекала хищных птиц, поэтому я ее не увидел.

Якуб был счастлив, что вернулись его сокровища, но проявлял беспокойство, что преступник скрылся.

– Я много дам тому, кто поймает негодяя. Можно ли это организовать? – спросил он меня.

– Я бы на твоём месте успокоился на достигнутом.

– Но я был бы ещё радостнее, если бы преступника поймали!

– Ну что ж, дело это нехитрое...

– Что ты имеешь в виду?

– Неужели ты думаешь, что он не предпримет попытки вернуть упущенное?

– Но он же побоится приближаться к нам!

– Разве он знает, что мы здесь? Он так спешно бежал из Баальбека, что не заметил нашего приезда. Он наверняка вернется, считая, что с Линдсеем и слугой справиться ему не представит труда. И вот тут-то можно его схватить!

– Так и сделаем. Останемся здесь, пока не поймаем его.

– Но тогда нельзя показывать лошадей и самим появляться. Хавасы тоже должны исчезнуть. Лучше бы отправить их в деревню, в казарму. Им там будет хорошо – лучше бездельничать, чем работать. Часть лошадей тоже можно отправить в поселок и с ними кого-то присмотреть.

– Я займусь этим. Пойду к старосте или, скорее, к Коджа-паше, ибо Баальбек не деревня, а город, и обговорю с ним детали.

Он вскочил на коня и ускакал. Я бы мог заняться этим сам, но у Якуба были бумаги, к которым уважительно относился любой чиновник.

Выйдя из пещеры и оглядевшись, я не обнаружил никаких хавасов. Как я и подозревал, они никого не искали, а поехали в город и засели там в кофейне, разглагольствуя о том, как они ловят мошенников.

Настало время поведать о выпавших на нашу долю испытаниях, и я начал рассказывать Линдсею о своих приключениях.

– Я уже считал вас погибшим, – сказал он, когда я закончил.

– Почему?

– Мне об этом сообщили парни, которые меня захватили.

– Так что, вы были в плену?

– И еще как!

– У кого же?

– А, я пошел с рабочими копать, причем одного использовал как драгомана. Мы ничего не нашли, но ваш листок я нашел, когда вернулся. Мы пошли за вами и обнаружили канал Анана. Ну и глупость же это была с нашей стороны!

– Что именно – то, что вас поймали?

– Да. Мы лежали и спали...

– Дело было вечером?

– Нет, днем, и если бы хоть один проснулся, ничего бы не случилось. Они напали неожиданно. И прежде чем пошевелились, мы оказались связанными, а сумки – выпотрошенными.

– Много было у вас с собой денег?

– Нет, не особенно, мы же собирались возвращаться в Багдад.

– А кто были эти парни?

– Арабы. Они заявили, что принадлежат к племени шат.

– Так это те самые, что спасались от нашей заразы!

– Может быть. Мы какое-то время оставались среди развалин, голодали, потом двинулись в путь.

– Куда же?

– Даже не знаю. Куда глаза глядят. Они требовали от нас золота, требовали, чтобы я написал письмо своим в Багдад и попросил 20 тысяч пиастров. Я написал Джону Логмэну, но дал понять, что они вымогают. Он ответил, пусть они приезжают через три недели, у него сразу столько денег нет.

– Ну и в опасный переплет вы попали!

– Да нет, все обошлось. Нас подвезли поближе к Багдаду, и мы расположились на границе проживания какого-то другого, недружественного племени. Один отряд встретился нам по пути, и произошла стычка. Они победили наших, а нам удалось сбежать в Багдад. Когда-нибудь я расскажу все это подробнее.

– Вы нас там искали?

– Да. Я узнал, что вы поехали к хаддединам. Что мне оставалось делать? Ехать к вам и ирландцам. О путешествии по воде не могло быть и речи, я продал яхту, без дела лежавшую на берегу. Взял человека, говорящего по-английски, и отбыл с курьерской скоростью. Вот это была скачка! Под Селамией мы перебрались через Тигр и продолжали искать вас. Но хаддединов не обнаружили. Они уехали, а вы погибли.

– Кто это сказал?

– В Абу-Салмане были убиты какие-то иностранные путешественники, а подумали, что это вы. Но мне верить все же не хотелось, и я поехал в Дамаск. Там снова отослал переводчика назад и пробыл там три недели, целыми днями шатался по улицам. Если бы вы жили в христианском квартале, мы бы точно встретились. Если хотите, мистер, могу рассказать подробнее...

– Нет, спасибо, сэр. Но вы проявили мужество, путешествуя из Багдада в Дамаск!

– Да что вы, мистер! А вы поступили бы иначе?

В этот момент через отверстие на выходе мы увидели группу всадников, проскакавших мимо. Они ехали по дороге, по которой мы приехали, и, приглядевшись, я узнал в них хавасов.

Что они задумали? Почему направлялись не к циклопической стене, куда им приказали, а в другую сторону? Это нужно было срочно выяснить, потому, как ювелир вернулся из города и привез с собой Коджа-пашу. Это был достойный человек, внешность которого внушала уважение.

– Салам! – поздоровался он, входя в пещеру.

– Алейкум! – ответили мы.

– Меня зовут Коджа-паша из Баальбека, и я приехал, чтобы вас поприветствовать и выкурить с вами трубку.

Он забрался под покрывало и достал чубук. Линдсей тут же поднес ему табак и огня.

– Мы рады видеть тебя, эфенди, – начал я. – Ты разрешишь нам провести некоторое время на твоих землях?

– Оставайтесь сколько пожелаете, я прочитал послание этого человека и готов помочь вам, чем могу. Правильно ли я сделал, отослав хавасов обратно в Дамаск?

– Ты вернул их?

– Я узнал, что они бездельничают в кофейне. Разве такие люди могут поймать опытного вора? Кроме того, Якуб Афара сообщил мне, что они не слушаются и требуют бакшиш за работу, которую обязаны выполнять по долгу службы. Я отослал письмо, чтобы их наказали. Аллах наказывал поддерживать порядок на земле!

То был пример честной службы – редкий случай в наше время. В разговоре с нами он сожалел, что не во всем может нам помочь, но мы просили его лишь соблюдать служебную тайну.

– Хорошо, что вы попали не к другому паше, – сказал он. – Знаете, что бы он сделал?

– Что же?

– Он бы забрал у вас золото и камни, чтобы разобраться, кому они принадлежат. Ведь нужно еще доказать, имел ли место факт воровства, кто воры и кто пострадавшие. На все это ушло бы много времени, и утекло бы немало воды, не говоря уже о преступнике.

Он был прав. Якубу крупно повезло, что он напал на такого хорошего человека. Коджа

попросил нас доверить ему наших лошадей, но привести их поодиночке, чтобы исключить случайности, а потом удалился, не забыв предупредить об опасных подземных галереях и ходах, где ничего не стоит заблудиться и покалечиться.

Якуб уже оставил свою лошадь у Коджа-паши. Мы расседлали своих и отправили их в город одну за другой. Городок этот маленький и мало чем выделяется среди руин. Жители прядут нити из шелка, городок славится красивыми лошадьми и покладистыми ослами. Дом бургомистра, по нашему мнению, был одним из лучших зданий, а осмотр стойла, где содержались наши лошади, полностью нас удовлетворил.

Мы посидели некоторое время, а потом я вернулся, но не той дорогой, которой ехал в город. Один человек, попадись он на глаза вору, не вызвал бы никаких подозрений, и поэтому я медленно брел по развалинам, предаваясь собственным мыслям.

Какое гигантское различие между разумом, породившим все это великолепие и сдвинувшим эти глыбы камня, и тем, что построил жалкие домики на руинах бывших дворцов!

Между колоннами грелись на солнце змеи, с любопытством глянула на меня ящерка, а высоко в небе завис сокол, высматривая добычу.

Но стоп! На какое-то мгновение мне показалось, что вдалеке мелькнула человеческая фигура – быстро, почти неуловимо, как облачко. Наверняка мираж, но я все же пошел туда, где видел эту тень.

За двойной колонной открылось тоннелеобразное углубление, пробудившее во мне острое любопытство. Что там, внутри этого хода, где при свете факелов совершались жертвоприношения Ваалу? Несколько шагов внутрь явно не повредят. Если пройти немного, пока солнечный свет проникает внутрь, то вряд ли случится что-то непредвиденное...

Я вступил в темноту и сделал несколько шагов. Проход был настолько широк, что рядом могли встать четверо. Потолок выгибался дугой, а воздух был чист и сух. Фантазия у меня разыгралась – я представил себе, что там, внизу, меня уже поджидают жрецы, чтобы схватить и принести в жертву Молоху.

Я решил вернуться к выходу. Какие разные эти два мира – свет и тьма! Но что это? Что-то зашуршало сзади. Я хотел обернуться, но в этот момент получил сильный удар по голове. Я еще помнил, как зашатался и вытянул руку в сторону человека, нанесшего удар... Потом все стало темно.

Сколько я лежал без сознания – неизвестно. Оно возвращалось медленно и неохотно, и понадобилось время, прежде чем я вспомнил, что предшествовало этим событиям. Я лежал на земле, ноги и руки были связаны. Где я находился? Тишина и молчание окружали меня, но прямо передо мной мерцали какие-то два круглых пятнышка. Они то появлялись, то исчезали. Это были два глаза, два уставившиеся на меня глаза с веками, которые то открывались, то смыкались. Это были человеческие глаза.

Кто был этот человек? Несомненно, тот, кто нанес мне удар. Я хотел заговорить с ним и спросить, за что он меня ударил.

Но он заговорил сам.

– А, вот ты и очнулся! Теперь я могу говорить с тобой.

О небо! Я знал этот голос! Тот, кто однажды слышал его, навсегда должен был запомнить этот холодный надменный тон. Этот человек был не кто иной, как Абрахим-Мамур, которого мы ловили. Нужно ли было отвечать ему? А почему бы и нет? Здесь, в темноте, я был лишен возможности дать ему понять, что молчу не из страха, а из презрения. Я знал, что меня не ждет ничего хорошего, но решил держаться.

– Теперь я могу говорить с тобой, – повторил он, и я понял, что он приложит максимум усилий, чтобы я помучился как можно сильнее.

– Говори же, – сказал я коротко.

– Ты знаешь меня?

– Да.

– Не думаю, откуда тебе знать.

– Мои уши подсказали мне, Абрахим-Мамур!

– Надо же, действительно знаешь! И узнаешь еще больше. Помнишь Египет?

– Да.

– Гюзель...

– Да.

– Водоворот не проглотил меня тогда, когда я свалился в бушующие воды нильского порога. Аллах решил, что я должен отомстить.

– Я спас тебе жизнь. И Аллах видит, что я не боюсь твоей мести.

– Ты думаешь? – спросил он зловеще. – Тогда зачем он отдал тебя в мои руки? Я искал тебя тогда в Каире, но не нашел. А тут, в Дамаске, нашел, хотя совсем не искал...

– И скрылся от меня. Абрахим-Мамур, или как тебя там, Дауд Арафим, ты трус!

– Замолкни, скорпион. Я лев, который сожрет тебя! Я знал, что ты меня выдашь, поэтому бежал – я не хотел, чтобы ты свел на нет всю мою работу. Вы преследовали меня и все отняли. Я отомщу. Можешь не рассчитывать на то, что выйдешь отсюда живым! А камни я себе верну.

– Ну, давай, действуй!

– Да, я буду действовать. Я принесу их сюда и покажу тебе, поэтому я тебя и не убил сразу. Но убью обязательно, ибо ты повинен в тысяче бед, выпавших на мою долю. Ты отнял у меня Гюзель, благодаря которой я мог бы стать лучшим человеком. Ты вновь бросил меня в пучину, из которой я только-только выбрался, и ты заплатишь за это. Ты умрешь, но не сразу, не от ножа и не от пули, а от миллиона болей. Голод сгложет тебя, а жажда выпьет твои соки, душа твоя испарится, как капля влаги в огненной пустыне!

– И что же ты медлишь?

– Не хабришься и не думай, что тебе удастся спастись. Если бы ты знал, на что я способен, ты бы умер от страха!

– Мне это не надо знать.

– О нет, ты узнаешь, чтобы последняя надежда оставила тебя, чтобы рука отчаяния сжала твое сердце. Чтобы ты понял, что ты обречен. Знаешь, кто такой чувалдар?

– Знаю – тот, что бросает свою жертву в мешке в воду, – ответил я.

Мне много рассказывали о чувалдарах, наводивших недавно ужас на жителей Константинополя.

– Знаешь ли ты, что чувалдары образуют семьи, которыми руководят старосты?

– Нет.

– Так знай, что я и есть такой староста.

– Лгун!

– Можешь не сомневаться. Разве в Египте ты не видел, насколько я богат? Откуда у меня, простого служащего, такие сокровища? Афрак бен Хулама из Адрианополя тоже засунули в мешок, ибо один из моих людей видел у него много денег. Мне доставили письма, которые он вез с собой, я вскрыл их осторожно и, увидев содержимое, решил вместо него отправиться в Дамаск и завладеть товарами – настало время ими воспользоваться. И тут появился ты, гяур, и мне пришлось довольствоваться немногим. Да разверзнет пред тобой шайтан огненную джехенну!

– Ты вновь потерял даже то немногое!

– Я получу это обратно, ты сам увидишь. Но то будет последнее, что ты увидишь на этом

свете! Я определю тебя в такое место, откуда нет выхода. Я его знаю, ведь я родился в Сорхеире. Мой отец жил в этих катакомбах, когда египетский паша набирал молодых мужчин в ряды своих воинов. Я был мальчишкой, и мы с отцом облазили здесь все, я знаю тут каждый темный уголок и знаю, где гнить твоему трупу, когда ты умрешь после долгих мучений.

– Аллаху оно тоже известно.

– Но Аллах тебе уже не поможет, гяур! Так же крепко, как держат тебя эти узы, так будет держать тебя пытка, которую я тебе придумал. Твоя смерть уже назначена!

– Но тогда скажи мне перед смертью, где же находится тот Баруд эль-Амасат, продавший тебе Зеницу в качестве рабыни?

– Ты этого никогда не узнаешь!

– Вот ведь какой трус! Если бы ты точно знал, что я здесь умру, ты бы спокойно мне об этом сообщил!

– Я молчу не поэтому, а потому, что ни одно твоё желание отныне не будет исполнено. А теперь молчи, я буду спать, ибо ночь потребует от меня новых сил.

– Ты не сможешь заснуть, твоя совесть никогда не позволит тебе это сделать.

– Совесть есть у гяура, верующий презирает это понятие!

По шелесту одежды я понял, что он укладывается. В самом ли деле он хотел спать? Быть не могло! Или это означало для меня начало пытки? Он хотел поиграть со мной, как ребенок с майским жуком на нитке?

Я внимательно следил за ним. Нет, он явно не хотел спать. Он прикрыл глаза, но когда приоткрыл их, сделал это без усилия и усталости, и я увидел круглые зрачки, уставившиеся на меня. Он явно соображал, хорошо ли я связан. Он стянул мне лодыжки и кисти рук – но впереди, так что я мог дотянуться до ног.

Ах, если бы у меня был нож! Но он выгреб все у меня из карманов. Какое счастье, что со мной были только нож и два револьвера. Если что случится, настоящее оружие достанется Халефу, а не этому ублюдку.

Но погибать не хотелось. Как бы избежать... Если немного пошевелить руками, можно попытаться забрать у него нож. Если бы мне это удалось и у меня было пять секунд, я был бы свободен.

С того момента, как я попал в пещеру, прошло уже много времени, и ему явно не с руки было убивать меня именно сейчас, чтобы моя смерть осталась незамеченной.

Я лихорадочно размышлял. Мог ли я незаметно придвинуться к нему и кончиками пальцев поискать в его сумке мой нож? Нет, это было нереально. Или броситься на него и задушить? Но я не мог связанными руками схватить толстое мужское горло. А что, если использовать в качестве орудия нож? Ударить по вискам... Тоже нельзя – для этого нужно было принять особое положение. Так что оставался нож – бросок к ножу, а без него делать было нечего.

Поэтому первым делом я попытался принять сидячее положение. Ни одна складка моей одежды не должна была зашуршать, я вынужден был закрыть глаза, чтобы по ним он не угадал расположение тела – как и я по его белкам понял, как он сидит.

После долгих усилий мне удалось принять полусидячее положение. Я немного приоткрыл глаза, чтобы поймать его взгляд: он по-прежнему глядел на меня. Едва он смежил веки, как мое правое колено оказалось у него на горле, а левое – на груди. Он рефлекторно схватился обеими руками за горло, чтобы освободить его, и это дало мне возможность связанными руками залезть в сумку. Я нащупал рукоятку ножа и выхватил его. Он почувствовал опасность, в которой оказался. Мощным рывком он сбросил меня и вскочил на ноги. С криком «собака, тебе не спастись!» он бросился на меня, но коснулся лишь кончиками пальцев. Я понял, что через долю секунды он ударит меня, и быстро нагнулся, отпрянув в сторону и ему за спину.

– Гяур, где ты? От меня не уйдешь!

Пока он искал меня не в той стороне, я смог сделать несколько надразов, чтобы освободить от пут ноги, и затем мне удалось отойти еще на несколько шагов. Я перевел дыхание. Несколько секунд на размышление!

Я скользнул к стене и прижался к ней. Что делать? Забраться поглубже в проход? Коджапаша говорил о страшных опасностях, таящихся в этих пещерах. Или сцепиться с ним, подмять под себя и вынудить показать выход? Нет, у него какое-то огнестрельное оружие; подмять его под себя, не убив, мне не удастся, а труп его меня отсюда не выведет.

Несколько минут прошли в абсолютной тишине. Он тоже затаился. Остался ли он на месте, подобрался ли ко мне или нет? В любой момент он мог броситься на меня. Но ведь эти подземные лабиринты не должны быть такими уж длинными! Я медленно двинулся по проходу, щупая носком ботинка пол, прежде чем ступить всей ногой. Я сделал, наверное, две сотни таких вот шажков, прежде чем воздух стал немного свежее и более влажным. Теперь нужна была удвоенная осторожность! И действительно, через пять шагов пол резко оборвался. Я лег и ощупал край. Круглая дыра занимала почти весь проход. Колодец! И сейчас в нем была вода, о чем свидетельствовал влажный воздух. Кто знает, как он глубок? Попавший туда уже никогда не вернется! Диаметр колодца должен был составлять около трех локтей. Я мог бы перепрыгнуть его, но не знал, что там, на другой стороне. Могло статься, что на той стороне колодца вплотную стоит стена, и тогда то был бы мой последний прыжок. Итак, в этой стороне спасения не было. Надо возвращаться. Дело плохо! Враг молчал как рыба. Был ли он настороже там, где я его оставил, ибо знал, что я вернусь? Или поверил в то, что я убежал? Или побежал к выходу и притаился там? Ясно было одно – стоять на месте нельзя. Я зажал нож зубами, лег на пол и пополз, опираясь на колени и подушечки ладоней и ощупывая кончиками пальцев пространство впереди.

Так я медленно, но все же продвигался вперед. Я насчитал около двухсот «ползков» коленями и должен был, по всем расчетам, оказаться там, где лежал раньше. На это понадобилось более часа. Еще через полчаса стена кончилась как справа, так и слева; пол же вел дальше.

Что это было? Справа и слева были углы, наверное, мой ход переходил в какой-то другой, шедший правее. А что дальше? Может, они образовывали здесь некий перекресток, на котором меня и подждал Абрахим-Мамур? Я напряженно вслушивался, но не мог уловить даже ничтожного звука. Мне захотелось выяснить, куда ведет мой прежний ход, и я пошел в этом же направлении дальше. Дыхание было нормальным, сердце билось не чаще обычного; нужно было соблюдать полное спокойствие.

Вскоре я убедился, что ход имеет продолжение. Но куда идти? Прямо или налево? Воздух был недвижимым, имел одинаковую температуру и влажность, темнота тоже была одинаково непроглядная. Я размышлял. Если Абрахим здесь, он наверняка стоит в той стороне, где находится выход, а если его здесь нет, значит, он занял позицию на самом выходе.

Возле найденного хода его явно не было, ибо там я нащупал углы стен. И я повернул налево. Не дюйм за дюймом, а миллиметр за миллиметром пробирался вперед; через десять минут я убедился, что его нет и здесь. Оставалось попробовать еще один путь – направо, и я двинулся туда.

Наверное, я уже добрался до середины перекрестка, как мне показалось, что я чувствую какое-то едва уловимое движение. Я напряг слух и сделал еще несколько шажков вперед. Я не ошибся. Это было тиканье карманных часов – моих, которые он забрал. Значит, я его обнаружил, здесь был путь на свободу. Но удастся ли мне выйти?

Интересно, какое положение он занял – лежал ли, сидел или стоял? Он наверняка понимал,

что ножом ему не воспользоваться, и готовился встретить меня огнестрельным оружием – то есть в руках у него было по моему револьверу. Надо думать, он умел с ними обращаться.

Мои руки действовали так же осторожно и тихо, как чувствительные щупальца полипа. Тиканье стало отчетливее, и вот кончиком среднего пальца я наткнулся на нечто. Оно находилось непосредственно передо мной. Ему нужно было только протянуть руку... В этой опасной близости прошло целых десять минут, прежде чем я удостоверился, что он лежит как раз поперек коридора. Перешагнуть? Выманить хитростью? Я выбрал первое – самое сложное, но и надежное. Чувствительные пальцы подсказали мне, что он забросил ноги одна на другую. Для меня это было лучше, чем, если бы он разбросал их. Я поднялся на ноги, выпрямился и занес ногу. Только бы он сейчас не повернулся! Момент был волнительный! Но мне удалось перенести ногу и подобрать вторую.

Самое тяжелое позади. Ползти больше не надо было. Чем дальше я уходил, тем спокойнее мне было, и тем быстрее я двигался. Скоро я шел уже обычным шагом, замечая, что в освещенности что-то изменилось, вернее, полной темноты уже не было. Затем я почувствовал ступени под ногами и стал подниматься. Становилось все светлее; я подошел к выходу, возле которого источал благоухание куст можжевельника, и выбрался наружу.

Слава Богу! Я свободен. Но я оказался на противоположной стороне храма Солнца! Теперь, чтобы поймать этого подлеца, нужно было поторапливаться – светило находилось уже у горизонта. И я помчался вокруг храма к нашей стоянке.

Меня встретили градом вопросов. Оказывается, меня долго искали, но безуспешно. Даже Коджа-паша предложил свои услуги по поискам.

Я рассказал о своем приключении, чем поверг моих друзей в большое волнение.

– Слава Аллаху! – вскричал Якуб. – Он наш! Пошли в пещеру, мы его поймаем!

Все схватились за оружие.

– Стойте! – крикнул Коджа-паша. – Подождите, пока я съезжу в город и приведу еще людей!

– Мы и так справимся, – возразил Халеф.

– Нет, – ответил Коджа. – У этих ходов свои секреты. Есть входы-выходы, о которых вы и не подозреваете. Нам нужно минимум пятьдесят человек, чтобы охватить все развалины.

– Нас целых девять! – настаивал Якуб. – А ты что скажешь?

Вопрос адресовался мне. Я счел необходимым действовать быстро; Линдсей – тоже.

– А как дела с освещением? – спросил я.

– Я принесу свет, – заявил Коджа-паша.

– Откуда, из города?! Слишком долго!

– Нет, тут поблизости живет один памукджи (красильщик хлопка). У него много всяких ламп.

Он убежал, а мы стали разрабатывать план действий.

И вход, через который я вошел, и выход, где я выбрался, нужно брать под наблюдение. При вещах тоже нужно кого-то оставить – минимум троих. На выходе достаточно одного, ведь мы пойдем вглубь и тем самым исключим его бегство в этом направлении. Но вот у двойных колонн, где я вошел, нужны двое. Значит, все же шестеро, вместе с охраной вещей. А остальные пойдут вниз ловить мерзавца.

Но как распределить роли? То, что пойду я, ни у кого не вызывало сомнений. Халеф умел красться, следовательно, и он тоже. Коджа-паша тоже должен идти по своей государственной должности. Четвертым вызвался Линдсей. Я отговаривал его, упрашивал остаться на вещах, но он не соглашался ни в какую, и я покорился. Оставались, таким образом, слуга Линдсея и Якуб. У двойных же колонн стояли ирландцы и слуга Якуба. Владельца лошадей Якуба мы не могли

задействовать – он был в городе при животных.

Я взял с собой пистолеты – единственное оружие, которое взял с собой, кроме ножа. Билл взял штуцер «генри», а Фред – двустволку. Потом все были разведены на свои посты. Прошло всего полчаса после моего выхода, как я снова стоял возле можжевельного куста. Коджа-паша и Линдсей несли лампы, пока не зажженные, а я шел с Халефом впереди. На ступенях мы разулись и двинулись вперед.

Я держал Халефа за руку. Он вытянул вбок свою правую, а я в свою очередь касался стены левой рукой, чтобы мимо нас никто не проскользнул. Плохо то, что сзади слышны были шаги Коджи, как тихо он ни старался красться.

Мы добрались до перекрестка двух ходов. Там я дал двум нашим сопровождавшим знак легким прикосновением оставаться на месте, а сам с Халефом лег на пол и пополз к тому месту, где в тот раз лежал Абрахим-Мамур. Мы договорились, что каждый из нас схватит его за руку, а потом мы его быстро свяжем.

Медленно и осторожно мы добрались до того места, но его там не оказалось! Может, он воспользовался каким-то другим, неизвестным нам ходом? Мы обследовали все вокруг. Ничего. Но он определенно должен быть где-то там, внизу. Мы вернулись к людям, что стояли на «распутье» и с напряжением ждали наших криков о помощи.

– Его здесь уже нет, – зашептал я. – Отойдите немного и зажгите лампы. Позаботьтесь о том, чтобы отблески не падали на другие проходы.

– Что будем делать, мистер? – спросил Линдсей.

– Мы обследуем все три хода.

– Без ламп?

– Да. Свет нас только подведет, поможет лучше прицелиться в нас; не исключено, что он нас уже заприметил.

– А если вы его встретите, а нас рядом не будет?

– Думаю, мы сами справимся.

Мы двинулись вперед, в тот самый ход, где я наткнулся на колодец. Мы охватили всю ширину прохода и сделали более двухсот шагов без особых предосторожностей, а потом пошли осторожнее. До отверстия в полу добрались, так и не встретив Абрахима. Потом вернулись, чтобы идти по второму ходу. Здесь следовало быть особо начеку. Медленно, крайне медленно ползли мы вперед, пока не достигли конца. Перед нами возвышалась несущая стена храма, и мы снова вернулись ни с чем.

В последнем проходе мы предприняли аналогичные меры предосторожности. Он был намного длиннее предыдущих и оканчивался глубокой ямой шириной как раз с проход. В третий раз нам пришлось вернуться!

Спутники с удивлением выслушали нас.

– Он наверняка еще здесь, – сказал Линдсей. – Да!

– Он мог сбежать, пока нас тут не было, после того как я вышел. Берите лампы. Давайте осмотрим колодец!

Мы пошли вниз влево и достигли конца хода. Колодец был очень глубоким – дна не было видно, сплошная чернота. Там, внизу, Абрахим прятаться не мог. Подойдя поближе, мы заметили ступени, причем верхняя располагалась так низко, что до нее сверху невозможно было дотянуться рукой.

– Будем спускаться? – спросил Коджа с некоторым сомнением в голосе.

– Конечно. Это единственный путь, которым он мог воспользоваться!

– А если он оттуда в нас выстрелит?

– Ты пойдешь сзади. Дай мне свет!

Мы стали спускаться. Я насчитал целых двадцать ступеней. Дальше шел очень длинный ход, единственный, ведущий под землю и оканчивающийся аналогичной лестницей, по которой мы и поднялись. Наверху мы снова оказались в каком-то коридоре. Стараясь не удаляться друг от друга, мы двинулись по нему. Он вел к перекрестку, похожему на тот, что мы уже видели. Нужно было посоветоваться. Обследовать оба хода поодиночке или вместе? Мы решились на второе. Линдсей с Коджой остались сторожить перекресток, в то время как мы с Халефом, взяв вторую лампу, отправились в проход. Он все ширился, становилось светлее. Мы помчались вперед и вышли на свет божий возле тех самых двойных колонн, где я в свое время уходил под землю.

Однако где же ирландцы, которых оставили на посту?

– Сиди, он здесь вышел, и они его схватили, – высказал предположение Халеф.

– Тогда бы они побежали к другому выходу сообщить. Пойдем, посмотрим!

Мы быстро направились к другому месту, оно тоже не охранялось, слуга Якуба покинул свой пост.

– Они отвели его в лагерь, – сказал Халеф. – Пойдем туда!

– Сначала заберем англичанина и Коджа-пашу.

Мы побежали обратно, туда, где оставили возле двойных колонн свои непотушенные лампы, а затем снова погрузились в темноту, чтобы вывести наших. Выйдя с ними на поверхность, мы загасили лампы и отправились в лагерь. Возле отверстия мы застали слугу англичанина и ирландцев, о чем-то оживленно беседовавших. Слуга-араб Якуба стоял рядом и ничего не понимал. Увидев нас, они подскочили и наперебой заговорили.

– Сэр, он убежал! – кричал Билл громче всех.

– Кто?

– Мастер Якуб.

– Куда же?

– Туда, где другой.

– Какой другой?

– Которого мы хотели поймать.

– Ничего не понимаю. Я думал, вы его схватили!

– Мы? Нет. К нам он не выходил. Мы думали, его схватил мастер Якуб, мы слышали, как он стрелял, и помчались ему на помощь.

– Почему же он тогда стрелял?

– Спросите вот его! – и он указал на слугу Линдсея, который находился при Якубе Афара.

Тот поведал нам вот что.

Они с Якубом сидели в лагере у отверстия в стене и вместе думали о том, что скоро преступника доставят на поверхность. Вдруг сзади них все затрепало. Обернувшись, увидели, что со сводов обрушились целые блоки. Они подумали, что рушится все сооружение, и в испуге отбежали. Когда все неожиданно прекратилось, они вернулись и собрались зайти внутрь, чтобы посмотреть на повреждения, как вдруг из отверстия позади них выскочил всадник – это был Абрахим-Мамур. Они в страхе отпрыгнули, и он использовал это, пустившись в галоп. Якуб быстро пришел в себя, схватил ружье, вывел из убежища вторую лошадь Линдсея и поскакал за беглецом, безуспешно дважды выстрелив ему вслед.

Как странно было слышать все это! Даже поверить трудно. Но, зайдя в отверстие, мы убедились, что рассказчик говорит правду. Первый взгляд я бросил на место, где лежал пакет, – он исчез. Двух лошадей Линдсея тоже не было, в том числе его отличной скаковой лошади.

– Ох! За ним! – кричал Линдсей и бросился к третьей лошади.

Я остановил его:

– Куда, сэр Дэвид?

– За этим парнем!

– А вы знаете, куда он поехал?

– Нет.

– Тогда будьте любезны остаться здесь, пока не вернется Якуб. Узнаем от него подробности.

– Сиди, что это? – спросил Халеф, протягивая сложенный вчетверо клочок бумаги.

– Где он был?

– Приклеен прямо на лошади.

Действительно, бумага была еще влажной. Она держалась на лбу лошади благодаря поту, и на ней было написано: «Я слушал и все слышал!» Вот это дела! Здесь, в убежище, у Абрахима явно не было времени написать это, он заготовил надпись раньше! Мы подошли к задней стене, и все сразу стало понятно. Этот ход не оканчивался здесь, а был только слегка присыпан. По стенам было сооружено некое подобие полок, на них навален мусор, так что оставалось много места, где мог проползти человек и подслушать все, о чем говорилось в помещении.

Об этом сооружении Абрахим-Мамур, вероятно, знал от своего отца. Наверное, он понял, что я от него улизнул, и устремился в этот ход, чтобы нас подслушать. Пока оба стража ценностей были снаружи, он прокопал немного хлама, тот рухнул, и бегство двух людей помогло ему воспользоваться лошадьёю и без борьбы завладеть ценностями. Этот субъект был, в самом деле, опасным типом! Англичанин принялся седлать своих лошадей.

– Это излишне, – сказал я ему.

– О нет, очень необходимо!

– Сегодня за ним нет смысла гнаться!

– А я хочу!

– Ночью? Вы же ничего не увидите!

– Да? В самом деле, но он же тогда улизнет!

– Давайте подождем.

Тут к нам подошел Коджа-паша.

– Эфенди, можно высказать предложение?

– Говори!

– Этот человек наверняка подается в горы, куда вы за ним не поедете. А у меня есть люди, которые знают там каждую тропу, до самого моря. Послать гонцов?

– Да, давай поступим так. Все будет хорошо оплачено.

– Куда мне направить людей?

– В портовые города, где он может воспользоваться кораблем.

– Итак, в Триполи, Бейрут, Сайду, Сур и Акку?

– Именно в эти пять городов – вор ни в коем случае не останется в стране. Ты дашь им сопроводительные письма?

– Непременно.

– Тогда присылай сюда людей, мы им выдадим деньги на расходы.

– Они все получают у меня, вы мне потом доплатите, давайте не будем тратить времени.

Честный человек поехал в город. Мы остались и занялись осмотром прохода, который проломил Абрахим. Для этого зажгли снова лампы, оставили слуг у вещей и полезли через щель.

Этот коридор был таким же длинным, как и тот последний, что мы обследовали, и вел он к тому же перекрестку, откуда мы с Халефом вышли к двойным колоннам. Все было просто, но мы разгадали загадку слишком поздно...

Через час снова появился Коджа-паша и с ним четверо всадников. Он снабдил их провиантом и деньгами, и каждому Линдсей выдал бакшиш, которым те явно остались довольны. Потом они уехали.

Только поздним вечером мы услышали снаружи цоканье усталой лошади. Выйдя, мы узнали Якуба Афара. Он слез с лошади, отпустил ее пастись, вошел внутрь и молча сел на землю. Мы тоже не задавали ему вопросов, пока он сам не начал:

– Аллах покинул меня! Он забрал у меня разум!

– Аллах не покидает храбрых, – возразил я ему. – Мы поймаем вора. Уже посланы гонцы в пять городов на побережье.

– О, как я благодарен вам! В этом не было бы нужды, если бы Аллах меня окончательно не покинул. Я почти его поймал...

– Где?

– Наверху, за деревней Джеад. Он в спешке взял не ту лошадь, я же скакал на коне английского эфенди. Моя оказалась сильнее, я был все ближе и ближе к нему, хотя он успел далеко ускакать. Мы мчались галопом на север и проскакали через Джеад. Я уже настолько приблизился, что мог дотронуться до него рукой...

– Ты не стрелял?

– Я не мог, ибо уже разрядил оба ствола. В гневе я чувствовал себя вдвойне сильным – я хотел сбросить его с лошади. Мы подъехали к ореховым деревьям. Он спрыгнул с лошади, забросил пакет за спину и помчался между деревьев. Я тоже спешил – на лошади там было не проехать. На земле он оказался проворнее. Он сделал дугу и вернулся на то место, где стояли лошади. Вскочил на мою и был таков.

– Какой ужас! И ты не пытался его догнать?

– Пытался, но стало темно. Я повернул обратно, спросил там, как называется деревня, и вот я здесь. Аллах да превратит камни, украденные у меня, в могильные камни для Абрахим-Мамура!

Несчастный Якуб во второй раз упустил свое сокровище, которое уже было у него в руках. Я высказал предположение, что Мамур держит путь в Триполи, раз поехал через Джеад. Мы могли бы пуститься за ним только утром, но это уже было бы бесполезно.

Еще больший гнев, чем Якуб, проявил Линдсей. Он был вне себя от возмущения, что этот подлец воспользовался его лучшей лошадейю.

– Я вздерну его! – заявил он.

– За что? За то, что он украл вашу лошадь? – спросил я.

– Да, и за это тоже.

– Но тогда вы должны будете повесить и Якуба Афара.

– Афара? За что?

– Ведь он забрал лошадь, а вор позаимствовал у него...

– Как это?

Мне пришлось переводить ему рассказ Якуба. Но этим я только подлил масла в огонь. Он скорчил такую рожу, какой я еще ни разу не видел, и закричал:

– Иметь такую лошадь и не догнать! Позор! Да!

Якуб понял, что речь идет о нем.

– Я куплю ему новую лошадь, – объяснил он.

– Что он говорит? – спросил англичанин.

– Он говорит, что купит вам новую лошадь.

– Он? Мне? Дэвиду Линдсею? Лошадь? Сначала я сержусь, что воришка похитил лучшую, потом я сержусь, что он ее не брал, а теперь он сердит меня тем, что хочет купить мне лошадь.

Бездушная страна. Надо возвращаться в добрую старую Англию. Здесь уже не осталось благоразумных людей!

Я поймал себя на том, что думаю о том же. До утра все равно нечего было делать, и мы легли спать.

Линдсей попросил Коджа-пашу нанять человека с двумя лошадьми, тот согласился и уехал. Потом мы заснули.

Вскоре после полуночи мы проснулись от возгласов. Снаружи стоял Коджа с нанятым мужчиной и лошадьми. Мы поднялись. Якуб оплатил заботу доброго служащего, и мы поехали, не лелея в душе приятные воспоминания о Баальбеке. Пока мы собирались, уже начало светать. Оставив позади зеленую равнину Баальбека, мы двигались по малопривлекательной местности, в которой, впрочем, попадались вкрапления виноградников. Вскоре мы были в деревне Джеад. Чужак здесь не ночевал, но человек, прибывший из Айн-Аты, сказал, что встретил одинокого всадника, ехавшего к этой деревне. В Айн-Ате мы узнали, что он действительно побывал здесь, встретился с кем-то и выведаль самый короткий путь на Триполи. Мы взяли с собой подходящего проводника и тут же поехали дальше.

Так, постоянно расспрашивая о преследуемом, мы поднялись вверх на восточные склоны Ливанских гор и спустились по западным, отдохнув немного только ночью. Свою поездку по известнейшим горам христианского мира я представлял себе явно иначе! Никогда больше не видать мне знаменитых роц ливанского кедра!..

Наконец, мы увидели светлую голубизну Средиземного моря. Внизу, у подножья гор, на берегу лежал Триполи, который арабы называют *Тараблус*. Сам город расположен в основном на некотором удалении от берега, а к морю выходит лишь портовая часть Эль-Мина, между первым и вторым раскинулись роскошные сады.

Подъезжая к городу, мы заметили, как в море вышел красивый парусник. Неужели опоздали? Мы пришпорили лошадей и припустили в Эль-Мину. Там я взял подзорную трубу и направил на судно. Оно было достаточно близко, чтобы я смог разглядеть его палубу, людей на ней. Один человек меня особенно заинтересовал... Я гневно топнул ногой. Рядом со мной стоял грязный турецкий матрос.

– Что это за судно? – спросил я.

– Машалла, парусник! – ответил он, презрительно оглядывая меня с головы до ног.

Немного в стороне я заметил лимандера (портового начальника), узнав его по знакам отличия. Ему я задал тот же вопрос и узнал, что это «Бутез» из Марселя.

– А куда он идет?

– В Стамбул.

– А еще какое-нибудь судно идет туда?

– Больше никакого.

Что же делать? Мы влипли. Англичанин ругался по-английски, ирландцы вторили ему, Якуб сквернословил по-курдски, а я помогал им всем. Но это нам не поможет!

– Надо ехать в Бейрут, там мы найдем корабль, следующий в Стамбул! – предложил я.

– Ты думаешь? – с надеждой спросил Якуб Афара.

– Я убежден.

– Но ты же хотел в Иерусалим!

– Для этого еще будет время. Я все равно не найду места, пока не смогу убедиться, что драгоценности вернулись к законному хозяину.

Халеф спросил меня, возьму ли я его с собой. Это подразумевалось само собой. А что Линдсей не оставит нас – об этом не приходилось и говорить. Якуб рассчитал своего владельца лошадей, Линдсей – своего. Были наняты новые лошади, и на следующий день наш караван

тронулся в путь.

Прибыв в порт, мы узнали, что там стоит на якоре американский парусник, собирающийся отбыть в Стамбул. Он был тяжеловат, но нам вполне подходил, если, конечно, не попадет в шторм. Мы договорились с капитаном. Прощайте, Ливанские горы! На этот раз я без сожаления расстаюсь с вами – до следующего раза.

Глава 7

В СТАМБУЛЕ

Двое сидели в комнате «Отеля де Пест» в Пера, пили знаменитый *рустер*, преподнесенный добродушным хозяином господином Тотфалуши, курили и откровенно скучали.

Выглядели они явно не для светского приема – о нарядах и глаженной одежде не могло быть и речи. Одежда одного человека с обожженным солнцем лицом и бурными руками бедуина состояла из высоких сапог, коричневых штанов, такой же куртки. Внешний вид другого был выдержан в серых тонах. Был заметен нос с видимым покраснением. Они пили и курили, курили и пили, сохраняя при этом молчание. Скука ли то была или просто они обдумывали какую-то важную проблему, которую трудно было выразить словами?..

Внезапно человек в сером открыл рот, тряхнул носом и закрыл глаза. Больше уже он противиться не мог: одна из его крупных мыслей высвободилась из плена и вылезла наружу.

– Мистер, что вы думаете о восточном вопросе?

– То, что в нем надо поменять знак с вопросительного на восклицательный, – таков был ответ «коричневого».

«Серый» снова закрыл рот, раскрыл глаза и скорчил мину, будто только что проглотил том большого формата в переплете из свиной кожи.

«Серым» был сэр Дэвид Линдсей, а «коричневым» – я. Для меня политика не представляла никакого интереса, а восточный вопрос тем более. Кто его задавал, пусть тот его и решает. «Больной человек на Босфоре», то есть Турция, – не мой пациент, я не изучал политическую медицину, чтобы его лечить.

Единственное, чему я радовался и чем интересовался, так это нашими делами, приведшими нас в Стамбул, правда, на сутки позже того парусника, за которым мы гнались. Едва мы ступили на берег, мой первый визит был на «Бутез», стоявший на якоре в Золотом Роге. Капитан принял меня с обезоруживающей улыбкой, присущей французам в самых разных ситуациях.

– Вы хотите осмотреть мое судно? – спросил он.

– Нет, капитан, мне нужно разузнать кое-что о вашем недавнем пассажире.

– Я к вашим услугам!

– В Триполи к вам на борт взошел один...

– Да, он был единственный.

– Можно поинтересоваться, под каким именем?

– Ах, вы полицейский?

– Нет, я просто немец, а человек, о котором я спрашиваю, украл в Дамаске у моего друга значительные ценности. Мы преследовали его, но опоздали с приездом в Триполи, он уже отплыл на вашем корабле. Плыть за ним мы смогли лишь из Бейрута. Это привело меня к вам на борт.

Капитан задумчиво потер лоб.

– Я сочувствую вашему другу, но не представляю, чем могу быть полезен.

– Этот мужчина сразу же сошел с корабля?

– Сразу. И он тут же позвал на корабль хаммаля (носильщика), и тот взял вещи – это был только сверток. Я узнал бы этого хаммаля. А человека звали Афрак бен Хулам.

– Это вымышленное имя.

– Может быть. Зайдите как-нибудь на борт. Я обещаю показать вам этого хаммаля, когда он окажется рядом.

Я ушел. Друзья ждали на берегу. Якуб Афара собирался отвести нас в дом своего брата. Ни я, ни Линдсей не предполагали воспользоваться его гостеприимством, но познакомиться все же следовало. Мафлей, крупный торговец, жил вблизи Ени-Джами, Новой мечети, и внутреннее убранство его дома отнюдь не говорило о величине его богатства. Нас, не спрашивая ни о чем, провели в селамлык, где мы какое-то время прождали хозяина.

Вначале он удивился столь многочисленным гостям, но когда узнал брата, то забыл предрассудки, предписываемые исламом, бросился к нему и обнял.

– Машалла, брат мой! Не обманул Аллах мои глаза?

– Ты видишь все верно, брат!

– Тогда да восхвалим Аллаха за его подарок – твой визит и приход твоих друзей! Ты по делам в Стамбуле?

– Поговорим об этом позже. Исла, сын твоего сердца, здесь или в разъездах?

– Он здесь. И его душа возрадуется при виде тебя!

– Он сейчас порадует. Позови его!

Прошло несколько минут, и Мафлей вернулся. Он привел с собой Ислу бен Мафлея. Когда тот появился, я отошел немного в сторону. Молодой человек сначала обнял дядю, а потом огляделся. Взгляд его упал на Халефа, и он его сразу же узнал:

– О Аллах! Хаджи Халеф Омар-ага, ты ли это? В Стамбуле! Приветствую тебя, слуга и защитник моего друга! Вы с ним расстались?

– Нет.

– Так он тоже в Стамбуле?

– Да.

– А почему же он не пришел?

– Оглянись!

Исла обернулся и в следующий миг заключил меня в объятия.

– Эфенди, ты просто не представляешь, как я рад тебя видеть! Отец, посмотри на него! Это Кара бен Немей – эфенди, о котором я тебе столько рассказывал, а это Халеф, его слуга и друг.

Далее произошла сцена, от которой загорелись глаза даже у выдержанного англичанина. Забегали слуги, доставляя трубки и кофе. Мафлей и Исла быстренько закрыли магазин, чтобы посвятить день только нам, и вскоре все мы удобно разместились на подушках.

– Но как же ты встретился с эфенди, дядя? – спросил Исла.

– Он был моим гостем в Дамаске. Мы встретились в степи и стали друзьями.

– А почему ты не привез приветы от Афрака бен Хулама, внука моего дяди?

– Приветов нет, а вот сообщить есть что.

– Сообщить? И без приветов? Что-то я не понимаю.

– Прибыл тут со мной один Афрак бен Хулам, вот только не настоящий.

– Аллах иль-Аллах! Как это? Мы же дали ему с собой письмо! Разве он его не передал?

– Да, я его принял, как и положено, дал ему кров и стол, пустил его в сердце, а он в благодарность украл мои бриллианты.

Оба родственника враз онемели от ужаса. Затем отец вскочил с криком:

– Ты лжешь! Человек, в жилах которого течет наша кровь, не мог так поступить!

– Согласен, – сказал Якуб. – Тот, кто передал мне твое письмо и назвался Афрак бен Хуламом, был чужой.

– Ты полагаешь, что я могу передать незнакомцу письмо для тебя?

– Это был чужак. Раньше его звали Дауд Арафим, потом он присвоил себе имя Абрахим-Мамур, а сейчас...

Тут вскочил Исла.

– Абрахим-Мамур? Где он? Где ты его видел?

– В собственном доме, он жил и спал там, я доверил ему свои сокровища на миллионы, не подозревая, что этот Абрахим-Мамур – ваш смертельный враг.

– Аллах керим! Моя душа каменеет, – сказал отец. – Сколько несчастий принесло мое письмо! Но как оно попало ему в руки?

– Он убил настоящего Афрак и забрал письмо. Прочтя его, он решил под его именем ехать ко мне и завладеть всеми товарами. Только этому эфенди я обязан тем, что этого не произошло.

, – И что же ты сделал с ним?

– Он сбежал от нас, мы охотились за ним. Вчера он прибыл сюда на французском паруснике, а мы добрались только сегодня.

– Я сейчас разберусь с этим французом, – проговорил Исла, поднимаясь.

– Я уже был там, – сказал я, – вор давно покинул корабль, но капитан был с нами любезен. Он пригласит меня, если найдет носильщика, помогавшего Афраку.

– Все это очень горькие известия, но расскажи всю историю подробнее, – попросил брат.

Якуб поведал в подробностях наши приключения, и Мафлей решил сразу же бежать к судье, чтобы поднять на ноги весь Стамбул в поисках убийцы и преступника. Он мерил селамлык шагами, метался как лев в клетке. Исла тоже был возбужден до предела. Когда кровь в жилах немного успокоилась, вернулся и рассудок, необходимый для того, чтобы принимать хладнокровные решения.

Я советовал им не привлекать для поисков полицию, надеясь, что кому-то из нас посчастливится напасть на след преступника. Моего совета послушались.

Когда мы с Халефом и англичанином собрались уходить, Мафлей и Исла ни за что не хотели нас отпускать. Они настаивали, чтобы мы во время пребывания в Стамбуле непременно были их гостями. Чтобы никто не мешал, нам предоставлялся в полное распоряжение садовый домик. Мы согласились.

Дом стоял в глубине сада, там было все очень удобно расположено, и мы были вольны вести себя по нашему разумению, не угнетая себя соблюдением обычаев Востока. У нас было достаточно времени отдохнуть и обсудить план дальнейших действий. Найти человека в Константинополе было делом практически невыполнимым. Оставалось положиться на случай и начать прочесывать город во всех направлениях.

На третий день нам обернулось счастье – пришел хаммаль, сказавший, что встречался с капитаном, и тот прислал его к нам.

Я спросил его о пассажире, груз которого он перенес на берег, и он вспомнил, что тот приказал нести пакет в один из домов – какой точно, он мог бы вспомнить – и взялся проводить меня туда. В доме жил некто, кто вспомнил – да, действительно, в означенное время у него останавливался человек, он интересовался покупкой дома. Хозяин водил его показывать разные дома, но тому ни один не подошел, и они расстались, причем этот «покупатель» не оставил никаких координат.

Это все, что мне удалось узнать. Но на обратном пути у меня произошла весьма интересная встреча, хоть немного вознаградившая меня за предыдущие неудачи. Я зашел в кофейню, чтобы выкурить трубку и выпить чашку кофе, и едва уселся на подушку, как услышал на чистом немецком:

– Оп-ля! Быть того не может! Вы ли это или я обознался? Я повернул голову и увидел бородатое лицо, которое, без сомнения, было мне знакомо, но кто это – я никак не мог вспомнить.

– Вы это мне? – спросил я.

– А кому же еще? Вы меня больше не признаете?

– Наверное, я вас знаю, но прошу вас, помогите немного моей ослабевшей памяти!

– Забыли уже Хамсада аль-Джербаю, который пел вам на Ниле песню о ямщике и с которым потом...

Я вспомнил!

– Борода помешала признать вас. Бог вам в помощь, садитесь рядом. Есть время?

– Больше чем достаточно, если вы согласитесь оплатить мой кофе. Я немного, так сказать, поиздержался.

Он подсел ко мне поближе, и мы смогли разговаривать, не опасаясь, что наш разговор на немецком окажется понятным кому-то из местных.

– Расскажите, как вы дошли до жизни такой, мы ведь с вами столько не виделись!

– Как дошел? Этот Исла бен Мафлей, которому я служил, уволил меня, потому что я ему больше не был нужен. Так я попал в Александрию, а потом с одним греком на Кандию, а оттуда матросом в Стамбул, и вот я здесь.

– В качестве кого?

– В качестве всех. Как посредник, как проводник, как чернорабочий и помощник. Но никому я уже не нужен, все справляются без меня, вот я и гуляю голодный, а кишки ноют и поют. Вот я и понадеялся, господин, что, может, вам на что сгожусь. Ведь помните, как тогда, на Ниле...

– Посмотрим. А почему вы не обратились к Исле бен Мафлею? Он ведь в Стамбуле.

– Покорно благодарю. Знать его не желаю. Он обесчестил меня, сделал больным, развалиной, не доставлю ему такое удовольствие!

– А я живу у него.

– О, это плохо, значит, я не смогу вас навещать.

– Но ведь вы посещаете не его, а меня!

– Если бы так... В его доме ноги моей не будет ни при каких обстоятельствах, но вам я бы хотел послужить.

– Есть такая возможность. Вы помните такого АбрахимМамура, ну, того, у которого мы забрали девчонку?

– Помню отлично. Его звали Дауд Арафим, он ускользнул тогда...

– Так вот, он в Константинополе и я его разыскиваю.

– То, что он здесь, мне хорошо известно. Я его видел.

– Да? Где?

– Наверху, в Димитри, но он меня не узнал.

Я знал, что Ай-Димитри и Татавола, Енима и Ферикей считались самыми дурными кварталами в городе, и поэтому спросил:

– А вы часто там бываете?

– Очень часто. Я там живу.

Теперь я знал достаточно. Этот брадобрей из Ютербога осел во владениях греческого сброда Димитри, ставших одним из крупных кварталов Стамбула. Преступники там чувствуют себя дома, как в соответствующих районах Нью-Йорка или Лондона. Появляться там опасно не только вечерами, но и днем, когда, то справа, то слева открываются двери в маленький ад, где происходят оргии или являются миру такие страшные болезни, о которых и подумать страшно.

– В Ай-Димитри? – переспросил поэтому я. – А лучше места вы не могли найти?

– Мог, но там так хорошо, когда есть деньги! Столько удовольствий!

– Когда вы встретили Абрахим-Мамура, вы какое-то время его там наблюдали? Мне очень надо выяснить, где он поселился.

– Я не следил за ним, поскольку был рад, что он меня не признал. Но мне известен дом,

откуда он вышел.

– Не соблаговолите ли вы показать мне его прямо сейчас?

– С удовольствием.

Я оплатил кофе и трубки, мы наняли двух лошадей и поехали через Пера и Тепе-Баши в Ай-Димитри. Говорят, что Копенгаген, Дрезден, Неаполь и Константинополь – самые красивые города Европы. Я согласен с этим утверждением, но с одной оговоркой относительно последнего – этот город красив только тогда, когда смотришь на него со стороны Золотого Рога; что же касается его нутра, то тут несложно впасть в разочарование. Я вспомнил байку об одном английском лорде, о котором рассказывали, что он, якобы, прибыл в Константинополь на яхте, но не покидал корабля, а проплыл по всему побережью от Радоста на северном берегу Мраморного моря до Стамбула, зашел в Золотой Рог, вернулся в Босфор и прошел в Черное море, уверенный в том, что получил полное впечатление о городе. Если же углубиться в город, то попадешь в кривые извилистые улочки и переулки, которые и улицами-то нельзя назвать. Мостовые встречаются крайне редко. Дома построены главным образом из дерева и являют улице свои тыловые, без окон и дверей, стороны. На каждом шагу натыкаешься на злых, облезлых собак, которые здесь стали главной заботой дорожной полиции, и постоянно держишь ухо остро, чтобы не попасть под колеса мчащейся упряжки или не вляпаться в лошадиный или ослиный навоз.

Так было и на нашем пути в Ай-Димитри. Улочки были завалены мусором – рыбными очистками, гниющими овощами, повсюду валялись дынные корки, рядом с мясными лавками в лужах стояла кровь; трупы лошадей, собак, кошек, крыс дополняли картину и источали такой аромат, что передать его составляющие просто невозможно. Стервятники и собаки были единственными санитарами на этой гигантской помойке. Изредка попадались рабочие и носильщики, ворочавшие грузы, иногда – осел и на нем толстый задумчивый мусульманин или повозка с женщинами, запряженная мулами...

Наконец нам удалось добраться до Димитри. Здесь мы слезли с коней и вернули их аджису – владельцу. Ютерборжец показал мне свое жилище, оно располагалось с задней части какого-то углого домика и скорее напоминало загон для коз, нежели человеческий дом. Дверь состояла из склеенных картонных листов, окном служила просто дыра в стене, на стене висел косою умывальник, над которым свил паутину паук, над драной оттоманкой был прибит осколок зеркала.

Я безмолвно оглядел эту хибару, и мы вышли на улицу. Бородач отвел меня в дом, внешний вид которого не обещал ничего хорошего, а внутреннее убранство только подтверждало догадку. Это была одна из греческих пивных, где жизнь человека не ценится ни в грош, а жизнь людей, там пасущихся, не подлежит никакому описанию. Не задерживаясь в зале, бородач провел меня в заднее помещение, где резались в карты и курили опиум. Курильщики лежали в разных стадиях готовности на подушках, уложенных вдоль стен и засаленных до невероятности. Какой-то человек занимался тем, что подбавлял зелья в трубки. Он был худ как скелет, глаза горели от возжеления, а руки дрожали. Рядом лежал молодой человек лет двадцати в состоянии протрации. Он улыбался блаженно, находясь, наверное, на седьмом небе. Он был уже в когтях опиума, откуда не бывает выхода. Рядом с ним расположился длинный тощий далматинец, бьющийся в пароксизме курильщика, а подле него скорчил непередаваемую гримасу какой-то случайный дервиш, нашедший эту дыру, чтобы отдать все свои жизненные силы призрачным картинкам дымного наркоза.

– Вы тоже курите? – спросил я своего проводника.

– Да, – признался он, – но немножко.

– Бог мой, так у вас еще есть шанс бросить это дело. Разве вы не ведаете, как все это плохо

и безысходно?

– Плохо? Что вы понимаете! Наоборот, чудесно! Хотите попробовать?

– Что-то не тянет. А выпить здесь есть что?

– Вино. Я закажу. Ваше дело.

Мы получили по бокалу красного греческого, кислый вкус которого не так чувствуется, когда сознаешь, как дорог крупноягодный греческий виноград. В этом доме бывал Абрахим-Мамур. Я поинтересовался у хозяина, но поскольку не мог раскрыть ему всех карт, так и не получил удовлетворительного ответа.

По этой причине я попросил бородача быть постоянно начеку и сразу дать мне знать, как только он заметит Мамура. Я снабдил его некоторой суммой и распрощался, но не ушел из этого притона, поскольку мой напарник остался сидеть с игроками и мог спокойно проиграть половину суммы, а другую прокурить. Я хотел хоть ненадолго вернуть этого человека к нормальной жизни.

На следующий день была пятница, и Исла, у которого были дела в Пера, предложил мне поехать с ним. На обратном пути нам попало похожее на мечеть здание, расположенное недалеко от русского посольства и отделенное от улицы решеткой. Исла остановился и спросил:

– Эфенди, ты когда-нибудь видел танцующих дервишей?

– Вообще-то да, но не в Константинополе.

– Это их монастырь, здесь они упражняются. Войдем? Я не имел ничего против, и мы через настежь открытую калитку ступили на выложенный мраморными плитами двор. Левая часть была обнесена еще одной оградой и представляла собой кладбище. В тени темных высоких кипарисов стояли белые надгробия с тюрбанообразными навершиями. На одной стороне камня было выбито имя погребенного и фраза из Корана. Для многих турецких женщин кладбище – место для послеобеденных прогулок, и куда ни брось взгляд – везде видны были белые накидки и цветные одеяния. Турки любят навещать места вечного кейфа...

Заднюю часть двора занимал круглый павильон с куполом, а правую половину – сам монастырь, одноэтажный, с куполообразной крышей, задняя стена которого выходила на улицу.

В центре двора стоял высокий стройный кипарис. В самом дворе было полно народа, все стремились попасть к павильону. Но Исла повел меня в монастырь, чтобы показать внутреннее убранство турецкого дома дервишей. «Дервиш» – персидское слово и означает «нищий». Дервишами называют членов исламского религиозного ордена. Таких орденов существует множество, но их приверженцы не дают никаких обетов – ни бедности, ни целомудрия, ни повиновения. Монастыри дервишей богаты всевозможными земельными наделами, малыми предприятиями, лавками, магазинчиками, и вообще турецкие духовники не страдают от чрезмерной бедности. Монахи в большинстве своем женаты и не чураются еды, питья, сна, игр, курения и безделья. Раньше дервиши еще играли какую-то роль в религиозном движении, сегодня значение их упало, и только праздный люд интересуется их необычными представлениями, делающими их похожими на волшебников.

Параллельно зданию монастыря шел проход. Туда выходили кельи дервишей; окошки их были обращены во двор. Дверей не было, и из прохода можно было заглянуть в любую комнатенку. Внутри все было примитивно: маленькие подушечки у стен. На них и сидели дервиши в своих похожих на сахарные головы уборах – точно таких, какие носят в наших цирках клоуны. Одни курили, другие наводили туалет для предстоящего танца, третьи просто сидели без движения, погруженные в себя, как статуи.

Отсюда мы направились в павильон, где сначала вступили в четырехугольный зал, а затем – в основной, восьмиугольный. Крышу поддерживали по бокам тонкие высокие колонны, а заднюю стену составлял ряд огромных, раскрытых настежь окон. Паркетный пол был натерт до

блеска. Два ряда кресел амфитеатром шли вдоль всех восьми стен зала. Верхние, позолоченные, предназначались для женщин. Совсем вверху было также место для хора. Все кресла были уже заняты, нам досталось место в нижнем ряду.

Комедия божественного содержания началась. Через главную дверь вошли тридцать дервишей. Впереди вышагивал предводитель, старик с седой бородой, в длинном черном одеянии, все остальные были одеты в коричневые балахоны, но на головах у всех были высокие конические шапки. Они трижды медленно обошли зал, а затем уселись на полу – предводитель напротив выхода, остальные справа и слева полукругом. Зазвучала музыка, резанувшая мне по ушам, и песня, которая, по немецкой поговорке, размягчила бы камни и свела бы с ума людей.

Под эти напевы дервиши сделали несколько движений – они клонились со сложенными под себя ногами вправо и влево, вперед и назад, вертели верхней половиной тела как хотели, извивались, делали движения головой, падали плашмя на землю.

Это была первая часть празднества, длившаяся около получаса. Музыка и песни стихли, и дервиши замерли на своих местах. На меня все это не произвело никакого впечатления, турки же все превратились в зрение и слух.

Музыка началась снова, в еще более диком темпе. Дервиши вскочили, сбросили балахоны и остались в белых накидках. Они начали новый танец, за который, собственно, и получили название «танцующие дервиши».

Его можно было назвать не танцем, а вращением. Каждый, оставаясь на месте, вращался вокруг своей оси, стоя на одной ноге. Руки они скрещивали на груди или же простирали перед собой – то вправо, то влево, а то и вперед. Музыка играла все быстрее, и дервиши вертелись все стремительнее. Мне пришлось даже закрыть глаза, чтобы не закружилась голова. Так длилось полчаса, потом один за другим они опустились на пол. Комедия закончилась. Действие она на меня произвела странное – больше смотреть на это не хотелось. Всем же остальным она очень понравилась.

Исла, заглядывая мне в глаза, произнес:

– Понравилось, эфенди?

– Мне чуть не стало дурно, – ответил я двусмысленно.

– Ты прав. Не знаю, как посмотрел бы Пророк на такие упражнения, и вообще насколько все его учение годится для страны османов.

– И это говоришь ты, мусульманин?

– Эфенди, – шепнул он. – Зеница, моя жена, – христианка!

Этим он сразил меня наповал. Храбрая женщина, душа дома – носительница высокой культуры и подлинного божественного сознания! В таком окружении!

Когда мы шли через двор к выходу, я почувствовал на плече чью-то руку и обернулся. Молодой человек, подбежавший ко мне, стоял, улыбаясь.

– Омар бен Садик! Не ожидал тебя здесь увидеть!

– Спасибо Аллаху, что дарит мне возможность видеть тебя! Моя душа стремилась к твоей сотни раз с тех пор, как мы так быстро расстались.

Это был Омар, сын того самого Садика, который вел меня с Халефом через Шотт Джерид и был убит Абу Эн-Насром.

– Как ты попал в Стамбул и что делаешь здесь? – спросил я его.

– Разве ты не видишь, что я хаммаль? Пойдем в кофейню, и я тебе там все расскажу!

Исла бен Мафлей уже слышал о наших тунисских приключениях в Египте и знал имя Омара. Он тоже обрадовался, увидев юношу, и пошел с нами в первую попавшуюся приличную кофейню.

Здесь я узнал долгую историю преследования Омаром своего кровного врага – Абу Эн-

Насра.

Счастье улыбнулось ему лишь в Каире – он увидел Эн-Насра на площади Мехмета Али. Он шел за ним по бульвару того же названия до Эсбекие, но упустил из виду. После долгих поисков опять узрел его в порту, но в тот момент, когда Абу эн-Наср садился на пароход, уходивший на север, раис задержал Омара для взимания штрафа, и опять Эн-Наср ушел от возмездия.

Снедаемый жаждой мести, Омар вынужден был признать, что смертельный враг вновь скрылся, но арабский шейх, которому он поведал свою историю, подарил ему скакуна, чтобы тот следовал за судном по берегу. Так он скакал через Терране, Гизу, Надир, Негиле и Дахари до Розетты, но неожиданно понял, что судно пошло по другому рукаву – Дамьетте. Он помчался туда, но преследуемый уже пересел на баржу с зерном и уплыл в Адалию. Омар остался совсем без средств и, чтобы заработать на дальнейшее путешествие, вынужден был задержаться в порту. Наконец ему удалось добраться до Кипра, а оттуда какой-то рыбак взял его с собой на материк. Он ступил на берег в Анамаре и пешком дошел до Селинди и Алайи.

И вот он в Адалии. Но прошло уже много времени, как он потерял след своего врага... Однако закон кровной мести продолжал действовать. Он исходил из интересов самого Абу Эн-Насра и потому решил, что тот подается в Константинополь, поэтому сам, нищенствуя, двинулся через Анаголию. Шел медленно, в Кютахье заболел – невероятные перегрузки вывели его из строя на несколько месяцев, и счастьем для него оказалось то, что он нашел приют в одном из монастырей дервишей.

Так он оказался в Стамбуле. Пока что он не нашел никаких следов своего врага, но надежду не терял. Чтобы на что-то жить и что-то сэкономить, он нанялся носильщиком – немалое испытание гордости для свободного араба, а когда я спросил его, сколько он еще пробудет в Константинополе, он ответил:

– Сиди, наверное, скоро уеду. Аллах позволил мне обнаружить одно важное имя.

– Какое же?

– Не говорил ли ты как-то, что этот Абу эн-Наср когда-то звался Хамд эль-Амасатом?

– Говорил.

– Я обнаружил здесь человека по имени Али Манах бен Баруд эль-Амасат.

– И кто же он?

– Молодой дервиш из монастыря, который ты только что посетил. Я побывал там, чтобы поговорить с ним в его келье и все разузнать, но увидел тебя, и на него не осталось времени.

– Али Манах бен Баруд эль-Амасат! – воскликнул Исла так громко, что привлек внимание посетителей кофейни. – Так это же сын того самого Баруда эль-Амасата, который продал мою жену! Я сейчас же вернусь в монастырь и поговорю с ним!

– Не спеши, – сказал я. – Амасат – распространенное имя, вполне может статься, что этот Амасат не имеет никакого отношения к тому человеку. Но даже если и так, нужно быть осторожнее. Может, ты мне позволишь сходить туда?

– Да, эфенди, сходи ты. Только прямо сейчас. А мы тебя подождем здесь.

Я продолжал допытываться:

– А как ты узнал, что дервиша зовут Амасат?

– Я ехал с ним и одним его спутником в конке в Бахаривекей Коди. Они разговаривали, и один назвал другого по имени. Было темно, и я пошел за ними. Они остановились возле одного дома, он был заперт. Они ждали, когда откроют, а когда ворота открыли, там спросили: «Кто там?» Они ответили: «Эн-Наср». Мне пришлось ждать несколько часов, пока они не вышли. С ними были еще несколько мужчин, они входили и выходили, и все они произносили одно и то же слово. Понимаешь, сиди?

– У них были при себе лампы?

– Нет, не было, хотя ночью без лампы ходить запрещено, но рядом не было ни одного хаваса. Я проводил обоих до самого монастыря дервишей.

– Ты точно расслышал слово «Эн-Наср»?

– Абсолютно точно.

Рассказ Омара навел меня на глубокие размышления. Мне вспомнились слова Абрахим-Мамура, когда она связал меня в развалинах Пальмиры. Он считал меня тогда покойником и выболтал много лишнего, в том числе и то, что является главарем шайки убийц. Если это правда, то она должна действовать на территории Турции, а связи иметь в Дамаске и Египте. Константинополь же никогда не был в стороне от преступных троп, а в это время особенно. В последние месяцы здесь часто находили опустошенные квартиры без жильцов – люди бесследно исчезали. В бухте Золотой Рог и в Босфоре вылавливали трупы людей, погибших явно насильственной смертью; в разных концах города вспыхивали пожары, причем дома перед этим грабились, а людей убивали; по улицам шныряли темные личности без фонарей, а когда на них натыкались патрули, завязывались настоящие бои. Однажды взяли целую банду, и султан отправил их в Триполи; через некоторое время капитан судна вернулся и доложил, что потерпел крушение у берегов Триполи; все преступники, бывшие на борту, утонули. Дело закрыли. Через несколько дней «утопленники» появились на улицах города...

Мои мысли прервал Омар, сообщивший, что дервиш Али Манах живет в пятой келье от входа. И я снова отправился в монастырь. Недолго думая, я прошел через двор и зашел в первую залу. Дверь в большое помещение была открыта. Дервиши находились в своих кельях. Я медленно прошел по коридору, заглядывая внутрь каморок, но ни один человек не обратил на меня внимания.

В пятой келье сидел молодой дервиш лет двадцати с небольшим, он смотрел в окно и перебирал 99 шариков своих четок.

– Салам! – сказал я проникновенно.

– Алейкум-ас-салам! – отозвался он. – Что тебе нужно?

– Я приехал из дальней провинции и незнаком с обычаями этого дома. Я видел ваш танец и хочу поблагодарить вас за зрелище. Ты можешь принять от меня дар?

– Могу. Давай же!

– Как велик он может быть?

– Чтобы мог донести любой дервиш.

– Тогда прими.

Я вручил ему некую сумму, по моим скромным средствам. Он, мне показалось, остался доволен, ибо произнес:

– Благодарю тебя! Это для меня или ордена?

– Для тебя.

– Тогда скажи мне свое имя, чтобы я знал, кого мне благодарить.

– Пророк говорит, что дар от неизвестного удваивается, так что позволь мне скрыть свое имя, но скажи свое, чтобы я знал, с каким верным сыном ислама разговаривал.

– Меня зовут Али Манах бен Баруд эль-Амасат.

– Где же ты родился?

– Искендерия – моя родина, – ответил он.

Совпадало! Исла еще в Египте рассказывал мне, что Баруд эль-Амасат, продавший Зеницу, жил в Скутари.

Я задал еще вопрос:

– Члены твоей достойной фамилии все еще живут там?

– Нет.

Больше спрашивать было нельзя, иначе бы я возбудил его подозрения, поэтому я что-то сказал из вежливости и распрощался. У Каведжи меня с нетерпением поджидали Омар и Исла.

– Что ты узнал? – спросил Исла.

– Он сын того самого Баруда эль-Амасата. Родом из Скутари, и, скорее всего, Хамд эль-Амасат, называвший себя Абу Эн-Наср, – его дядя.

– Эфенди, он должен сказать нам, где его отец.

– Должен? Как мы его заставим?

– С помощью *кади*.

– Тогда он назовет вымышленное место, или если скажет правду, то заранее предупредит его. Нет, надо соблюдать осторожность. Сначала необходимо осмотреть дом, где он был вчера. К тому же, надо сходить с Омаром в Бахаривекей, а уж потом решать, что делать дальше.

– Ты волен поступать как знаешь, эфенди. Мы сейчас расстанемся, но потом ты приведешь Омара бен Садика, он будет жить у нас, хватит ему служить хаммалем.

Исла пошел домой, а я с Омаром направился к воде, где мы взяли лодку и поплыли в Золотой Рог и чуть позже пристали к Эюпу. Отсюда пешком пошли в Бахаривекей – северо-западный квартал Константинополя. То был удручающий марш-бросок через кучи мусора и нечистот, по узким улочкам, мимо смрада и грязи.

На дом мы взглянули, проходя мимо, чтобы не привлекать внимания. Это было, на первый взгляд, небольшое здание с выдающимся первым этажом, но, как видно, довольно обширное внутри. Дверь была обшита железом, а вся передняя стена являла собой, кроме небольшого входа, сплошную глухую стену. Это я заметил, просто пройдя по улице. Стоящий рядом дом был похожего вида, на его двери была прикреплена грязная бумажка со словами «*Арарим бир кираджи*». Недолго думая, я взялся за ручку двери и вошел внутрь. Омар – за мной, удивленный тем, что меня здесь могло заинтересовать. Мы оказались в небольшой прихожей, откуда вела вверх лестница. Потом – еще одна дверь, и я вышел во дворик шириной локтей восемь, а длиной – немногим больше. Три стороны двора замыкали собой деревянные стены других зданий, находящихся на последней стадии развала. Справа и слева были еще двери, скорее напоминавшие дыры, на верхний этаж можно было с риском для жизни вскарабкаться по полуразвалившейся лестнице в тринадцать ступенек, шесть из которых отсутствовали. Двор представлял собой одну большую кучу мусора, который за долгое время был практически высушен солнцем и превратился в твердую единую темную массу. Посреди этой кучи в массу вросла деревянная колода, назначение которой уже невозможно было угадать, а на колоде восседал некто и курил старую трубку. Этот некто имел шарообразную форму и был одет в разорванный кафтан. На шаре сверху лежал тюрбан, бывший когда-то голубым, а может, и красным. Между шаром и тюрбаном выступали похожий на человеческий нос и такой же длины чубук. При нашем появлении это похожее на ежа существо издало какой-то неопределенный звук и попыталось выбраться из кафтана.

– Салам! – приветствовал его я.

– С-сс-с х-м-м-м! – прошипело мне в ответ существо.

– Дом сдается?

В одно мгновение этот тип спрыгнул с колоды и предстал перед нами.

– Да-да! Сдается! Красивый дом, хороший дом, прямо для паши, совсем новый дом! Извольте осмотреть, ваша честь?

Все это произошло так быстро, что я не успел среагировать. Ясно, что как съемщики мы представляли для него интерес, но во всех других отношениях были посетителями явно нежелательными. Человек был очень маленького роста, к тому же толстый. На нем были соломенные туфли, кафтан, тюрбан, трубка и нос – все, кроме носа, древнее как мир. Из туфель

выглядывали все десять пальцев. От трубки остался лишь кончик, все остальное обкусано; тюрбан напоминал перезрелую и к тому же запеченную сливу. Он обратился ко мне на «вы», и я оплатил ему тем же:

– Вы владелец этого дома?

– Нет, но ваша честь может быть уверена, что я не беден и...

– Будьте так добры, – прервал я его, – отвечайте только на мои вопросы. Кому принадлежит этот дом?

– Богатому пекарю Мохаммаду. Он поручил мне его.

– А что вы здесь делаете?

– Я его охраняю и жду клиентов.

– Что вы получаете за это?

– Один пиастр в день и на полпиастра хлеба.

– Дом не населен?

– Я один.

– А сколько просит пекарь?

– В неделю десять пиастров, но вперед.

– Покажите мне помещения!

Он открыл обе дверцы. Мы увидели кельеобразные комнатки, в которых валялся только мусор. Затем поднялись по лестнице и оказались в трех комнатах, первую из которых я мысленно окрестил голубиной, вторую – куриной, а третью – кроличьей.

– Это селамлык, это жилая комната, это гарем... – рассказывал он с такой важностью, будто распахивал перед нами двери дворцовых покоев.

– Хорошо, а что это за постройки во дворе?

– Для лошадей и слуг.

– Как вас зовут?

– Барух Шебет бен Барух Хереб бен Рабби Баррух Мизха. Я покупаю и продаю бриллианты, украшения и древности. Если вам нужен слуга – пожалуйста, могу убирать жилище, чистить одежду, ходить куда требуется.

– У вас очень воинственное имя. Но где же ваши сокровища?

– Ваша честь, как раз сейчас все продано!

– Тогда ступайте к богатому пекарю Мохаммаду и скажите ему, что я сниму этот дом. Вот для него десять пиастров, которые он будет получать еженедельно, а вот десять для вас – на табак.

– Ваша честь, благодарю вас! – вскричал он радостно. – Вы умеете делать дела. Но Мохаммад спросит меня, кто вы. Что мне ему ответить?

– Для начала не называйте меня «ваша честь». Мое платье целое и чистое, но это моя единственная одежда. Я бедный писарь, который бывает рад, когда ему есть для кого поработать. А друг мой такой же бедный хаммаль, зарабатывающий совсем немного. Мы хотим жить здесь вдвоем, может, найдем третьего, чтобы было не так дорого. Относительно того, чтобы нанять вас, – надо подумать, не накладно ли получится.

Я специально сказал все это, чтобы мы казались нашим опасным соседям как можно более бедными и стесненными в действиях.

Человечек ответил:

– О эфенди, мне много не нужно. Я вполне могу служить вам за два пиастра в день.

– Я прикину, смогу ли я платить такие деньги. Когда мы сможем въехать?

– Хоть сейчас, эфенди!

– Мы еще зайдем сегодня и надеюсь, что не застанем дверь запертой!

– Я сейчас сбегаяю к пекарю и потом буду вас ждать. Дело было сделано, и мы распрощались с добрым Барухом. Придя к Исле, я поведал ему, его отцу и дяде о наших сегодняшних приключениях, и мы все вместе пришли к тому, что в тот дом нужно вселяться. Линдсей хотел пойти с нами, но я стал отговаривать его – он мог только навредить. Он очень рассердился и заявил, что не хочет один, без меня, оставаться у Мафлея. И действительно, после полудня он уехал в Пера.

Обсудив все детали, мы упаковали оружие и отправились в Бахаривекей, а лошадь я оставил у Мафлея.

Толстый Барух ожидал нас в нашем новом доме. Он с помощью жены все вымыл, вычистил и как ребенок обрадовался, когда я похвалил его работу. Я попросил его сделать запасы хлеба, кофе, муки, яиц, табака, какой-то посуды, а также купить у старьевщика три лежанки. Пока он отсутствовал, мы смогли распаковать оружие и разместить его в комнате, в которую, кроме нас, никто не смел входить.

Барух скоро вернулся. Жена ему помогала. Старуха напоминала высушенную мумию в живом варианте и вечером пригласила меня на ужин. Я принял приглашение, поскольку старики могли оказаться мне полезными. То, что я им понравился, было ясно: по собственному почину они принесли нам матрасы с соломой вместо дивана. Правда, матрасы были сшиты из дыр и прорех, но ведь Барух действительно принял нас за бедняков и искренне старался помочь.

Когда оба удалились, мы зажгли свет и раскурили трубки. Мы договорились, что во время моего отсутствия Омар будет дежурить у приоткрытой двери и следить за посетителями соседнего дома, а Халеф пойдет во двор. Оба дома разделялись легкой стенкой, во дворе она была совсем тонкой, и, когда хаджи стоял в сарае, он мог подслушать, о чем говорили по соседству. Барух уже ждал меня на своей половине дома. У них была внутри небольшая хижина, в которой никто не жил, – обычное дело в Стамбуле.

Можно было предположить, что наши покупки дали им хоть небольшую, но прибыль; они пребывали в отличном настроении и приняли меня со всей сердечностью. Старая женщина оказалась необычайной чистюлей, чего я, честно говоря, не ожидал. Я съел все, чем меня угощали, а когда я предложил им табак и молотого кофе, купленного специально для них, они были просто счастливы!

Я заметил, что кафтан – единственная верхняя одежда Баруха, брюки мне вообще не удалось разглядеть... Нужно было помочь этим людям. Конечно же, Барух присочинил насчет бриллиантов, но не со зла: эти бедняки жили на гроши, и я сильно обрадовал их, когда сообщил, что беру их в услужение.

Во время разговора я незаметно навел их на тему соседей.

– Эфенди, – сказал Барух, – в этом переулке сплошь бедняки. Одни приличные и честные люди, иные – злые и плохие. Вы как писарь не найдете здесь работы, но я прошу вас быть осторожными по отношению к нашим соседям.

– Почему?

– Опасно даже говорить об этом.

– Я нем как рыба!

– Я вам верю, но боюсь, вы сразу же съедете с новой квартиры, если я вам расскажу...

– Обещаю вам оставаться здесь, невзирая ни на что. Надеюсь, мы останемся друзьями. Я не богат, но и бедный человек может быть благодарным.

– Я уже понял это. Все жители этого переулка знают, что здесь происходит что-то нехорошее. Один из них ночью пробрался в соседний пустующий дом, чтобы подслушать, но на следующее утро не вернулся домой, а когда пошли его искать, обнаружили тело висящим на перекладине. Сам бы он этого никогда не сделал.

– Так что, вы полагаете, что мои соседи не только подозрительные, но и опасные люди?

– Да. С ними надо быть очень осторожными.

– А можно хоть как-нибудь узнать, кто живет в доме?

– Там живет грек с женой и сыном. Они пьют много вина, и там толчется много хороших мальчиков и девочек, которых никогда не видно в переулке. Специальные люди с утра до вечера ходит по городу и заманивают клиентов. Приходят обеспеченные мужчины и самые обычные люди, жители Стамбула и иногородние, играет музыка, и я не уверен, что все, кто туда заходят, выходят обратно. Нередко по ночам слышны крики о помощи и звяканье оружия, а утром в ручье находят труп. Иногда по ночам оттуда выходят группы мужчин без фонарей, с какими-то вещами, которые явно делят в доме.

– Вы говорите, что никто не может подобраться незамеченным к этому дому, и все же так хорошо обо всем осведомлены. Вы тоже подслушивали?

– Эфенди, я не могу никому раскрыть этого – в таком случае я погиб.

– И даже мне?

– Вам тем более, ибо не кто иной, как вы, можете повторить это, и вас ждет та же участь, что и того повешенного.

– Наверное, вы меня обманываете, что видели что-то, чтобы запугать меня!

– Эфенди, я не обманываю!

– Может, и так, но, наверное, вам только пригрезилось.

Это сработало. Старик не хотел слыть ни обманщиком, ни фантазером и поэтому решил:

– Я ничего такого не скажу, но обещайте не трогать ни эту доску, ни эту перекладину.

– Какую доску?

– В правой стене вашего селамлыка одна из досок снимается. Она висит на одном гвозде, и ее можно отодвинуть. Далее там идет какое-то пустое пространство, а за ним досочка в помещении уже соседнего дома, ее тоже можно отодвинуть – я об этом позаботился. Там слышно даже, как звенят стаканы и смеются мальчики и девочки. Видно даже курильщиков опиума!

– Это вы очень неосмотрительно сделали! А если те заметят, что доски сдвигаются?

– А иначе нельзя было поступить – очень хотелось посмотреть, что там делается!

– Можно было поступить иначе, безопаснее – в доске соседнего дома просверлить отверстие, небольшое, чтобы оттуда не было видно.

– Тогда я бы не все рассмотрел.

– А что с перекладиной?

– Она в сарае, примыкающем к соседнему дому. Она достаточно длинная и крепкая, чтобы подтянуться по ней. Стена дворовой постройки тоже дощатая и сплошь с сучками и выбоинами. Если посмотреть сквозь нее, то видно комнату, где собираются те, кто делит добычу.

– Где эта доска?

– Я пометил ее мелом.

– Почему же вы не заявили в полицию? Это ведь ваш долг!

– Эфенди, мой первый долг сохранить себе жизнь. Быть повешенным мне что-то не хочется.

– Вы боитесь быть выданным полицией?

– Господин, сразу видно, что вы недавно в Стамбуле. Когда я глядел сквозь дырку от сучка, то видел богатых мужчин, узнавал и дервишей, и хавасов. Есть такие высокие чиновники – мансубли, которым великий господин не платит жалованье и которые живут только на бакшиш и соответственно изыскивают способы его заполучить. А что делать такому бедолаге, если и бакшиша нет? Он идет на преступление, используя самые что ни на есть низы общества. Но,

эфенди, все это я говорю только тебе, и я тебя предупредил!

Я и так знал достаточно и поостерегся допрашивать Баруха более основательно. Я был убежден, что сам оказался в опасности вместе со своими спутниками. Наверняка грек узнал, что у него новые соседи, и он точно интересовался нами и наблюдал за нами.

Последнее для него явно не составляло сложности, поскольку он был отделен от нас тонкими досками. Днем мы крайне осторожно передвигались по двору – вполне могло стать, что нас признает тот, кто уже видел когда-нибудь раньше. В этом смысле доброе отношение к нам Баруха и его служба были нам весьма на руку.

Мои спутники наверняка зажгли огонь. Он мог быть виден у соседей, или же они разговаривали в таком месте, где их могли услышать. Поэтому я не стал задерживаться у Баруха и вернулся домой. До того я, конечно, проинструктировал их, как себя вести. Нужно было в случае чего отвечать, что здесь поселились бедный писарь, хаммаль и еще более бедный араб, то есть трое мужчин. От Баруха мне требовалось лишь, чтобы он в случае чего стучал мне в стенку.

Добравшись до ворот, я обнаружил, что они лишь слегка прикрыты. Омар нес вахту. Он доложил, что в соседний дом прошло уже много народу. Возле входа их спрашивали пароль, и все отвечали: «Эн-Наср». Я приказал ему запереть двери и идти со мной в дом. Халеф находился во дворе и ничего не видел и не слышал, он прошел с нами в дом. В наших комнатах было темно, и я решил так и сидеть в потемках.

Рассказав о своей беседе с Барухом, я обследовал левую стену селамлыка и нашел ту самую сдвигающуюся доску. Сдвинув ее, я пошарил рукой внутри. Там удалось нащупать дощатую стену соседнего дома. Я ее тоже отодвинул и обнаружил, что в том помещении темно. Мы поставили все на место, подтащили мешки и ящики и уселись в потемках – может, удастся что-то подслушать. Наверное, с полчаса мы так сидели, перешептываясь, как вдруг услышали какие-то шорохи. Я сидел ближе всех к доске и сдвинул ее. Были слышны тяжелые шаги многих людей и крикенье, потом раздался чей-то голос:

– Сюда! Так! Хасан может отправляться...

И после паузы:

– Парень, ты писать умеешь?

– Да, – услышал я ответ.

– У тебя деньги дома есть?

– Какие деньги? Что я тебе сделал, что ты меня затащил сюда и связал?

– Сделал? Ничего. Мы взяли деньги, часы, кольца, оружие, но этого мало. Если не дашь того, что мы требуем, завтра утром окажешься в воде.

– Аллах керим! Сколько вам надо?

– Ты богат. Пять тысяч пиастров вполне потянешь!

– Как потяну? У меня нет таких денег.

– А сколько у тебя есть?

– Три тысячи от силы.

– Тебе их пришлют, если ты пошлешь гонца? И не пытайся обмануть нас, ибо я обещаю тебе, что наступит твой последний час, если мы не получим денег!

– Аллах иль-Аллах! Вам пришлют их, если я отправлю письмо и припечатаю своим кольцом.

– Кольцо я тебе верну. Развяжите ему руки. Пусть пишет. Потом наступила полная тишина. Я лег на соломенный тюфяк и растянулся у стены. Так же тихо, как и предыдущую, я отодвинул в сторону другую доску, пока не образовалась щелочка, через которую я смог заглянуть. Прямо передо мной, повернувшись спиной, сидел человек. Голова непокрыта, одежда разорвана, как будто он кому-то сопротивлялся. Перед ним стояли трое вооруженных парней: один в греческой

одежде, видимо, хозяин, остальные в турецкой. Они наблюдали, как он что-то писал на коленях.

Я вернул доску в прежнее положение и обратился в слух. Скоро грек произнес:

– Итак, свяжите его снова. Если не будет сидеть спокойно, мы его заколем. Слышал? Заруби это себе на носу!

Я услышал, как открылась дверь и кто-то удалился. Снова сделалось тихо, и я шепотом рассказал своим спутникам, что видел и слышал.

– Это ворье, – сказал Халеф. – Что же нам делать?

– Это не только ворье, но и убийцы, – прошептал я. – Ты веришь, что они отпустят этого человека? Они подождут, пока принесут три тысячи пиастров, а потом убьют его.

– Надо ему помочь!

– Без сомнения. Но как?

– Мы сломаем доски и освободим его!

– И наделаем много шума, тем самым выдадим себя. Можно дать им бой, что само по себе опасно, но даже если мы одержим верх, то спугнем их. Лучше было бы вызвать полицию, но кто знает, как скоро она придет. За это время многое может случиться. Думаю, лучше всего сломать тихонько еще одну доску и сделать окошко, через которое можно пролезть. Мы вытащим сюда этого человека и снова заделаем отверстие. А дальше видно будет.

– Но у нас нет даже клещей, чтобы вытащить гвозди!

– Но есть нож. Самое главное, чтобы ничего не было слышно. Я начну тотчас же.

– Ты знаешь, где находится этот человек?

– Да. Они вели его через комнату, в которой, как мне поведал Барух, развлекаются мальчишки и девочки. Напротив нашей стены есть еще одно помещение, я видел его дверь – вот там-то он и находится.

Я прильнул к стене и заметил, что каждая доска держится всего на одном гвозде. Гвоздь с нашей стороны вроде бы легко поддавался, хватило одного движения ножом, чтобы сдвинуть доску вбок. Но этой дырки было явно недостаточно для человека, нужно было расширить отверстие. Мне удалось все проделать без шума. Доски были приподняты на одном гвозде, и Омар держал их в таком положении. С той же стороны головки гвоздей были отхвачены клещами, так что мне пришлось изрядно потрудиться, орудуя лезвием ножа, как пилой. Без шума не обошлось, а руки устали так, что я должен был часто переключать нож из правой в левую.

Едва я закончил работу, как услышал шаги. Это был грек со светильником. Он открыл дверь, что напротив нашей стены, но не вошел.

– Деньги есть? – услышал я вопрос турка.

– Да! – ответил хозяин со смешком.

– Отпустите меня!

– Подождешь до завтрашнего утра. Скоро сюда придут люди, они не должны знать, что ты находишься здесь, поэтому я тебя пока свяжу и вставлю кляп. Если будешь сидеть тихо, скоро окажешься на свободе, станешь шуметь – тебя вынесут трупом.

Турок настаивал, чтобы его тут же отпустили, он никому ничего не расскажет – но напрасно. Он просил также, чтобы ему не затыкали рот, но увы. По его жалостливому тону можно было догадаться: он понял, что его ждет. Его связали и заткнули рот, после чего хозяин-грек удалился. Дверь закрылась. Надо было действовать быстро и решительно – скоро придут люди, о которых предупреждал хозяин. Хорошо еще, что я был готов. Я прихватил револьвер и нож и полез в дыру. Мои товарищи остались на месте, но были готовы в любую минуту прийти на помощь. Я отодвинул запор и вошел.

– Молчи, я освобожу тебя! – сказал я узнику и тут же обрезал его путы. Кляп представлял

из себя платок, засунутый ему в рот. Я его тоже выдернул.

– Машалла! – воскликнул мужчина, поднимаясь. – Кто ты и как...

– Тихо, – прервал я его, – иди за мной!

Я вывел его, запер дверь на засов и втолкнул его в наше помещение.

– Хамдулиллах! Слава Аллаху! – зашептал Халеф. – Я уже начал беспокоиться. Но все произошло быстрее, чем я успел испугаться.

Я ничего не ответил, но зато быстро поставил на место все доски и укрепил их в гнездах, чтобы все было, как раньше.

Тут мы снова услышали шаги. Принесли пьяного, уложенного на доске, чтобы проспался. Я перешел с товарищами в другую комнату, где можно было зажечь свет и рассмотреть нашего гостя.

Он был среднего роста, лет около пятидесяти, с интеллигентным лицом.

– Добро пожаловать! – приветствовал я его. – Мы в курсе происходящего в соседнем доме и поэтому решили тебе немного помочь.

– И вы не относитесь к тем мерзавцам? – спросил он с надеждой в голосе.

– Нет.

– Я подозревал, что меня хотят убить, и подумал, что ты пришел за мной и настал момент... Кто вы?

– Я немец, а это двое моих друзей, свободные арабы из Сахары. Этот – Омар бен Садик, совершает кровную месть по отношению к одному врагу, который, видимо, обитает в этом доме. Поэтому мы и поселились рядом, чтобы выследить его. Мы только с сегодняшнего дня здесь, и Аллаху было угодно, чтобы мы воспрепятствовали первому же злодеянию. А можно узнать, кто ты?

Он угрюмо огляделся, потом наклонил голову и ответил:

– Лучше мне помолчать. Мне бы не хотелось раскрывать свое имя, которое многим известно. Ты чужеземец, и я найду способ отблагодарить тебя, не называя своего имени.

– Я уважу твою просьбу, но только не говори о благодарности. Ты узнал кого-нибудь из тех, которые находятся на той половине?

– Нет. Там много приезжих, но они совсем не похожи на гостей. Надо бы обыскать этот притон как следует!

– Думаешь, тебе это удастся? Хотя, думаю, до утра грек не спохватится, и полиция может накрыть его, если только он не выставит часовых. Я уже понял, что этот дом посещают и сами полицейские, и дервиши, и служащие, так что, скорее всего, твоя затея провалится.

– Полиция? – спросил он с сомнением в голосе. – Я заглянул в одну комнатку, где сидели хавасы. Я их узнал, но они меня не приметили. Нет, в полицию я обращаться не буду. Знай, что я забит – офицер, звание не имеет значения. Я приведу с собой солдат, и мы разделаемся с этим притоном.

С одной стороны, мне это понравилось, а с другой – нет. Если сейчас разворошить этот муравейник, то можно не застать самых опасных, упустить их и потом искать снова. Но камень уже пришел в движение, и его нужно было катить. Поэтому я ответил:

– Исполни мою просьбу, покажи мне обитателей этого дома, я хочу убедиться, есть ли там те, кого мы ищем.

– Ты увидишь всех.

– Но запомни: всякий, кто входит в дом, должен называть пароль «Эн-Наср». Надеюсь, тебе это пригодится.

– Ага, значит, именно это слово прошептал мой сопровождающий рядом с дверью. Но откуда ты-то знаешь это слово?

По тому, как он со мной разговаривал, я понял, что он в немалом чине. Я ответил спокойно:

– Омар бен Садик подслушал и сообщил мне.

Я рассказал ему еще кое-что, что могло оказаться полезным, и продолжил:

– Тебе надо разделить солдат. Одна часть войдет с паролем через вход, а вторая – в дыру, через которую ты вылезал. Первое должно произойти не ранее, чем вы окажетесь у отверстия, ибо я предполагаю, что сторож у двери поднимет тревогу при виде солдат, и у его товарищей будет время скрыться.

– Я вижу, ты человек честный, и последую твоему совету. У вас здесь нет фески? Эти негодяи сорвали мою, это им так не пройдет!

– Я отдам тебе свою, и возьми эти пистолеты, нельзя быть безоружным.

– Благодарю тебя, франк! Я все верну тебе. Будь осторожен, самое позднее через час я вернусь.

Я проводил его до двери, и он спешно удалился по другой стороне улицы.

– Сиди, – попросил меня Омар, когда я вернулся, – отдай мне Абу эн-Насра, если он там внутри!

– Не знаю...

– Мне нужно отомстить.

– Офицера этот вопрос мало волнует!

– Тогда я знаю, что мне делать. Помнишь мою клятву, которую я дал в Шотт-Джериде на месте, где исчез мой отец? Видишь, я отрастил волосы и бороду, и враг от меня не уйдет!

Он пошел в се лам лык и сел перед той выбитой доской. Только бы Абу эн-Наср был сегодня вечером там!

Я погасил свет и пошел с Халефом за Омаром. Там, у соседей, сейчас должно быть людно. Я слышал чихание и даже стоны, какие испускают курильщики при первых затяжках. Мы вели себя тихо, и через три четверти часа я направился к входной двери, чтобы встретить офицера.

Прошло куда более часа, когда мне в темноте удалось разглядеть длинную цепочку силуэтов, медленно двигавшихся по переулку. Наверняка они получили соответствующие инструкции, поскольку цепочка разделилась, как мы и задумывали. Во главе их стоял наш знакомый, в прежнем одеянии, но более тщательно вооруженный.

– Ждешь нас? – зашептал он. – Вот твои пистолеты и феска.

Он взял эти вещи из рук следовавшего за ним офицера в чине капитана. Пока я разводил людей, он оставался стоять возле дверей. Мои три комнаты были уже заполнены, когда он вошел. Хотя лестница скрипела, обошлось без шума.

– Зажги свет, – попросил он.

– Ты запер внизу дверь? – спросил я его.

– Запор задвинут.

– А охрана стоит?

– Охрана? Зачем?

– Я же тебе говорил, что живу здесь с сегодняшнего дня, ситуацию изучил недостаточно и допускаю, что те, кого мы ищем, попытаются ускользнуть через наш двор и наши ворота.

– Предоставь это мне. Я знаю, что делаю!

Когда свет зажгли, он сел у стенки и отдал приказ начинать. Ближайшие солдаты подняли ружья, чтобы прикладами расколотить стенку. Я бы назвал это глупостью, потому что, прежде чем первый проник бы туда, все в соседском доме были бы уже предупреждены об опасности. Нашелся все же один, кто сделал умнее – он развел доски в стороны и ножами отколупнул остальные. Тут же в образовавшуюся брешь полезли офицер и солдаты. Я решил идти в первых рядах и по возможности исправлять ошибки военных. Таким образом я оказался между моим

офицером и капитаном. В покоях лежали шестеро или семеро напившихся и накурившихся опиума до одури. Мы перепрыгнули через них и ворвались в соседнюю комнату в тот момент, когда из нее выскальзывал последний «посетитель». Мы – следом.

Снизу донеслись шум и голоса – солдаты были уже там. В комнате, куда мы ворвались, имелись две двери. Вбежав в одну, мы оказались в тупиковых апартаментах. Там было полно юношей и девушек, молящихся, стоя на коленях.

– Часовых к двери! – скомандовал офицер.

Он прыгнул к другой двери, я – за ним. Тут мы столкнулись с Омаром.

– Наверху его нет! – крикнул он. – Надо бежать вниз!

Чувство мести загнало его наверх быстрее всех.

– Кто наверху? – спросил его офицер.

– Около двадцати парней. Я никого не знаю.

Он отстранил нас и побежал вниз. Мы пробирались через многие комнаты, все было хорошо освещены. Нападение оказалось столь неожиданным, что в доме не успели погасить свет. Позже я услышал, как охранник у ворот, завидев солдат, разрядил в них пистолет и исчез в темноте. Мы за шумом беготни не разобрали этого выстрела, но обитатели притона поняли его прекрасно: это знак крайней опасности, надо смыкаться. Поэтому мы и не обнаруживали никого в комнатах. Наконец нам удалось добраться до двери последнего помещения. Ее забаррикадировали изнутри. Пока солдаты прикладами пробивали себе путь через завалы, внутри тоже раздался сильный шум. Дверь была массивной и продержалась долго, за это время я сбегал к нам в дом за двустволкой, вспомнив, что у меня с собой лишь револьвер и пистолеты; нож забрал Омар.

Когда я вернулся с ружьем, дверь уже начала поддаваться. Те, кто находился за ней, держались до последнего – это был их последний бастион. Да и стена была не из дерева, а кирпичная, что тоже не ускорило штурм.

– Отойдите, – сказал я этим людям, – дайте мне!

Мой «медвежьбой», приклад которого был обит железом, оказался лучшим пробойником, чем легкие винтовки защитников турецкого отечества. Два-три удара – и дверь была сметена. В этот момент раздался залп из десятка стволов, и несколько солдат упали, я же, стоя чуть сбоку, не был задет. Я уже хотел прыгать в проем вместе с офицером, как услышал нечто, что заставило меня замереть на месте.

– Сиди, скорее, на помощь! – донесся со двора слабый голос Халефа.

Значит, brave хаджи попал в нештучную заваруху, надо было спешить. Снова помчался я через череду комнат к нашей стене, по нашим уже помещениям, вниз по лестнице во двор. Путь неблизкий, за это время они могли уже прикончить бедного Халефа. Я снова услышал его крик, подскочил к деревянной стене во дворе нашего дома и выбил прикладом несколько досок.

– Держись, Халеф, я иду! – крикнул я ему.

– Скорее, сиди, я его поймал! – снова завопил он.

Старые гнилые доски отлетели, там, внизу, было совершенно темно, только сверкали вспышки выстрелов и раздавалась грязная ругань. Медлить было нельзя, и я спрыгнул в темень. Было невысоко, но я не очень удачно приземлился. Быстро вскочил на ноги.

– Халеф, где ты?

– Здесь, у двери!

Верный хаджи воспринял слова офицера близко к сердцу и, вместо того чтобы следовать с нами в соседский дом, побежал к нашей двери. Прятавшиеся в задней комнате люди действительно выбили тонкую стенку и выпрыгнули в наш двор. Половина уже находилась внизу, когда мне удалось наверху раздолбать дверь. Они хотели скрыться через наш дом, но

натолкнулись на Халефа, который, вместо того чтобы спрятаться в коридоре за дверью, открыто попытался их остановить. Выстрелы, которые я слышал, были предназначены ему; попали ли в него – не знаю, по крайней мере сейчас он стоял и оборонялся своим длинноствольным ружьем, взяв его за дуло.

Есть какое-то очарование в ближнем ночном бою. Чувства обостряются вдвое, видишь то, что обычно незаметно, природные инстинкты становятся еще сильнее, решения приходят быстрее. Мой приклад быстро расчистил коридор возле хаджи. Наши противники отступили под нашими ударами, но я думал лишь об одном: кого же имел в виду Халеф?

– Кого, Халеф? – бросил я ему через плечо.

– Абрахим-Мамура!

– Вон оно что!

– Он лежит, я его свалил!

– Наконец-то! Bravo!

Несколько человек, вновь окруживших нас, вскоре были расшвыряны по сторонам. Меня больше всего волновал Абрахим-Мамур. Во дворе творилось что-то невообразимое, сверху то и дело спрыгивали люди, преследуемые солдатами, но я не обращал на них внимания. Я подобрал факел, зажег его и осветил лица лежавших на полу.

– Мне жаль Халеф, но его здесь нет!

– Как нет, сиди? Быть того не может! Я узнал его при вспышке выстрела!

– Значит, он ускользнул, а ты свалил другого. Где же он тогда?

Я поднялся и оглядел двор. Беглецы как раз перелезали через доски и кучи мусора, пытаюсь выбраться из замкнутого пространства.

– За ними, сиди! – закричал Халеф. – Он где-то там!

– Это точно! Но так мы его не поймем. Он должен быть у наших ворот. Пошли!

Я пробежал по коридору и распахнул дверь. Трое или четверо как раз выбирались из дома Баруха. Пятый, следовавший за ними и не замечавший нас, крикнул:

– Стойте! Держитесь вместе!

Это был он. Это был его голос, я помню его по той ночи на Ниле, когда он созывал своих слуг. Халеф тоже узнал его и завопил:

– Это он, сиди! За ним!

Абрахим услышал это и побежал не оглядываясь. Мы – за ним. Он огибал всевозможные углы, заворачивал в разные темные проулки, но я держался не менее чем в пятнадцати шагах от него, а Халеф был более прытким, чем я. Тот прыжок во дворе не прошел для меня бесследно, иначе я бы догнал его быстрее. Он был отменный бегун, и у моего Халефа отказывало дыхание.

– Остановись и сними его выстрелом! – выкрикнул он, задыхаясь.

Мне было бы легче последовать этому совету, но я почему-то этого не сделал. Охота продолжалась. Тут переулок кончился, и перед нами открылся Золотой Рог. Недалеко от берега, несмотря на темень, можно было различить несколько островов, лежащих между Бахаривекей и Судлудже.

– Правее, Халеф! – крикнул я.

Он послушался, и я прыгнул влево. Беглец оказался между нами и водой. Он на какое-то мгновение замер, оценивая ситуацию, и, прыгнув в воду, тут же скрылся под водой.

– О, вай! – закричал Халеф. – Он не должен от нас уйти!

Он поднял ружье.

– Не стреляй, – остановил его я. – Ты весь дрожишь от бега, лучше я прыгну за ним!

– Сиди, когда речь идет об этом злодее, я не дрожу, – последовал ответ.

Тут голова пловца появилась над водой. Раздался выстрел, крик – и голова с бульканьем

исчезла в волнах.

– Я попал! – закричал Халеф. – Он мертв. Видишь, сиди, я не дрожал.

Мы подождали еще немного. Абрахим-Мамур не выплыл, и мы оба поверили, что выстрел действительно попал в цель.

Мы пошли назад на поле боя.

Хоть я и замечал, куда мы бежали, но найти обратную дорогу было непросто. Пока нас не было, положение изменилось. Стало светлее, поскольку жители окрестных домов высypали на улицу с бумажными фонариками. Часть солдат образовали кордон возле трех домов, а другие искали беглецов в окрестных дворах и следили за задержанными. Ими считались все, кто был обнаружен сегодня в доме грека. Сам он был мертв. Капитан отрубил ему голову ударом сабли. Его жена стояла среди связанных юношей и девушек. Здесь же были накурившиеся. Пока шел бой, сознание медленно возвращалось к ним. Несколько солдат были убиты, многие ранены. Халефа тоже задело в руку, но по касательной ниже локтя и поэтому неопасно. Задержаны были только четверо мужчин, явно принадлежавших к шайке мошенников. Шестерых застрелили, остальным удалось уйти. Омар сидел расстроенный на лестнице – Абу эн-Насра он не нашел, а остальное его не волновало...

Старый Барух уже пошел спать, когда раздались первые выстрелы. Он в страхе забился в угол своей комнаты и только сейчас выполз наружу и с удивлением рассматривал содеянное.

Пленников сковали в цепочку для препровождения в казарму, и офицер дал разрешение солдатам «почистить» дом грека. Дважды просить их не понадобилось. Через десять минут все, что можно было вынести, было сметено.

Я спросил капитана, где офицер.

– Он стоит там, возле дома, – последовал ответ.

Это я уже знал. Но мне нужно было выяснить еще кое-что. До боя он молчал, потому что не знал, кто я. Сейчас он мог мне доверять.

– В каком он чине? – спросил я.

– Не задавай таких вопросов! – резанул он довольно жестко. – Он запретил говорить об этом.

Но мне обязательно надо было это узнать! Один из солдат все еще копался во дворе, выискивая, чем поживиться. Когда он выбирался через кучи хлама, я остановил его.

– Ничего не нашел?

– Ничего! – проворчал он.

– Ты зарабатываешь кое-что у меня, если ответишь на один вопрос.

– Какой?

– В каком чине офицер, который вас привел сюда?

– Мы не должны говорить о нем. Но ведь и он обо мне не подумал. Дашь двадцать пиастров, если скажу?

– Да.

– Это *миралай*, зовут его...

Он назвал имя человека, сыгравшего немаловажную роль в дальнейших событиях. Он не турок по национальности и выбился в высокие чины благодаря своему уму.

Я заплатил ему и посмотрел, что делается в переулке. Миралай стоял перед дверью. Увидев меня, он, как я и ожидал, подошел ко мне и спросил:

– А что, разве все франки такие трусливые? Где ты был, когда другие воевали?

Вот это вопрос! Вот бы вклеить ему оплеуху!

– Мы тоже воевали, – сказал я спокойно, – но только с теми, кого ты легкомысленно упустил. Умный человек всегда исправит ошибки недалководидных военных!

– Это кого же я упустил?! – взвился он.

– Всех, кому удалось скрыться. Ты не послушался меня и не выставил заслон на выходе, вот мы и вынуждены были со слугой удерживать их, но разве всех удержишь? А вы пока разбирались там с подростками. Кстати, что будет с арестованными?

– Аллаху ведомо. Где ты будешь завтра?

– Скорее всего, здесь.

– Тебя здесь не будет.

– Это почему же?

– Сам скоро узнаешь. Итак, где мы завтра встретимся?

– У Базиргиана Мафлея, что живет у Ени-Джами.

– Я пошлю за тобой.

Он отвернулся от меня и подал знак. Арестованных вывели и построили. Я вернулся во двор и вскоре понял, почему не смогу завтра жить в этом доме. Этот дружелюбный офицер велел разложить костер в доме грека, и языки пламени уже плясали в комнатах. Это был чисто мусульманский способ разделаться с не слишком приятными воспоминаниями.

Я быстро заскочил в наши апартаменты, чтобы забрать оружие и нехитрый скарб. Все это я сложил во дворе, и вовремя – скоро огонь стал виден уже в переулке. Крики и беготню, которые последовали за этим, невозможно описать. В этом городе панически боятся пожаров, думают только о том, как унести ноги, а о том, чтобы гасить, даже не задумываются. Один такой пожар, бывало, опустошал целый квартал!

Мой старый Барух от ужаса лишился дара речи, а его жена не могла пошевелиться. Мы приложили все усилия, чтобы собрать и завязать их основные вещи, и обещали, что их хорошо примут у Мафлея. К этому времени уже подошли вызванные носильщики, и мы покинули жилище, не прожив в нем и дня, хотя плату внесли на неделю вперед. В любом случае богатый пекарь немного проиграл на своей развалюхе.

В столь поздний час дом Мафлея был заперт, но наш стук быстро разбудил обитателей. Все члены семьи собрались, они расстроились, узнав, что наше предприятие окончилось таким печальным образом. Им, конечно, хотелось захватить Абрахим-Мамура, но такой конец их тоже вполне устроил.

Барух с женой были приняты со всем вниманием, и хозяева обязались заботиться о них.

Исла сообщил нам, что садовый домик снова в полном нашем распоряжении, и добавил:

– Эфенди, сегодня, пока тебя не было, мы принимали неожиданного, но очень дорогого гостя. Подумай, кто бы это мог быть!

– А я его знаю?

– Видеть ты его не видел, но рассказывал я тебе о нем много. Ты его сейчас увидишь.

Я был немного заинтригован – ведь этот человек явно связан с нашими событиями. Через какое-то время Исла вернулся, ведя пожилого мужчину, мне явно не знакомого. Он был в обычной турецкой одежде и не имел ничего такого, что навело бы меня на догадку. Обожженное солнцем лицо, морщины, белая борода – все это говорило о несладкой жизни.

– Вот этот человек, эфенди, – сказал Исла.

– Не могу догадаться, – вынужден был признать я.

– И все же ты поймешь. – И он обратился к незнакомцу: – Скажи ему что-нибудь на своем языке!

Мужчина поклонился и сказал по-сербски:

– Ваш покорный слуга, глубокоуважаемый господин! Это вежливое приветствие сразу же заставило меня вспомнить. Я схватил старика за руки и воскликнул тоже на сербском:

– Да это вы, отец Оско! Милости просим!

Это был на самом деле Оско, отец Зеницы, и ему очень понравилось, что я приветствовал его на сербском языке. Конечно, о сне не могло быть и речи, мне нужно было столько узнать! С тех пор как исчезла его единственная дочь, он потерял покой. Он не раз уже думал, что напал на след, но каждый раз приходил к печальному выводу, что в очередной раз ошибся. Правда, нужды во время этих поездок по Малой Азии и Армении он не испытывал – средства у него имелись.

На восточный манер он дал клятву никогда не возвращаться домой, к жене, пока не найдет дочь. Бесплодные поиски привели его в Константинополь. Такая одиссея возможна только на Востоке. При размеренной жизни европейцев это путешествие следовало бы назвать безумием. Можно понять радость черногорца, когда он нашел свою дочь замужем за человеком, для которого он ее и готовил, и не только дочь, но и жену застал он в Стамбуле – она приехала сюда за дочерью. Он выяснил все связи и стремился только отомстить, найти дервиша Али Манаха, заставить его сообщить местопребывание своего отца; а я убеждал его предоставить это дело мне.

Только сначала следовало выспаться, и, надо сказать, я заснул мгновенно и, если бы меня не разбудили, проспал бы долго. Мафлей послал ко мне слугу сообщить, что пришел человек, который хочет поговорить со мной. Поскольку на Востоке принято спать одетым, я тут же поднялся и был готов идти на встречу. Некто, спрашивавший меня, сообщил, что мне нужно идти в дом в Сан-Димитри, где я был у ютербогского цирюльника, – он хочет со мной переговорить, причем срочно.

– Что ему надо? – спросил я.

– Я не знаю, – последовал ответ. – Я живу по соседству, и хозяин попросил меня сходить к тебе.

– Так скажи ему, что я скоро буду!

Я заплатил ему, и он удалился. Через пять минут мы с Омаром были уже в пути. В сложившейся обстановке я посчитал опасным ездить в одиночку; Халефа же я не хотел тревожить – он все-таки ранен. На наемных лошадках, за которыми, взявшись за хвост, трусили владельцы, мы поехали по переулкам. Хозяин уже ждал у дверей. Он отвесил мне поклон и спросил:

– Эфенди, ты тот самый немец, который не так давно был у меня с неким Хамсадом аль-Джебрая?

– Да.

– Он хочет с тобой переговорить.

– Где он?

– Он лежит наверху. Твой спутник может обождать здесь.

Слова «лежит наверху» навели меня на мысль о болезни или несчастном случае. Пока Омар заходил в нижнюю комнату, я уже поднялся по лестнице. Хозяин предупредил меня:

– Не пугайся, господин, он болен!

– Что с ним?

– Да ничего особенного, только небольшой порез.

– Кто порезал его?

– Какой-то неизвестный, который раньше никогда здесь не был.

– За что?

– Сначала все было спокойно, они сидели и беседовали, потом начали играть, а когда твой знакомый должен был платить, у него не оказалось денег. Они стали ссориться и вытащили ножи. Он был пьян и получил удар ножом.

– Рана опасна?

– Нет, ведь он сразу не умер.

Этот наивный человек полагал, что ранение смертельно лишь в том случае, если человек сразу умирает.

– Ты задержал того, другого?

– Как же я мог это сделать? – спросил он недоуменно. – У твоего друга не было денег, и он первым вынул нож.

– Но ты хоть немного его знаешь?

– Нет. Я же сказал, что он у меня впервые.

– А врача вызвал?

– Да, я обратился к известному в нашем мире хакиму. Но ты оплатишь мне его визит? И еще я должен был отдать за твоего друга деньги чужаку, то, что он выиграл.

– Веди меня к нему!

– Пройди сюда, а у меня дела внизу.

Зайдя в комнату, в которой не было ничего, кроме матраца, я увидел там бледного бородяку с впалыми щеками. Я не был уверен, что ранение безопасно, и склонился над ним.

– Спасибо вам, что пришли, – медленно проговорил он.

– Вы можете говорить?

– Уже не сложно. Со мной все кончено.

– Наберитесь мужества. Что вам сказал врач?

– Да он шарлатан.

– Я отвезу вас в Пера. Вы входите в землячество прусских граждан?

– Нет. Я никогда не выдавал себя за франка.

– Что за человек был с вами?

– Тот-то? А что, разве вы не знаете? – на мгновение оживился он. – Я же искал и нашел его для вас. Это Абрахим-Мамур.

Я отпрянул, услышав это имя.

– Но это невозможно, он мертв!

– Мертв? Как бы я хотел, чтобы было так!

Характерная деталь: на своем, возможно, смертном одре бородяка забыл свою дурацкую тарбарщину и говорил на чистейшем *хох-дойч!*

– Расскажите! – попросил я его.

– Было уже очень поздно, но я еще сидел здесь. Тут явился он, совершенно мокрый, как будто в воду свалился. Я сразу же узнал его, а он меня – нет. Я занялся им, потом мы пображничали, потом стали играть, я проиграл. Я был пьян и спокойно мог проболтаться, что знаю его и гоняюсь за ним. У меня не было денег, и мы стали ссориться. Я хотел зарезать его, но он оказался проворнее. Вот и все.

– Я не могу осуждать вас. Что сделано, то сделано, и вы ранены. Не заметили ли вы, не знаком ли Абрахим Мамур с хозяином?

– Мне показалось, что они очень хорошо знакомы: хозяин дал ему сухую одежду, хотя тот и не просил...

– Держитесь! Вы из Ютербога?

– Нет, нет, вы ошибаетесь. Я знаю, что ранение смертельное, поэтому хочу сказать вам: я тюрингец, родственников нет, на родину я не собирался. Вы что, действительно хотите отвезти меня в Пера?

– Да, но до того надо показать вас настоящему врачу, он скажет, можно ли вас перевозить. У вас есть какое-то желание?

– Пусть мне дадут шербет, и не забывают меня!

Говорил он с трудом, с перерывами. Вот он закрыл глаза – сознание покинуло его.

Я спустился вниз к хозяину, дал ему соответствующие инструкции и обещал щедро оплатить все расходы. Затем мы быстро поскакали в Пера. Там я обратился в прусское консульство. Консул молча выслушал мое сообщение и согласился принять раненого, заботу о докторе он тоже взял на себя и попросил Омара сопровождать его. Хотя я и не полностью выложился в заботе о соотечественнике, все же мог очистить свою совесть от излишних угрызений.

Сразу же по возвращении я известил Исла, что Абрахим-Мамур вовсе не застрелен Халефом. Исла сидел в забитой книгами и товарами конторе. Исла искренне понадеялся, что нам все же удастся захватить его живым. Что касается брадобрея, то он мало озаботился его состоянием и заявил, что много раз охотился за ним, ибо тот неоднократно его обворовывал. Во время нашего разговора мой взгляд случайно упал на раскрытую книгу, лежащую перед Ислой. Это оказалась конторская книга, содержание которой меня не интересовало. Во время разговора его пальцы машинально перебирали страницы, и мои глаза выхватили на одной из страниц имя, которое заставило меня быстро положить руку на страницы, чтобы он не листнул дальше. «Генри Галэнгре, Шкондер».

– Галэнгре в Шкондере? – спросил я. – Это имя меня весьма интересует. Ты состоишь в связи с неким Галэнгре из Скутари?

– Да, это француз из Марселя, один из моих поставщиков.

– Из Марселя? Какое совпадение! Ты его когда-нибудь видел, говорил с ним?

– Часто! Он у меня бывал, а я – у него.

– А что ты знаешь о его судьбе, о семье?

– Я наводил о нем справки, прежде чем затеял с ним первое совместное дело, а потом он сам мне многое рассказывал.

– Что ты знаешь о нем?

– У него имелось небольшое дело в Марселе, но этого ему было мало, поэтому он отправился на Восток – сначала в Стамбул, потом в Адрианополь, там-то я с ним и познакомился. Вот уже год он живет в Скутари и преуспевает.

– А его родные?

– У него есть брат, тому тоже не нравилось в Марселе. Он поехал в Алжир, потом в Блиду, где настолько поднаторел в торговле, что брат послал ему из Адрианополя своего сына на выучку. Этот сын взял себе в жены девушку в Марселе, снова вернулся к отцу и постепенно взял на себя все дело. Однажды он отправился в Блиду к дяде, чтобы обсудить какое-то важное дело, и в тот самый момент дядю убили, а их совместную кассу обокрали. Подозревали одного армянского торговца, и молодой Галэнгре стал за ним гоняться, потому как знал, что местная полиция не особенно ретива в таких» делах. Потом он неожиданно исчез. Его отец удвоил свое состояние, унаследовав имущество брата, но и по сей день оплакивает сына и многое отдаст, появившись хоть какой-то его след. Вот все, что я могу сказать.

– Ну что же, я могу, пожалуй, навести его на след.

– Ты? – спросил пораженный Исла.

– Да. Как ты мог так долго молчать? Я тебе еще в Египте рассказывал, что Абу эн-Наср убил в Тарфои одного французца, вещи которого я взял себе. Разве я тебе не говорил, что этого французца звали Поль Галэнгре?

– Имени ты не называл.

– Вот, у меня на пальце до сих пор его обручальное кольцо, остальные вещи, к сожалению, утонули вместе с седельной сумкой, когда моя лошадь пошла на дно в ШоттДжериде.

– Эфенди, ты должен рассказать это старику!

– Само собой!

– Ты напишешь ему?

– Поглядим. Письмо его ошарашит. Дорога домой, возможно, пройдет через те места. Я подумаю.

После этого разговора я разыскал Халефа, который никак не хотел поверить, что его выстрел не достиг цели. Он вынужден был признать:

– Сиди, все-таки моя рука дрожала!

– Да уж.

– Но ведь он испустил крик и утонул. Мы больше его не видели.

– Он хороший пловец и поступил умно. Дорогой Халеф, нас обвели вокруг пальца. Ну где ты слышал, чтобы человек с простреленной головой испускал крики?

– Нигде не слышал, потому что еще не стрелял в головы. Если мне попадут в голову, я попробую закричать, если моя Ханне мне, конечно, позволит... Но, сиди, найдем ли мы снова его следы?

– Надеюсь.

– Через хозяина?

– Да – или через дервиша, который его знает. Я сегодня же с ним переговорю.

Посетил я и Баруха в закутке нашего садового домика. Он уже очухался и смирился с теми маленькими потерями, которые понес из-за пожара. Он поверил, что богатый Мафлей сдержит слово и позаботится о нем. Пока я ездил в Димитри и Пера, он уже побывал в Бахаривекей и поведал мне, что от огня пострадало множество домов. Мы разговаривали, когда появился чернокожий слуга Мафлея и сообщил, что пришел офицер и хочет говорить со мной.

– Кто это? – спросил я его.

– Это юзбаши (капитан).

– Проводи его в мою комнату.

Я не посчитал нужным делать ради него ни шага и не пошел в основное здание, а принял его в своей комнате, где был и Халеф, которому я сообщил, кого ожидаю.

– Сиди, – отозвался он, – этот юзбаши был груб с тобой. А ты как себя поведешь?

– Я буду вежлив.

– Думаешь, он извинится? Ну что ж, я тогда тоже буду вежливым. Разреши мне быть при нем твоим слугой!

Он встал с той стороны возле двери, я сел на диван и зажег трубку. Через короткое время послышались шаги и голос хаджи, который спросил чернокожего:

– А ты куда идешь?

– Я веду агу к чужеземному эфенди.

– К эмиру из Германистана? Можешь заворачивать, ибо тебе надобно знать – перед эмиром так просто нельзя появляться, как перед каким-нибудь портным или сапожником. Эмир, мой господин, любит, чтобы с ним обходились с почтением.

– Где твой господин? – послышался грубый голос капитана.

– Позволь мне, твоя честь, сначала спросить тебя, кто ты?

– Это сам хозяин увидит!

– Но я не уверен, понравится ли ему это. Он строгий господин, и я не знаю, будет ли он доволен.

Я с удовольствием представлял себе добродушное лицо Халефа и гримасы злобного капитана, выполнявшего приказ своего начальника. Но он уже не мог повернуть назад, хотя ему явно этого хотелось. Он сказал:

– Твой господин действительно такой важный? Такие люди обычно живут иначе, не то, что

мы видели вчера!

– Это он делает ради своего удовольствия. Он скучал и решил развлечься, посмотреть, как шестьдесят доблестных солдат поймают двадцать подростков, а взрослых отпустят восвояси. Ему это весьма понравилось, и вот он сидит на диване и ловит кейф, а я не хочу, чтобы ему в этом мешали.

– Ты ранен. Разве тебя вчера не было при этом?

– Да, я был, стоял внизу у двери, где должны были стоять часовые. Но, я вижу, ты расположен со мной поговорить. Так садись, твоя честь!

– Стой, человек. Мне нужно поговорить с твоим господином!

– А если он меня спросит, кто ты?

– Скажи, что вчерашний юзбаши.

– Хорошо, я попрошу его распространить свою милость на тебя и переговорить с тобой...

Он отошел и толкнул дверь позади себя. Лицо его сияло.

– Он может сесть рядом? – спросил он тихо.

– Нет. Положи ему подушки поближе к двери, но с почтением, а потом принеси трубку и кофе.

– Тебе тоже кофе?

– Нет, я с ним пить не буду.

Он открыл дверь с бормотанием: «Эмир ждет вас». Тот приветствовал меня кивком головы и начал:

– Я пришел, чтобы передать тебе...

Он запнулся, ибо я сделал движение рукой, означающее молчание. Мне хотелось показать ему, что даже христианин достоин более почтительного отношения. Он все еще стоял возле двери. Халеф принес подушку и положил у его ног; потом вышел. Наблюдать за лицом юзбаши было истинным удовольствием: на нем постепенно сменялись выражения наглости, удивления и стыда. Потом в нем что-то надломилось, и он сел. Для мусульманина было большим испытанием сесть рядом с христианином, да еще у двери.

Халеф принес кофе и трубку и встал рядом. Беседа началась.

– Сын мой, – начал я в дружески-отцовском тоне, хотя мы были одного возраста, – сын мой, я прошу тебя уяснить то, что произнесут мои уста. Когда входят в господскую комнату, хозяина ее приветствуют, иначе можно прослыть невеждой. И начинать говорить первым – признак дурного тона; хозяин должен сам начать. Надеюсь, ты примешь мои слова доброжелательно, поскольку молодость обязана усваивать опыт зрелости. А теперь ты можешь изложить мне свою просьбу.

У капитана трубка чуть не выпала изо рта и открылся рот от удивления. Он почти прокричал:

– Это не просьба, а приказ!

– Приказ? Сын мой, полезно говорить медленнее, ибо только таким способом можно избежать опасности произнести непродуманные вещи. В Стамбуле нет такого человека, который мог бы мне приказывать. Кто же мне изволил приказать?

– Мужчина, который вчера нами командовал.

– Ты имеешь в виду миралая... – И я добавил имя, услышанное от солдата.

Юзбаши, пораженный, воскликнул:

– Ты знаешь, как его зовут?

– Как слышишь. Что же ему от меня нужно?

– Я приказываю тебе не разыскивать его и никому не рассказывать о вчерашнем.

– Я уже сказал тебе, что мне никто не может приказывать. А миралаю скажи, что эта

история появится в следующем номере «Бассирет». А теперь давай закончим нашу беседу.

Я поднялся и пошел в соседнюю комнату. Юзбаши от удивления забыл о способности говорить и даже не встал, когда я с ним прощался.

Было совершенно ясно, что миралай это дело так не оставит, но я был совершенно не обязан ждать его посланцев и стал собираться на выход. Моей целью был монастырь дервишей, где нужно было поговорить с Али Манахом. Как и вчера, я нашел его в келье за молитвой. Мое появление оказалось для него приятной неожиданностью. Я приветствовал его.

– Салам! – поблагодарил он. – Ты снова принес что-нибудь?

– Пока не знаю. Как мне тебя называть – Али Манахом бен Барудом эль-Амасатом или же Эн-Насром?

Он вскочил с дивана и встал рядом.

– Нет! Тихо! – зашептал он. – Выйди через заднюю дверь к кладбищу, я скоро.

Мне показалось, что я выиграл, если только меня не обманули. Я вышел из здания, прошел через двор, миновал решетку и вступил на кладбище. Здесь покоились сотни дервишей, они свое оттанцевали, и лишь камень лежал теперь в их изголовье, а на нем – тюрбан. Свою комедию они отыграли. Я недалеко ушел среди могил, как появился дервиш. Он двигался, погруженный в глубокое раздумье, я пошел следом. Он направлялся в отдаленный угол кладбища.

– Что ты хочешь сказать мне? – спросил он.

Мне нужно было быть осторожным, поэтому я ответил:

– Сначала мне нужно изучить тебя. Можно ли на тебя положиться?

– Спроси уста (настоятеля) – он знает меня!

– А где его найти?

– В Димитри, у грека Колеттиса. До вчерашнего дня мы были в Бахаривекей, но нас обнаружили и изгнали. Уста чуть не застрелили. Его спасло умение плавать.

Так я узнал, что Абрахим-Мамур – предводитель шайки, в Баальбеке он меня не обманул. Но дервиш назвал мне человека, напомнившего мне о более раннем событии. Разве того человека, который был в ступенчатой долине, звали не Александром Колеттисом? И я стал расспрашивать дальше:

– На Колеттиса можно положиться?

– Да. Знаешь, где он живет?

– Нет, я недавно в Стамбуле.

– Откуда ты?

– Из Дамаска, где и встретил уста.

– Да, он был там, но дело не задалось. Какой-то франкский хаким узнал его, и он вынужден был бежать.

– Да, я знаю – он украл лишь часть богатств у богача Шафея ибн Якуба Афара. Оно продано?

– Нет.

– Ты точно знаешь?

– Совершенно точно, ведь мы с отцом – его доверенные лица.

– Я приехал, чтобы обговорить с ним этот вопрос. Я знаю одного надежного человека, который возьмет все. У него все при себе?

– Он прячет их в башне Галаты, в надежном месте. Но ты пришел слишком поздно, потому как брат Колеттиса тоже нашел покупателя, он сегодня придет.

Я насторожился, но не подал виду.

– А где Баруд эль-Амасат, твой отец? У меня для него сообщение.

– А можно ли тебе верить? – спросил он задумчиво.

– Проверь.

– Его можно найти в Эдирне у торговцев Гулямов.

Нельзя сказать, чтобы я не струхнул, ибо на карту был поставлен вопрос жизни и смерти, но действовать нужно было решительно.

– Я знаю, – сказал я как можно спокойнее. – Этот Гулям родственник Якуба Афара из Дамаска и торговца Мафлея из Стамбула.

– Вижу, ты видишь все. Тебе можно доверять.

– Тогда скажи еще, где сейчас твой дядя Хамд эль-Амасат?

– И его ты знаешь? – спросил он удивленно.

– Очень хорошо знаю, он бывал в Сахаре и Египте.

Удивление его росло. Я казался ему влиятельным членом их братства. Он спросил, не являюсь ли я дамасским уста.

– Не спрашивай, а отвечай мне!

– Хамд эль-Амасат в Скутари. Он живет у франкского торговца Галэно или Галэне...

– Галэнгре, хочешь ты сказать.

– Господин, ты знаешь абсолютно все!

– Нет, я не знаю одного – как сейчас зовут уста?

– Он из Коньи, и зовут его Абд эль-Миратта.

– Благодарю тебя. Скоро ты обо мне услышишь.

Он ответил на мое прощание с подобострастием, из чего мне стало ясно, что он поверил мне полностью. Нельзя было терять ни минуты, иначе можно было потерять все. Даже не заходя к Мафлею, я пошел в Димитри, чтобы справиться в кофейне о Колеттисе. Хозяина не было, на хозяйстве была жена. Прежде всего я поинтересовался брадобреем и узнал, что приходил врач и перевязал его. Недавно его увезли. Я спросил о Колеттисе. Женщина посмотрела на меня удивленно и спросила:

– Колеттис? Да это имя моего мужа!

– Да? Вот не знал. А где найти человека из Коньи по имени Абд эль-Миратта?

– Он живет у нас.

– Где же он сейчас?

– Пошел гулять к башне Галаты.

– Один?

– С братом мужа.

Итак, все складывалось отлично! Наверняка они занимались украшениями. Надо было идти за ними. Я узнал, что они ушли недавно. Омар был здесь, когда они ушли, и покинул дом вскоре после них. Так что мститель пошел по следам убийцы. Я сел на лошадь и поехал в сторону Галаты. На улицах этого квартала было полно празднующихся матросов, солдат, горшечников и всяческих подозрительных личностей, пробраться через которых было непросто.

Возле башни было вообще не протолкнуться. Наверное, там что-то произошло, поскольку все толкались и пинались, начиналась давка. Я заплатил за лошадей и стал продираться сквозь толпу. Какой-то человек рядом со мной пояснил:

– Двое поднялись на галерею башни и упали оттуда, они лежат под башней.

Мне стало жутко. Омар пошел за теми двумя. Что, если несчастье произошло с ним?

Я стал решительно пробиваться вперед. Наконец мне удалось растолкать зевак, и я оказался возле круга, образованного густой толпой. В середине лежали два обезображенных тела. Галерея гонуэзской башни расположена на высоте сорок метров – можно легко представить, как выглядели трупы. Омара среди них не было – это я понял по одежде. Лицо одного было нетронуто, и я узнал того самого Александра Колеттиса, который ускользал от хаддедина. Но

кто другой? Понять это было невозможно. Как сказал мне сосед по толпе, когда он падал, то на какое-то мгновение смог удержаться, ухватившись за решетку, но тут же сорвался.

Я невольно бросил взгляд на его руки. На правой у него имелся порез – этой рукой он пытался удержаться. Но где Омар? Я пробился к башне и стал подниматься. Пришлось заплатить еще раз бакшиш, и меня никто не удерживал. Я поднялся по пяти каменным лестницам на пять этажей, потом по деревянным ступеням до кофейни. Хозяина я там нашел, но ни одного гостя. До сих пор мне пришлось преодолеть 144 ступени. Оставалось 45 до колокола. От него я ступил на галерею. Обогнул ее по окружности и очутился на месте, под которым внизу лежали тела и пестрели пятна крови. Они явно боролись, эти люди! Бой на такой высоте, на гладком, скользком полу, один против двоих, как я предполагал. Ужас!

Я снова устремился вниз, минуя кофейню, и побежал домой. Первым, кого я увидел в селамлыке, был Якуб Афара. Лицо его светилось радостью, он обнял меня и произнес:

– Эмир, порадуйся со мной, я вернул себе мои изделия!

– Быть не может!

– Но тем не менее это так!

– Как же это случилось?

– Твой друг Омар сделал это!

– Откуда он их принес?

– Не знаю. Он вручил мне пакет и тут же пошел в садовый домик, где заперся в комнате. Он никому не хочет открывать дверь.

– Посмотрим, не сделает ли он для меня исключение...

У двери садового домика стоял Халеф. Он подошел ко мне и спросил:

– Сиди, что случилось? Омар бен Садик пришел весь израненный. Сейчас он промывает раны.

– Он выследил Абрахим-Мамура и сбросил его с башни.

– Машалла! Быть не может!

– Я предполагаю и почти уверен, что так оно и есть. Но пока надо молчать.

Я подошел к двери и назвал свое имя. Он сразу же открыл и пустил нас с Халефом. И вот что он рассказал.

Сначала он был у врача, которого сопровождал, потом снова с носильщиками, забравшими брадобрея; пришел в жилище Колеттиса и застал там последнего тихо беседующим с Абрахим – Маму ром, но те его не узнали. Он разобрал несколько отдельных слов в их беседе и прислушался. Потом вышел из комнаты, но по коридору прошел к другой двери, зашел в пустую комнату и слышал весь их разговор – те чувствовали себя в безопасности и говорили громко.

Они говорили о драгоценностях из Дамаска, которые собирались забрать в башне, где находился один из людей из шайки Абрахима. Дальнейший ход разговора убедил его, что предположение верно, ибо Абрахим рассказывал о вчерашнем бегстве в Золотом Роге. Омар решил следить за ними до башни. Подслушать все ему удалось благодаря тому, что хозяйка все время была занята во дворе. Когда они двинулись в путь, он последовал за ними. Какое-то время они пробыли с охранником в полуподвальном этаже башни, используемом как курятник, а потом стали подниматься. Он – за ними. В кофейне выпили по чашке кофе, затем оба пошли выше, а охранник вернулся. Омар пошел за ними. Когда он добрался до колокольни, они стояли снаружи на галерее, повернувшись к нему спиной, а пакет лежал в комнате с колоколами. Он придвинулся поближе, и тут они его заметили.

– Что тебе нужно? – спросил Абрахим. – Ты ведь был у Колеттиса?

– А почему это тебя интересует? – ответил Омар.

– Ты нас хочешь подслушать, собака!

Тут Омар вспомнил, что он сын свободных и мужественных *уэлада меразита*, и к нему вернулась храбрость льва.

– Да, я вас подслушивал! – с вызовом произнес он. – Ты Абрахим-Мамур, похититель девушек и сокровищ, чье логово вчера было нами разгромлено. Месть близка. Я приветствую тебя от имени эмира Франкистана, который вновь забрал у тебя Гюзель и выгнал из Дамаска. Твой час пробил!

Абрахим как окаменел. Это использовал Омар, напав на него. Он схватил его и перебросил через парапет. Колеттис с криком схватился за кинжал. Они сцепились. Омар был ранен в шею, но это только удвоило его силы, и он выбросил и грека за решетку. Тут Омар заметил, что Абрахим одной рукой держится снаружи за ограждение. Омар схватил нож и вонзил ему в руку. Пальцы разжались...

Это произошло быстрее, чем рассказывается здесь. Он прополз назад в колокольный зал, взял пакет и ушел. Ему удалось скрыться незамеченным. Тем временем внизу вокруг трупов стала собираться толпа.

Омар рассказал все это с таким равнодушием, как будто речь шла об обычных делах. Я тоже никак это не прокомментировал, а только перевязал ему рану. Затем он пошел с нами в главный дом, где его рассказ вызвал иную реакцию. Мафлей, брат его и Исла вскрикивали от ужаса и в конце концов помчались смотреть на тела. Через некоторое время они вернулись и сообщили, что трупы перенесли в то самое полуподвальное помещение башни. Никто их так и не мог опознать...

Я спросил Халефа, не хочет ли он взглянуть на своего старого друга, переводчика Колеттиса, но тот ответил с невозмутимой миной, пожав плечами:

– Если бы это был Кара бен Немей или хаджи Халеф Омар, я бы пошел. Этот грек же – крот, на которого и смотреть не хочется.

Понадобилось много времени, чтобы Мафлей и его родственники наконец успокоились.

– Этого нападения явно недостаточно! – сказал Исла. – Короткое мгновение страха – малая кара за все то, что он совершил. Надо было бы взять его живым.

– Но остались еще оба Амасата, – добавил его отец. – Надеюсь, нам с ними доведется повстречаться!

– Вам достаточно будет одного – Баруда эль-Амасата, другой вам ничего не сделал. Если вы обещаете не причинять ему насилия, а передать суду, вы его получите.

Эти мои слова вызвали новое оживление. Меня одолевали расспросами и просьбами. Я держался твердо, но под конец все же рассказал о сегодняшнем разговоре с дервишем. Едва я закончил, как вскочил Якуб Афара и закричал:

– Аллах керим! Я догадался, что нужно этим людям. Они нацелились на нашу семью, ибо Исла отнял у этого Абрахим-Мамура Зеницу. Сначала они хотели сделать меня нищим, это им не удалось. Потом они направились в Адрианополь, потом настала очередь Мафлея – начали с поставщиков. Надо срочно написать, предупредить Гуляма и Галэнгре!

– Написать? – удивился Исла. – Что это даст? Надо самим ехать в Адрианополь и поймать этого Баруда эль-Амасата. Эфенди, ты поедешь с нами?

– Да, – ответил я, – это лучшее, что можно сейчас придумать. Я поеду с вами, потому что этот город лежит по пути домой.

– Ты хочешь возвращаться, эфенди?

– Пожалуй. Я пробыл вдали от родного дома намного дольше, чем предполагал.

Надо сказать, что это мало кому понравилось, но, когда я обосновал свое решение, они вынуждены были признать, что я прав. Во время этого дружеского спора молчал только Халеф, а на его хитрой физиономии было написано: «Я молчу, а все равно знаю больше, чем все вы».

– И когда же выезжаем? – спросил Исла, проявляя нетерпение.

– Сейчас! – ответил Оско. – Я не намерен тратить ни минуты, пока у меня в руках нет этого дружка Амасата.

– Надо сделать кое-какие приготовления, – заметил я. – Если завтра рано утром мы тронемся, это не будет поздно, у нас еще весь день впереди. Мы поедем или поскачем?

– Поскачем! – решил Мафлей.

– А кто поедет с нами?

– Я! Я! Я! – раздалось со всех сторон.

Выяснилось, что ехать хотят все. После долгих споров было решено, что в поездке примут участие Шафей ибн Якуб Афара, которому было нечего делить с Барудом, но он хотел использовать редкую возможность навестить родственников; Исла, желавший схватить предателей своей жены; Оско, мстивший за дочь; Омар, стремившийся попасть из Адрианополя в Скутари, чтобы посчитаться с Хамд эльАмасатом; я, рвавшийся домой. Мафлея буквально силком убедили остаться – поскольку Исла ехал с нами, тот должен был остаться на хозяйстве.

Халеф не проронил ни слова. Когда я его спросил, он сказал лишь:

– Сиди, неужели ты думаешь, что я тебя брошу? Аллах свел нас, я останусь с тобой!

– Подумай о Ханне, цветке среди женщин! Ты удаляешься все больше от нее!

– Ты же знаешь, я всегда делаю то, что твердо решил. Я еду!

– Но когда-то нам все же суждено расстаться!

– Господин, это время скоро наступит, и я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь в этой жизни. И я тем более не хочу отдаляться от тебя сейчас, в преддверии большой разлуки.

Он встал и вышел, чтобы прекратить дальнейшие разговоры на эту тему.

Сборы не заняли у меня много времени. Нам с Халефом достаточно было оседлать лошадей. Надо было лишь отыскать Линдсея, чтобы поставить его в известность о наших планах. Когда я навестил его, он как раз вернулся из поездки в Буюкдере. Он встретил меня радостно-обиженно, произнеся при этом:

– Добро пожаловать! Плохой человек! Были в Бахаривекей и меня с собой не взяли. И что же теперь вам надобно?

– Сэр, я должен сообщить вам, что больше не живу в Бахаривекей.

– Вот как? Отлично. Перебирайтесь ко мне, мистер!

– Спасибо, завтра утром покидаю Константинополь, поедете со мной?

– Ага... Поеду!

– Дело нешуточное – предупреждаю сразу!

– Это меня как раз радует. Но почему так быстро, ведь вы только-только обосновались в милом гнездышке.

Я рассказал ему вкратце все, что произошло за эти дни. Когда я закончил, он кивнул и сказал:

– Слава Богу, что этот парень получил по заслугам. Оба других тоже свое получают. С удовольствием поехал бы с вами, но занят, не могу.

– Чем же это, сэр?

– Был в консульстве и встретил двоюродного брата – тоже Линдсея, но не Дэвида. Он собирается в Иерусалим, но ничего не понимает в путешествиях и попросил меня составить ему компанию. Жаль, что вы не сможете. Сегодня вечером зайду к Мафлею, попрощаюсь.

– Это все, что я хотел вам сказать, сэр. Мы с вами за несколько месяцев наворочали такого, чего многие не сделали и за несколько лет. Будем помнить только доброе и надеяться на встречу.

– Да, до встречи! Да! Расставание – плохое дело, – сказал он, взявшись одной рукой за нос,

а другой протирая глаз. – Но меня интересует одно: что будет с конем?

– С каким?

– С жеребцом.

– А что с ним станется? Я на нем еду.

– И в Германию с собой возьмете?

– Пока не знаю.

– Продайте его, сэр! За него много дадут. Подумайте! Если он вам пока нужен, привезите потом в добрую старую Англию. Я торговаться не буду, заплачу сколько скажете.

Этот разговор был мне неприятен. Что мне, бедному литератору, было делать с таким конем? На родине обстоятельства не позволили бы мне пользоваться скаковой лошастью. Продать? Подарок шейха хаддединов? А кто будет новым хозяином вороного? Содержать его я не мог, продавать тоже. Ага, придумал. Надо найти коню, не раз спасавшему меня в трудных ситуациях, достойного хозяина. Он должен жить не на холодном севере, а на равнинах юга, в местах, где родился, у хаддединов. Поскольку мы вечером договорились встретиться, я не задержался у Линдсея. Я еще раз сходил в посольство и переговорил с консулом. Тот сообщил, что цирюльник из Ютербога больше не доставляет ему хлопот по причине смерти. Удалось узнать, что он родом из Тюрингии и на счету у него несколько преступлений. Я все равно посочувствовал молодому человеку, который при своих выдающихся способностях мог бы многое сделать, направь он их в нужное русло.

Консул проводил меня до дверей. Мы еще стояли у выхода и обменивались вежливыми словами, как вдруг мимо нас проскакали двое всадников. Я не обратил на них внимания, но один из них притормозил, и второй вынужден был сделать то же самое. Консул, попрощавшись, ушел в дом, а я собирался идти по своим делам, но услышал:

– Машалла, не верю своим глазам! Эмир!

Кто-то меня звал. Я обернулся. Оба всадника были офицеры. Один из них был тот самый миралай, чьих посланцев я сегодня столь вежливо принял, а второй, в том же ранге, был тот адъютант, которого я захватил в плен, когда он шпионил у езидов, и который мне потом был весьма благодарен. Я подошел и сердечно пожал ему руку.

– Салам, эфенди! – приветствовал я его. – Ты еще помнишь слова, которыми я напутствовал тебя при расставании?

– А что ты говорил?

– Я говорил: «Может статься, увижу тебя миралаем». И Аллах исполнил мою просьбу. Из *насир-агаси* вырос полковой командир!

– А знаешь, кому я этим обязан?

– Нет.

– Тебе, эмир. Езидов стала притеснять центральная власть, а наместник Мосула был оштрафован, как и другие. *Кади аскери* Анатолии приехал и изучил все на месте; его приговор был исполнен, а так как я был там задействован твоей волей, то выходит, я был повышен в звании благодаря тебе. Разрешешь навестить тебя однажды?

– Приму от всего сердца. Но, к сожалению, сегодня я в Стамбуле последний день. Утром рано уезжаю.

– Куда?

– В Европу. Я достаточно поездил по Востоку, изучил обычаи и нравы, мне есть что рассказать читателям – из того, во что они и поверить не могут.

Эти слова были произнесены мной не без умысла – его спутник почувствовал укол, поскольку сказал:

– Я сегодня посылал к тебе еще раз, но тебя не было. Ты разрешишь навестить тебя?

Я ответил прохладно, совсем не так, как только что разговаривал с его коллегой:

– Я приму тебя, хотя время меня сильно поджигает.

– Когда?

– Я могу только в ближайший час, позже нет.

– Аллах керим! И вы друг друга знаете? Тогда мы приедем вместе!

Он пожал мне руку, и мы расстались. Уж кого-кого, а его я совсем не надеялся встретить!

На обратном пути мне нужно было еще кое-что прикупить для предстоящей поездки. Я был уверен, что наш хозяин возьмет на себя все траты, связанные с вояжем, но не хотелось злоупотреблять его добротой. Халеф, узнав, что я встретил насир-агаси и он собирается к нам, очень обрадовался. Он тут же стал заготовливать трубки и суетиться не по делу, а также всячески давал мне понять, что миралая, чьего, посланца мы сегодня продержали у дверей, надо принять по первому разряду, потому как он придет с нашим другом и знакомым.

И часа не прошло, как оба офицера приехали к нам в гости. Приняли их очень хорошо. Разговор крутился главным образом вокруг наших переживаний в этом доме. Я рассказал также о моей встрече с *макреджем* Мосула и узнал, что солдаты благополучно доставили его в Мосул, где он потом и сгинул. Кади аскери Анатолии знал точно, в какой тюрьме заточен судья.

Уже когда мы расставались, он вспомнил, что нужно поговорить о деле.

– Эмир, – сказал он, – завтра в газете что-то будет опубликовано. Нельзя ли это отменить?

Я пожал плечами и медленно проговорил:

– Ты мой гость, эфенди, а я привык оказывать почести всем гостям, но позволь мне сказать тебе откровенно. Если бы не я, тебя бы не было в живых. То, что совершил, я сделал как человек и христианин, и за это мне не нужно вознаграждения, но ты это не принял во внимание. Вместо этого ты обращался со мной как с одним из твоих солдат, а сегодня ты присылаешь мне этого юзбаши, который еще имеет наглость приказывать. Ты не должен на меня за это сердиться. Просто я не привык, чтобы со мной обращались как с теми, кто посещал дом грека ради сомнительных удовольствий. Думаю, что вчера сделал больше пользы, нежели причинил вреда. Не знаю, сможешь ли ты исполнить одну мою просьбу.

– Говори!

– Своим спасением ты обязан другому человеку. Он жил рядом и указал мне на отверстие, через которое я тебя и похитил. Ты приказал сжечь эти постройки и тем самым лишил его всего. Если ты дашь этому человеку хоть маленькую надежду, то навсегда останешься в моей памяти как великодушный и добрый человек.

– А где живет этот храбрец?

– Бедолага делит кров с хозяевами этого дома.

– Позови же его!

– Охотно!

Я послал Халефа за Барухом, и они вместе предстали пред нашими очами. Миралай окинул его холодным взглядом и спросил:

– Это твои вещи сожгли вчера вечером?

– Да, господин, – тихо проговорил тот.

– Вот, возьми, купи новые.

Он залез в кошелек и вытащил какую-то сумму – по положению его пальцев я понял, что небольшую.

Барух поблагодарил и хотел уходить, но я задержал его.

– Стой, Барух Шебет бен Барух Хереб. Покажи, что ты получил. Да простит эфенди мое любопытство – я просто хочу посмотреть, чтобы поблагодарить его.

Это были две золотые монеты: одна 50, а другая 20 пиастров, то есть около 14 марок в

пересчете на наши деньги. Более чем скупой. Я не исключал такую возможность, что миралай вчера, прежде чем дал приказ грабить дом, забрал из дома все имевшиеся там ценности, обследовав карманы убитых. Доказать это я не мог, но знал, как действуют господа подобного рода.

Поэтому я спросил его:

– Ты вернул себе три тысячи пиастров, эфенди?

– Да.

– А человеку, которому ты обязан жизнью, ты вернул семьдесят за его сожженное жилище?

Подари ему тысячу, и тогда мы расстанемся друзьями, а в газете не появится твое имя!

– Тысячу?! Это невозможно!

– Как хочешь. Барух, верни ему эти деньги! Мы пойдем вместе к кади – ты как обвинитель, а я как свидетель. Тот, кто сжег твое имущество, должен компенсировать это, даже если он командует полком и мой гость в настоящий момент. Я узнаю через посланника моего великого господина, разрешает ли султан своим офицерам жечь постройки мирных граждан.

Я встал и показал своим видом, что встреча окончена, встали и гости. Барух подошел к миралаю, чтобы вернуть деньги, но тот скорчил гримасу и выдавил из себя:

– Оставь их себе. Я вышлю тебе остальное!

– Делай это побыстрее, эфенди, или через час мы пойдем к судье!

Это была малоприятная сцена, но меня совершенно не мучают угрызения совести – то было святое вымогательство. Тысяча пиастров только кажется значительной суммой – но и она могла бы помочь Баруху организовать дело по торговле ювелирными изделиями.

Миралай покинул комнату с гордым видом, но Назир сердечно со мной попрощался.

– Эмир, – сказал он, – я догадываюсь, как трудно тебе было вести подобную беседу, мне бы на твоём месте это вообще не удалось. Он любимец Ферик-паши, только и всего. Живи спокойно и вспоминай иногда обо мне, а я не забуду тебя!

Через час приехал посланец, онбаша, и привез кошелек с деньгами. Барух плясал от радости, а его супруга нарекла меня самым добрым эфенди в мире и обещала ежедневно молиться за меня.

Вечером все собрались и устроили прощальный ужин, на котором была Зеница. Как христианка она могла показывать свое лицо, хотя Исла не разрешал ей выходить без паранджи на улицу. Она рассказала нам о своих переживаниях в неволе и о том, как ей удалось спастись от АбрахимМамура.

Потом пришел Линдсей. Его нос обрел наконец свой первоначальный вид, и он, переменяя свои планы, мог теперь возвращаться в Лондон. Я проводил его до дома. Там он открыл еще одну бутылку вина и признался, что любит меня как брата.

– Я все время был доволен, – признался он, – кроме одного раза.

– Когда же?

– Когда отлучился на раскопки и не нашел ни одного «летающего быка». Жуткая история!

– Думаю, у вас еще все впереди, сэр. Вы и в Англии найдете, что раскопать.

– А что вы решили с лошадей?

– Я не буду ее продавать.

– Тогда сохраните ее в любом случае. Вы ведь приедете в Англию, я там буду в течение двух дней. И еще вы были моим проводником всюду, а я вам ни разу не заплатил. Вот, возьмите. – И он протянул мне небольшое портмоне.

– Не делайте глупостей, сэр, – сказал я, возвращая его обратно. – Я ездил с вами как друг, а не как слуга, которого надо содержать!

– Но, мистер, мне кажется, что...

– Пусть вам кажется все, что угодно, но только не то, что я должен брать у вас деньги.

Всего вам доброго!

– Но что, вы не возьмете эту крохотную сумочку?

– До свиданья, сэр!

Я быстро обнял его и распахнул дверь, не обращая внимания на его охи и ахи.

О прощании наутро с Мафлеем и Зеницей можно не рассказывать. Когда солнце вошло, мы были уже у Чатаджи, от которой дорога идет через Истранжу и Визе прямо на Адрианополь.

Глава 8

В ЭДИРНЕ

Адрианополь, который турки называют Эдирне, – самый крупный после Константинополя город Османской империи. Здесь находилась резиденция султанов от Мурада I до Мехмеда II, завоевавшего в 1453 году Константинополь и перенесшего туда свою столицу. Но и позже здесь любили жить султаны, из которых больше всех известен Мехмед IV.

Из сорока мечетей города самая знаменитая Селимие, построенная Селимом II. Она больше Айя-Софии в Константинополе и обязана своим рождением известному архитектору Синану. Как оазис в пустыне, лежит она среди деревянных построек, чьи разукрашенные стены едва выступают из уличной грязи. Импозантный купол ее изнутри поддерживают гигантские сваи, а снаружи окружают четыре минарета, с балконами для муэдзинов. Снаружи идет два ряда галерей, сделанных из ценных разновидностей мрамора, с 25 окошками. Во время праздника рамадана здесь загораются 12 тысяч светильников.

Мы ехали со стороны *Кыркларели* и давно видели перед собой огоньки минаретов Селимие. Издали Адрианополь являл собой восхитительный вид, когда же мы оказались на его улицах, он предстал пред нами обычным восточным городом – вблизи краски его померкли я впечатления от увиденного издали забылись. Гулям, которого мы разыскивали, жил вблизи Уч Шерефели, мечети Мурада I. По ее двору, мощенному красивым мрамором, мы с грохотом проскакали. Двадцать четыре из семидесяти колонн, поддерживающих купола, были построены на сокровища иоаннитов, добытых при захвате Смирны.

Мы нырнули в густо населенный переулок и остановились перед высокой стеной с наглухо запертыми воротами. Эта стена была фасадом дома, который должен был нас гостеприимно принять.

У ворот имелось круглое окошко на уровне головы, в котором по стуку Ислы показалось бородатое лицо.

– Ты меня еще помнишь, Малем? – спросил юный стамбулец. – Открывай!

– Машалла! Аллах акбар! – запричитал тот. – Это ты, господин? Заходи скорее!

Ворота распахнулись, и мы оказались в довольно большом дворе, окруженном кольцевыми галереями. Все говорило об изрядном богатстве, в том числе и количество слуг.

– Где господин? – обратился Исла к человеку, приветствовавшему его с глубоким почтением.

Как я позже узнал, то был управляющий.

– В своем кабинете за книгами.

– Отведи людей в селамлык и проследи, чтобы их обслужили. Не забудь о лошадях.

Он взял Якуба Афара под руку и повел в кабинет хозяина. Нас же проводили в довольно большую комнату. Передняя часть образовывала нечто вроде веранды, другие же стены были покрашены в голубой цвет с золотом.

Невзирая на пыль, осевшую на нашу одежду, нас усадили на обитые зеленой тканью диваны; каждый получил кальян и по чашечке кофе, которые подавались не на подносиках, а на серебряных треножниках каждая. Все это еще раз убедило нас в том, что хозяева – больше, чем просто обеспеченные люди. Едва мы отпили по глотку, как появились Афага и Исла с хозяином. Он был высок, статен, с седой бородой, похожей на бороду Мехмеда Эмина. Весь его вид заставил нас непроизвольно подняться с диванов.

– Салам алейкум! – приветствовал он нас и поднял руки, как для молитвы. – Добро

пожаловать в мой дом и считайте его своим!

Он подошел к каждому и пожал ему руку, потом с обоими своими родственниками присел рядом с нами. Ему тоже принесли кофе и трубку. Мы были представлены ему Ислий. Он долго рассматривал меня, потом снова пожал руку и держал ее в своей с минуту.

– Ты, наверное, не догадываешься, что я тебя знаю, эфенди, – произнес он. – Исла мне много о тебе рассказывал. Он тебя очень любит, и мое сердце ты тоже покоришь, хотя мы и не виделись.

– Господин, твои слова наполняют мою душу легкостью, – ответил я. – Мы сейчас не в пустыне и не на равнинах с бедуинами, и потому не всегда наверняка знаешь, что тебя хорошо примут.

– Да, добрые обычаи наших предков теряются из года в год, особенно в городах. А пустыня – место, где рождается дух взаимопомощи, Аллах посадил там ветвь любви к ближнему. В городе чужестранец чувствует себя обездоленнее, чем в Сахаре, где подчас нет крыши над головой. Ты ведь был в Сахаре, как я узнал, разве я говорю неправду?

– Аллах везде, где человек несет в душе веру, Я жил в городах с миллионами жителей и я жил в пустыне, где каждое жилище удалено от другого на многие мили, но нигде я не опасался остаться один, ибо знал, что рука Господа ведет меня.

– Эфенди, хоть ты и христианин, но достоин того, чтобы принять ислам, вера Пророка – и твоя вера. Исла сообщил мне, что вы приехали, чтобы уберечь меня от больших потерь. Давай обсудим это!

– Подробнее он тебе ничего не рассказывал?

– Нет, не успел, мне нужно было выйти к вам.

– Тогда скажи мне, живет ли в твоём доме один чужеземец?

– Да, здесь живет достойный человек из Коньи, которого сегодня нет в Адрианополе. Он уехал в Хаджи Бергас.

– Из Коньи? Как он себя называет?

– Абд эль-Миратта – вот как его зовут. Он посетил усыпальницу знаменитого святого Миратты, совершил обет молчания; поэтому он называет себя слугой Миратты.

– Почему он у тебя живет?

– Я сам его пригласил. Он собирается соорудить в Пруссе большой базар и хочет сделать здесь необходимые покупки.

– А кто-нибудь другой у тебя живет?

– Нет.

– Когда он возвращается?

– Сегодня вечером.

– Так что сегодня мы его возьмем!

– Аллах керим! Как ты это мыслишь? Да это святой человек, избранный Аллахом! За что вы будете его арестовывать?

– Он лжец и еще кое-что похуже. Он притворился, что примерный слуга Аллаха, и, чтобы втереться тебе в доверие, надел маску истого мусульманина. Именно он изгнал Зеницу, жену Ислы, с ее родины. Пусть Исла сам тебе расскажет!

Гулям пришел в ужас, а Исла стал рассказывать. Когда он закончил, старый торговец все еще не хотел верить, что он вел дела с преступником. Неужели можно так искусно притворяться?

– Вы его только увидите и поговорите – и сразу же поймете, что заблуждаетесь.

– Нам совсем не надо с ним говорить, – бросил Оско, – нам нужно только увидеть его, ибо я его знаю и Исла его знает.

– Вам не надо ни видеть его, ни говорить с ним, – добавил я. – Я уверен, что это и есть Баруд эль-Амасат, называвший себя в Константинополе Абрахим-Маму ром.

– Но мой гость может оказаться настоящим Абд эль Мираттой.

Больше говорить было не о чем. По доброму патриархальному обычаю мы получили по комнате и чистому платью, которое надели, приняв ванну. Потом мы собрались на ужин, соответствовавший достатку дома. С нетерпением ждали мы вечера, коротая время разговорами и шахматами. Выходить было нежелательно, потому как я подозревал, что Баруд эль-Амасат только притворился уехавшим в Хаджи Бергас. Наверняка у него имелся сообщник в городе, где находиться было важнее, чем в маленьком местечке, в котором ему нечего было делать.

Наконец стемнело, и все мы собрались в комнате Ислы. Гулям сообщил нам, что собирается ужинать с другом в селамльке, и мы решили ошарашить гостя, вернее, это сделают Оско и Исла, а мы будем рядом следить, чтобы он не сбежал.

Прошло еще два часа, прежде чем мы услышали топот копыт во дворе, а еще через пятнадцать минут слуга сообщил, что гость и хозяин уселись ужинать. Мы стали спускаться.

Ворота были заперты, а слуга получил указание никого не выпускать. Мы тихо подошли к селамльку, ярко освещенному лампами, и встали по обе стороны пилонов. Мы слышали каждое слово сидевших в комнате. Гулям все же принял к сведению наши пожелания и направил разговор в нужное русло. Он перевел беседу на Константинополь и спросил:

– Ты часто бывал в Стамбуле?

– Несколько раз, – ответил гость.

– Значит, ты немного знаешь город?

– Да, знаю.

– Тебе известен квартал Бахаривекей?

– Похоже, я что-то слышал. Он выше Этюпом на левом берегу Золотого Рога?

– Да, там недавно произошли небезынтересные события. Там выследили и арестовали целую банду воров и убийц.

– Аллах-иль-Аллах! – воскликнул тот в ужасе. – Как же это было?

– У этих людей был дом, в который входили по паролю «эн-наسر»...

– Боже мой! – прервал его гость.

По тону, которым были произнесены эти два слова, можно было понять, что человек искренне испугался. Теперь я полностью был уверен, что человек – тот, кто нам нужен. В довершение Оско зашептал мне на ухо: «Это он. Я разглядел его лицо».

– Услышав это слово, часовой пропускал человека в дом, – закончил свою фразу Гулям.

Он говорил только общие вещи, но гость слушал его с напряженным вниманием. Когда Гулям остановился, чтобы проглотить кусок, тот спросил дрожащим голосом:

– А уста действительно застрелили?

– Уста? А кто это? Я это слово не упоминал!

– Я имею в виду их предводителя, которого ты назвал Абрахим – Мамуром.

Словом «уста» он полностью себя выдал. Теперь Гулям тоже понял, кто он на самом деле, но не подал вида, а спокойно сказал:

– Нет, он не был убит. Но он нашел свой конец на следующий день: упал с галереи на башне в Галате.

– В самом деле? И убился?!

– Да, он и грек по имени Колеттис, свалившийся вместе с ним.

– Колеттис? Вай! Кто же их сбросил?

– Один араб из Туниса, из окрестностей Шотт-Джериды, совершивший кровную месть по отношению к некоему Хамд-эль-Амасату. Этот Амасат убил франкского купца в Блиде,

застрелил его племянника и отца того самого араба в Шотте. Теперь сын разыскивает его.

– Аллах керим! Какие бывают злые люди! Никто больше не верит в учение Пророка! Найдет ли араб этого самого Хамд эль-Амасата?

– Он уже идет по следу. У этого убийцы есть брат по имени Баруд эль-Амасат, такой же прохвост. Он изгнал дочь одного своего друга и продал ее как рабыню. Но она снова попала в руки некого Абрахим-Мамура, а Исла бен Мафлей, мой родственник, взял ее в жены. Он найдет и накажет этого Баруда эль-Амасата!

Пока Гулям говорил, гость становился все беспокойнее, пища уже не лезла ему в рот, а взгляд остановился на губах говорящего.

– Он найдет его? – выдавил он наконец.

– Наверняка. Ведь он не один. С ним Оско, отец похищенной, а также франкский доктор, освободивший Зеницу, его слуга и тот самый араб, который сбросил АбрахимМамура с башни.

– И они напали на след?

– Они знают его сегодняшнее имя.

– В самом деле? Как же он себя называет?

– Абд эль-Миратта. И уста так именовал себя в Стамбуле.

– Но это ведь мое имя! – вскричал он в ужасе.

– То-то и оно. Аллаху ведомо, как оно оказалось у такого уважаемого господина! Ваша кара поэтому будет удвоена.

– Но как они узнали это имя?

– Я расскажу. У Баруда эль-Амасата был сын в монастыре танцующих дервишей в Пера. К нему пришел франкский доктор и притворился одним из людей Насра. Молодой человек поддался на уловку, выдал ему имя и сообщил в дополнение к этому, что Баруд эль-Амасат находится в Скутари у франкского торговца Галэнгре.

Тут его собеседник не выдержал. Он встал и извинился:

– Господин, все это так ужасно, что у меня совершенно пропал аппетит. Я так устал от скачки. Разреши мне пойти спать!

Гулям тоже поднялся.

– Полагаю, что есть ты не можешь не случайно. Кто такое о себе услышит, надолго лишится аппетита.

– О себе? Я тебя не понимаю. Ты что, думаешь, что я действительно тот самый Баруд?

– Я не думаю, а уверен в этом, подлец!

Тот аж подпрыгнул:

– Ты назвал меня подлецом? Не советую тебе повторять это слово, иначе...

– А иначе что? – раздалось рядом с ним.

Это был Исла, подскочивший к Баруду.

– Исла бен Мафлей! – воскликнул тот в ужасе.

– Да, Исла бен Мафлей, который тебя знает и которого ты тоже, пожалуй, ни с кем не спутаешь! Оглянись, тут есть еще кое-кто, кто хотел бы с тобой поговорить.

Он развернулся – перед ним стоял Оско. Миратта понял, что проиграл, если, конечно, ему не удастся бежать.

– Вас привел шайтан. Идите в джихенну!

С этими словами он оттолкнул Исла и хотел отскочить. Он уже достиг колонн, но Халеф подставил ему ножку, и он свалился. Его тут же связали и перенесли в селамлык.

Этот человек оказался трусом. Когда он понял, что попался, то не предпринял больше попыток освободиться.

– Господин, ты все еще уверен в благочестивости этого человека? – спросил хаджи

хозяина. – Он собирался ограбить тебя, а потом бежать.

– Вы правы, – ответил хозяин. – Что с ним будет? Тут Оско простер к нему руку и произнес:

– Он украл у меня дочь, унизил меня, заставил искать ее. Он принадлежит мне, потому что так велят законы Черных гор.

Но тут выступил вперед я.

– Эти законы действуют только в Черногории, а не здесь. Кроме того, их придумал твой предводитель. Вы же обещали мне передать этого человека судье, и я надеюсь, что вы сдержите свое слово!

– Эфенди, судьи в этой стране нам хорошо известны, – произнес черногорец. – Он подкупит их и убежит. Я требую передать его мне!

– А что ты с ним сделаешь, отдай мы его тебе? – поинтересовался хозяин.

Оско дотронулся до кинжала и произнес:

– Он умрет от этого клинка!

– Этого я не могу допустить, ведь он не пролил крови!

– Он в Стамбуле принадлежал к шайке убийц!

– Именно поэтому ты не должен его убивать. А сын его останется безнаказанным? А остальные члены шайки, отзывавшиеся на пароль «настр», тоже уйдут? Он должен жить, чтобы назвать все имена.

– Кто убедит меня в том, что он действительно получит заслуженное наказание?

– Я! Человек, которого зовут Гулям и который не последний среди жителей этого города. Я прямо сейчас пойду к судье и попрошу его заняться этим негодяем и посадить его под стражу. Клянусь Аллахом и Пророком, что он свое получит!

– Так сделай это! – сказал Оско с напором. – Но я прослежу лично, чтобы моя месть осуществилась!

Баруда заперли, и настойчивый Оско остался при нем. Гулям отправился к чиновнику, а мы стали его ждать. Вернувшись, он привел нескольких хавасов, которые и забрали арестованного. Мы с облегчением разошлись на отдых.

Мы решили остаться до оглашения приговора, а за это время осмотреть Адрианополь. Посетили мечети Селима и Мурада, а также турецкую медресе, прошлись по знаменитому базару Али-паши, совершили прогулку по реке Марине, на которой стоит город. К полудню вернулись и получили приглашение от кади. Около девяти часов турецкого времени, а по нашим часам в три пополудни, мы явились к судье.

Слушание было открытым и собрало множество народу. Каждый из нас должен был выступить, а арестованный сидел и слушал. Когда мы все отговорили свое, кади спросил обвиняемого:

– Ты слышал, что сказали эти люди. Это правда?

Тот не ответил. Кади подождал с минуту и продолжал:

– Тебе нечего возразить против показаний этих людей, значит, ты виновен во всем, в чем тебя обвиняют. Поскольку ты являешься членом банды, орудующей в Стамбуле, я должен передать тебя туда. Там же на тебя наложат штраф за похищение девушки; здесь же за попытку совершить преступление тебе нанесут сто ударов по пяткам. Немедленно! – Он кивнул хавасам, стоявшим по обе стороны от арестованного: – Принесите скамеечку и палки!

Они пошли за инструментарием.

Публика, собравшаяся на суд, явно предвкушала редкое удовольствие. Тут возникло некое оживление, не сразу бросившееся в глаза. Сзади к передним рядам медленно пробирался какой-то человек. Мой взгляд упал на него. Он был худым и длинным, одет в национальную одежду

болгар, но мне показался не болгарин. Его длинные шея и нос как у птицы, тонкое лицо со свешивающимися усами и в то же время широкая грудь скорее выдавали в нем армянина, нежели уроженца Балкан.

Зачем он пробивался в первые ряды? Было ли ему просто любопытно или он преследовал какие-то особые цели? Я решил на всякий случай незаметно не спускать с него глаз.

Хавасы вернулись. Один нес специальные палки для битья, другой – специальную лавку с ремнями, чтобы привязывать руки и тело наказуемого. А в конце лавки находилось приспособление, фиксирующее ноги, чтобы ступни торчали вверх.

– Снимите с него накидку и обувь! – приказал кади.

Хавасы подошли к нему, намереваясь исполнить приказ, но тут он подал знак, что хочет говорить.

– Стойте! – крикнул он. – Я не позволю себя бить!

Брови судьи сошлись к переносице.

– Не позволишь? Кто может отменить наказание?

– Я сам!

– Собака, как ты разговариваешь со мной! Может, тебе всыпать две сотни палок вместо одной?

– Ни одного удара не будет! Ты многое наговорил здесь, но главное забыл. Или ты уже узнал где-то, кто я?

– В этом нет нужды. Ты убийца и вор. Этого достаточно!

– До настоящего момента я ничего не показывал. И бить меня ты не имеешь права.

– Почему?

– Потому что я не мусульманин, а христианин!

Говоря это, он заметил иностранца, пробирающегося вперед. Тот затаился, не делая ни одного движения, которое могло бы его выдать. Но его мина, поведение, взгляд – все было направлено на то, чтобы придать обвиняемому мужества, поддержать его. По кади было видно, что эти слова произвели на него впечатление.

– Ты гяур? – спросил он. – Может быть, франк?

– Нет, я армянин.

– Значит, подданный падишаха, которому Аллах подарил тысячу жизней? Тогда я тем более могу тебя наказать!

– Ты заблуждаешься, – возразил армянин, пытаясь придать и голосу, и осанке уверенности. – Я не подчиняюсь ни султану, ни патриарху. По рождению я действительно армянин, но считаюсь евангелическим христианином и приставлен переводчиком к английскому консульству. В настоящее время я являюсь британским подданным и предупреждаю об ответственности за скверное обращение с иностранцем!

Кади выглядел явно разочарованным. Он так хотел оказаться полезным столь высоко почитаемому в городе Гуляму – и тут на тебе! Такое выкинул этот армянин...

– Ты можешь это доказать?

– Да.

– Тогда докажи.

– Спроси английского консула в Стамбуле!

– Но ведь не я, а ты должен предъявлять доказательства!

– Не могу же я его привезти, раз я заключенный!

– Я пошлю гонца в Стамбул. Сто ударов превратятся в двести, если ты меня обманул!

– Я говорю правду. Но даже если не так, ты не можешь бить меня или выносить приговор.

Ты кади, а я настаиваю на верховном суде – мевлевите.

– Я твой мевлевит!

– Это не так. Я требую суда билад и хамсе моллатары – мулл пяти городов. Да и такой суд, как здесь, не может состоять из одного лишь человека, должны быть муфтий, наиб, аяк наиб и баш киатиб!

Он назвал всех исполнительных лиц, вплоть до писца. Такой наглости кади уже не мог вынести.

– Эй ты! – заорал он. – Ты знаешь законы отлично и так же отлично умеешь их нарушать. Я позабочусь о том, чтобы твое наказание было утроено!

– Делай, что хочешь, но учти, что не все тебе удастся! Я протестую от имени консульства Великобритании против битья палками, которое ты мне назначил.

Кади многозначительно взглянул на нас через ряды и сказал:

– Закон обязывает меня прислушаться к твоим словам. Но не думай, что тебе удастся выкрутиться. Ты убийца и заплатишься за это. Отведите его обратно в тюрьму и не спускайте с него глаз!

Армянина увели, но он успел бросить многозначительный взгляд на чужестранца, перехватившего его, и этого, кроме меня, никто не заметил.

Как я мог обратить внимание кади на этого человека? Даже если они знали друг друга, у нас не было ровным счетом никаких оснований задерживать его. Но даже если бы это и произошло, они бы вряд ли выдали друг друга. Поэтому, не желая подставлять кади, я взял эту странную личность на себя.

Заседание окончилось, и слушатели разошлись. Кади пошел к Гуляму, чтобы принести свои извинения, а Оско, черногорец, обратился ко мне:

– Разве я не говорил, эфенди, что так оно и получится?

– Такого исхода я не ожидал, – ответил я. – Хоть я и не кади и не муфтий, но думаю, что судья не мог поступить иначе.

– Он что, должен запросить Стамбул, сказал ли этот человек правду или нет?

– Да.

– И сколько это продлится?

– Неизвестно сколько.

– А если он действительно окажется британским подданным?

– Он все равно получит свое наказание.

– Но ведь он им не является!

– В таком случае кади утяжелит наказание. Но я лично в это его утверждение совершенно не верю.

– А я думаю, это вполне реально. Иначе как он мог придумать такую ложь?

– Чтобы избежать палок и выиграть время. Нужно убедить кади назначить как можно более тяжелое наказание.

– Эфенди, ты сам не хочешь поговорить с кади?

– Лучше тебе это сделать – у меня совершенно нет времени. Мне предстоит одна срочная поездка, о которой я вам скоро расскажу. Мы увидимся у Гуляма.

Чужеземец, которого я посчитал армянином, должен был в это время покидать здание суда. Мне нужно было проследить за ним. Он шел медленно, задумчиво, и я двигался за ним минут десять. Тут он неожиданно обернулся и увидел меня. На суде, когда я выступал, он меня наверняка заметил и теперь, несомненно, узнал. Он пошел дальше и свернул в узкий проулок. Я решил ни за что не упускать его из виду. Он уже наполовину прошел улочку, как обернулся снова. Естественно, он опять увидел меня. Так продолжалось довольно долго – он шел и оборачивался, а я неотступно следовал за ним. В пылу преследования мне уже было

безразлично, что он думает по поводу моего поведения. Обстоятельство, что он меня боится, подогревало меня во мнении, что совесть его нечиста. Вот он завернул в проулок. Когда я спустя полминуты пришел на его угол, он неожиданно вышел, гневно на меня взглянул и спросил:

– Зачем ты идешь за мной?

Я осмотрел его с головы до ног и спросил:

– А что, если наши пути совпадают?

– Но это моя дорога!

– Иди же по ней, но мой путь прямой и честный!

– Ты хочешь этим сказать, что мой – нет?

– Я твой путь не знаю и знать не хочу.

– Так давай иди своей дорогой!

– Мне все равно, где идти.

Я пошагал дальше, не оглядываясь, но слух мой был уже достаточно натренирован, чтобы не обмануться. Я слышал его шаги позади себя, потом они удалились. Они звучали тихо, но человек шел!

Как только я перестал их различать, я развернулся и побежал назад. И правильно сделал. Он забежал в другой проулок. Я последовал за ним так, чтобы он не мог меня видеть, и подошел в нужное время на следующий угол, чтобы разглядеть, куда он повернул.

Я немного постоял и приметил, что он пошел к чарши Али-паши.

Чарши означает «базар» и происходит от славянского слова «чаршить», то есть «околдовывать». Наверное, имеется в виду то воздействие, какое оказывают товары на покупателя.

Человек, конечно, подумал, что на подступах к базару я потеряю его след, даже если и иду за ним. Меня это вполне устраивало – здесь можно было подойти к нему ближе, оставаясь незамеченным.

Так оно и вышло. Я держался прямо за ним, хотя он раз десять менял направление. Наконец, находясь уже на вещевом рынке, он двинулся в сторону караван-сарая и зашел в ворота. Здесь ускользнуть он не мог – у этого помещения имелся только один вход. Неясно было лишь, жил ли он там или имел там дело. Мне показалось, что вернее будет второй вариант. Он стоял за воротами и внимательно осматривал площадь, вероятно, искал меня.

Тут ко мне пришла идея. Я подошел к одному из торговцев.

– Салам алейкум!

– Алейкум! – приветливо ответил тот.

– У тебя есть голубой тюрбан?

– Да, эфенди.

– А накидка?

– Сколько твоей душе угодно!

– Я очень спешу. Я хочу на время взять у тебя и то и другое, но не покупать. Давай мне быстрее и накидку и тюрбан. Вот мои часы, вот оружие, к этому прибавлю куртку и 500 пиастров. Этого тебе будет достаточно, чтобы поверить в то, что я вернусь.

Он глянул на меня с удивлением. Такого в его практике еще не случалось.

– Эфенди, зачем тебе это нужно? – спросил он.

Для быстроты я объяснил ему так:

– Я преследую человека, который меня знает, но не должен узнать. Скорее, иначе он уйдет!

– Аллах-иль-Аллах, так ты из тайной полиции?

– Не спрашивай, а делай! – приказал я ему. – Сам великий государь просит у тебя помощи в поимке опасного преступника!

Теперь он точно поверил, что я переодетый хавас. Я снял куртку, нацепил накидку и обмотал платок вокруг головы. Потом передал ему в залог свои вещи и только тогда показался в дверях.

Армянина я тем временем не выпускал из поля зрения. Он все еще стоял за воротами. Торговец проследил за моим взглядом. Он заметил, на кого я смотрю, и сказал:

– Эфенди имеет в виду того человека, что стоит в воротах?

– Да.

– Он только что проходил мимо.

– Да.

– И приветствовал меня.

– Я этого не заметил. Ты что, его знаешь?

– Да, он покупал у меня одежду. Думаешь, он преступник?

– Я это узнаю.

– Ты на службе у падишаха, и я отвечу тебе честно. Спрашивай, что ты хочешь знать!

– Одежда, которую он покупал, была новая?

– Нет.

– И он не портной?

– О нет! Я потерпел убытки. Одежда была очень дешевой, но большую часть ее мне снова вернули... Что-то произошло, на них вроде бы напали...

– Их не наказали?

– Он здесь чужой, его не нашли. А потом, когда он снова вернулся и его схватили, ему удалось избежать штрафа.

– Кто он?

– Он одевается как болгарин, но он армянин и зовут его Манах эль-Барша.

– Ты знаешь, где он живет?

– Он постоялец хараджа – обители немусульман в Ускубе. Там много армян.

– А здесь где он остановился?

– Когда он бывает в Эдирне, то живет то здесь, то там. Но чаще всего в гостинице болгарина Доксати.

– Как его найти?

– Этот дом недалеко от резиденции греческого митрополита.

Мне это ровным счетом ничего не сказало, но виду подавать было нельзя. Тем временем армянин двинулся дальше, а я – за ним, коротко попрощавшись с торговцем.

Какое счастье, что мне удалось найти кого-то, кто знал этого Манаха эль-Баршу! Кто знает, сколько мне пришлось бы тыкаться вслепую, пока я не вышел бы на него! Армянин еще раз обернулся, но не признал во мне человека, который его преследует и разговаривал с ним. Наконец он вошел в дом, похожий на гостиницу.

Рядом расположился с товаром продавец каштанов. Я купил у него пригоршню и поинтересовался:

– Знаешь, кто живет в большом доме, в этом, слева?

– Греческий митрополит, эфенди.

– А кто напротив?

– Это болгарский постоялый двор. Хозяина зовут Доксати. Хочешь остановиться у него? У него дешево и удобно.

– Нет, я ищу хозяина гостиницы по имени Марате.

– Такого я не знаю.

Чтобы не заходить слишком далеко в своем дознании, я назвал первое пришедшее на ум

имя. Для начала достаточно. Теперь надо было продумать план действий. Необходимо было принять меры, чтобы арестованный не сбежал. Узнать, в каких связях он находится с этим Манахом, было нелегко, но попытаться стоило.

Я запомнил как следует расположение этого дома, чтобы при необходимости найти даже вечером, и вернулся к Гуляму.

Меня уже долго ждали. Исход судебного разбирательства никому не понравился, и тем более непонятно поэтому было мое такое спешное исчезновение.

– Сиди, – обратился ко мне хаджи Халеф Омар, – я опять очень переживал за тебя!

– Переживал? Отчего же?

– Отчего? И ты еще спрашиваешь? – спросил он с обидой. – Разве ты забыл, что я твой лучший друг и защитник?

– Нет, не забыл, Халеф.

– Но как друг ты мне должен сообщать, куда уходишь, а как подопечный – брать меня с собой.

– Мне не было нужды делать это.

– Не было нужды во мне? – озадаченно вопрошал он, энергично накручивая на палец все тринадцать волосинок своей бородки. – Тебе была нужда во мне в Сахаре, в Египте, на Тигре, у поклонников дьявола, в Курдистане, среди развалин, название которых я никак не могу запомнить, в Стамбуле... А здесь я тебе не нужен! Знаешь ли ты, что здесь так же опасно, как и в Сахаре, и в той Ступенчатой долине, где мы поймали столько врагов?

– Почему же, Халеф?

– Потому что здесь врагов не сразу увидишь глазом. Или я не понял, что ты отправился за новым врагом?

– Как же ты пришел к этой мысли?

– Я проследил за твоим взглядом и увидел то, что увидел ты.

– И что же увидели твои глаза?

– Они заметили в суде одного болгарина, который на самом деле вовсе не болгарин. Как только он ушел, тебя как ветром сдуло.

– Правильно, Халеф, ты все верно увидел, – сказал я.

– О сиди, – произнес он с гордостью, – помнишь, когда мы скакали через Вади-Тарфои, ты выслеживал убийцу?

– Помню.

– Я еще тогда посмеялся над тобой, что ты читаешь на песке. Я был тогда тем, кого турки называют амак (глупец), но считал себя очень умным.

– С тех пор ты научился у меня, так?

Он был смущен. Трудно было напрямую признать, что защитник научился мудрости у защищаемого; но и отрицать этого нельзя было. Поэтому он ответил так:

– Мы оба учились друг у друга, сиди. Что ты знал, ты преподавал мне, что я знал – то ты перенимал у меня, так мы оба стали мудрее, такими мудрыми, что и Аллах, и Пророк полюбили нас. Если бы ты был не христианином, а правоверным, эта любовь была бы в тысячу раз сильнее!

– Все, что ты говоришь, нуждается в проверке. Вот мы сегодня и посмотрим, так ли ты умен, как думаешь!

Его глаза гневно засверкали.

– Сиди, – сказал он, – ты собираешься экзаменовывать меня? Меня, который верно служит тебе с самого начала? Я защищал тебя от всяческих опасностей души и тела. Я твой друг и твой поклонник, ибо я люблю тебя так сильно, что и не знаю, кому больше принадлежит мое сердце

– тебе или моей Ханне, цветку среди женщин. Я голодал с тобой и прозябал в пустыне, потел и мерз. Боролся с тобой и за тебя, ни один враг не видел моей спины, потому как я посчитал бы за стыд покинуть тебя на поле боя. И сейчас ты собираешься проверять, умен ли я! За все мое к тебе отношение – вот это?! Сиди, пинок ногой меньше задел бы меня, чем эти слова...

Храбрый парень сказал все это искренне. В глазах его я заметил слезы. Я не хотел, конечно же, его обидеть, поэтому, положив руку ему на плечо, сказал:

– Я ничего такого не имел в виду, мой Халеф. Я только хотел сообщить, что сейчас появилась возможность проявить свой ум.

Такой оборот дела его вполне устроил.

– Расскажи мне об этой возможности, сиди, и ты увидишь – я не обману твоих ожиданий!

– Речь идет о человеке, за которым я наблюдал во время слушания. Мне кажется, что это...

– Знакомый арестованного! – выпалил Халеф, желая доказать, что он не только не ошибся в выводе, но и додумал мою мысль.

– Вот именно.

– Наверняка он замыслил помочь ему.

– В этом я не сомневаюсь. Этого Баруда эль-Амасата может спасти только бегство. Чужак бросал на него ободряющие взгляды, и наверняка не без умысла.

– Ты пошел за ним, чтобы узнать, где он живет?

– Да. И уже знаю место, где он остановился, и имя.

– Кто же он?

– Манах эль-Барша, предприниматель из Ускуба, живет у болгарина Доксати.

– Аллах! Я подозреваю, где может пригодиться мой ум!

– Ну и где же?

– Я должен выслеживать этого Манаха!

– Совершенно верно!

– Но это можно сделать, только живя у Доксати.

– Ты поедешь туда, когда стемнеет. Я пойду с тобой и покажу дом.

Тут вмешался Оско:

– Я тоже буду следить, сиди!

– За кем?

– За зинданом, где находится арестованный.

– Ты думаешь, это целесообразно?

– Мне все равно, нужно это или нет. Он продал мою дочь в рабыни и доставил мне много горя. Он ушел от мести. Теперь я буду следить за тем, чтобы он не ушел и от меня. Я покину вас и сообщу, если случится что-то важное.

Сказав это, он сразу скрылся, как бы не давая нам возможности что-либо возразить ему.

Халеф собрал свой нехитрый скарб и сел на лошадь. Он должен был всем своим видом показывать, что только-только прибыл в Адрианополь. Я проводил его пешком до постоянного двора и подождал, пока он войдет в ворота. Потом отправился на базар, чтобы сдать одежду и получить обратно вещи. Домой к Гуляму я вернулся уже вечером. Он предложил сходить в баню – с кофе, игрой теней и прекрасным желе. Мы согласились.

О турецких банях так много написано, что повторяться просто не имеет смысла. Театр теней, который мы посмотрели после бани, был превосходен; желе, может, и правда было отличным, но этот десерт не в моем вкусе.

После бани мы решили немного пройтись. Вышли из города с запада и двинулись по берегу Арды, впадающей в этом месте в Марицу.

Было уже очень поздно, когда мы повернули назад. В полночь на пути к городу нам

повстречались трое всадников. Двое ехали на белых лошадях, у третьего была темная. Они проехали мимо, не обратив на нас внимания. Причем один сделал другому замечание. Я услышал его и от удивления остановился.

– Кто это? Ты их знаешь? – спросил Исла.

– Нет, но этот голос мне знаком.

– Может, ты ошибаешься, сиди? Голоса так похожи!

– Это так, и поэтому я не волнуюсь. Мне показалось, что это голос Баруда эль-Амасата.

– Значит, он убежал!

– В том-то и дело. Это не так уж невозможно!

– Но тогда бы он поехал по широкой дороге в Филибе, а не по этой, ненадежной и уединенной...

– Как раз этот путь для беглеца лучше, чем оживленная дорога до Фелибе. Это точно был его голос!

Я был почти убежден, что не ошибся. Ускорил шаги, и остальные вынуждены были поспевать за мной. Когда мы, наконец, пришли домой, нас уже ждали. Оско стоял возле дверей.

– Наконец-то! – закричал он. – Еле вас дождался. Мне кажется, что-то произошло!

– Что? – спросил я с напряжением.

– Я лежал у ворот тюрьмы. Стемнело. Тут кто-то пришел, и ему тут же отперли. Он вошел и через некоторое время вышел вместе с двумя другими из дома.

– Ты кого-то узнал?

– Нет, но когда они шли, один сказал: «Это удалось быстрее, чем я предполагал!» Я с предосторожностями двинулся за ними, но на одном перекрестке потерял их.

– И потом?

– Потом я пошел сюда, чтобы рассказать все вам. Вас я не застал и прождал столько времени напрасно.

– Хорошо! Будем решать. Гулям поедет с нами. Остальные – по желанию.

Мы помчались на улицу, где стоял дом Доксати. Дверь была уже открыта, и мы вошли. Оказавшись в небольшой прихожей с окнами на двор (на улицу окна не выходили), я велел какому-то слуге позвать хозяина. Доксати был толстым старичком с морщинистым лицом, очень напоминающим грека. Он оказал мне знаки внимания и спросил, что мне нужно.

– Сегодня вечером сюда въезжал новый постоялец?

– Многие въезжали, господин.

– Я имею в виду человечка на лошади.

– Он здесь. У него бородка – тонкая, как хвост у престарелой жены.

– Ты как-то непочтительно о нем говоришь, но это именно тот, кто мне нужен. Где он?

– В своей комнате.

– Веди меня к нему!

– Пошли, господин!

Он спустился во двор и поднялся по лестнице в коридор. Там мы увидели множество дверей. Он открыл одну. Здесь горела лампа, в помещении лежал старый коврик – больше ничего.

– Он живет здесь? – спросил я.

– Да.

– Но его нет!

– Аллаху ведомо, где он.

– А где он держит лошадь?

– В стойле на другом дворе.

- Он был сегодня вечером с другими посетителями?
- Да, но он долго стоял у ворот.
- Кроме него, я ищу еще одного человека по имени Манах эль-Барша. Знаешь его?
- Как мне его не знать? Он сегодня здесь жил!
- Жил? А сейчас разве не живет?
- Нет, он уехал.
- Один?
- С двумя друзьями.
- Верхом?
- На каких лошадях?
- Две белых и одна гнедой масти.
- Куда они направились?
- Они собирались в Филибе, а потом в Софию.
- Ты знаешь обоих друзей?
- Нет. Он вышел, и они поехали уже втроем.
- Он привел с собой трех лошадей?
- Нет, только гнедую. Белых купил сегодня, ближе к вечеру.

Теперь я знал точно – мой слух меня не обманул. Баруд эль-Амасат бежал с помощью этого Манаха эль-Барши. Но кто был третий? Может быть, охранник из тюрьмы, который, выпустив заключенных, должен был уйти с ними сам?

Я продолжил расспросы.

- Человека, о котором я тебя расспрашивал, не преследовали?
- Нет.
- Ты точно это знаешь?
- Очень точно – я стоял у ворот, когда они уезжали.
- Отведи нас к его лошади!

Он повел нас через передний двор и сводчатый проход в низкое помещение. Там было темно. Я почувствовал запах стойла, услышал тихое ржанье.

- Свет здесь обычно не жгут, – сказал он.
- Был пожар?
- Да.
- Лошади этого Манаха тоже стояли здесь?
- Да, меня не было, когда он их забрал.
- Давайте зажжем свет.

Я зажег спичку и запалил лампу на стене. Я сразу узнал лошадь Халефа, а рядом на земле лежала бесформенная куча, обернутая в кафтан и затянута веревками. Я разрезал их и развернул кафтан. Там был мой бедный хаджи Халеф Омар собственной персоной! Он вскочил, поднял кулаки и запричитал:

- Аллах-иль-Аллах! Сиди, где эти собаки, которые напали на меня, эти сукины дети и племянники их детей, они завернули меня в эту одежду и связали!
- Это тебе лучше знать! – ответил я.
- Мне? Что мне знать? Как мне знать, каким образом они меня связали наподобие священного Корана, что висит в Дамаске на цепях?
- Как ты дал себя связать?

Он глянул на меня с недоумением.

- Ты спрашиваешь меня? Ты, который послал меня сюда, чтобы я...
- Чтобы ты показал свой ум, – прервал я его. – И эти смотрины явно не в твою пользу...

- Сиди, не обижай меня! Если бы ты был при этом, ты бы меня простил!
- Это возможно, но не обязательно. Ты знаешь, что Манах эль-Барша бежал?
- Да. Пусть шайтан сожрет его!
- И Баруд эль-Амасат с ним.
- Джехенна поглотит их!
- И ты виновен в этом!
- Нет, я ничего не знал, это неправда!
- Тогда рассказывай!

– Вот это я и собираюсь делать. Когда я пришел к этому Доксати, который стоит здесь и смотрит на нас с таким видом, как будто он сам шайтан и есть, я узнал, что у Манаха имеются три лошади, потому что в сумерках он купил двух белых. Я наблюдал за ним и заметил, что он уехал из дома.

- Ты предполагал, что он задумал?
- Да, сиди!
- Почему же ты не последовал за ним?
- Я подумал, что он пойдет к тюрьме. Но там на посту стоял Оско.
- Мда, это не лишено смысла...
- Вот видишь, я прав, сиди!

По голосу хаджи было заметно, что он чувствует себя увереннее. Он продолжал:

– Я предполагал, что он собирается освободить арестованного, но знал и то, что ему понадобятся лошади. В любом случае, ему пришлось бы возвращаться к стойлу, и я решил спрятаться здесь, чтобы напасть неожиданно.

- Прятаться тебе было совершенно не обязательно. Достаточно было позвать хавасов.
- О сиди, достаточно еще не самое хорошее, а хорошим я считал поймать подлецов лично.
- Вот за это нам теперь приходится расплачиваться!
- Аллах да отдаст их снова в наши руки! Итак, я ждал. Их было трое. Они спросили меня, что мне здесь нужно. Но Баруд эль-Амасат, едва на меня взглянув, сразу узнал, ведь я выступал одним из свидетелей. Он бросился на меня с криком. Я оборонялся, как мог, изорвал ему одежду. Меня здорово побили.

– Почему ты не применил оружие?

– Сиди, против меня было шесть рук. Если бы Аллах дал мне десять рук, я бы часть использовал, чтобы взять пистолеты. Меня повалили, обернули в кафтан и связали. Вот так я и лежал до твоего прихода.

– Ну и дела, хаджи Халеф Омар! Ну и дела!

– Сиди, я тоже могу сказать: «Вай-вай!» Но ведь это нам не поможет. Они уехали. Если бы мы были в пустыне, их следы легко можно было бы найти, но здесь, в большом Эдирне...

– Я знаю, куда они поехали.

– Слава Аллаху, что он дал тебе сведения...

– ...которые тебе сегодня не удалось получить, – прервал я его. – След человека – не сам человек. Посвети! Что здесь лежит?

Халеф нагнулся и поднял большой фланелевый платок, осмотрел его и сказал:

– Это я сорвал с Баруда. Тут есть еще и сумочка.

– В ней есть что-нибудь?

Он залез туда и сказал:

– Кусок бумаги. Вот.

Я рассмотрел его при свете лампы и развернул. Это было коротенькое, в три строчки, письмо. Значки были такие мелкие, что я не мог прочитать. Поискав на месте боя другие

свидетельства, я больше ничего не нашел. Невероятным было то, что эти трое не тронули нож и оба пистолета Халефа, оставшиеся в сумке, что стояла в углу его комнаты.

– Манах эль-Барша снимал комнату у тебя? – спросил я у хозяина, взиравшего на все с изумлением.

– Да.

– Он часто у тебя останавливался?

– Да.

– Так что ты его хорошо знаешь?

– Да. Его зовут именно так, как ты его называешь, он предприниматель.

– Где он живет?

– В Ускубе. Но дома бывает нечасто. Он занимается несколькими районами и объезжает их.

– Отведи нас в комнату, в которой он жил.

Я надеялся найти хоть какие-то следы, но увы. Задание, которое я дал Халефу, было исполнено, но с неудачным результатом, и я отослал его с лошадью домой. Он чувствовал себя не в своей тарелке и бормотал извинения, выдирая волоски из бороденки.

Гуляму я сказал, чтобы шел срочно к кади и доложил о сложившейся ситуации. До сих пор он не проронил ни слова, но сейчас произнес:

– Это слишком, уж очень слишком! Кто бы мог подумать, что так оно получится! Если бы мы не пошли в баню, а остались дома, Оско встретил бы нас вовремя и бегство не удалось бы.

– Мы должны были предвидеть нечто подобное!

– Но чем нам поможет кади? Разве он может что-либо исправить?

– Надо рассказать ему о происшедшем, и только с его помощью мы можем получить свидетельство того, что арестованный больше не находится под стражей.

– Кади наверняка спит.

– Так разбудим его.

– Но займется ли он этим делом?

– Должен заняться!

Судья, как мы и предполагали, отошел ко сну, и мне стоило немалых усилий убедить слугу, чтобы тот разбудил его. Нас пропустили. Он принял нас с не совсем гостеприимной миной.

– Мы передали Баруда эль-Амасата в твои руки, – начал я тоже не очень приветливым тоном. – Ты позаботился о том, чтобы его охраняли?

– Ты пришел только для того, чтобы задать мне этот вопрос?

– Я хочу выслушать твой ответ.

– Арестованного хорошо охраняют. Вы можете идти.

– Нет, не мы можем идти, а он ушел.

– Он? Кто?

– Арестованный.

– Аллах акбар! Бог велик, он тебя поймет, но мне твои слова непонятны!

– Скажу проще: Баруд эль-Амасат бежал!

Кади аж подскочил на подушке, на которой сидел, а перед этим лежал.

– Повтори, что ты сказал – «бежал»?

– Да.

– Убежал... Из зиндана! Куда, не знаешь?

– Мы его встретили.

– Аллах! Почему же вы его не схватили?

– Не могли.

– А почему вы решили, что это он?

– Мы только недавно об этом узнали. Один человек его освободил – Манах эль-Барша.

– Манах эль-Барша? Да я его знаю! Он был раньше сборщиком налогов и жил в Ускубе.

Сейчас он ушел со службы и живет в горах.

Значит, он побежит в горы. И я спросил:

– Ты не видел его сегодня во время слушания?

– Нет. Откуда ты его знаешь?

– Я узнал его имя и кое-что о нем самом от одного торговца одеждой. Он жил у болгарина Доксати, купил лошадей и вместе с Барудом и кем-то третьим ускакал из города.

– Кто же этот третий?

– Я не знаю, но могу предположить, что охранник из тюрьмы, ключник.

Мы рассказали ему вкратце о происшедшем. Он быстро собрался, вызвал десять хавасов и устремился вместе с нами в тюрьму.

Главный надзиратель был немало удивлен таким визитом и в столь поздний час.

– Веди нас к арестованному по имени Баруд эль-Амасат! – приказал кади.

Служитель повиновался и был немало изумлен, когда увидел, что камера, где сидел заключенный, оказалась пуста. Охранник же, которому был поручен Баруд, таинственным образом исчез.

Гнев кади трудно было описать. В немецком языке вряд ли найдутся такие выражения, которые употреблял судья в отношении работников сего заведения. В завершение своей тирады он приказал запереть в камере самого начальника тюрьмы. Я попытался успокоить его тем, что сообщил о нашем решении начать преследовать преступника завтра с утра. Он пообещал дать самых надежных и исполнительных хавасов. Потом мы вышли на улицу и зажгли прихваченные фонари прямо у дверей тюрьмы. Без таких ламп можно было запросто попасть в полицию и провести ночь в малоприятном обществе.

Мы немного отошли и тут, огибая угол дома, столкнулись с человеком, который, как я тогда подумал, в спешке переходил с одной стороны улицы на другую. Он налетел на меня, отскочил и закричал:

– Осторожнее!

– Это ты осторожнее! – ответил я ему.

– Аман! Аман! Прости! Я очень спешу, и лампа погасла. Не позволишь ли мне зажечь ее от твоей?

– Пожалуйста!

Он вынул фонарь из своего светильника, сделанный из промасленной бумаги, и прижал к моему. При этом он объяснил свою спешку:

– Я бегу к аптекарю. У нас заболел гость, он говорит только по-немецки, он из Немчистана.

Этим он разжег мой интерес. Речь шла о каком-то моем соотечественнике, к тому же попавшем в беду! Любопытство мое разгорелось.

– Из какой же немецкой страны он?

– Из Баваристана!

Значит, баварец! Меньше всего я думал тогда об обмане. Откуда здесь могут знать о Баварии!

– А чем он болен?

– Нервная лихорадка.

В тот момент мне и в голову не пришло, что такого и быть не может. Я думал только о помощи.

– Кто он?

– Не знаю. Он пришел к моему господину, торговцу табаком, чтобы продать товар.

– Он далеко живет?

– Нет.

– Веди меня к нему!

– Ты врач или аптекарь?

– Нет, я немец и хочу узнать, могу ли чем-нибудь помочь своему соотечественнику.

– Иншаллах! Пойдем со мной!

Мои спутники хотели пойти со мной, но я отговорил их, думая, что никто не понадобится.

Я отдал лампу и последовал за неизвестным.

Шли мы недолго. Он постучал в какую-то дверь. Она отворилась, и я, стоя еще на улице, услышал вопрос:

– Ты привел врача?

– Нет, это соотечественник больного.

– Но что он может сделать?

– Он может быть переводчиком, если мы не поймем гостя.

– Тогда пусть входит!

Я ступил в узкий коридор, выходящий в маленький дворик. Свет бумажной лампы позволял видеть на три шага. Я совершенно не предполагал, что мне может что-то угрожать, и потому немало удивился, когда услышал голос: «Хватайте его. Это тот самый!»

В тот же момент свет погас, и я почувствовал, что меня окружили. Я совершенно не ожидал нападения. Звать на помощь было бесполезно – дворик со всех сторон был закрыт стенами домов. Оставалось разбросать нападавших и вырваться наружу. Я попытался двинуть руками, но на них пудовыми гирями кто-то повис. Нападение готовилось именно на меня – в этом я сразу убедился. Меня выследили еще у кади и заманили сюда. Слова мне не помогли бы, и я начал действовать руками. Напрасно! Их было слишком много. Меня повалили, хотя я и отбивался как мог, и опутали веревками.

Я был в плену и к тому же связан! Почему я не звал на помощь и вообще не издал ни единого звука? Думаю, я поступил правильно, иначе они могли просто пристрелить меня.

Даже недостаточно сильный человек в такой экстремальной обстановке приобретает некую сопротивляемость. Я задышался, но мои противники тоже устали. В сумке у меня были нож и пистолеты, но ее у меня отняли в первый же момент. Парни сгрудились вокруг меня на узком пространстве. Было так темно, что я не смог разглядеть и собственную руку.

– Готово? – спросил голос.

– Да.

– Тогда несите его!

Меня схватили и потащили. Я едва мог пошевелить коленями, и потому отказался от сопротивления – это только ухудшило бы мое положение. Я заметил, что меня проволокли через два темных помещения в третье, где и бросили на пол. Парни ушли. Через некоторое время вошли двое, один нес лампу.

– Ты меня узнаешь? – спросил другой.

Он встал так, чтобы свет лампы падал ему на лицо. Можете представить мое удивление, когда я узнал в нем Али Манаха бен Баруда эль-Амасата, сына беглеца. Это с ним я не так давно разговаривал в монастыре дервишей в Константинополе!

Я не ответил. Он пнул меня в бок и повторил:

– Я спрашиваю, узнаешь ли ты меня?

Молчание явно было мне не на пользу.

– Да.

– Лжец! Ты не был насром!

– А разве я выдавал себя за такового?

– Да.

– Вовсе нет. Я совсем не хотел ввести тебя в заблуждение. Что вы от меня хотите?

– Мы убьем тебя!

– Как вам будет угодно, – ответил я равнодушно.

– Не прикидывайся, что тебе безразлична жизнь. Ты христианин, гяур, а эти собаки не умеют умирать, потому как у них нет Корана, Пророка и рая.

Он еще раз пнул меня. О, если бы у меня была свободна хоть одна рука! Этот дервиш заплясал бы совсем иначе, чем тогда, в Стамбуле!

– Что я могу ответить на это? – сказал я. – Я умру так же спокойно, как переносу сейчас твои удары. Христианин никогда бы не стал истязать связанного. Развяжи меня, и тогда увидим, чей пророк лучше и чей рай прекраснее!

– Собака, не угрожай мне, иначе ты познакомишься с могильщиками еще до рассвета!

– Тогда оставь меня в покое и убирайся!

– Нет, мне нужно с тобой поговорить. Может, хочешь выкурить при этом трубку? – В его словах сквозила ирония.

– То, что ты хороший хораджи, я уже видел. Но то, что ты еще и перелетная птица, я не догадывался. Если ты действительно хочешь со мной поговорить, имей представление обо мне. Говорю тебе – ты только тогда услышишь мой голос, если проявишь уважение к моей бороде, как тебе велит Пророк.

Это было, конечно, издевательство с моей стороны. Под словом «хора» («танец») турок понимает смысловые движения, которые разрешены на женских половинах, а мужчины их избегают. Танец дервиша – нечто иное, он считается священным. За это я удостоился не третьего пинка, а гневного взгляда. Потом он сел на пол рядом со мной. Второй же остался стоять.

– Если бы ты был мусульманином, я бы тебе ответил, – сказал дервиш, – христианин же не может оскорбить настоящего правоверного. Как может жаба оскорбить солнце? Мне кое-что нужно у тебя узнать. Ты ответишь на мои вопросы?

– Я готов это сделать, если они окажутся вежливыми.

– Ты тот самый франкский доктор, который выследил в Дамаске уста?

– Да, я.

– Ты стрелял в него, когда он прыгал в воду?

– Не я, мой слуга.

– Ты встречал уста потом?

– Да.

– Где?

– У башни Галаты, он был уже трупом.

– Этот человек говорит правду, – обратился он к тому, что держал лампу.

– Ты не знал, что уста мертв?

– Нет. Он исчез. Нашли мертвого Колеттиса, а рядом с ним тело, которое никто не опознал.

– Это был уста.

– Вы столкнули его с башни?

– Кто тебе это сказал?

– Вот этот человек. Я приехал в Эдирне, не зная ничего. Меня вызвали к отцу. Я искал его у Гуляма, не называя себя, и узнал, что он уже в тюрьме. Освободили его без моего участия. Этот человек – его слуга и жил с ним у Гуляма. Твой друг и защитник хаджи Халеф Омар все ему рассказал, так я получил все сведения. Я искал отца у Доксати. Его там уже не было, а вы тем

временем что-то выясняли в конюшне. Мы следили за вами. Я узнал, что ты немец, и мы решили подстеречь тебя на углу и разыграть всю эту сцену с большим баварцем. Теперь ты в нашей власти. Как ты думаешь, что мы с тобой сделаем?

Рассказ дервиша требовал осмысления, но времени на это не было, и я ответил бодро:

– Моя жизнь меня не заботит. Убить меня вы все равно не сможете.

– Отчего же, ты в наших руках!

– Но тогда вы не получите выкуп, который я мог бы заплатить.

Его глаза блеснули. Я попал в точку. Получив деньги, они все равно могли меня убить. Он тут же спросил:

– Сколько ты мог бы дать?

– А как высоко ты оцениваешь мою жизнь?

– Твоя жизнь стоит не больше скорпиона или змеи. Оба ядовиты и их уничтожают. Но то, что ты натворил, требует высокого штрафа!

Он выразился четко: выкуп – только штраф, а жизнь не стоит и гроша. Мне нужно было выиграть время, и я сказал:

– Ты сравнил меня с ядовитыми гадами. Это очень мило с твоей стороны, и я приму это к сведению. Убейте меня, я не против. Я не заплачу и пиастра, если ты и дальше будешь разговаривать со мной так!

– Решай сам – чем больше почтения к своей персоне ты требуешь, тем выше будет сумма выкупа.

– Назови же ее!

– Ты богат?

– С тобой делиться не буду!

– Тогда жди!

Он поднялся и вышел. Второй остался, но все время молчал. Я слышал голоса в передней комнате и хотя не мог разобрать ни слова, но понимал, что мнения разделились. Прошло, наверное, более получаса, прежде чем он вернулся. Не сев, он спросил:

– Заплатишь пятьдесят тысяч пиастров?

– Это много, очень много! – Нужно было торговаться. Он сделал недовольную мину и произнес:

– Ни одного пара^[50] меньше! Согласен? Отвечай сразу, у нас нет времени.

– Хорошо, заплачу.

– Где твои деньги?

– Ясное дело, не со мной. Вы же забрали у меня все вместе с сумкой. И не в Эдирне.

– Как же ты заплатишь?

– Я вам дам записку в Стамбул.

– Кому?

– Эльчи^[51] Фарсистана.

– Посланнику Персии? – спросил он удивленно. – Ему будет письмо?

– Да.

– Он будет платить?

– А разве ты думаешь, что у посланника шахиншаха^[52] нет денег?

– Деньги-то у него, может, и есть, но даст ли он их нам?

– Он хорошо знает, что все, что он за меня заплатит, вернется ему.

Я был твердо убежден, что перс воспримет вручившего мое письмо за верного мне человека. Поклонник зороастрийского учения не имел ни малейшего понятия о земных подлых

делишках.

– Если ты в нем уверен, пиши письмо!

– Чем? На чем? Может, на стене?

– Мы принесем тебе все, что нужно, и освободим руки. Это сообщение наэлектризовало меня. Освободят руки!

Можно попытаться освободиться! Можно скрутить дервиша и использовать его как заложника.

Но эта авантюрная идея провалилась. Дервиш, снявший ради дела одеяние своего ордена, был предусмотрителен.

Он не доверял мне и вернулся с четырьмя парнями, которые с оружием в руках стали по обе стороны от меня. Лица их выражали что угодно, но только не доверие. Любое неосторожное движение с моей стороны грозило гибелью.

Мне вручили листок пергамента и конверт, а также предложили колено в качестве подставки. Я написал:

«Моему брату Аббасу Юсуфу Аман-мирзе, лучу Солнца Фарсистана, блистающему сегодня над Стамбулом. Выдай ради меня, в знак нашей дружбы, подателю сего письма пятьдесят тысяч пиастров. Мой банк вернет их тебе, как только потребуешь. Не спрашивай у этих людей, кто они, откуда и куда направляются. Остаюсь в тени твоего света.

Хаджи Кара бен Немей».

Этим именем я подписался специально, потому что предполагал, что дервиш знал его от слуги своего отца. Надписав конверт, я передал Али Манаху и то и другое. Он прочитал его вслух, и я увидел на лицах этих бездельников глубокое удовлетворение. Чуть позже в тишине я представлял себе лицо посланника, которого, ясное дело, звали как-то иначе, читающего письмо... Чтоб они провалились, эти подлецы!

Дервиш, довольный, кивнул мне и сказал:

– Хорошо. Ты здорово написал ему, чтоб он не спрашивал. Ему и не надо ничего знать. Эй, свяжите ему снова руки! Кираджи уже ждет!

Мне снова стянули запястья и оставили лежать в темноте. Я принялся изучать прочность моих пут. Да, думал я, освободиться от них мне не удастся. Надо поработать головой.

Как дервиш попал в Адрианополь? Наверняка он не преследовал нас, ведь он о нас вообще не ведал. К нему пришел посланник его отца. Тот его вызвал. Зачем? Случайность или новое дело, о котором я ничего не знаю?

Где я, собственно, находился? Кто эти люди? Члены ли они банды уста? Или в других отношениях с бежавшим Барудом эль-Амасатом и его «освободителем»? Скорее, верно последнее. Четверо парней, сидевших рядом, явно были *итиптарами* – это видно по их ромам. Я решил, что это арнауты.

И еще дервиш сказал, что кираджи уже ждет. Кираджи, действующие на всем Балканском полуострове так, как когда-то уроженцы Гарца со своими тяжелогруженными телегами возили на тяжеловозах товары в Германию и из нее. Кираджи – коммивояжер Балкан; он везде и нигде, он знает всех и вся, он имеет ответ на любой вопрос. Его с удовольствием встречают там, куда он прибывает, ибо он еще и прекрасный рассказчик; а в дальних труднодоступных балканских

ущельях есть места, куда весь год не проникнут никакие сведения извне, и кираджи оказывается единственным связующим звеном с внешним миром.

Этим людям доверяют товары огромной ценности. Единственная гарантия – их честность. Возвращаются они через месяцы, а бывает, и через годы, но они возвращаются и приносят деньги. Если умер отец, они отдают деньги сыну или внуку, но отдают! Честность кираджи вошла в пословицы и поговорки, жаль только, что сегодня положение стало меняться. В их планы стали проникать новички, использующие доверие к этим людям и обирающие ничего не подозревающих жителей.

И вот один из таких коммивояжеров ждал кого-то и чего-то сейчас! Но не меня же! Или меня собирались куда-то перевозить? Здесь, в центре города, у меня еще была надежда на спасение. Если я к следующему утру не буду у Гуляма, мои друзья поднимут тревогу. Подумав об этом и о тех хавасах, которые были приданы нам для поисков, я попытался разорвать веревки, но они были слишком крепкими!

Я вспомнил, как бранил Халефа за его непредусмотрительность, а сам оказался куда глупее – попасть в такую историю! Моя доброта, ставшая тому причиной, – небольшое оправдание происшедшему! Не оставалось ничего больше, как хладнокровно ждать развязки и использовать любую возможность, чтобы попытаться отсюда вырваться.

Вот эти четверо вернулись. Ни слова не говоря, завязали платком рот, завернули в старый ковер и понесли. Куда – мне так и не удалось заметить. Ковер противно пах чесноком и чем-то с ведьминой кухни. Я задыхался. Эти люди даже не задумывались о том, что, обернутый в ковер, я просто-напросто задохнусь! Но вот движение прекратилось. Я почувствовал, что меня положили на что-то твердое. Но на что – не ведал. Потом мне показалось, что я слышал скрип колес. Да, несомненно, я лежал в повозке – меня вывозили из Адрианополя!

Поначалу шевелиться я не мог, но потом немного подвигать ногами все же сумел. Постепенно скатка ковра немного ослабла, я хоть смог подышать, и мне подумалось, что положение не такое уж безысходное.

Как я ни прислушивался, ничего не услышал. Даже не понял, сколько людей меня сопровождают. Я вертелся вправо и влево, пространство было небольшое, значит, повозка маленькая и накрыли меня сеном или соломой. Лежал я явно головой назад. Ах, если бы мне удалось скатиться на дорогу! Ведь была ночь, я бы смог откатиться на обочину, и меня могли не обнаружить.

Я подобрал ноги, немного согнул их в коленях и стал отталкиваться от пола повозки. Но скоро голова наткнулась на твердое препятствие. Итак, имелся задний борт! От затеи пришлось отказаться.

Прошло какое-то время, показавшееся мне вечностью. Тут я заметил, что завязки на руках ослабли, наверное, трением об ковер. Я катался до тех пор, пока «рулон» не развернулся. Я лежал на сене, смотрел, как занимается новый день, и тут надо мной возникло лицо слуги Баруда эльАмасата.

– Если ты обещаешь мне молчать, я сниму с тебя платок, – сказал он.

Я, естественно, энергично кивнул ему. Он развязал платок, и я вздохнул полной грудью. Было впечатление, что из ада я попал сразу на небо.

– Есть хочешь? – спросил он меня.

– Нет.

– Пить?

– Не хочу.

– Ты получишь и то и другое, мы не будем тебя мучить, если будешь вести себя тихо и не попытаешься выбраться из веревок. Если не будешь слушаться, я прикажу убить тебя.

Лицо исчезло. Я получил свободу движений, ковер меня больше не стеснял, и я даже сел. Находился я в задней части длинной телеги, покрытой брезентом, рядом сидел слуга, а впереди – двое других. Одного из них я уже знал. Другой был кираджи, о котором говорил дервиш. Я разглядел шубу, которую они носят во все времена года, широкополую шляпу и кнут, человека же я не видел.

Я не мог поверить, что настоящий кираджи – старой, честной школы – мог быть пособником в преступлении, с другой стороны, в таком одеянии новоявленный кираджи явно ходить не станет. Надо было выждать.

Я снова откинулся назад и стал держать этого человека в поле зрения. Наконец он обернулся. Посмотрел на меня. Большие голубые глаза какое-то мгновение пристально меня рассматривали, потом он снова повернулся. Но пока он смотрел, брови у него поднялись, а левый глаз прищурился. Я тут же понял эти ужимки. Движение бровей показывало мне, что я должен быть внимательным, а прищур левым означал – левая половина повозки. Что же там такое? Я осмотрел то, что было слева от меня, и не нашел ничего, кроме веревки, прикрепленной за верхний край борта. Конец ее уходил под сено. Веревка была натянута. Значит, на конце ее что-то привязано!

Я притворился, что хочу повернуться, и немного передвинулся. Мои руки, связанные сзади, могли обшарить пространство под сеном. На конце веревки был нож! Я едва сдержал крик радости. Добрый кираджи приготовил его для меня и оказался достаточно прозорливым, чтобы не привязывать его слишком крепко. В одно мгновение с веревкой было покончено, и я закрепил нож в голенище сапога острием наружу. Медленно выгнувшись, я добрался руками до клинка, тот был остр как бритва, и четырех-пяти движений хватило, чтобы перерезать все веревки. О ногах я уже не говорю. Теперь я уже не был беззащитным пленником. Все мои движения остались незамеченными, ибо я лежал под слоем сена, высунув лишь голову. Заглянув через борт, я посмотрел, кто скачет возле повозки. Это был Али, дервиш. Можно было предположить, что с другой стороны находится второй охранник.

План созрел в голове мгновенно. Охранники наверняка были вооружены ружьями, так что схватки нужно было избежать. Я отодвинулся совсем назад, не вынимая рук из-под сена, и начал разбирать днище старой прогнившей колымаги. Через четверть часа была готова дыра, достаточная для того, чтобы я в нее пролез. Все это оказалось не таким простым делом, как может показаться читающему эти строки: старый ковер мешал мне несказанно, а стражник все время бросал настороженные взгляды. К счастью, звуки, издаваемые моим ножом при выковыривании досок, скрадывались стуком копыт, скрипом колес и самой телеги.

Я подождал, пока охранник взглянет на меня в очередной раз, и нырнул ногами вперед в дыру. Коснулся ногами земли. Теперь надо было позаботиться о лошади. Мы двигались по равнинной, малонаселенной местности, по обе стороны стоял лес. Слева скакал дервиш, справа – другой, как я и предполагал. Лошадь первого понравилась мне больше – она была мельче, но мощнее. Ее бег был не таким быстрым, но плавным и спокойным. Ах, если бы она могла выдержать двоих! Эта мысль меня захватила. Сначала я был пленником дервиша, теперь он будет моим!

Я зажал нож в зубах. Всадник не подозревал, что происходит у него за спиной. Он видел лишь кончики своих сапог. Сидел он плотно, потому что лошадь была оседлана по-турецки, но удар в шею заставил бы его нырнуть вперед и он потерял бы опору. Затем его можно было вышибить боковым ударом из седла.

Мне необходимо было самому хорошо закрепиться в седле, чтобы не вылететь при быстрой скачке.

Несколько прыжков – и я позади лошади. Изогнувшись, я прыгнул на круп за спиной

седока. Лошадь на несколько мгновений замерла от неожиданности. Удар в шею – и ноги всадника вылетели из стремян. Я схватил его за глотку, выдернул из седла и сам сел в него, но дервиша из рук не выпустил. Все произошло очень быстро, и вот конь снова несется вперед. Свободной рукой я потянул за повод, развернул – животное покорно повернулось и поскакало в обратную сторону. Дорога делала крутой изгиб. Прежде чем повернуть, я оглянулся. Телега спокойно катилась дальше – никто ничего не заметил. Это стало возможным потому, что колымага издавала чудовищные скрежет и грохот. Я представил себе физиономии этих мерзавцев, когда они заметят исчезновение их предводителя и пленника! Я, конечно, мог спрятаться и проследить за этим сладостным мигом, но экспериментировать больше мне не хотелось, впору было подумать о друзьях, которые, по-видимому, меня уже хватились. Поэтому я перекинул дервиша через седло и пустил лошадь в галоп.

Али Манах был так оглушен моим нападением, что не успел издать ни звука. Да он и не смог бы этого сделать, потому как я сильно сжал ему горло. Сейчас он лежал впереди меня, безжизненно свесившись с крупа лошади. Молодчага-лошадь бежала так резво, что я перестал опасаться погони. Да теперь я и не боялся ее, потому что у меня имелось ружье. Кроме того, у Али Манаха в сумках лежали два заряженных пистолета, которые я, естественно, присвоил.

Пока мы скакали, я обследовал карманы Али. Там я обнаружил мои часы и кошелек, в котором, судя по весу, денег заметно прибавилось. В седельных сумках имелась провизия. Значит, он приготовился к дальней поездке!

Лес кончился, и передо мной открылась равнина с полями кукурузы и плантациями роз. Оглянувшись, я заметил преследовавшего меня одинокого всадника. Скорее всего, это был тот, что скакал по другую сторону повозки. Наверное, они только сейчас заметили пропажу. Моя лошадь, хоть и несла двоих, скакала так же резво, как и его. Бояться мне было нечего.

Когда я выехал на оживленную улицу, в конце которой находился нужный мне дом, я чувствовал себя совсем уверенно. Вскоре преследователь стал притормаживать и вскоре исчез из виду.

Я остановил лошадь и снял с нее дервиша. Он дышал нормально, сердце билось ровно.

– Али Манах, не притворяйся! Я знаю, что ты жив и здоров! Открывай глаза!

Он наверняка уже понял, в каком положении оказался, и помышлял о бегстве. Глаза он все же не открыл.

– Хорошо. Если ты и умер, то меня это мало беспокоит. Только вот сейчас для проверки воткну этот ножик разок тебе в сердце!

Я вытащил нож. Едва я притронулся кончиком к его груди, он закричал от ужаса:

– Ай-вай! Стой! Ты что, хочешь меня зарезать?

– Живого я убиваю неохотно. Мертвому же нож не принесет ущерба. Если ты не почувствуешь этот клинок, то не убеждай меня в следующий раз, что ты жив!

До сих пор он лежал, распластавшись на земле, сейчас же мгновенно сел. Я спросил:

– Али Манах, скажи-ка мне, куда ты меня вез?

– Туда, где ты был бы в безопасности!

– Это весьма двусмысленный ответ. Кто должен был быть в безопасности и от кого? Я от вас или наоборот?

– Друг от друга.

– Объясни-ка.

– С тобой ничего бы не случилось, эфенди. Мы бы отвезли тебя в такое место, откуда ты бы не сбежал. Вот и все. Отцу нужно было выиграть время, чтобы бежать. Потом мы бы отпустили тебя, невзирая на выкуп.

– Это очень любезно с вашей стороны. А куда же все-таки вы меня собирались доставить?

– Там, в горах, есть караул.

– А, сторожевая башня! Ты думаешь, отец скорее бы убежал, пока я нахожусь в башне?

– Именно так, эфенди.

– Отчего же?

– От того, что ты наверняка знал, куда он направляется.

– Откуда мне это знать, я же не ясновидец!

– Твой хаджи рассказывал, что ты найдешь любой след.

– Мда. Но как бы я нашел в Эдирне след твоего отца?

– Не знаю.

– Ну ладно, Али Манах, теперь-то я могу тебе сказать, что след этот у меня есть. Твой отец с охранником из тюрьмы и Манахом эль-Баршой поехал от Арды на запад. У них две белые лошади и одна гнедая.

Было видно, как он испугался.

– Ты заблуждаешься, заблуждаешься! – быстро проговорил он.

– Нет, не заблуждаюсь. А скоро узнаю еще больше. Где записка, которую вы у меня забрали?

– Какая записка?

– Ты сам взял ее из кармана моей куртки. Надеюсь, она еще цела.

– Я ее выбросил. Там ничего такого не было.

– Нет, напротив, там было очень много любопытного. Давай-ка ее поищем. Показывай карманы!

Он поднялся, сделав вид, будто собирается вывернуть карманы, но едва я протянул руку, он отпрянул и прыгнул к лошади. Я это предвидел. Он еще не вдел ногу в стремя, как я схватил его и швырнул на землю.

– Лежи и не двигайся, иначе я всажу тебе пулю в голову! Твоя прыгучесть хороша, чтобы дурачить зевак в монастыре, но меня этим не проймешь!

На этот раз я беспрепятственно обследовал его карманы, но ничего не нашел. В сумках тоже ничего не было. Тут мне на глаза попался мой кошелек. В нем было несколько золотых монет, мне не принадлежавших, и... записка с тремя строчками на непонятном языке.

Теперь я был полностью удовлетворен. Времени для расшифровки письма у меня не было, поэтому я запрятал бумажку обратно и сказал:

– Я надеюсь, эти строчки содержат важную информацию? Ты, конечно же, знаешь, куда поехал отец?

– Я не знаю, эфенди.

– Не морочь мне голову!

– Он уже уехал к тому времени, когда я вчера прибыл в Эдирне.

– Но ты узнал, куда он поехал! Он едет в Искендерию, где его ждет Хамд эль-Амасат, его брат и твой дядя.

Говоря это, я внимательно следил за его лицом. По нему пробежала тень удовлетворения. Значит, не в Искендерию!

– Это возможно, – ответил он, – но я не знаю. Скажи, эфенди, что ты со мной сделаешь?

– А ты как думаешь?

– Ты меня отпустишь.

– И не мечтай. Ни пешком, ни на лошади.

– Но лошадь – моя собственность!

– А ты – моя, значит, и лошадь тоже моя.

– Ты свободен, я не причинил тебе ничего плохого!

– Ничего? Ты пойдешь со мной в Эдирне, в тот самый дом, где вы меня вчера подловили. Мне очень любопытно узнать, кто там живет. Кади, я думаю, будет меня сопровождать.

– Эфенди, не делай этого! Ты же христианин, а ваш Бог, Иса бен Мариам, говорит вам: «Возлюби врага своего!»

– Так ты относишь себя к моим врагам?

– Я не был твоим врагом, но ты стал моим. Я надеюсь, ты добрый христианин и прислушаешься к словам своего Бога!

– С удовольствием его послушаю!

– Но тогда почему ты меня не отпускаешь, эфенди?

– Именно по той причине, что я слушаю своего Бога. Я так люблю тебя, что просто не могу с тобой расстаться.

– Ты издеваешься надо мной! Я заплачу тебе выкуп!

– О, да ты богат!

– Я – нет, но мой отец – да.

– Он наградил и наворовал свои сокровища. Мне такое богатство не нужно.

– Я дам тебе другое. Ты вернешь свое.

– Мое? Разве ты взял мои деньги?

– Нет, но гонец едет в Стамбул за деньгами. Если ты меня отпустишь, их вернут сию же минуту!

– О, Али Манах бен Баруд эль-Амасат! Ты провертел в Стамбуле все свои мозги! Твой гонец не получит ни пиастра. Человека с таким именем не существует. И перс, которого твой посланник, возможно, найдет, никогда меня не знал.

– Эфенди, так ты нас обманул. Мы не получили бы денег?

– Увы.

– Тогда ты погиб бы!

– Да, я это знал. Но я погиб бы и в случае, если бы вы получили деньги! Однако я заранее знал, что освобожусь.

– И ты повезешь меня в Эдирне как арестованного?

– Только так.

– Тогда отдай мне мои деньги из своего кошелька!

– Зачем они тебе?

– Они мои. Они мне нужны. Мне нужно есть и пить в тюрьме.

– Тебе там дадут, что нужно. Деликатесов там нет. К тому же танцору не вредно и поголодать немного.

– Значит, ты меня обкрадываешь?

– Вовсе нет. Погляди на меня. Во время нападения вы порвали мне одежду, мне нужна новая. Но я не стану тратить на нее твои деньги. Я передам их кади. Зачем танцующему дервишу деньги? Я полагаю, все его сбережения должны принадлежать ордену!

– Я больше не танцую! В монастыре я был временно.

– Да уж, из деловых соображений. Но это меня не касается. Поднимайся. Давай руки! – И я вынул веревки, лежавшие до этого в его седельных сумках.

– Эфенди, что ты делаешь? – спросил он испуганно.

– Хочу привязать тебя к стремянам.

– Ты не имеешь права! Ты христианин, а я приверженец Пророка. Ты не хавас. Ты не имеешь права!

– Короче, если добровольно не дашь руки, получишь по голове, а потом я сделаю все сам. Это подействовало. Псевдодервиш оказался трусом. Я связал ему руки, притянул их к

стремнам и тронул лошадь.

– А что ты сделаешь с лошастью?

– Передам ее кади. Вперед!

Вот уж не думал, что буду возвращаться в Эдирне таким странным способом! Мы подошли к главной улице, ведущей к знаменитому караван-сараяу Мустафа-паши. Нам попадались навстречу люди. Они смотрели на нас с удивлением, но никто не сделал и попытки заговорить.

Чем ближе мы подходили к центру, тем оживленнее становилось на улицах. В первом же переулке я заметил двух хавасов. Коротко объяснив положение, я попросил их сопровождать меня, что они и сделали. Прежде всего нужно было ехать к Гуляму и успокоить друзей.

По одной из улиц среди прохожих я заметил мужчину, который, едва завидев Али Манаха, замер от ужаса, а потом, оправившись от первого страха, удалился быстрым шагом. Знал ли он моего пленника? Лучше всего было бы послать за ним полицейского и арестовать его. А если это невинный человек? По одному подозрению я не имел права это делать.

У дома Гуляма я постучал в ворота. Охранник глянул в окошко и вскрикнул от радости.

– Хамдулиллах! Это ты, эфенди!

– Я. Открывай, Малем!

– Сейчас, сейчас. Мы очень переживали за тебя, боялись, как бы с тобой что не случилось!

Слава Богу, ты жив!

– Где хаджи Халеф Омар?

– В селамлыке. Все там и горюют о твоём исчезновении.

– Так ты Кара бен Немей? – воскликнул один из хавасов.

– Да, это я.

– О, как здорово! Мы заработали три сотни пиастров!

– Какие еще пиастры?

– Нас ведь послали искать тебя. Нам сказали: найдете его, получите премию.

– Мда. Но ведь это я вас нашел! Ладно, не в этом дело. Пошли со мной.

Много же дали за мою находку! Я мог гордиться. Страж ворот удивился, увидев рядом дервиша, которого до сих пор скрывали закрытые ворота. Едва мы заехали во двор, как, перескакивая через ступеньки, ко мне ринулся Халеф.

– Аллах-иль-Аллах! Это ты, сиди?

– Да, я, милый мой. Дай мне вылезти из седла.

– Ты приехал верхом. Ты что, был за городом?

– Да, мне привалило несчастье, а потом – счастье.

Народу становилось все больше. Все тянули ко мне руки. Но среди криков радости раздался голос Ислы:

– Эфенди, что это? Кого это ты привел? Это же Али Манах, дервиш!

До сих пор никто не обращал на него внимания. Теперь все заметили, что он связан.

– Али Манах, сын беглеца? – спросил Гулям.

– Да. Теперь он мой пленник. Пошли, я расскажу, как было.

Мы прошли в селамлык и взяли с собой дервиша, но не успели сесть, как вошел кади. Он был удивлен и обрадован, увидев меня.

– Слава Аллаху, ты жив! Где же ты был?

– Садись, сейчас все узнаешь!

Пленник остался стоять в углу, рядом с ним пристроился Халеф.

Я стал рассказывать, часто прерываемый вопросами и возгласами. Единственный, кто сохранял молчание, был Халеф. Однажды он даже крикнул:

– Тихо! Надо не говорить, а действовать!

Кади бросил на него строгий взгляд, говоривший только одно: что означают твои слова?

– Надо срочно допросить этого Али Манаха и обыскать дом, где напали на сиду, и догнать повозку.

– Ты прав. Я сейчас же отправлю этого субчика в тюрьму и допрошу его там.

– А почему не здесь? – вмешался я. – Я готов хоть сейчас пуститься в погоню за его отцом, чтобы не терять драгоценного времени.

– Как ты хочешь, так и будет!

Он придал лицу официальное выражение и задал первый вопрос:

– Твое имя Али Манах бен Баруд эль-Амасат?

– Да, – ответил допрашиваемый.

– Значит, твоего отца зовут Баруд эль-Амасат?

– Да.

– Он тот самый человек, который бежал?

– Я об этом ничего не знаю!

– Пытаешься лгать? Я назначу тебе палок. Знаешь ли бывшего сборщика налогов Манаха эль-Баршу?

– Нет.

– Ты заманил этого господина в дом?

– Нет.

– Собака, ты лжешь! Эфенди сам нам об этом рассказал!

– Он ошибается.

– А не ты ли связал его и положил в повозку?

– Это неправда! Я ехал по дороге и догнал телегу. Поговорил с кираджи, хозяином повозки, тут меня ударили. Я потерял сознание, а когда очнулся, оказался уже пленником этого человека, которому ничего не сделал.

– Твой язык мелет чушь! Ладно, ложь не улучшит твоего положения. Мы знаем, что ты наср.

– Я не ведаю, о чем вы говорите!

– Не ты ли говорил об этом в монастыре танцующих дервишей?

– Никогда там не был!

Он намеревался спастись, отрицал все на свете. Кади это, похоже, надоело:

– Волей Аллаха ты получишь палки, если будешь продолжать в том же духе. Или ты тоже подданный инглисов, как и твой отец?

– У меня нет отца – подданного инглисов. Хочу заявить, что Баруд эль-Амасат, о котором вы говорите, вовсе не мой отец, а совершенно иной человек, незаконно присвоивший его имя.

– Кто же ты тогда, если не дервиш?

– Я рыбак и просто путешествую.

– Откуда?

– Из Инедже на побережье.

– И куда же направляешься?

– В Софию, навестить родственника. Я ни часа не был в Эдирне. Я прибыл сюда ночью и просто пересекал город. Позже встретил повозку.

– Ты не рыбак, а лжец. Можешь доказать, что живешь в Инедже?

– Пошли туда кого-нибудь и увидишь, что я говорю правду.

Такая наглость окончательно вывела кади из терпения. Он обратился к Исле:

– Исла бен Мафлей, ты видел этого человека в монастыре танцующих дервишей?

– Да, – ответил Исла, – видел. Я клянусь в этом бородами Пророка и моего отца!

– А ты, Кара бен Немей, эфенди, видел его в монастыре?

– Да. И даже разговаривал с ним.

– И ты утверждаешь, что он и есть дервиш?

– Он и есть. Он говорил мне это вчера вечером и даже сегодня. Он пытается спасти себя беспросветной ложью.

– Тем самым он себе делает хуже. Но как нам доказать ему, что он лжет?

Вот это был вопрос!

– Разве недостаточно того, что он отрицает наши показания?

– Так-то это так, но надо посылать в Инедже!

– Позволь вопрос.

– Говори!

– Ты видел записку, которую мы вчера нашли в конюшне?

– Да, эфенди.

– Ты бы ее узнал?

– Само собой.

– Это она? – Я вынул записку из кошелька и протянул кади.

Тот осмотрел ее и сказал:

– Это она. А почему ты спросил?

– Сейчас узнаешь. Хаджи Халеф Омар, ты знаешь мой кошелек?

– Так же хорошо, как и свой собственный, – ответил мальш.

– Это он?

– Он.

Теперь я знал, как поймать дервиша. Я спросил его:

– Али Манах, ответь мне, кому принадлежат золотые монеты, находящиеся в кошельке?

– Мне... то есть тебе, если кошелек твой, – ответил он.

Он было поддался на мою уловку, но вовремя раскусил меня.

– И ты не претендуешь на это золото?

– На что мне твое золото?

Кади тряхнул головой.

– Эфенди, – сказал он, – пока мы не поместим его в тюрьму, нам ничего не удастся. Сейчас я его туда отправлю.

– Но так долго ждать мы не можем. Давайте доставим его в дом, где я был этой ночью. Его обитатели подтвердят, что он тот самый, за кого мы его принимаем.

– Ты прав. Мы всех их захватим! Али Манах, в каком переулке находится этот дом?

– Я не знаю, – ответил арестованный. – Я никогда до сих пор не бывал в Эдирне!

– Его ложь уже становится непереносимой! Эфенди, ты сам найдешь этот дом?

– Конечно. Я его приметил.

– Тогда в путь. Я пошлю за хавасами, которые пойдут с нами и арестуют всех, кто там окажется. Но твой друг Гулям обещал триста пиастров. Эти двое нашли тебя. Они получают деньги, эфенди?

– Я сейчас им выдам.

Я достал кошелек; но Гулям остановил мою руку.

– Стой, эфенди. Ты гость в моем доме. Я сам оплачу.

Он уже собирался выдать деньги хавасам, стоящим с радостными лицами у дверей, как кади остановил его:

– Подожди. Я командую этими полицейскими в Эдирне. Скажи сам, эфенди, они тебя действительно нашли?

Мне не хотелось портить настроение хавасам, и я сказал:

– Да, они меня нашли.

– Я тебе верю, но скажи, нашли бы они тебя, если бы я их не послал на поиски?

– Хм. Тогда бы они явно меня не нашли.

– Так кому ты обязан тем, что тебя обнаружили?

Я был вынужден признать его логику.

– Тебе, ясное дело.

Он кивнул и продолжил:

– Так кому принадлежат эти триста пиастров?

– Одному тебе.

– Пусть Гулям даст их мне.

Он взял деньги и спрятал их. У полицейских вытянулись лица. Я попытался незаметно подойти к ним и передать им по золотой монете из кошелька. Мне это удалось. Таким образом, деньги Али Манаха нашли должное применение.

Послали за полицейскими, которые вскоре явились. Прежде чем мы тронулись в путь, кади кивнул мне, чтобы я отошел в сторону. Я с любопытством ждал, что он мне скажет.

– Эфенди, ты уверен, что он дервиш из Стамбула?

– Да.

– Он был в момент, когда тебя схватили?

– Да. Он определял размер выкупа, который я должен был внести.

– И он забрал вещи из твоих карманов?

– Именно он.

– И твой кошелек?

– И кошелек.

Теперь я начал понимать, что он задумал. Я упомянул, когда рассказывал о моих похождениях, что нашел в кошельке больше денег, чем было там до того. За это он и зацепился. Он хотел конфисковать их! Он интересовался дружеским тоном и дальше:

– Сегодня кошелек лежал в его сумке?

– Да, я изъясил его.

– И там было больше денег, чем раньше?

– Там были золотые монеты.

– Так что ты показываешь, что они тебе не принадлежат!

– А кому тогда?

– Ему, конечно, эфенди!

– Но почему он положил свои деньги в мой кошелек?

– Потому что твой ему больше понравился. Но никто не должен обладать тем, что ему не принадлежит.

– Ты прав. Но что, ты думаешь, что у меня есть нечто, что мне не принадлежит?

– Да, есть. Золотые монеты, которые он туда положил.

– Валлахи! Разве ты не от меня услышал, что он лжет, говоря, что положил золото в мой кошелек!

– Но это ложь!

– Надо еще доказать. Я ничего не знаю про деньги.

– Ты же сам сказал, что до этого в кошельке ничего не было.

– Это так. Никто не знает, как золото туда попало, сейчас оно там – значит, это моя собственность.

– Этого я не могу допустить. Власти должны забрать все, чтобы затем вернуть истинному

владельцу.

– Но тогда скажи мне, кому принадлежит вода, которая шла всю ночь в твоём дворе в виде дождя?

– К чему такой вопрос?

– Власти заберут и воду, чтобы вернуть владельцу? Ночью в моём кошельке пошел дождь. Вода моя, ибо единственный, кому она могла принадлежать, от нее отказался.

– Как я слышал, ты франк и не знаешь законов этой страны.

– Может быть, поэтому я следую собственным законам. Кади! Деньги мои, ты их не получишь!

Сказав это, я отвернулся от него, и он не сделал попытки мне возразить. Мне не нужны были эти деньги, но оставив их себе, я извлек бы большую пользу, нежели если бы они провалились в бездонную суму чиновника.

Мы тронулись в путь. Хавасы получили приказ следовать на отдалении, чтобы привлекать поменьше внимания.

Мы пришли на тот самый угол, где вчера вечером встретились с бежавшим человеком. Гулям тоже вспомнил это место. Отсюда вести должен был я. Найти дом было делом несложным. Дверь оказалась заперта. Мы постучали. Нам никто не открыл.

– Они испугались, – сказал кади. – Они нас заметили и попрятались.

– Не думаю, – возразил я. – Один из этих людей встретился мне, когда я шел с Али Манахом. Он видел, что дервиш арестован и дело провалилось. И он предупредил остальных.

– Тогда ворвемся силой!

Вокруг стали собираться прохожие. Кади приказал хавасам рассеять толпу. Затем дверь попросту выломали. Я признал длинный коридор. Полицейские обшарили все помещения – никого. Все говорило о том, что обитатели дома спешно спасались бегством.

Я искал место, где лежал связанный. Вернувшись во двор, услышал, как кади затеял новый разговор с Али Манахом. Он поначалу боялся, что в доме кто-то окажется, но страх исчез вместе с теми, кому удалось улизнуть. Мне пришлось все повторить – показать место, где он сидел рядом со мной и куда они тащили меня связанного.

– Ты не признаешь этот дом? – спросил его кади.

– Нет.

– Ты здесь никогда не был?

– Никогда в жизни!

Тогда чиновник повернулся ко мне:

– Не может же парень так врать! Я начинаю думать, что ты ошибаешься.

– Но тогда ошибается и Исла, видевший его в Стамбуле!

– А разве такое не случается? Многие люди весьма похожи. Этот рыбак из Инедже может оказаться невиновным.

– Давай отойдем в сторонку, кади.

– Зачем?

– Мне надо тебе кое-что сказать, что не предназначено для посторонних ушей.

Он пожал плечами и сказал:

– От этих людей у меня нет секретов!

– Ты хочешь, чтобы они слышали слова, которые будут малоприятны для твоего слуха?

Он приосанился и произнес строгим тоном:

– Ты не осмелишься сказать ничего такого, что бы я не хотел услышать! Но я пойду тебе навстречу и выслушаю тебя. Отойдем.

Он сделал несколько шагов в сторону. Я последовал за ним.

– Отчего ты сменил свое отношение к этому делу, кади? Как ты можешь думать о невинности этого человека, в вине которого ты до этого не сомневался?

– Я убедился в том, что ты заблуждаешься.

– Нет, – возразил я. – Это не я заблуждаюсь, а ты, кади!

– В чем же? В том, что он рыбак?

– Нет, во мне. Тебе очень хотелось завладеть содержимым кошелька. Это не удалось, и теперь преступник оказался невинным.

– Эфенди!

– Кади!

Он соорудил гневную мину и сказал:

– А ведь я могу тебя арестовать за твои слова!

– Оставь свои потуги. Я гость этой страны и лично ее правителя. У тебя нет власти надо мной. Я утверждаю: Али Манах признается во всем, едва ты назначишь ему палки. Я не хочу давать тебе указания, но дома в Германистане расскажу, что подданные султана образцово выполняют свои обязанности.

– Як таковым тоже отношусь и докажу это!

Он вернулся к остальным и спросил арестованного:

– Ты знаешь такого Доксати?

Али Манах побледнел и ответил заплетающимся языком:

– Нет, я никогда не был в Эдирне.

– И он тебя не знает?

– Нет, он же меня никогда не видел.

– Он лжет, – вмешался я. – Докажи ему это, кади. Я настаиваю, чтобы сделать очную ставку, для того... Стой! Назад!

Совершенно случайно, произнося последнюю фразу, я поднял глаза. Мы находились во дворе, со всех сторон окруженном домами. Там, куда я посмотрел, имелся балкон с деревянными решетками, между ними были просунуты и уставлены на нас два ствола: один смотрел прямо на меня, а второй на арестованного, как мне показалось. Я бросился в сторону и затем к входу, ища там укрытия. В тот же момент раздались два выстрела. Раздался громкий крик.

– Аллах-иль-Аллах! На помощь!

Крикнул один из хавасов, упавший на землю, сразу же окрасившуюся в алый цвет.

Одна из пуль явно предназначалась мне. Еще миг, и я был бы убит. Штуцер уже разряжался, когда я отпрыгнул, и стрелявший перевел ствол на хаваса, стоявшего рядом. Пуля угодила ему в голову.

Вторая же пуля достигла цели – Али Манах распростерся мертвый.

Через мгновение я был уже на деревянной лестнице, ведущей к балкону. Действовал я по мгновенному импульсу. Следом за мной неся Халеф. Коридорчик поворачивал к балкону. Запах пороха еще держался в воздухе, но никого не было. Мы обследовали комнатухи, больше напоминавшие тюремные камеры. Непонятно, куда могли испариться двое людей! Их явно было двое, ведь я четко видел блеск двух стволов!

Тут я услышал быстрые шаги в другой части здания. Двое. В дощатой стене имелись дыры от сучков. Я глянул в одно из отверстий. Так и есть! Через соседний двор бежали двое мужчин, у каждого в руках было длинное турецкое ружье.

Я высунулся сверху во двор и крикнул:

– Скорее в переулок, кади! Убийцы убежали через соседний дом.

– Этого не может быть!

– Я их видел, скорее!

Он повернулся к своим людям:

– Поглядите, прав ли он!

Двое удалились неспешными шагами. Впрочем, мне было уже безразлично, поймают их или нет. Я спустился во дворик. Кади спросил меня:

– Эфенди, ты хаким?

Любой восточный человек видит в каждом франке врача или садовника. Мудрый кади не являлся исключением.

– Да, – ответил я, чтобы он отвязался.

– Тогда посмотрим, мертвы ли эти двое.

С Али Манахом все было ясно: пуля пробила ему голову. Полицейский же был еще жив, выстрел пришелся по касательной в лоб, но надежды было мало.

– Отец! Отец! – причитал второй хавас, склонившись над телом.

– Что ты причитаешь, – сказал кади. – Такова его участь. В Книге сказано, что так оно и должно быть. Аллах знает, что делает!

Тут вернулись двое, посланные в погоню.

– Ну что, эфенди был прав? – спросил кади.

– Да.

– Вы видели убийц?

– Да, видели.

– А почему не схватили?

– Они были уже далеко.

– Почему же вы не пустились в погоню?

– Мы не могли. Ты же нам не приказал. Ты приказал посмотреть, прав ли этот эфенди.

– Ленивые собаки! Бегите тотчас за ними, ловите их!

Теперь они помчались как одержимые. Я подумал, что, едва исчезнув из поля видимости, они сразу же сократят свою прыть.

– Аллах акбар! – бормотал Халеф. – Эти собаки хотели тебя застрелить, сиди.

– Пусть бегут, Халеф.

– А если бы пуля задела тебя?

– Тогда бы они от тебя не ушли!

Кади занялся трупом дервиша. Потом обратился ко мне с вопросом:

– Как ты думаешь, эфенди, почему они его застрелили?

– Потому что думали, что он их предал или мог предать. Ведь характер у него слабый, мы бы рано или поздно все узнали.

– Он получил по заслугам. Но зачем они стреляли в другого?

– Пуля предназначалась не ему, а мне. Но я успел отскочить.

– Они хотели отомстить тебе?

– Наверняка. Что будем делать с трупом?

– Меня это не тревожит. Я прикажу закопать его, он получил свое сполна. Его лошадь стоит у Гуляма. Я прикажу ее забрать.

– А отец? Он ведь избежал наказания.

– Хочешь преследовать его, эфенди?

– Естественно!

– Когда же?

– Мы тебе больше не нужны?

– Нет. Можешь ехать.

- Тогда мы часа через два отправимся.
- Аллах поможет вам в поимке негодяя!
- Аллах-то поможет, но я не отказываюсь и от твоей помощи.
- Что ты подразумеваешь под этим?
- Ты ведь обещал мне ордер на арест и шестерых хавасов в помощь?
- Да, они должны ждать у ворот Гуляма. Тебе нужны все шестеро?
- Нет, трех будет достаточно.
- Через два часа они у тебя будут. А ты сдержишь слово, что дал мне?
- Сдержу так же, как ты свое.
- Тогда иди с миром. Да доведет тебя Аллах в добром здравии до родины твоих отцов!

Он ушел. С того момента, как я отказался отдать ему деньги, он полностью переменялся. Что делает с людьми жажда наживы! Его подчиненные исчезли. Только сын причитал над телом отца, который доживал последние минуты. Я вынул кошелек, отсчитал деньги Али Манаха и отдал их хавасу. Он бросил на меня удивленный взгляд и спросил:

- Ты даешь это мне, эфенди?
- Да, это твое. Похорони на них отца. Но не говори ничего кади!
- Господин, твоя доброта пролилась бальзамом на мои раны. Твоих денег хватит на памятник, чтобы все посетители кладбища видели, что здесь похоронен верный сын Пророка...

Так я, христианин, помог мертвому мусульманину с памятником. Уж лучше так, чем в карман кади...

Мы устроили военный совет. Гулям размышлял о том, что за люди орудовали в доме, где нашел свою смерть дервиш. Он высказал соображение, что они могут быть связаны с насрами в Константинополе. Это не было лишено оснований; я же причислил их к тем, про кого жители полуострова говорят: «Они ушли в горы».

Теперь у меня было время заняться запиской, которую я так пока не расшифровал.

- Ты можешь прочитать строчки, эфенди? – спросил Исла.

Я приложил все усилия, но вынужден был отступить. Записка переходила из рук в руки, все напрасно. Некоторые буквы были написаны отчетливо, но они образовывали слова чуждые и непонятные всем нам. И тут самым умным из нас оказался Халеф.

- Эфенди, – спросил он, – от кого эта записка?
- Видимо, от Хамда эль-Амасата.
- Значит, у этого человека есть причина держать написанное в секрете. Ты не допускаешь, что это тайнопись?

– Может, ты и прав. Он допускал, что она попадет в чужие руки. Это не тайнопись, но соподчинение букв необычно. «Са ила ни» – это я не понимаю. «Аль» – слово; «нах» – слово не восточное, но если наоборот, то «хан».

– А может, все написано наоборот? – предположил Гулям. – Ты прочитал «ила». А если «али»?

– Правильно! Это имя и к тому же сербское слово, означающее «но». «Ни» означает «ин» – по-румынски «очень».

- Прочти сначала все три строчки слева направо! – сказал Исла.

Я так и сделал, но стоило больших трудов заново сгруппировать буквы, чтобы возникли связные слова.

Получилась фраза: «Ин припе бесте ла каранорман хан али са панаир менеликде». Это была смесь румынского, сербского и турецкого, означающая: «Очень быстро сообщение в Каранорман-хан, но после ярмарки в Менелике».

- Это правильный ответ! – закричал Гулям. – Через несколько дней – ярмарка в Менелике.

– А Каранорман-хан? Что это такое? – недоумевал я. Никто не знал. В корне слова имелось понятие «лес».

Но где такая местность?

– Не будем сейчас напрягаться, – решил я. – Главное, что сообщение должно быть передано после ярмарки в Менелике в Каранорман-хан. Значит, получатель письма должен побывать на ярмарке. А на Менелик ведет путь, по которому проехали вчера трое всадников. Разве не так?

– Ты прав, эфенди, – сказал Гулям. – Этот Баруд эльАмасат едет в Менелик. Там мы и встретимся.

– Так не будем терять времени. Но одновременно надо послать гонца в Искендерию к Анри Галэнгре и предупредить его об опасности.

– Я позабочусь об этом. Поешьте перед отъездом. Когда еще я смогу позаботиться о вас!

Нас было четверо, Оско, Омар, Халеф и я, остальные оставались здесь.

– Эфенди, – спросил Исла, – на сколько мы расстаемся?

– Я не знаю. Если мы быстро поймем его, я вернусь скоро, чтобы доставить его в Эдирне, а если это затянется, может, и не свидимся больше.

– Аллаху это неуютно. Но ты обязательно вернешься в Стамбул, даже если сначала уедешь на родину. Ну уж Халефа-то своего пришлешь нам?

– Я поеду туда, куда пойдет мой эфенди! – заявил Халеф. – И пути наши разойдутся, только когда он меня прогонит!

Вошли трое хавасов, присланные кади. При виде их я расхохотался. Они восседали на лошаденках, каждая из которых не стоила и сотни пиастров, были до зубов увешаны оружием, но при этом вид имели самый что ни на есть домашний.

Один из них спешил, изучающе осмотрел меня и поинтересовался:

– Эфенди, это ты Кара бен Немей?

– Да, это я.

– Я получил приказ перейти в твое распоряжение. Меня зовут Хавас-баши.

Это был командир.

– Ордер на арест при тебе?

– Да, эфенди.

– Скакать вы умеете?

– Мы скачем как черти. Ты не утонишься за нами.

– Это меня радует. Кади назначил вам плату?

– Да, ежедневно десять пиастров каждому. Вот письмо. Да, так и было написано. Но прежний уговор был иным!

Я бы мог отослать ему обратно этих бравых полицейских, но не вечно же они будут с нами... Хавас-баши сидел на лошади, как летучая мышь на балке под крышей, те двое – не менее грациозно.

– Знаете, в чем цель нашей экспедиции?

– Конечно, – ответил их начальник. – Мы должны поймать троих парней, которых вы не смогли ухватить здесь, и доставить всех вас вместе в Эдирне.

Таким вот образом изъяснялся этот человек. Халеф был чрезвычайно зол и предлагал отправить этих молодцов обратно.

Настало время расставания. Оно прошло в обычной восточной манере, но искренне. Мы не знали, увидимся ли вновь, и поэтому на всем лежала печать неведения – конечно, не последнее «прости» на всю жизнь, но и не поверхностное «до свиданья» на короткое время. Я оставлял дорогих друзей; но главный друг, Халеф, был снова со мной.

Сначала я думал уехать из Эдирне в направлении Филибе, но вышло иначе – мы скакали

вверх по долине Арды, навстречу новым опасностям.

notes

Великая и прекрасная нация (*англ.*).

Тысяча чертей! (англ.)

Черт побери! (англ.)

Ужас! (англ.)

О небо! (англ.)

Джехенна – ад (*араб*).

Эйалат – зд.: генерал-губернаторство (*фарси*).

Корраль – загон (*исп.*).

Отпусти! (курд.)

На самом деле титул «мирза» ставился не только после имен лиц из шахской династии, но и употреблялся перед именем любого грамотного человека.

Санджак – небольшая провинция Османской империи в XIX – начале XX века (*тур.*).

Блумхен-кофе – очень жидкий кофе, буквально «цветочный кофе» (*нем.*).

Кела – шапка из меха ягненка. *(Примеч. авт.)*

Автор использует игру слов: Vater – отец, Vetter – кузен, двоюродный брат (*нем.*).

Вади – русло временного водостока, большую часть года остающееся сухим (*араб.*).

Талѐб (талиб) – ученый (*фарси*).

Клянусь Аллахом!.. (араб.)

Книга – Коран.

Эль-бюдж – бородач (*араб.*).

Ри – ветер (*араб.*); одно из «тайных слов», которыми наездник араб отдает приказы своему породистому скакуну.

Фата-моргана – мираж.

Дамешек – водообильная (*древнеевр.*).

Ру'и кальян – пещерный дух (курд.); см. подробнее в романе «По дикому Курдистану».

Что за чудо! (фр.)

Селамлык – помещение для гостей (тур.).

Демир иплик – «железная нить», проволока (*тур.*).

Сонатдар – пианист (тур.).

Дженнет – рай (*араб.*).

Арнауты – албанцы (*тур.*).

Вы действительно немка? *(англ.)*

Моя родина – немецкая Австрия (*англ.*).

А как называется ваш родной город? (фр.)

Он называется Прессниц и расположен в Северной Богемии (*фр.*).

Хавас – полицейский (тур.).

Речь идет о римском те трархии Авилинее, расположенном в Антиливане, к северо-востоку от Дамаска. Согласно местной легенде, именно здесь был похоронен убитый Каином Авель.

Драгоман – переводчик с восточных языков (фр.).

Точнее Тарабулу, или Тарабулус-эш-Шам.

Рустер – австрийское марочное выдержанное вино типа белого рислинга.

Эта история рассказана во второй главе романа «Через пустыню».

Кади – судья в мусульманской общине, принимавший решения в соответствии с Кораном и мусульманским правом (шариатом).

Ищу жильца (*тур.*). Далее автор употребляет это слово и в другом значении – «возчик».

Миралай – полковник (тур.).

Хох-дойч – верхненемецкий диалект.

Уэлада меразита – маленькое племя на юге Туниса.

Насир-агаси – адъютант (*тур.*).

Кади аскери – военный судья провинции (*тур.*).

Макредж – судья (тур.).

Кыркларели находится в полусотне километров восточнее Эдирне.

Зиндан – тюрма (*араб.*).

Пар – мелкая турецкая монета.

Эльчи – посол, посланник (*тур.*).

Шакиншах – «царь царей» (*фарси*), титул иранского шаха.

Штиптары – самоназвание албанцев.